

Ольга Михайлова

Ограничительный компонент в семантике русского слова

Ольга Михайлова

**Ограничительный компонент в
семантике русского слова**

теория лексического значения

Palmarium Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

Palmarium Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

OmniScriptum GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@palmarium-publishing.ru

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-98970-4

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2014 OmniScriptum GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2014

Содержание

Введение	3
Глава 1. Ограничительные фрагменты толкования как манифестаторы лимитирующих сем	9
Глава 2. Лимитирующие семы в контексте семемы: системно- семасиологическая интерпретация	45
2.1. Предварительные замечания	45
2.2. Лимитирующие семы в их связи с мыслительными категориями.....	48
2.3. Лимитирующие семы на фоне современных теорий значения	64
2. 4. Типология лимитирующих сем.....	96
2.4.1. Специализированные лимитирующие семы	103
2.4.2. Альтернативные лимитирующие семы	105
2.4.3. Вероятностные лимитирующие семы	109
Глава 3. Лимитирующая семантика и вещный мир: ономасиологическая и лингвокультурологическая интерпретация	115
3.1. Предварительные замечания	115
3.2. Система лимитирующих сем как отражение национального восприятия вещного мира	121
3.2.1. Денотативно-конкретизирующие семы в семемах глаголов	125
3.2.2. Ситуативно-конкретизирующие ЛС в семемах глаголов	187
3.2.3. Лимитирующие семы в семемах прилагательных	199
3.2.4. Лимитирующие семы в семемах существительных	236
Глава 4. Лимитирующие семы в проекции на синтаксический уровень языка: когнитивная интерпретация	265
4.1. Предварительные замечания	265
4.2. Лимитирующие семы как отражение элементов структуры знания: типология и реализация	274
4.3. Глагольные предикаты с лимитирующей семой субъекта и пропозициональные структуры: опыт анализа	286
4.3.1. Пропозиции с предикатами состояния и референтным ограничителем – неодушевленным субъектом	290
4.3.2. Пропозиции с предикатами возникновения предмета / исчезновения предмета и референтным ограничителем – неодушевленным субъектом ..	297
4.3.3. Пропозиция с предикатами субъектного перемещения и референтным ограничителем – неодушевленным субъектом.....	303
4.3.4. Пропозиция с предикатами перемещения объекта и референтным ограничителем – неодушевленным субъектом.....	320
4.3.5. Пропозиция с предикатами воздействия на объект и референтным	

ограничителем – неодушевленным субъектом.....	325
4.3.6. Пропозиции 'интеллектуальная деятельность субъекта' и 'эмоциональное состояние субъекта' с референтным ограничителем – неодушевленным субъектом	332
Заключение.....	344
Список литературы.....	347

Введение

Современная лингвистическая наука характеризуется большим разнообразием мнений и теорий при истолковании одних и тех же языковых фактов. Изучение языка всегда производится под определенным углом зрения, и не может быть лингвистического исследования, осуществленного вне того или иного подхода.

Долгое время в языкознании господствующим был лингвоцентрический, или системоцентрический, подход, наиболее успешно отвечающий идее имманентной лингвистики изучать язык «внутри себя и для себя». Сегодня современные лингвистические теории смещены в антропологическую сферу, и можно с полным основанием констатировать наличие антропоцентрического подхода, предусматривающего необходимость включения человека, личности в орбиту интересов языкознания и изучения языка «в тесной связи с человеком, с его сознанием, духовно-практической деятельностью» [Постовалова 1988: 8].

Принцип антропоцентризма языка был заявлен и обоснован В. фон Гумбольдтом, утверждавшим, что язык следует рассматривать как непосредственно заложенный в человеке [Гумбольдт 1984: 313]. Главное положение, которое служит отличительной чертой антропоцентрического направления, Ю. С. Степанов во вводной статье к трудам Э. Бенвениста сформулировал так: «...язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; и в соответствии с ним язык и должен изучаться» [Степанов 1974: 15].

Вместе с тем принцип антропоцентризма утверждается и как способ изучения языка, его единиц и категорий (Н. Н. Болдырев, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, В. В. Морковкин, В. И. Постовалова и др.). В таком осуществлении антропоцентризм предстает как методология, согласно которой язык рассматривается в качестве благопри-

обретенной принадлежности сознания человека и описывается с учетом его присущности человеку. Антропоцентрический подход к описанию языка прослеживается в исследованиях, посвященных проблемам функционирования языковых единиц (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Ю. Н. Караулов, Г. Е. Крейдлин, Л. П. Крысин, Н. А.akupina, А. Б. Пеньковский, И. А. Стернин, М. Ю. Федосюк, А. Д. Шмелев и др.), тогда как системно-структурная организация лексики исследуется в рамках лингвоцентрического подхода (Л. М. Васильев, В. Г. Гак, Р. М. Гайсина, В. А. Звегинцев, Т. А. Кильдибекова, Н. Г. Комлев, Э. В. Кузнецова, М. Н. Никитин, Л. А. Новиков, А. И. Смирницкий, Ж. П. Соколовская, В. М. Солнцев, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев и др.). Совмещение двух названных подходов при изучении вопросов семантики русской лексики обуславливает актуальность нашей работы.

В семасиологии представлено множество разнообразных концепций структуры лексического значения и исследований семантики слова по конфигурации семного состава. Как справедливо заметила А. А. Уфимцева, “разнообразие работ в этом ряду так велико, что нет никакой возможности хотя бы приближенно перечислить их. При общности применяемого их авторами, казалось бы, одного и того же исследовательского приема – анализа смыслового содержания слова по компонентам – различие в понимании самого объекта (слова и его значения), материала и целей исследования обусловило бесконечные вариации работ в этом направлении” [Уфимцева 1986: 28] в макромир – к тексту, либо в микромир – к отдельным компонентам значения слова.

Теоретические проблемы семасиологии и лексикологии тесно увязываются с современной теорией лексикографии, которая также провозгласила принципы антропоморфного способа организации материала и увеличения семантической емкости толкования значения

(А. С. Герд, Т. А. Корованенко, Н. З. Котелова, Г. Н. Складневская, Ф. П. Сороколетов). Вследствие этого существует необходимость в анализе таких аспектов семантики, которые до сих пор по разным причинам оставались в тени. К их числу относится проблема ограничительного компонента в семантике лексической единицы, представленного определенной моделью лексикографической интерпретации. Решение этой проблемы путем целостного семантико-лексикографического анализа также определяет значимость нашего исследования.

Для создания относительно полной теории значения необходимо учитывать не только онтологические, но и номинативно-функциональные и коммуникативно-функциональные основания. Такой подход к значению провозглашает когнитивная семантика. В центре внимания представителей этого направления находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, вербализующая знания как форму информации о мире. Знания «упаковываются» в структуру и отражаются в значениях языковых единиц, поэтому в области семантики разрабатываются разные варианты ее когнитивных версий – прототипическая семантика, концептуальная семантика, фреймовая семантика [см.: Беляевская 1994; Ван Дейк 1989; Вежбицкая 1996; Демьянков 1992; 1994; Кубрякова 1992; 1994; Минский 1979; Рябцева 1991; Филлмор 1988 и др.]. Новое моделирование значения привело к необходимости при исследовании лексической семантики подключать категории когнитологии, такие как структура знания, способы его упаковки и др. Ограничительный компонент значения слова, наделенный способностью указывать на окружающую действительность, также «встраивается» в структуры знания о мире – прототипы, фреймы, – поэтому актуальным и значимым является когнитивная интерпретация данного компонента.

В современной лингвистике получила бурное развитие идея систематической и национально своеобразной организации семантических фактов. Введенное в лингвистический обиход понятие наивной картины мира [см., например: Апресян 1995; Арутюнова 1987; Гачев 1988; Ковалев 1993; Колшанский 1990; Постовалова 1988; Топоров 1988; Уфимцева 1988; Цивьян 1990; Яковлева 1994] даст семантике новую интересную возможность связывать языковые значения с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной картины мира, как она представлена в данном языке. В попытке реконструировать национальную картину мира на основе описания содержания ограничительных компонентов мы также видим актуальность нашего исследования.

Язык есть важнейшее средство не только общения и выражения мысли, но также и аккумуляции знаний культуры. Он фиксирует фрагменты человеческого бытия и отражает происходящие в обществе социальные, экономические и культурные изменения, он выступает как средство накопления, хранения, передачи добытых этим обществом знаний. Язык составляет значительную часть культуры народа и, наряду с нравами и обычаями, является культурным наследием той или иной нации. «Будучи одним из признаков нации, ее «социального взаимодействия», язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры» [Воробьев 1997: 12]. Признание этого факта явилось мощным импульсом для лингвокультурологических исследований (Т. В. Булыгина, В. В. Воробьев, В. Е. Гольдин, М. А. Дмитриовская, О. П. Ермакова, В. Г. Костомаров, Г. Е. Крейдлин, Л. П. Крысин, Н. А.akupina, Л. Н. Мурзин, С. Е. Никитина, А. Б. Пеньковский, О. Б. Сиротинина, З. К. Тарланов, М. Ю. Федосюк, А. Д. Шмелев). Объектом таких исследований являются тексты (в широком понимании), так как текст –

«важнейшая единица культуры» [Мурзин 1996: 10]. Поскольку накопление и сохранение информации, в том числе и культурной, происходит в словаре, нам представляется актуальным лингвокультурологическое исследование зафиксированной в толковом словаре русской лексики и, в частности, ограничительного компонента семантики слова как результата отражения особенностей культуры народа.

Таким образом, в процессе исследования мы стремились к соединению семасиологии с лингвокультурологией и с когнитивными теориями фреймов и гештальт-структур, совмещая при этом лингвоцентрический и антропоцентрический подходы. Синтез исследовательских направлений открывает перспективы расширения границ традиционной семасиологии, а решение проблемы семантического ограничения, полное монографическое описание ограничительного компонента могут стать обоснованием лексикографической деятельности в новом направлении.

В работе выдвинута следующая гипотеза: ограничительный фрагмент словарного толкования манифестирует лимитирующий компонент семемы, отражающий детерминированное особенностями национального мировосприятия типовое представление о денотате или ситуации и обуславливающий особенности реализации связанных с ним семантико-синтаксических позиций.

Материалом для исследования послужили словарные дефиниции всех знаменательных частей речи, содержащие ограничительные фрагменты толкования, которые были извлечены методом сплошной выборки, по возможности исчерпывающе, из толковых словарей русского языка – свыше 10 тыс. единиц; а также высказывания, включающие предикаты с лимитирующими семемами, – около 9 тыс. фраз.

Комплексное изучение ограничительного компонента семантики основано на методах описательного лингвистического анализа. Ав-

тор исходит из двух основных методологических положений: об отражательной природе значения и о национально-культурной обусловленности языка.

Научная новизна исследования определяется в первую очередь тем, что предложена концепция ограничительной семантики в значении слова: выделен денотативно-ограничительный компонент в структуре лексического значения; определена онтологическая природа этого компонента и его составляющих – лимитирующих сем; предложена многоаспектная типология лимитирующих сем; выявлены лингвокультурологические основания системной организации лимитирующих сем; установлена связь между типами лимитирующих сем и семантико-синтаксическими позициями пропозициональной структуры; прослежены тенденции в реализации этих позиций в поверхностной структуре высказывания.

Глава 1. Ограничительные фрагменты толкования как манифестаторы лимитирующих сем

Язык испытывает множество разнообразных ограничений: экстралингвистических и собственно языковых – ограничения системой и ограничения нормой. Ограничения появляются в языке в тех случаях, когда есть тот или иной выбор: выбор вариаций и вариантов в пределах заданного инварианта, выбор единиц языка из некоторой парадигмы, выбор, в конце концов, самой парадигмы из языковой системы. Процесс выбора является многоступенчатым, и на всех ступенях выбора действуют определенные ограничения. Соблюдение всех видов ограничений в речевой коммуникации является непреложным требованием правильной речи. Нарушение их приводит к затруднению общения и даже к разрыву коммуникации. Как пишет Л. Н. Мурзин, «системные ограничения более сильные, они в основном связаны с репрезентативной функцией языка, так как система призвана разграничивать значимости и значения, выражаемые единицами. Нарушения системных отношений между единицами в процессе коммуникации приводит к серьезным дефектам общения. Игнорирование ограничений, накладываемых нормой на свободу языка, также приводит к дефектам общения, но принципиально по-другому: если результатом нарушения системы является непонимание и разрыв коммуникации, то результатом нарушения нормы – только затруднение общения, так как внимание реципиента переключается с содержания речи на ее форму...» [Мурзин 1997: 129–130].

В лингвистической литературе термин «ограничители» (*hedges* – буквально «ограды») использует Г. Лакофф [Lakoff 1975]. К ограничителям он относит слова типа *регулярный, настоящий, очень, в формальном смысле* и под., то есть это разного рода добавле-

ния к смысловой структуре предложения, которые «относятся к степени истинности, а также выделяют или подавляют различные измерения истинности», другими словами, «ограничители» указывают на степень принадлежности к классу. Л. Заде выделяет «степенные» ограничители: *довольно, во многих отношениях, немного, слегка* [Zadeh 1972]. Для названных ученых ограничители – синтаксический показатель истинности суждений, не связанный с системным значением конкретного слова.

Вместе с тем об ограничениях говорится и в лексической семантике. Так, об ограничительном компоненте применительно к значению слова пишет Н. Ю. Шведова: «Семантические связи выделяются посредством ограничивающего элемента толкования (ср. *алеть* – ‘об алом: виднеться’; *гнедой* – ‘о масти лошадей’), ограничивающими указаниями типа о ком (чем)...)» [Шведова 1988: 8]. Ю. Д. Апресян уделяет большое место сочетаемостным ограничениям в интегральной концепции описания значения [Апресян 1986а; 1995], при этом сочетаемостные ограничения, понимаемые автором предельно широко, специфицируют различные свойства лексической единицы и, как следствие, могут быть разных типов. Выделенные в концепции исследователя типы сочетаемостных ограничений повторяют типы информации, соответствующие семиотически значимым аспектам языкового знака.

В работах других лексикологов и лексикографов сочетаемостные ограничения понимаются более узко и термин *ограничения* используется применительно к показателям грамматической и лексической валентности. Ограничения синтаксической и лексической сочетаемости попадали в поле зрения лингвистов, исследовавших семантические классы слов [см. библиографию в кн.: Классы слов... 1979: 145–152; Михайлова 1985; а также: Классы слов... 1988]. При изучении единиц какой-либо семантической груп-

пы выяснялось влияние типовой семантики на типовую сочетаемость единиц, а также выявлялись причины появления индивидуальной сочетаемости у некоторых членов класса. В результате определялись лексические ограничения, накладываемые на сочетаемость некоторых лексем системой или нормой.

Отдельные наблюдения, связанные с сочетаемостными ограничениями, находим в работах, посвященных теории валентности и падежной грамматике [Апресян 1995; Арутюнова 1973; Богданов 1977; Богданова 1995; Власова 1995; Грубер 1995; Золотова 1982; Комри 1995; Рахилина 1990; Саевич 1986; Филлмор 1981a; 1981b]. В работах западноевропейских и американских ученых, посвященных толкованиям семантики лексических единиц, строго разграничиваются собственно содержательная и селекционная часть определения: «Каждое из *n* лексических толкований представляет собой набор символов, называемых семантическими признаками (*markers*), и сложного символа, называемого сочетаемостным ограничением» [Катц 1981: 35. См. также: Бирвиш 1981; Вейнрейх 1981; МакКоли 1981].

Итак, ограничения в сочетаемости лексических единиц весьма разнообразны, но большинство исследователей признает ограничения в лексической и синтаксической сочетаемости, обусловленные структурными свойствами слова и его поведением в предложении. Вместе с тем существуют и другие типы ограничений сочетаемости. Так, Л. П. Крысин выделяет «социально обусловленные ограничения в сочетаемости слов в пределах высказывания», которые связаны с социальными компонентами в семантике единиц. Например, имя иерархизованного коллектива (*семья, отдел*) в сочетании с местоимением *мой* может употребить только глава коллектива, а не рядовой член, что и является отражением социально обусловленных ограничений [Крысин 1986; 2004].

В современных толковых словарях русского языка обязательно находят отражение различные (хотя и не все отмеченные исследователями) ограничения – и ограничения системой, и ограничения нормой, так как словари фиксируют системные отношения в языке и являются нормативными. В словарной статье ограничительные компоненты оформляются с помощью помет, ремарок и круглых скобок.

Лингвисты неоднократно обращали внимание на разного рода ограничения, которые учитываются или должны учитываться лексикографами.

1. Стилистические ограничения, связанные с употреблением слова в аспекте стилистической дифференциации. Г. П. Складневская отмечает, что в наших толковых словарях принят ограничительный принцип: пометы характеризуют область преимущественного употребления [Складневская 1995а]. Стилистические ограничения в толковых словарях неоднородны и обусловлены следующими причинами: а) принадлежностью слова к тем пластам лексики, которые находятся за пределами литературного языка или на его границе: *мужлан*, **прост.**; *легковушка*, **прост.**; *ларечник*, **разг.**; *куш*, **разг.** ‘большая сумма денег’; *лабаз*, **обл.** ‘навес, сарай для хранения чего-л.’; *кучиться*, **обл.** ‘усиленно просить о чем-л.’; б) узкоспециальным характером терминов науки, техники, искусства: *ласточка*, **спорт.** ‘гимнастическая фигура, при которой положение тела напоминает птицу в полете’; *лакуна*, **анат.** ‘углубление, свободная полость между тканями или органами’; *лаг*, **мор.** ‘навигационный прибор’; *маточник*, **пчел.** ‘наиболее крупная ячейка в улье для выведения пчелиной матки’; в) исторической перспективой развития языка: *ластовка*, **устар.** ‘то же, что ластовица’; *ласкатель*, **устар.** ‘лысрец, низкопоклонник’; *лицедей*, **устар.** ‘актер’. Стилистические ограничения оформляются с помощью функционально-стилистических

и эмоционально-экспрессивных помет и манифестируют собой слова, являющиеся средством вторичной номинации. Стилистически маркированная лексика неоднократно являлась и является предметом изучения лингвистов в связи с проблемами образности, экспрессивности и шире – коннотации [Башиева 1995; Бебчук 1991; Говердовский 1977; 1979; 1989; Купина 1998; Лукьянова 1979; 1986; Матвеева 1986; 2013; Моран 1989; Петрищева 1984; Складаревская 1978; 1983; 1988; 1995а; 1995б; 1996; 1996а; Стернин 1985; Телия 1986; Трипольская 1984; 1985; Черемисина 1979; Шаховский 1982; 1983; 1987 и др.]. Стилистические ограничения имеют форму модальной рамки и так или иначе связаны с характеристикой говорящих по их социальному, культурному или межличностному статусу.

2. Синтаксические ограничения, сопровождающие синтаксически обусловленные значения [Виноградов 1977] указанием на соответствующие условия употребления. Эти ограничения вводятся формулой «о ком-, чем-л.», которая указывает, что «слово употребляется в качестве характеристики, какой-л. оценки и т. п.» [МАС, т. 1: 8], а также описанием синтаксических позиций, типовых для данного значения. Синтаксические ограничения входят в синтаксическую зону словарной статьи: *мастодонт* ‘о громадном неуклюжем человеке’; *лакей* ‘о раболепствующем, выслуживающемся человеке’; *высокоуважаемый* (обычно **в обращении**); *ад* (обычно **какой и где**); *лежаться* (чаще **с отрицанием**); *кухня* **с определением** ‘кушанья’; *ломать* ‘**в безличном употреблении**’ и др. Влияние синтаксической функции, в частности функции сказуемого, на изменение значения слова в современной науке изучено достаточно хорошо [см., напр.: Ермакова 1995; Сергеев 1983; Черемисина 1976; Шатуновский 1983].

3. Морфологические ограничения фиксируют закрепленные в окружении толкуемых лексем формы синтагматически

связанных слов, маркируя конструктивно обусловленные значения [Виноградов 1977]. В толковых словарях морфологические ограничения подаются в виде обобщающих местоимений: *обвинять в чем* ‘полагать, считать виновным в чем-л.’; *напороться на что* ‘повредить, поранить себе что-л., наткнувшись на что-л. острое’; *напомнить о ком, чем* ‘привести на память что-л., заставить вспомнить о ком-, чем-л.’; *состоять из кого, чего* ‘иметь в своем составе кого-, чего-л.’; *состоять в чем* ‘заклучаться в чем-л.’; *склонный к чему и с неопр.* ‘имеющий склонность к чему-л.’; *положение о чем* ‘свод правил, законов по определенному вопросу’ и под. Названные ограничения входят в зону сочетаемости, так как содержат информацию об обязательной грамматической валентности толкуемой лексемы. Грамматическая сочетаемость активно изучалась лексикологами и семантиками, исследовавшими семантические классы слов. Не имея возможности перечислить даже малую часть существующих по этой проблеме трудов, отошлем к монографии «Лексико-семантические группы русских глаголов» [1989], где имеется обзор и обширный список литературы.

4. Лексические ограничения, задающие список контекстных партнеров, в сочетании с которыми реализуется толкуемое значение: *влачить* ‘в сочетании с сущ.: **жизнь, существование, век, дни**’; *возлагать надежды*; *надрывать глотку (или горло)*; *сидеть* ‘со словами: **на земле, на месте**’. Лексические ограничения выступают как разновидность мотивации [см. Комлев 1988], когда лексическая дистрибуция единственно определяет значение слова, не имеющего в современной языковой системе прямого номинативного значения. Круг слов, входящих в постоянный контекст, в значительной степени определяется узусом. Такие ограничения располагаются в зоне сочетаемости и свидетельствуют о фразеологически связанном значении

слова [Виноградов 1977]. Связанные значения слова были предметом изучения в работах: [Копыленко, Попова 1978; Телия 1981; 1995].

Лексические ограничения традиционно рассматриваются как сочетаемостные ограничения. Вообще, в изучении сочетаемости можно выделить следующие направления: сочетаемость как средство выявления значения слова или как средство разграничения отдельных значений полисемантического слова; сочетаемость слов разных частей речи; сопоставительное изучение сочетаемости в разных языках; обусловленность сочетаемости предметно-логическими связями реальной действительности либо определенными правилами и закономерностями, существующими в языке; лексикографический аспект сочетаемости [см.: Бацевич 1993; Брагина 1991; Григоренко 1994; Дивина 1996; Зимин 1994; Лексико-семантические группы... 1989; Соловьева 1989].

Перечисленные типы ограничений – это ограничения нормой или системой. Они выработаны обществом, кодифицированы, и их роль состоит в том, чтобы фиксировать особые типы маркированных или несвободных значений: стилистически окрашенных, синтаксически или конструктивно обусловленных, фразеологически связанных. Эти ограничения отражают факторы и причины появления подобных значений как средств вторичной номинации.

Вместе с тем в словарных дефинициях встречаются ограничения другого рода, обусловленные культурно-историческими причинами, поскольку язык является важной частью «духовного багажа нации» [Розен 1991: 180] и помогает охарактеризовать определенную эпоху и определенное общество. За словами стоят сведения об опыте духовного и эстетического освоения человеком действительности. Многие лексические единицы отражают специфику культуры народа, особенности его исторического развития, социально-экономическое устройство, господствующую в обществе идеологию. Вербализация культуры совершается не только в единицах словаря, подлежащих толкова-

нию, но и в тексте дефиниций, особенно в комментариях. Исходя из этого, мы выделили еще один тип ограничений – ограничения обстановочного контекста.

Н. Ю. Шведова под термином *обстановочный контекст* понимает указание на локальную и/или хронологическую прикрепленность слова. Это указание реализуется не только «средствами специальных, обычно недостаточно соотнесенных друг с другом помет», но также «информирующим компонентом толкования» [Шведова 1988], предваряющим собственно толковательную часть или заключенным в скобки. Говорить о необходимости контекста для реализации всех лексических значений можно, лишь имея в виду философскую сторону вопроса, понимая контекст как «единственно данную в опыте речевую деятельность» [Щерба 1974], поэтому мы несколько шире трактуем данный термин, включая в него все виды социально-культурно-исторической информации (ср. понятие «большой контекст» в психологии понимания [Демьянков 1983; 1989; Томахин 1988]).

Язык социален – тесно связан с действительностью, обществом, цивилизацией. Социальная природа языка логически вытекает из тезиса о социальности самого человека. Подобно тому как жизнь человека проявляется и утверждается в обществе, существование языка также диалектически связано с развитием общества и культуры. При этом язык не только сиюминутно отражает современную культуру, но и фиксирует ее предыдущие состояния и передает ее ценности в будущее.

История входит в современность, и предшествующие этапы развития общества, национальной культуры, накопленный предыдущими поколениями коллективный опыт закрепляются в формах языка. Именно слово становится «памятью культуры» [Верещагин, Костомаров 1980: 95], а словарь отражает кумулятивную функцию языка –

функцию накопления и хранения внеязыковой информации. Иначе говоря, культура включается в язык, а язык в культуру, образуется взаимосвязь языка и культуры. Слово не только классифицирует предметы или явления, но одновременно выступает как носитель знаний, присущих обществу. Каждое слово накапливает и сохраняет знание об окружающем мире, в семантике слова откладывается множество признаков, которые регистрируют добытое этносом знание о соответствующих объектах. Осуществляя свое историческое бытие и взаимодействуя с окружающим миром, этнос отражает ход бытия в языке, благодаря чему бытие остается живым для каждого носителя языка и через много поколений. Ни один исторический период и связанный с ним культурный уклад, пережитый нацией в прошлом, не может не оставить своего более или менее различного отпечатка в национальном менталитете, представляющем собой, по сути, ряд последовательно накладывающихся друг на друга культурно-исторических пластов. Чем сложнее значение слова (в смысле сложности обозначаемого им понятия), тем более широкий контекст приходится привлекать при его семантизации. Поскольку словарь строит дефиниции в виде относительно коротких текстов, включающих минимальный набор элементов, соответствующих сущностным признакам семемы, постольку при описании слов со «сложным» значением приходится к этому набору добавлять важные признаки уже не только онтологического, но также логического и культурного характера. Ограничения обстановочного контекста – это и есть отражение таких признаков, «взвешенных фактов» [Верещагин, Костомаров 1980], которые сопрягаются с данным словом и обязательны для его понимания.

Многие слова, в толковании которых есть ограничения обстановочного контекста, являются историзмами, но при них помета «устар.» не ставится, хотя, по мнению некоторых ученых, эта помета

может быть «в равной степени отнесена как к устаревшему референту, вышедшему из употребления, так и к устаревшему языковому знаку, который был вытеснен другим, синонимичным ему по значению» [Микулина 1981: 69]. Нам кажется, что нет оснований использовать в обоих случаях одну помету «устар.». Составители словаря совершенно справедливо маркируют этим показателем только архаизмы – устаревший языковой знак, а применительно к историзмам используют не помету, а ограничительный компонент толкования, эксплицирующий норму употребления слова в локально-временной перспективе. Например: *высочайший* ‘в дореволюционной России: императорский, царский’; *гладиатор* ‘в Древнем Риме: борец из рабов или военнопленных...’; *гильдия* ‘1. В средние века в Западной Европе: объединение купцов и ремесленников... 2. В дореволюционной России: один из трех сословно-податных разрядов...’; *гетман* ‘1. В 16–17 вв. на Украине: выборный начальник казачьего войска; в 17–18 вв. – верховный правитель Украины. 2. В 16–18 вв. в Польше и Литве: главнокомандующий вооруженными силами’; *гетера* ‘В Древней Греции: образованная незамужняя женщина...’; *гайдук* ‘1. В 15–19 вв. у южных славян: участник вооруженной борьбы против турецкого владычества. 2. Выездной лакей в богатом помещичьем доме (в 18–19 вв.)’; *лишенец* ‘в СССР до принятия Конституции 1936 г.: человек, лишенный избирательных прав’; *раскулачить* ‘в годы коллективизации сельского хозяйства: лишить крестьянина права пользоваться землей и политических прав’ [СОШ]; *ромб* ‘знак отличия в Советской Армии (до введения погон в 1943 г.)’; *романей* ‘в допетровской Руси: вино...’ и др.

Названные ограничители задают хронотоп высказывания или текста. Ср. замечание Болинджера: «За столь широкой пометой, как *Rom antiq*, стоит целый мир всего связного текста» [Болинджер 1981].

Лексика, отмеченная хронологически или локально-хронологически, напрямую связана с культурной памятью слова. Такая лексика представляет интерес как непосредственное отражение тех фрагментов картины мира, которые утратили свою актуальность. И. И. Срезневский справедливо писал: «В языке народ выражает себя полнее и многостороннее, чем в чем-либо другом, — не только в последнем своем положении, но и исторически. Все, что есть у народа в его быте и понятиях, и все, что народ хочет сохранить в своей памяти, выражается и сохраняется языком» [Цит. по: Верещагин, Костомаров 1983: 3].

Другая группа слов, имеющих в толковании показатели ограничения обстановочного контекста, является социально или классово маркированной, например: *банкир* ‘крупный акционер или владелец банка **в капиталистических странах**’; *капитализация* ‘определение ценности имущества по приносимому им доходу и существующему в данное время учетному проценту (**при капиталистической системе**)’; *грюндерство* ‘**в капиталистических странах**: массовая лихорадочная организация предприятий, акционерных обществ со спекулятивными целями’; *господин* ‘**в буржуазно-дворянском обществе**: человек, принадлежавший к привилегированным слоям общества’; *секвестр* ‘**в буржуазном гражданском праве**: запрещение или ограничение, налагаемое органами государственной власти в интересах государства на пользование каким-л. имуществом’ и под.

Лексические единицы с такого рода ограничителями несут на себе «классово-политические прескрипции» [Комлев 1994], отголосок «тоталитарного языка» [Купина 1995]. Подобные ограничения отражают «идеологический компонент» значения, основанный «не на всеобщих и вечных представлениях о мире, а на искаженных, смешанных — на знаниях и истинах, навязанных, внушенных

и пропагандируемых в конкретном социуме» [Скляревская 1995: 68]. А. Н. Рудяков называет показатели *у нас, сейчас, не у нас, не сейчас* социалемами [Рудяков 1989]. Н. А. Купина включает слова с идеологическим компонентом в число идеологем (наряду со словами с собственно идеологической семантикой) [Купина 1995]. Идеологический компонент не имеет абсолютного значения, в определенные эпохи под воздействием социальных факторов он может менять свой статус. В современном языковом строительстве, как показывает Н. А. Купина, идеологемы трансформируются в культуремы [Купина 1998].

К ограничениям обстановочного контекста относятся также фрагменты толкования, передающие культурно-специфическую информацию, характерную только для конкретного народа. Эта информация восходит к особенностям экономики, географии, фольклора, всех видов искусства, разных сторон быта, обычаям народа. Например: *лавка* ‘в старом русском жилище и крестьянской избе: широкая доска для сидения и лежания, укрепленная неподвижно вдоль стены’; *чуйка* ‘верхняя мужская одежда, распространенная в городской мещанской среде 19 – нач. 20 вв.’; *пейсы* ‘длинные пряди волос у висков, оставленные неподстриженными (у евреев, придерживающихся патриархальных обычаев)’; *пейзан* ‘крестьянин, изображенный идиллически, слащаво (в художественной литературе, живописи, театре 18–19 вв.)’; *флюиды* ‘некие «психические токи», по представлениям спиритов, излучаемые человеком’; *гурия* ‘в мусульманской мифологии: вечно юная красавица’; *джигит* ‘искусный и отважный наездник (первоначально у кавказских горцев)’; *гольф* ‘игра в мяч... (распространена в Англии, США и др.)’ и под.

Национально-культурные ограничения обуславливают границы употребления слова, его связь с определенными жизненными ситуа-

циями, явлениями истории и культуры народа. Культура не есть нечто абстрактное, одинаковое для всех народов. Напротив, в культуре проявляется то, чем народы отличаются друг от друга, что воплощает национальный дух, национальное своеобразие. Культурная специфика каждого слова-знака складывается «в процессе общения людей, на протяжении всей истории слова и обозначаемого им денотата» [Фриз 1982: 114]. Ограничительные фрагменты толкования выступают как культурный знак. Они являются сигналами для когнитивной деятельности человека, так как заставляют эту деятельность разворачиваться в определенном культурном пространстве, ограничивая набор допустимых возможных миров [Петренко 1988]. Когнитивная деятельность по требованию ограничителей переводит одну реальность в другую. Ограничители, фиксирующие национально-культурные особенности, задают социохронотоп.

Итак, ограничения обстановочного контекста вербализуют в словаре историческую, социальную, культурную, идеологическую информацию, они имеют непосредственное отношение к фоновым знаниям. «Лексический фон – это те (взятые вместе) непонятные семантические доли, которые входят в семему, но не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека» [Верещагин, Костомаров 1980: 26]. Проблема выделения фоновых знаний тесно смыкается с проблемой пресуппозиции. Понятие *пресуппозиция*, прочно вошедшее в лингвистический обиход с конца 60-х годов и с тех пор интенсивно обсуждаемое [см., например: Апресян 1995; Арутюнова 1973; Филлмор 1988], охватывает разнородные явления. Современной семантикой выделяется в лексическом значении пресуппозитивная часть, которая в самом общем виде может быть определена как весь объем экстралингвистических знаний, стоящих за словом. Эти знания основываются на предшествующем опыте (как

личном, так и всего человечества) и на логических умозаключениях, выводимых из этого опыта. Фоновые знания, являясь культурным достоянием языкового сообщества, представляют одну из разновидностей presupпозиций – прагматическую presupпозицию. Следовательно, фрагменты толкования, связанные с ограничениями обстановочного контекста, манифестируют компоненты лексического значения, структурирующие прагматический, или коннотативный, компонент.

Понятие *коннотация* – одно из наиболее диффузных в лингвистике, оно трактуется неоднозначно как по объему признаков, так и по их характеру [об истории изучения коннотации см., например: Апресян 1995; Говердовский 1979; Телия 1986; Шаховский 1983]. В общем виде можно выделить узкое и широкое понимание коннотации. Большее распространение получила первая точка зрения, согласно которой коннотативный компонент – это семантика антропометрического отношения к действительности. Это факультативная часть значения, вбирающая в себя информацию эмоционального, экспрессивного, оценочного и стилистического (последнее принимается не всеми учеными) планов [см.: Азнаурова 1973; Арнольд 1966; 1970; Варина 1967; Кругликова 1988; Лукьянова 1976; 1986; Матвеева 1986; Мелерович 1982; Славе 1976; Стернин 1985; Телия 1977; 1981; 1986; Шаховский 1983 и др.].

Взгляд на коннотацию как явление более широкого плана возник значительно позднее, когда лексическое значение перестали рассматривать только как структуру из минимального числа элементарных признаков. При широком понимании коннотация трактуется не с точки зрения аксиологии, а в качестве психологической категории – это ассоциации и представления [Апресян 1995; Говердовский 1979; 1989; Комлев 1969; Роль человеческого фактора 1988]. Так, Ю. Д. Апресян считает коннотацией «те элементы прагматики, кото-

рые отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы» [Апресян 1995: 67–68]. Н. Г. Комлев рассматривает коннотации как индивидуальные, субъективные моменты (ср. его замечание: «Но у разных людей (или социальных групп) складывается неодинаковое отношение к словам» [Комлев 1992: 51]) и выделяет шесть видов значений: изобразительное (представление), эмоционально-чувственное, культурно-цивилизованное, тематическое (семантическое поле), информативное (уровень знания) и мировоззренческое [там же: 52]. Исследования В. И. Говердовского базируются на взглядах Н. Г. Комлева. В ранних работах он выделял пять типов коннотации: эмоционально-оценочный, тематический, контекстный, историко-языковой, историко-культурный [см.: Говердовский 1977]. В более поздних работах ученый отказывается от выделения тематического и контекстного типов, сохраняя следующие: эмоционально-оценочный (коннотации ироничности, мелиоративности, пейоративности), стилистический (коннотации жаргонизма, разговорности, книжности, терминологичности), историко-языковой (коннотации диалектизма, заимствования, этимологичности), историко-культурный (коннотации идеологичности, архаичности и культуры [см.: Говердовский 1989]).

Широкое понимание коннотации имеет много уязвимых мест и размывает границы известного термина, отождествляя его в известной мере с термином «прагматика». Мы придерживаемся узкого толкования коннотации, считая, что коннотативный компонент лексического значения выражает отношение субъекта речи к обозначаемому. Это отношение может включать в себя эмотивно-оценочную модальность и экспрессивность. Эмоционально-оценочный тип отличается от всех

прочих тем, что в основе его лежит отношение (к денотату, знаку, речевому акту и его участникам), а в основе других типов – представление. Н. А. Лукьянова и М. И. Черемисина считают, что в основе экспрессивов тоже лежит представление, но они очень убедительно разграничивают представление-десигнат и представление-образ, а последний как раз «имеет цель выражения эмоционального отношения к предмету речи и характеристики лица, предмета и т. п., обозначаемого данным словом» [Лукьянова, Черемисина 1986: 70]. Кроме того, «коннотаты, входящие в эмоционально-оценочный тип, в основном не имеют признака всеобщности, а варьируют от индивида к индивиду», тогда как «коннотации всех других типов нередко общи для больших групп людей или для абсолютного большинства говорящих» [Говердовский 1989: 83].

Все другие выделяемые исследователями типы, на наш взгляд, нельзя причислять к коннотации. Так, совершенно очевидно, что тематический и контекстный типы представляют собой структурный компонент значения, значимость [Соссюр 1977; Васильев 1990], указывающую на место каждого значения в системе языка, в той или иной парадигме: словообразовательном гнезде, синонимической группе, семантическом поле и т. д. Уровень знания и мировоззрение нельзя, по нашему мнению, рассматривать как со-значения, потому что, во-первых, они индивидуальны, определены уровнем образования, возрастом, профессией и т. п.; а во-вторых, они лишь обуславливают появление тех или иных коннотаций. Стилистический и историко-языковой типы коннотации передают информацию о языковых факторах, связанных со словом как языковым знаком. А историко-культурный тип – это информация о внешнем мире, о самом явлении, обозначенном языковой единицей. Как видно, названные типы охватывают совершенно разные свойства языковых

единиц, которые весьма условно и с большой натяжкой можно объединить общим понятием *коннотация*. Вместе с тем нужно признать, что эти со-значения объективно существуют и представляют не индивидуальное, а в значительной степени коллективное, социальное явление.

Такое широкое понимание коннотации совпадает с прагматикой лексического значения, как ее определял В. А. Звегинцев: «Под прагматикой следует понимать исторические, культурные, социальные условия и всю совокупность человеческих знаний и верований, в среде которых происходит деятельность языка и которые оказывают влияние на использование языка и на отношение к нему» [Звегинцев 1973: 8]. Также все культурные, психологические и эмотивные наклонения, наряду с некоторыми другими, включают в прагматический компонент значения современные лексикологи и лексикографы, в частности Г. А. Складеревская [см.: Складеревская 1996]. Мы поддерживаем эту точку зрения и признаем наличие в лексическом значении прагматического компонента, составной частью которого является коннотация, а также стилистическая, историко-языковая, идеологическая и национально-культурная информация.

Слово есть результат аккумуляции в языке явлений и фактов экстралингвистического характера. Оно больше, чем любая другая единица языка, в своем существовании и развитии связано с действительностью. Такая детерминированность слова внешним миром объясняет включение в толковый словарь внелингвистической информации. При этом в словарной дефиниции находят отражение внелингвистические знания, связанные не только с прагматикой, но и с предметно-логическими отношениями объектов в реальном мире. Б. Уорф писал: «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или

иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчлняем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» [Уорф 1960: 174–175]. Различное «членение мира» носителями разных языков обусловило появление в толковом словаре еще одного типа ограничений – ограничений предметно-логического содержания слова. Эти ограничения, в отличие от предыдущих типов, не связаны с прагматикой, они не влияют на изменение значения в плане маркированности или связанности, они полностью обусловлены особенностями вычленения данным языком определенных участков действительности.

Любое знаменательное слово обладает предметно-логическим содержанием, которое фиксируется в словаре. Вслед за А. А. Уфимцевой под понятие «предметно-логическое содержание» слова мы подводим как отраженный в сознании образ предмета, вещи, так и отношения между этими предметами, вещами в реальном мире. Ср.: «В понятие «логико-предметное содержание» слова, по нашему мнению, входят два компонента: а) идеальный образ будь то класса предметов, единичного явления, то есть собственно «вещественный» компонент; б) логико-семантические отношения, отображающие реальные связи данного предмета, явления, свойства по отношению к другим» [Уфимцева 1986: 24].

Ю. Н. Караулов, разрабатывая вопрос о «слагаемых смысла словарных определений», выделил три таких слагаемых: лексическое, то есть значения самих слов, составляющих толкование; логико-семантическое, отражающее отношения между предметами реального мира, обозначенными этими словами, и формально не всегда выраженное; синтаксическое, или в широком смысле грамматическое, эксплицитно представленное в виде отношений между словами на синтагматической оси» [Караулов 1981: 209]. Однако исследователь считает, что «смысл выраженных в дефиниции логико-семантических отношений не принадлежит непосредственно ее семантике, не является реальной составляющей ее собственного смысла, а есть показатель системных связей более высокого уровня абстракции» [там же: 318]. Последнее замечание едва ли справедливо: во многих словах, особенно с релятивной семантикой (глаголы, прилагательные), именно логико-семантические отношения являются основным компонентом, формирующим лексическое значение слова.

Термин «предметно-логическое содержание» имплицитно подразумевает два составляющих это явление компонента: 1) отображение субстанции (предмета, явления), ее наиболее существенных признаков и свойств и 2) отображение ракурса отношений, как они складываются по логике внешних связей вещей. И, как следствие, наличие двух разновидностей: ограничений, связанных с прототипическими признаками денотата, и ограничений, очерчивающих область денотативной приложимости действия/признака либо задающих параметры ситуации.

Ограничения первой разновидности характерны для толкования значений имен существительных и являются следствием сопряжения лексических понятий с денотатами. По охвату множества семантических объектов слова создаются как бы «с запасом», чтобы можно было охватить все денотаты класса, хотя у них могут быть глубоко ин-

дивидуальные черты. Значение слова как классифицирующий феномен включает только сущностные, инвариантные признаки, которые должны быть присущи предмету для его идентификации как представителя данного класса. Эти признаки объективируются в основной части семантической зоны толкования. Все прочие признаки реалии (а индивидуальных или групповых свойств может быть неизмеримо больше) не являются типологическими и потому не семантизируются. Однако в языковом сознании имеется достаточно устойчивая модель когеренции лексического понятия с образом реальной или воображаемой действительности. Слова, помимо знания их значений, вызывают у говорящего (и у слушающего) определенное представление о том, какими свойствами обладают прототипические, идеальные предметы этих классов.

Поскольку в словарях провозглашен антропоморфный способ подачи материала, в словарной статье репрезентируются не только классифицирующие и квалифицирующие (а также оценочные) компоненты, но и компоненты, ограничивающие частные проявления какого-либо свойства (цвета, формы и т. п.) типовым представлением о нем, сложившимся в коллективном сознании. Например: *бутылка* ‘сосуд для жидкостей с узким продолговатым горлом, обычно цилиндрической формы’ – первая часть толкования репрезентирует классифицирующие компоненты, а выделенный фрагмент представляет ограничительный компонент, отражающий типовое усредненное представление о форме этого сосуда. Отсутствие у референта соответствующего признака (например, пластиковые бутылки в форме параллелепипеда) не вызывает проблем с его номинацией. Или другой пример: *волк* ‘хищное животное семейства псовых, обычно серой окраски, родственное собаке’. Выделенный фрагмент указывает на прототипиче-

ское свойство этого животного, однако волк другой масти не перестает быть волком.

Безусловно, всякая дифференциальная сема в составе семемы выполняет рестриктивную функцию по отношению к категориально-лексической семе (архисеме), так как любой дифференциальный признак – это квалифицирующий признак, отличающий одну семему от другой в составе какого-либо семантического класса. Дифференциальные семы отражают особенности денотатов, их обязательные, инвариантные признаки, входящие в число классифицирующих свойств. Например, белый цвет входит в число инвариантных свойств ландыша, поэтому в семеме слова *ландыш* мы выделяем дифференциальный признак ‘белого цвета’, который является структурно-релевантным для данной семемы.

Те позиции словарной статьи, которые мы выделили как указания на типовое усредненное представление об объекте, нельзя признать отражением дифференциальных признаков. На уровне языка признаки, манифестированные словарными фрагментами с ограничительной функцией, не могут быть выделены методом оппозиции и не являются существенными с точки зрения взаимосвязи данной семемы с другими в составе лексических парадигм. Свойства, формирующие прототипическое представление о предмете, не всегда являются инвариантными. Так, для гвоздики и розы цвет не является инвариантным признаком, в отличие от ландыша, однако на них распространяется свойство быть окрашенным, и, несмотря на множество существующих оттенков этих растений, стереотипное представление о них связано лишь с розовым, красным и белым цветом. Поэтому в дефиниции слова *гвоздика* мы и находим перечислительный ряд ‘с цветками красной, розовой, белой окраски’, в котором названы типовые признаки денотата, но не дифференциальные признаки семемы.

Ограничения второй разновидности – ограничения области денотативной приложимости какого-либо действия или признака – связаны с семантикой глаголов и прилагательных и очерчивают круг объектов, которым может быть предиктирован данный признак. Например: *вянуть* ‘лишаться свежести (о растениях)’; *обуять* ‘охватить (о чувствах)’; *пикировать* ‘снижаться на большой скорости в почти вертикальном положении (о самолете)’; *беззвездный* ‘с невидимыми звездами (о ночи, о ночном небе)’; *восковой* ‘бледно-желтый, мертвенно-бледный (о цвете кожи)’ и под. Эти случаи необходимо со всей определенностью отграничивать от слов с фразеологически связанным значением.

Ограничения на сочетаемость слова может накладывать как система языка, норма языка, так и предметно-логические отношения в реальной действительности, ибо абсолютной свободы слов со стороны их сочетаемости в жизни языка не существует. Сочетаемость слова в одних случаях представляет собой его имманентные характеристики, присущие ему как бы «до сочетания», а в других случаях ее можно оценить как статистическое обобщение сопутствующих употреблению слова элементов структуры словосочетания.

Н. З. Котелова, анализируя «Словарь современного русского литературного языка» (БАС) [Котелова 1995: 159], приводит такой пример: слова *пленарный* и *творительный* оформлены одинаково, им приписывается единичная лексическая сочетаемость: *пленарное заседание* и *творительный падеж*. Между тем первое сочетание обозначает лишь обычную в действительности реалию – ограничения связаны с экстралингвистическими факторами, слово же может сочетаться и с другими словами: *доклад, комиссия, обсуждение, протокол*. Во втором случае мы имеем действительно языковую единичную лексическую сочетаемость и несвободное сочетание (нельзя сказать,

например, **творительная надежная форма*). «Разграничение языковой и внешней регламентации осложняется тем, что первая отражает вторую и складывается под ее влиянием» [Котелова 1977: 39]. Для характеристики сущности ограничения лексической сочетаемости Н. З. Котелова вводит противопоставления: устойчивость (ограниченность распространителей по числу) – неустойчивость; несвободность (ограниченность распространителей по набору) – свобода. Свободная устойчивая сочетаемость обусловлена лексическим значением слова, его объемом и содержанием. Несвободная сочетаемость – это избирательность состава распространителей, не обусловленная ни значением слова, ни внесязыковыми факторами. Ср. аналогичное утверждение В. Н. Телии о связанном значении: «связанные значения обозначают безотносительно существенный и непреходящий признак единичного для них референта» [Телия 1980: 271]. При исключении слова со связанным значением из словосочетания меняется «знаковая функция семантически ключевого слова, и оно говорит о другом обозначаемом» [там же: 270].

Говоря о несвободной сочетаемости (связанном значении), мы имеем дело со связанностью грамматического слова, его избирательной формальной сочетаемостью с другими словами. Например: *бисерный почерк* (но не *письмо*); *питать надежду, уважение, ненависть* (но не *радость, любовь*).

Лексемы, содержащие селективный компонент значения, не относятся к группе слов со связанным значением. Их сочетаемость регламентируется не внутриязыковой сочетаемостной нормой, а семантическими и предметно-логическими отношениями, т. е. такие лексемы легко вступают в соединение с синонимами основных распространителей, а также со словами, расширяющими ряд однотипных распространителей при обозначении новых реалий. Например,

в глаголе *приземлиться* селективный компонент представлен вариантами ‘о самолете, парашюте’, однако с появлением новых реалий (к примеру, космического корабля) он может быть расширен, что приведет к изменению, но не нарушению сочетаемости. Такую сочетаемость Н. З. Котелова определяет как свободную устойчивую лексическую сочетаемость [Котелова 1995]. Л. В. Щерба выделяет в свободной сочетаемости «ближнюю», выражающую признак, семантически как бы включенный в состав определяемого, и «дальнюю», выражающую отношение с предметом, существующим как бы вне определяемого слова [Щерба 1974]. Лексемы, у которых ограничена область их денотативной приложимости, обладают ближней свободной лексической сочетаемостью и являются словами с «референтно ориентированной» [Арутюнова 1980] семантикой, с «узко-признаковым значением» [Уфимцева 1986].

Глаголы и прилагательные как предикатные имена обладают пропозитивной семантикой и, следовательно, обозначают ситуацию. В данном случае *ситуация* – это обобщающее слово для таких понятий, как событие, процесс, состояние, действие, свойство (точнее – обладание свойством). В объективном и ментальном мире ситуация складывается из различных компонентов, включая как участников ситуации, так и обстоятельства, при которых она происходит, совершается. По этой причине в толкованиях предикатных имен встречаются также ограничения, задающие содержание параметров ситуации. Например: *сократить* ‘уволить с работы (вследствие сокращения штатов)’; *печься* ‘подвергаться действию солнечных лучей, греться (на солнце)’; *кольцевать* ‘снимать тонкий слой коры (с целью замедление роста и увеличения плодоношения)’; *холодеть* ‘становиться холодным от прекращения кровообращения (при смерти, глубоко обмороке)’ и под.

Ограничения предметно-логического содержания, как и ограничения обстановочного контекста, входят в presupпозитивную часть толкования, но в этом случае мы имеем дело не с прагматическими, а с логическими и синтагматическими, или семантическими (Дж.МакКоли), presupпозициями [Арутюнова 1973: 88–89].

Итак, аналитический взгляд на словарную статью толкового словаря позволил выделить в ней особые фрагменты толкования, выполняющие ограничительную функцию. Подобные фрагменты чрезвычайно разнообразны, поскольку они могут касаться разных лексикографических параметров, число которых, как известно, довольно велико. Большинство ограничительных фрагментов задает условия употребления слова либо относительно его связей – морфологических, синтаксических, лексических – с другими словами, либо относительно речевой ситуации и устоявшихся оценок предмета речи. Такие ограничения являются системными и узувальными. Они складываются под давлением системы языка, под влиянием узуса и исторической инерции словоупотребления. Подобные ограничения обуславливают появление несвободных или маркированных типов лексических значений, а также прагматически отягощенных значений. Вместе с тем есть ограничения, опирающиеся на воспринимаемый мир, имеющие отчетливую соотнесенность с внеязыковой реальностью. Эти ограничения не выступают как системные факторы, формирующие особые типы лексических значений, они не связаны со сферой литературного языка, с его функционально-стилевым расслоением, с прагматикой. Они детерминированы объектами и их отношениями в реальном мире и связаны с денотативной семантикой знака. Назовем ту часть словарной статьи, в которой фиксируются указанные ограничения, денотативно-ограничительным фрагментом толкования (далее – ДОФТ).

ДОФТ – это фрагменты словарных дефиниций, оформленные в скобках или в виде ремарки и фиксирующие ограничения логико-предметного содержания, т. е. отражающие экстралингвистические знания об объектах и отношениях в реальной действительности.

Оформление ДОФТ в словарных толкованиях не отличается единообразием. ДОФТ может быть представлен предложно-падежной словоформой: *взломаться* ‘разломаться, разрушиться при вскрытии реки (о льде)’, *проворковать* ‘издать непродолжительные переливчатые звуки (о голубях)’, *глубокий* ‘уходящий в высоту, не имеющий видимого предела (о небе)’.

Ограничительный фрагмент толкования может оформляться также в виде словосочетания, построенного по модели N + Atr: *барельеф* ‘скульптурное (с низким рельефом) изображение на плоской поверхности’; *веять* ‘дуть (о слабом ветре)’. В этом случае мы имеем дело с самым строгим и конкретизированным ограничением.

ДОФТ в словарной дефиниции может быть оформлен перечислительным рядом, причем ряд может быть только закрытым, то есть в нем перечислены все возможные элементы. Открытый перечислительный ряд тоже встречается в словарных статьях, но он предназначен для иллюстрации или уточнения какого-либо понятия и является, как справедливо отмечает Т. Е. Недашковская, средством выражения семантической неопределенности лексического значения [Недашковская 1990]. Закрытый перечислительный ряд выполняет ограничительную функцию, так как он очерчивает круг тех членов класса, которые связаны с соответствующим понятием, и отражает типовое представление о денотате. Конечно, в ряде случаев возможно расширение перечислительного ряда, но при этом происходит размывание типового представления. Например: *бросать* ‘быстро, небрежно про-износить, обращать к кому-л. (слова, замечания, реплики)’; *проце-*

бетать ‘проговорить быстро, торопливо (о детях и женщинах)’; *грубый* ‘неприятный на слух, резкий (о голосе, смехе)’; *восход* ‘появление над горизонтом (небесного светила, утренней зари)’; *каменка* ‘печь, сложенная из камней, не имеющая трубы наружу (в черной избе, черной бане, в овине)’; *колики* ‘резкие, колющие боли, резь (в боку, животе)’; *голубятник* ‘ловчая хищная птица (ястреб, сокол), выпускаемая на голубей’.

Перечислительный ряд может быть союзным (с соединительным союзом *и* либо с разделительным союзом *или*) или бессоюзным. Собственно конъюнкция, выражаемая союзом *и*, когда члены соединительного ряда занимают позицию соподчиненных, синтаксически идентичных членов по отношению к общему члену, в словарных дефинициях представлена редко. Это двучленные ряды, в которых союз *и* свидетельствует об исчерпанности описания. Члены ряда, объединенные союзом, называют предметы, признаки, имеющие общие смысловые компоненты. Например: *дикий* ‘не прирученный, живущий на воле в отличие от домашнего (о животных и птицах)’; *дидактический* ‘имеющий характер поучения, наставления (о литературных произведениях и жанрах)’. В первом примере члены ряда связаны привативными отношениями. Во втором примере существительные *произведения и жанры* объединены смыслом ‘литературные’, который эксплицирован в соответствующем определении.

Гораздо чаще, по нашим материалам, ДОФТ представлен перечислительным рядом с разделительным союзом *или*: *колесо* ‘круг (со спицами или сплошной), вращающийся на оси и служащий для приведения в движение повозок и др. средств передвижения’; *выстукать* ‘исследовать состояние внутренних органов посредством легкого постукивания (пальцами или молоточком) по поверхности тела’. Иногда один член ряда включается в толкование, а другой член (члены)

заключается в скобки. Ср.: *begá* 'гонки, состязания упряжных рысистых лошадей (или оленей, собак) на скорость'. Союз *или* является выразителем дизъюнкции и означает несоподчинимость соединяемых им слов в синтагматическом ряду.

В абсолютном большинстве случаев ДОФТ представлен бессоюзным перечислительным рядом. Союзные ряды обоих видов могут также комбинироваться с бессоюзной связью. Однако в материалах не встретились случаи с союзом *и*, присоединяющем последний член ряда и сигнализирующем об исчерпанности описания. В роли замыкающего слова в словарных дефинициях выступает союз *или*, который в комбинации с бессоюзной связью выражает отношения раздельного перечисления – выбора. Союз *или* в зоне нестрогой дизъюнкции имеет значение «соотнесение двух гипотетических версий» (возможно А – возможно Б), это «идея выбора» [Ляпон 1988].

В двучленных соединительных рядах союз *и* тоже является, хотя и не напрямую, выразителем «идеи выбора», что подтверждается возможностью мены союза. Ср.: *дикий* – о животных и/или птицах; *дидактический* – о литературных произведениях и/или жанрах. Поэтому вполне закономерно, что в многочленных бессоюзных рядах союз *и* не употребляется, так как он вносил бы собственно соединительную семантику и тем самым как бы перечеркивал альтернативное значение. При подаче материала в виде перечислительного ряда ограничения столь же строги, как и при одночленном ДОФТ, но при этом возможность выбора как бы раздвигает указанное ограниченное пространство, охватывая более широкий круг явлений.

Еще один способ оформления ДОФТ – предикативная конструкция. Это, как правило, контекстуально-неполные предложения с опущенным подлежащим, восстанавливаемым по заглавному слову. Позицию предиката-сказуемого замещает глагол в форме средневоз-

вратного залога (в абсолютном большинстве случаев это глаголы *употребляется, используется*). Например: *камфара* ‘бесцветное кристаллическое вещество с сильным характерным запахом (используется в медицине и технике)’; *газолин* ‘жидкий продукт получаемый из естественного нефтяного газа или путем перегонки нефти (перерабатывается в автомобильный и авиационный бензин)’; *вобла* ‘мелкая промысловая рыба семейства карповых (употребляется в пищу главным образом в копченом и вяленом виде)’. Реже предикативная конструкция в скобках являет собой двусоставное предложение: *бадан* ‘травянистое растение семейства камнеломковых, с красными или белыми цветками (в листьях и корневниках содержатся дубильные вещества)’.

Синонимично такому оформлению ДОФТ выступают полупредикативные конструкции, выраженные оборотом со страдательным причастием. Например: *вызов* ‘требование, просьба (выражаемая аплодисментами, криками) о выходе к зрителям исполнителя или автора’; *гематоген* ‘лекарственный препарат (применяемый при малокровии, истощении)’.

Предикативные и полупредикативные конструкции выполняют парентетическую функцию – функцию добавочного сообщения по отношению к основной части толкования.

Следует заметить, что скобки, как самый изолирующий, комментаторский знак, подчеркивают самостоятельность заключенного в них фрагмента, дополнительность ДОФТ по отношению к основной части толкования. Это, вероятно, может расцениваться как указание на специфический характер информации, передаваемой с помощью ДОФТ.

Довольно часто слова, словосочетания, перечислительные ряды и, реже, предикативные конструкции сопровождаются словарными маркировками, количественными «оговорками», в роли которых вы-

ступают наречия *обычно, большей частью, особенно, иногда, преимущественно, чаще, реже*. Например: *кольцо* ‘предмет (чаще всего из металла), имеющий форму обода’; *веснушки* ‘желтоватые или коричневые пигментные пятнышки на коже (преимущественно лица), особенно заметные весной и летом’; *бушевать* ‘бурно, стремительно проявлять какое-л. движение, силу (преимущественно разрушительную)’; *дыбом* ‘торчком, стоямя (обычно о волосах, шерсти)’; *гуртовой* ‘гуртом покупаемый, продаваемый (обычно о скоте), оптовый’; *ком* ‘кусочек какого-л. вещества, обычно мягкого или рыхлого’; *выстоять* ‘простоять где-л. в течение какого-л., обычно длительно-го, времени’; *дубрава* ‘лиственный лес, обычно с преобладанием дуба’ и др.

Эти наречия характеризуют ДОФТ в том отношении, что соответствующие признаки могут быть обнаружены в обозначаемом лишь с известной долей вероятности. Впервые обратил внимание на такие маркеры в толковании Д. Н. Шмелев. Он писал: «В значительном числе случаев лексическое значение слова невозможно охарактеризовать с полной определенностью: некоторый элемент значения не может быть приписан слову безусловно. Такая ситуация достаточно определенно отражена в толковых словарях, где указание на некоторые семантические признаки ряда слов сопровождается своеобразными оговорками: «обычно», «преимущественно», «главным образом» и т. п.» [Шмелев 1973: 21].

Несмотря на тот факт, что группа кванторных наречий значительно больше, например, *порой, подчас, зачастую, частенько, изредка, нередко, время от времени* и т. д., словари используют в толковании ограниченный набор лексем – «объективных» и «нейтральных». Все прочие временные квантификаторы, как справедливо отмечают исследователи [Булыгина, Шмелев 1988; Падучева

1989; Яковлева 1994], имеют модально-оценочный компонент, который определяет особенности их коммуникативного поведения и, следовательно, делает невозможным их употребление в словаре. Названные наречия сохраняют в дефинициях свое лексическое значение, но при этом играют роль формальных элементов, обозначающих необязательность признака, названного ДОФТ: они выделяют самый характерный из возможных вариантов (*обычно* и т. п.) или указывают на избирательность использования какого-либо варианта (*иногда* и т. п.).

Опираясь на семантику наречий, включенных в словарные дефиниции, можно построить шкалу вероятности, которая отражает степень возможности появления признака. *Особенно* = *в особенности* ‘в первую очередь, прежде всего, более всего’. *Преимущественно* ‘главным образом, большей частью’. *Обычно* ‘большой частью, постоянно’. *Чаше (частый)* ‘происходящий, повторяющийся через короткие промежутки времени, с небольшими промежутками, как правило’. *Реже (редкий)* ‘бывающий, повторяющийся через большие промежутки времени’. *Иногда* ‘время от времени, порой’. Таким образом, получается следующая шкала вероятности:

ОСОБЕННО – В ОСНОВНОМ – ПРЕИМУЩЕСТВЕННО –
ОБЫЧНО – ЧАСТО/ЧАЩЕ – РЕЖЕ – ИНОГДА

Ср., соответственно: *артерия* ‘путь сообщения (особенно водный)’; *графика* ‘вид изобразительного искусства, воспроизводящий предметы и явления реального мира при помощи линий и штрихов, в основном в черном и белом цвете’; *табакерка* ‘коробка для табака, преимущественно нюхательного’; *лебеда* ‘травянистое сорное растение с листьями, обычно покрытыми мучнистым налетом’; *буря* ‘ненастье ...часто с дождем или снегом’; *калика* ‘нищий, чаще слепой, собирающий милостыню пением’; *бричка* ‘легкая повозка, иногда с откидным верхом’.

Центральное место на шкале занимает наречие *обычно*. В одну сторону от него находятся слова, указывающие на возрастание степени вероятности, а в другую – слова, свидетельствующие об уменьшении вероятности существования соответствующего признака у обозначаемого. Очевидно, по этой причине «серединности» наречие *обычно* является самым частотным среди всех перечисленных на шкале. По материалам МАС, квалификатор *обычно* использован в 326 дефинициях, преимущественно – в 114, главным образом – в 43, большей частью – в 10, часто, чаще, чаще всего – в 29, иногда – в 24.

Итак, основной критерий выделения ДОФТ – это наличие в словарной дефиниции такого элемента, который указывает на неклассифицирующий характер соответствующего семантического признака и ограничение этого признака одним или несколькими вариантами. Элементы, выполняющие в толковании такую функцию, разнообразны, но они в известной степени определяют форму лексикографического описания этой стороны лексической семантики и поэтому обладают статусом формальных лексикографических показателей ДОФТ. К таким формальным лексикографическим показателям относятся: скобки, союзы *и*, *или*, кванторные наречия *обычно*, *иногда* и под., синтаксические единицы в парентетической функции.

Как и всякая другая наука, лингвистика преследует двоякую задачу: описание фактов и постижение сущности скрытых за ними явлений, т. е. определение их значимости, их положения в системе языка, их природы и закономерностей их функционирования. И нам также предстоит проделать путь от «видимых» явлений к «невидимой» сущности.

Будучи связанными с планом содержания, ДОФТ, представленные в дефиниции формальными лексикографическими показателями, манифестируют, тем не менее, определенные семантические признаки

значения слова. В соответствии с выделенной нами ограничительной функцией назовем их *лимитирующими семами*. Часть семы, состоящая из лимитирующих сем, является ограничительным макрокомпонентом семантики слова.

В работах семасиологов, предлагающих типологии сем, семы такого типа не выделены, хотя встречаются отдельные наблюдения в связи с выделением потенциальных сем [Арнольд 1979; Гак 1977], вероятностных сем [Никитин 1974; Попова, Стернин 1984; Стернин 1985], синтагматических сем [Гак 1972; Васильев 1981], субстанциональных сем [Гайсина 1981]. В исследованиях лингвострановедческого и социолингвистического направлений есть перекликающиеся с нашими замечания, касающиеся фоновых знаний и национально-культурного компонента значения [Алексеева 1987; Верещагин, Костомаров 1980; Воробьев 1997; Воробьев 1993; 1994; Вучкова 1984; Денисова 1987; Комлев 1966; 1969; Пацева 1991; Пестова 1988; Хмелевский 1989]. Однако авторы всех указанных работ обращают внимание на семантические признаки, которые мы назвали лимитирующими семами, лишь попутно, решая собственные исследовательские задачи.

Наша цель заключается в том, чтобы описать лимитирующие семы во всем их многообразии, провести их комплексный анализ, определить природу и место этого компонента в семном пространстве слова, значимость его для носителей языка. Эта задача представляет особую актуальность именно сейчас, когда создается новый академический толковый словарь (НАС). Составители этого словаря – словарный отдел Института лингвистических исследований РАН – провозгласили принцип «увеличения семантической емкости» толкования слова, что должно осуществляться следующими путями:

– путем «расширения набора дифференциальных признаков значения, ориентированного на «образ вещи» (ее внешний вид, размеры, форму и цвет...), местоположение в ряду однородных предметов, качество, устройство и др. параметры»;

– путем «повышения функциональности определения в лексике, обозначающей как собственно природные явления, так и продукты человеческой деятельности. Назначение реалии или сфера ее применения должны стать одним из ведущих дифференциальных признаков толкования»;

– путем «подключения ментальных (эстетических, психологических, мировоззренческих, символических) нагрузок в дополнение к толкованиям самых обычных обиходно-бытовых значений. Раньше такие представления были задействованы, как правило, лишь в тех случаях, когда они составляли концептуальное ядро семантических единиц (см. *рука* – символическое обозначение трудовой деятельности, *красный* – красивый, прекрасный или революционный и т. п.)»;

– путем «включения в состав дефиниции сочетаемостных свойств значения слова (прежде такой прием распространялся лишь на фразеологически связанные значения; отныне в сферу его действия должны попасть значения с широкой семантикой, признаковые значения, значения близкозначных слов и некоторые другие типы семантических единиц)» [Корованенко 1995: 60–61].

Перечисленные пути увеличения семантической емкости толкования и приводимые в качестве образцов словарные статьи свидетельствуют о том, что составители НАС большое место в словарных дефинициях отводят как раз таким позициям словарной статьи, которые мы выделили как ДОФТ. Ср.: *целитель* ‘тот, кто лечит методами и средствами нетрадиционной медицины (о враче или знахаре, костоправе и т. п.)’; *азбука* ‘алфавит, созданный на основе кириллицы

(обычно как предмет истории языка или обучения навыкам письма и чтения в младшем или дошкольном возрасте)»; *возлежать* 'лежать полусидя (обычно в свободной непринужденной позе)'; *здоровьишко* 'здоровье (обычно плохое, никуда не годное)' [Корованенко 1995: 61]. Принципиально соглашаясь с позицией авторов-составителей нового словаря, мы видим здесь лишь указание на исходную установку, но при этом сердцевина проблемы – какие дополнительные дифференциальные признаки должны включаться в толкование – не получила достаточно глубокого теоретического обоснования, а сущность самого понятия 'дифференциальные признаки' не эксплицируется. В этом случае возможно описать отдельные факты, но не всю лексическую систему в словаре. На наш взгляд, необходимо выработать единые основания для включения в толкование и дифференциальных признаков, и сочетаемостных свойств. Выделенный нами денотативно-ограничительный фрагмент толкования и стоящие за ним лимитирующие семы, как нам кажется, могут оказать в этом существенную помощь.

ВЫВОДЫ

1. В толковом словаре в соответствии с ограничительным принципом (Г. Н. Складаревская) выделяются разновидности ограничений в зависимости от типа передаваемой информации. Ограничения задают условия употребления слова относительно его связей с другими словами или широкого обстановочного контекста. Такие ограничения складываются под давлением системы языка, под влиянием узуса и исторической инерции словоупотребления.

2. Среди прочих есть ограничения, обусловленные экстралингвистическими факторами. Они отражают особенности восприятия внеязыковой реальности и членения мира определенным этносом

и связаны с предметно-логическим содержанием слова. Эти ограничения фиксируются в особом фрагменте объяснительной части, который является манифестатором денотативно ограничительного макрокомпонента семемы, состоящим из лимитирующих сем (далее – ЛС) – семантических признаков лексического значения, ограничивающих конкретное проявление какого-либо свойства денотата, сферу денотативной приложимости признака или параметры ситуации.

Глава 2. Лимитирующие семы в контексте семемы: системно-семасиологическая интерпретация

2.1. Предварительные замечания

В истории развития науки закономерен переход от обобщенного представления об объекте к его аналитическому изучению, а затем, на следующем витке спирали, вновь к интеграции. Преобладание какого-то одного подхода к языковому материалу характерно для определенных периодов, хотя границы этих подходов в концепциях и во времени очертить бывает не всегда легко. Подобный путь прошла и лексическая семантика (семасиология) при изучении лексического значения слова, традиционно находящегося в центре внимания этой области языковедения. Значение слова, как ни одна другая категория языка, являлось и является предметом постоянных дискуссий, ареной острой борьбы мнений, научных трактовок. Выяснению подлежит прежде всего онтологический статус лексического значения, а также коммуникативный аспект, учитывающий функционирование слова в языке и речи. В настоящей главе, во-первых, дается систематизация существующих научных взглядов на значение слова, во-вторых, на основе представленного синопсиса точек зрения предлагается авторский подход к обозначенной выше проблеме.

Семасиология начинала свой путь как сугубо историческая лингвистическая дисциплина, ибо историзм в тот период был стержнем, на котором держалось языкознание. Исследователи занимались выявлением различных видов изменения значений и их классификаций. В дальнейшем исторические принципы изучения смысловой стороны языка трансформировались в генетическое направление, в рамках которого определялись факторы, влияющие на становление

и развитие значений. К. Рейзиг, определяя предмет семасиологии, отмечал, что им должно стать изучение закономерностей изменения значений слов [см.: Уфимцева 1986: 25]. На этом этапе развития науки лексическое значение трактовалось обобщенно, как бесструктурное образование. Генетический подход к изучению значения явился фундаментом отражательной концепции, ставшей практически общепринятой в отечественной лингвистике. Отражательная концепция значения сложилась в период доминирования логического и психологического направления в языкознании. В рамках отражательного подхода значение определялось как языковая форма отражения действительности, как интеллектуально-эмоциональная, психическая сущность, и оно приравнивалось к понятию или представлению [см.: Буслаев 1959: 151]. Наиболее известным в этом плане является определение, данное А. И. Смирницким: значение рассматривается как «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из отображений отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка» [Смирницкий 1956: 152].

Сходное толкование находим в работе Б. И. Косовского: «Под значением слова следует, по-видимому, понимать исторически образовавшуюся связь между звучанием слова и тем отображением предмета или явления, которое происходит в нашем сознании. <...> С этой точки зрения значение слова, его внутреннюю, содержательную сторону следует рассматривать как известное мыслительное образование, результат абстрагирующей работы мышления» [Косовский 1975: 22–23].

Принципиально отличается от «отражательного», «субстанционального» понимания так называемый релятивный подход, сторонни-

ки которого (Ч. Пирс, Ч. Моррис, Ч. Огден, И. Ричардс, Ч. Фриз и др.) считают, что значение – это релятивная сущность, сложное отношение, объединяющее все те отношения (к предмету, к понятию, к другим языковым знакам, к речевому акту и его участникам), через которые проявляется существование языковых знаков [обзор различных точек зрения на понятие «значение» см.: Ахманова 1957; Васильев 1990; Комлев 1969; Шмелев 1964]. Понимание значения как релятивной сущности уходит корнями в знаковую теорию языка. Подобное понимание привело к выделению разных типов значений: денотативное (отношение знака к денотату, предмету, обозначаемой вещи), сигнификативное (отношение знака к сигнификату, к понятию, к мысленному образу), прагматическое (отношение знака к ситуации речевого общения и ее участникам), структурное (отношение между знаками). Л. М. Васильев, выступая в защиту субстанциональной природы значения, приводит следующие аргументы: «...любая конкретизация отношения слова к предмету или понятию неизбежно приводит к необходимости формулировать (или, по крайней мере, осмыслять) те признаки предмета, которые лежат в основе этого отношения, а следовательно, и в основе значения как более или менее абстрактной модели, образа предмета» и далее: «знание говорящими чисто реляционных, несодержательных свойств единиц языка (например, знание их отношений друг к другу в составе формальных парадигм и синтагм, их связей с определенными сферами употребления и т. п.) представляет собой своеобразный тип знания языка, коренным образом отличающийся от знания языковых значений» [Васильев 1990: 71-72].

В понимании сущности лексического значения мы придерживаемся субстанциональной точки зрения, т. е. считаем значением определенное отображение предмета, явления или отношения действительности в сознании говорящих.

2.2. Лимитирующие семы в их связи с мыслительными категориями

Психологические и логические трактовки значения определили центральный для теории значения и очень важный для семасиологического анализа вообще вопрос, разрабатываемый в русском языкознании советского периода. Им стал вопрос о связи между значением и понятием как результатом познавательной деятельности. Наряду с этим в лингвистике и смежных гуманитарных науках до сих пор не решен однозначно и вопрос о том, какой категории человеческого мышления соответствует семантика слова.

Процесс отражения действительности состоит из нескольких этапов. Сначала через посредство ощущений и восприятий в нашем сознании возникает представление о каком-либо предмете. Представление является умственным аналогом конкретных реально существующих наблюдаемых (либо мыслимых) единичных предметов. Затем в результате абстрагирующей деятельности человеческого мышления возникают понятия, отражающие общие и существенные признаки предметов. Благодаря понятиям, мышление приобретает характер обобщенного отражения действительности.

«Ощущения, восприятия и представления по своей природе конкретны, непосредственно связаны с вещами, которые отражаются ими. Способность человека к обобщению своего жизненного опыта, приобретенного при помощи ощущений, восприятий и представлений, находит свое выражение в *понятиях* (здесь и далее выделено автором. – О. М.) – одной из важнейших форм человеческого мышления. В них человек закрепляет при помощи слов *общие признаки вещей*, какие он накапливает в процессе своего общения с внешним миром, постоянно подвергаясь его воздействиям и реагируя на них своими

действиями» [Булаховский 1954: 17]. В этом замечании Л. А. Булаховского ценно указание на важнейшую черту понятий – существование их только в форме слов.

Эту же мысль со всей определенностью высказывает Е. К. Войшвилло: «Невозможно расчленение предмета на отдельные свойства и тем более выделение определенной совокупности этих свойств и отвлечение ее от всего другого, не прибегая к языку как средству фиксации и выделения этих свойств и отношений» [Войшвилло 1967: 111].

Здесь уместно вспомнить философский принцип единства языка и сознания. Э. Б. Маркарян пишет: «Тождество языка и сознания проявляется в тождестве содержания сознания и языка; содержание сознания как отображения объективного мира есть вместе с тем и содержание (семантика) языка» [Маркарян 1987: 31]. Ранее об этом же говорил П. В. Копнин: «...если язык и познание взять в их полном объеме со всеми составляющими элементами, то они по существу тождественны: язык – это реальное познание, а познание в реальности существует как язык. <...> Язык прежде всего – сама реальность познавательной деятельности человека, это само познание с его результатами, которые реально существуют в обществе» [Копнин 1966: 121]. С философских позиций план содержания языка может быть приравнен к тому уровню познания окружающей действительности, который превалирует в данной культурно-языковой общности.

Таким образом, исследователи со всей определенностью признают, что слова неразрывно связаны с понятиями. Данная связь органична и имеет характер взаимообусловленности. Это единство двух явлений, существование которых невозможно вне такой взаимной связи. Содержание слова невозможно без понятия, понятия не могут существовать вне словесной оформленности.

В философской литературе вопрос о соотношении понятия и лексического значения решается однозначно: значение является отражением признаков понятия, однако в лингвистической литературе это не единственная точка зрения на проблему. Можно вспомнить суждение, высказанное еще Аристотелем: «Слова, выраженные звуками, суть символы *представлений* (выделено нами – О. М.) в душе» [Аристотель 1936: 60]. Е. М. Галкина-Федорук утверждает, что «слово оформляет, формулирует общее представление или понятие как единицу мышления» [Галкина-Федорук 1954: 45]. И. С. Торопцев отмечает: «Идеальная сторона лексических единиц соотносительна с одним из явлений психического ряда: ощущением, восприятием, представлением и понятием» [Торопцев 1975 :17].

Позволим себе уточнить это положение. Во-первых, не все перечисленные явления психического ряда соотносительны с лексическим значением. О подобном соотношении можно говорить лишь применительно к понятию и представлению, так как ощущение и восприятие являются основой последнего. По сравнению с восприятием представление больше обобщено и стоит ближе к понятию: представление абстрагировано от времени и может быть отнесено к настоящему, прошедшему, будущему.

Во-вторых, лексическое значение может быть соотносительно с понятием и представлением в их совокупности либо единственно с понятием, поскольку традиционно за значением слова признается абстрактный характер и в языке существует большое количество слов с сугубо абстрактным значением, но лексическое значение не может соотноситься единственно с представлением – в противном случае слово перестанет выполнять классифицирующую функцию. Представление есть результат непосредственного воздействия предметов, явлений и их свойств на органы чувств, оно выражается в форме чув-

ственного, наглядно-образного знания. В отличие от этого, понятия, как результат обобщенного и абстрактного мышления, опосредованы по отношению к той объективной действительности, которую они отражают.

Безусловно, представление тоже в известной степени абстрактно. Можно вспомнить по этому поводу замечание О. Мандельштама: «Данность продуктов нашего сознания сближает их с предметами внешнего мира и позволяет рассматривать представления как нечто объективное» [Мандельштам 1987: 66]. Конкретно-чувственное содержание представлений – это, скорее, «память о чувственном», обобщение этого чувственного опыта. «Являясь формой индивидуального чувственного отражения, представления человека опосредованы языком, наполнены общественным содержанием, осмыслены и осознаны» [ФЭС 1983: 526]. Но степень абстракции в представлении намного ниже, чем степень абстракции в понятии. В представлении существенное, необходимое, общее не отделено от несущественного, случайного, индивидуального. Поэтому, оставаясь на уровне представлений и не поднимаясь до обобщения в форме понятий, язык был бы ограничен в возможностях обеспечения всех коммуникативных актов. Другими словами, представление может отражаться в лексическом значении лишь наряду с понятием.

В литературе неоднократно высказывалась мысль о том, что в значении слова сочетаются абстрактно-понятийные и конкретно-чувственные моменты [см., например, Кацнельсон 1972; Кравченко 2001; Лакофф 2004; Серебrenников 1983; Славин 1971; Солганик 1987; Стернин 1979; 1985, хотя целый ряд ученых возражает против этого – см., например: Бархударов 1975; Панфилов 1977; Чикобава 1967]. Однако это положение относилось лишь к конкретно-предметной лексике. Мы считаем, что представление соотносится

с лексическим значением и других лексико-грамматических разрядов слов, в том числе и достаточно абстрактных по содержанию, что будет доказываться ниже.

Наличие связи между понятием и значением слова не ставилось под сомнение ни одним исследователем, дискуссионными оставались другие вопросы: как конкретно соотносятся значение и понятие, является ли значение слова не более как понятием, воплощенном в звуках, или же это нечто особое, отличное от понятия, не совпадающее с ним. В разных концепциях понятие и значение слова то разводятся, вплоть до противопоставления, то сближаются, практически до отождествления.

Наиболее признанной является точка зрения, согласно которой значение слова и понятие представляют собой принципиально одно и то же явление, но различаются углом зрения, под которым исследуется данный феномен, и глубиной осмысления последнего.

Понятие обычно рассматривается как итог познания, в котором резюмируется определенная совокупность знаний. В понятиях аккумулируется общественно-историческая практика людей, в них подытоживаются знания, накопленные за известный период. Понятие – то общее, что присуще бесконечному множеству явлений, но это общее не является продуктом субъективного произвола людей. Понятие – это продукт и затем инструмент классифицирующей способности человека. Функция понятия состоит в установлении факта принадлежности некоторого предмета к определенному классу. Так, летучую мышь нельзя отнести к классу птиц, несмотря на то что это существо летает, потому что у нее отсутствуют перья, клюв и она не откладывает яиц. Понятие «летучая мышь» не имеет всех необходимых признаков, которые формируют понятие «птица» [пример взят из: Вежбицкая 1996]. Понятия сопоставляются между собой не только глобально,

как целостные категории мышления, но своими составными частями, элементами. Так, *туфли* – род обуви, закрывающей ногу не выше щиколотки. Невысокая обувь (но по щиколотку и выше) на шнурках, пуговицах или молнии – это *ботинки*; обувь с высокими голенищами – это *сапоги*; сапоги, имеющие голенища с высоким раструбом, – это *ботформы*; сапоги теплые, сваленные из шерсти, – это *валенки*. Как видно, признак ‘высота голенища’ служит для сопоставления понятий, представленных лексемами *туфли*, *ботинки*, *сапоги*. Признак ‘форма голенища’ является различительным для понятий, отраженных в лексемах *сапоги* и *ботформы*, а признак ‘материал, из которого изготовлен данный предмет’ различает *сапоги* и *валенки*. Таким образом, понятие – это совокупность упорядоченных элементов. Вывод о том, что понятие – это совокупность элементов-признаков, сыграл важную роль для развития теории лексического значения.

В конце прошлого столетия мысль о различии между значением слова и понятием была высказана А. А. Потебней: «Что такое «значение слова»? Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела. Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук. Например, говоря о значении слова *дерево*, мы должны перейти в область ботаники, а по поводу слова *причина* или причинного союза – трактовать о причинности в мире. Но дело в том, что под значением слова вообще разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, — дальнейшим значением слова» [Потебня 1958: 7–8]. Развитие этой мысли А. А. Потебни находим во многих современных исследованиях.

В частности, В. М. Солнцев пишет, что значение есть «упрощенное понятие»: «Значение в слове есть тот минимум признаков понятия, который делает слово понятным и позволяет ему функционировать в речи. С учетом этих ограничений значение можно определить как категорию однородную с понятием» [Солнцев 1977: 111]. По мнению Л. А. Новикова, это понятие неизмеримо богаче по своему содержанию, чем то, что мы называем значением. В значение слова включаются не все, а только те признаки, которые позволяют нам «опознать» обозначаемый предмет, дают возможность отграничить данное слово от других близких по семантике слов в процессе обычного, обиходного общения» [Новиков 1982: 39]. Современное языкознание утверждает, что «значение стремится к понятию как к своему пределу» [Степанов 1975 :11].

Таким образом, по мысли большинства ученых, понятие и значение связаны партитивными отношениями – как обобщенное и более узкое. При таком подходе понятие рассматривается как научный феномен, являющийся достоянием специальных наук, в то время как значение – это сокращенное когнитивное понятие, «наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т. п.» [Апресян 1995: 56], (в другой терминологии – «упрощенное понятие» [Солнцев 1977], «повседневное широкое понятие» [Горский 1957]), это бытовое знание, то есть то, что человеку необходимо знать о предмете для повседневной практической деятельности. Яркий пример расхождения между наивными и научными понятиями дал еще Л. В. Щерба, считавший, что термины обладают разными значениями в общеизвестном и специальном употреблении: «Прямая определяется в геометрии как ‘кратчайшее расстояние между двумя точками’. Но в литературном языке это, очевидно, не так. Я думаю, что прямой мы называем в быту

линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)» [Щерба 1958: 68].

Для разграничения этих явлений С. Д. Кацнельсон вводит оппозицию «формальные и содержательные понятия» [Кацнельсон 1965]. Слово отражает формальное понятие и лишь называет содержательное. Н. И. Кондаков отмечает, что формальное понятие – это по существу дефиниция понятия, перечисление существенных признаков, а содержательное понятие – это понятие как система знаний. И в формальном понятии нет ничего «формального», оно отражает существенные признаки и относится к содержательному как неполное к полному [Кондаков 1975: 460]. Сходной точки зрения придерживается В. М. Богуславский: «В качестве значения того или иного слова в данном языке используется не все полностью содержание соответствующего понятия, а лишь некоторая его часть, известная всем членам общества» [Богуславский 1957: 244]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров разграничивают лексические и терминологические понятия [см.: Верещагин, Костомаров 1980]. Первые – это понятия, соответствующие обыденному уровню отражения действительности, понятия обиходные, свойственные всем членам этнокультурной и языковой общности. В терминологических понятиях объективируется научный уровень отражения действительности, и они далеко не всегда обладают свойством повсеместной распространенности.

Всесторонний анализ проблемы соотношения значения и понятия, «дифференциального и содержательного понятия», дан И. А. Стерниным [1979]. Сопоставив и обобщив разные взгляды, ученый приходит к аналогичному выводу, что дифференциальное понятие полностью входит в содержательное и эти виды понятий не два различных результата отражения, а два уровня отражения. Значение, реализуемое в языке, является лишь частью более общего понятия.

Вместе с тем И. А. Стернин делает шаг вперед и утверждает, что «значение слова есть глобальное, многомерное и объемное понятие в единстве его содержания и объема. Понятие входит в денотацию слова в единстве своих многочисленных признаков – более и менее существенных, основных и латеральных и т. д.» [Стернин 1979: 53].

Обобщая сказанное, еще раз подчеркнем, что большинство языковедов не отождествляют значение и понятие научное (терминологическое), признавая значение частью этого понятия, и вместе с тем ставят знак равенства между значением и понятием донаучным, бытовым (логическим), включающим общие и наиболее существенные для носителя языка признаки предмета. В семасиологической литературе значение описывается как «высшая ступень отражения действительности в сознании человека, та же ступень, что и понятие», «значение отражает общие и одновременно существенные признаки предмета, познанные в общественной практике людей» [Степанов 1975: 13].

Проблема соотношения понятия и значения была предметом пристального внимания в работах Э. В. Кузнецовой. Основопологающим положением для нее было то, что логические понятия являются мыслительными коррелятами (аналогами) лексических значений слов. Понятие имеет две основные характеристики – объем и содержание. Лексические значения слов определяются прежде всего содержанием понятия [Кузнецова 1989 :21–23]. Другими словами, в основе значения слова лежит понятие, и поскольку понятие представляет собой конъюнкцию признаков – общих и в совокупности специфических для предметов или явлений некоторого класса, то соответствующие признаки мы обнаруживаем в лексическом значении слова, и именно они, как правило, манифестированы словарной дефиницией.

Для подтверждения этой мысли Э. В. Кузнецова сравнивает понятие и лексическое значение, зафиксированное в словаре (разумеет-

ся, речь идет только об обыденном понятии с его общеизвестными признаками): «...понятие «дерево» включает в себя такие признаки, как 1) растение, 2) многолетнее, 3) имеющее ствол и ветви, 4) покрытое листьями. Сравним определение значения слова *дерево*: ‘многолетнее, крупное или мелкое растение с твердым стволом и ветвями, образующими игловидную или листоносную крону’ (БАС, 3, 712); ‘многолетнее растение с твердым стволом и ветвями, образующими крону’ (МАС, 1, 388)» [Кузнецова 1989: 22].

Безусловно, сходство есть: все признаки понятия коррелируют с признаками лексического значения слова. Однако словарная дефиниция зафиксировала и отсутствующие в понятии признаки: ‘крупное или мелкое (растение)’; ‘игловидная или листоносная (крона)’.

Если принять во внимание названное выше соотношение между понятием и значением, то можно было бы предположить, что дополнительные элементы толкования отражают признаки научного понятия, более глубокого по сути, чем бытовое. Но содержание этих признаков противоречит этому предположению. Признаки *крупное* или *мелкое* являются несущественными, так как *размер* – это не определяющий признак понятия *дерево*. Растение любого размера с твердым стволом и кроной входит в класс деревьев, будь это эвкалипт или секвойя, высота которых достигает 100 м, или широко распространенные в культуре Японии карликовые растения, высота которых не превышает 1 м. Уточняющие определения *игловидная* или *листоносная* вообще являются некорректными с научной точки зрения, так как игловидные – это одна из разновидностей листьев, наряду с шиловидной, щетиновидной, цилиндрической и иными формами. То есть в словарном толковании выделены признаки, не являющиеся существенными и необходимыми для идентификации предмета и, следовательно, не входящие в понятие.

Возьмем другие случаи: в содержании понятия *бархат* можно выделить следующие признаки: 1) ткань, 2) имеющая плотный короткий вертикальный ворс на лицевой стороне. Лексическое значение слова *бархат* представлено в толковых словарях следующим образом: 'ткань (обычно шелковая) с густым мягким ворсом на лицевой стороне'. Как мы видим, лексическое значение, зафиксированное в словаре, «больше» понятия на одну величину – вероятностный признак *обычно шелковая*. Этот элемент значения не может быть безусловно приписан семеме, потому что названное свойство встречается не у всех представителей данного класса (бархат бывает и на хлопчатобумажной основе). Следовательно, семантический ограничитель с вероятностным маркером *обычно* не может быть осознан как обобщенный признак понятия.

В понятие, закрепленное за словом *анаконда*, входят классификационные признаки: 1) змея, 2) семейства удавов, 3) самая крупная. Лексическое значение представлено в словаре таким образом: 'самая крупная змея семейства удавов (водится в Бразилии и Гвиане)'. Помимо семантических признаков, совпадающих с признаками понятия, в лексическое значение входит ЛС, очерчивающая место обитания этого пресмыкающегося. Признак *место обитания* принадлежит научному понятию, но он, конечно, является важным и для наивной картины мира. Этот признак находит отражение в энциклопедической статье, но не в семантической части, служащей для раскрытия понятия, а в предметной части, в которой «в деталях раскрывается денотативная область с ее реалиями и отношениями между ними, ставшими базой для образования соответствующего понятия» [Киселевский 1979: 92].

Сопоставление лексических значений, имеющих ЛС, и соответствующих им понятий также подтверждает наши выводы,

что лексическое значение отличается от понятия именно ограничительным компонентом. Ср.: *поспеть* ‘стать спелым, созреть (о плодах, злаках)’; *возделывать* ‘выращивать, разводить (растения)’; *запрудить* ‘перегородить запрудой (реку, поток)’ и под. Во всех дефинициях основная часть толкования отражает понятие, а ДОФТ, заключенный в скобки, – непонятийную часть значения.

Приведенные примеры являются лишь малой частью случаев расхождения между понятием (формальным, бытовым) и лексическим значением. Анализ материала показал, что ЛС отражают неинвариантные признаки, которые нельзя приписать понятию именно по причине их неуниверсальности, ограниченности. Особенности оформления ДОФТ (перечислительный ряд соединительного или разделительного типа, маркеры вероятности *обычно, преимущественно, часто* и под. скобки) подчеркивают автономность их содержания по отношению к понятийной части дефиниции. Таким образом, выделенный нами ограничительный компонент представляет собой непонятийную часть значения слова.

В логической литературе разводятся дедуктивно-логическое и индуктивно-эмпирическое понятия (ср. в работах А. А. Уфимцевой конструктивно-логическое и индуктивно-прагматическое: [Уфимцева 1986]). Дедуктивно-логические понятия строги; признаки, включенные в их содержание, обязательно должны обнаруживаться у всех предметов этого класса. Такие понятия не могут быть модифицированы, они могут быть только принципиально переформулированы. Индуктивно-эмпирические понятия отражают диалектичность природы самих вещей, качества объективного мира: отсутствие резких границ между предметами и явлениями, наличие взаимосвязей и взаимопереходов. Эти понятия возникают в результате индуктивного обобщения и соответствуют особенностям нашего сознания, вос-

принимающего и общее, и отдельное, конкретное в объективной действительности. Они представляют собой компонент общей структуры знания, сложившегося в человеческом сознании. Это совокупность дополнительных признаков, добытых познающим субъектом в итоге эмпирического использования и соответствующей оценки данной объективной сущности. Наблюдая вещи, познавая их свойства и отношения, человек обнаруживает все новые признаки, поэтому индуктивно-эмпирическое понятие не имеет жестко детерминированной структуры из конечного числа признаков, оно является вероятностной структурой. Те компоненты значения, которые связаны, на наш взгляд, с представлением, как раз и соотносятся с индуктивно-эмпирическим понятием. Именно они обуславливают такое важное качество значения слова, как неопределенность, размытость, и обеспечивают способность слова к отражению бесконечного процесса познания.

В основе лексического значения лежит дедуктивно-логическое понятие, поскольку по самой природе познания и обобщения имеется потребность в четком формулировании понятия. Для разграничения дедуктивно-логического и индуктивно-эмпирического понятий М. В. Никитин использовал термины интенционал и импликационал. Под импликацией понимается предсказание одними семантическими признаками, входящими в дедуктивно-логическую часть значения, других семантических признаков. Когда такая предопределенность является жесткой, «тогда имплицитруемые понятия-признаки опосредованно вовлекаются в содержание значения, составляя часть его информационного потенциала» [Никитин 1974: 34]. Импликационал в лексическом значении совпадает с лимитирующими семами, отражающими представление о факте реальной действительности.

Итак, анализ словарного материала и наши выводы противостоят утверждению о том, что понятие и значение находятся в партитивных отношениях. Скорее, наблюдаются отношения эквивалентности, пересечения. Понятие образует основной, необходимый элемент лексического значения, но не исчерпывает собой всего этого значения (ср. замечание Л. М. Васильева: «...значение лишь перекрещивается с понятием, но не совпадает с ним» [Васильев 1981: 18]). Тогда естественно возникает вопрос, с какой категорией мышления соотносятся ЛС, манифестированные в словаре ДОФТ? На наш взгляд, эти компоненты отражают наши знания о мире и связаны с представлением о данном предмете, действии, явлении в коллективном языковом сознании. Они отражают конкретные, чувственно осознаваемые, реально присутствующие в сознании типичного представителя языкового коллектива признаки предмета или явления, хотя эти признаки и не являются обязательными для всего класса денотатов. Безусловно, представление любого человека о конкретном предмете, называемом словом, индивидуально, но в этом индивидуальном представлении есть часть, общая для всех говорящих, т. е. и представление в известной степени выполняет функцию обобщения. В индивидуальном сознании слово присутствует не со всеми его признаками, а только с некоторыми, наиболее типичными для соответствующего объекта.

Мысль о том, что в семантике слова существуют некоторые непонятийные компоненты смысла, уже высказывалась учеными. Так, В. М. Богуславский отмечает, что вместе с понятиями и в связи с ними «в словах находят свое закрепление восприятия и представления, которыми в большей или меньшей степени «обрамлена» каждая отвлеченная мысль» [Богуславский 1957: 245–246]. Приоритет в подробном и полном описании этой проблемы принад-

лежит Е. М. Верещагину и В. Г. Костомарову, которые со всей определенностью заявили, что «семантика слова лексическим понятием не исчерпывается» [Верещагин, Костомаров 1980: 25]. Авторы развивают континентическую, или рационалистическую, теорию языка. Суть концепции сводится к наделению слова кумулятивной функцией. В значении выделяются понятийные семантические доли (СД) и непонятийные СД, или лексический фон. Однако остается неясным, какая часть семантики слова представляет понятие, а какая непонятийный компонент. В то же время авторы говорят о возможности объективировать лексический фон, причем разными способами, среди которых главное место, по мнению исследователей, принадлежит работе с информантами (опрос и эксперимент) и изучению лексикографических источников. Но в толковых словарях информацию, относящуюся к лексическому фону, можно извлечь, считают ученые, только из иллюстративной части и из показа сочетаемости заголовочного слова, тогда как собственно толковательная часть отражает лишь лексическое понятие.

ДОФТ, как мы показали, тоже связаны не с понятием, а с представлением, т. е. принадлежат «лексическому фону», но располагаются они в зоне семантизации. Следовательно, и в объяснительной части статьи находят отражение непонятийные семантические доли. В количественном отношении число фоновых семантических долей, входящих в семему, значительно больше, чем число понятийных семантических долей. Безусловно, все непонятийные семантические доли не могут быть семантизированы в дефиниции толкового словаря, и этого не происходит. Из большого числа непонятийных долей в словарном толковании фиксируется лишь один–два признака как лимитирующие семы. И, хотя лексический фон выделяется (может выделяться) в каждой семеме, потому что логическое яд-

ро значений всегда обрастает более или менее тесно связанными с ним чувственными образами, не каждая словарная дефиниция включает ДОФТ. Естественно возникает вопрос, какие из непонятных долей включаются в словарную дефиницию, т. е. представляют собой ЛС? В своем исследовании мы попытаемся дать ответ на этот вопрос.

Таким образом, развивая проблему соотношения понятия и значения, мы можем сказать, что лексическое значение слова формируется не только признаками понятия – результата обобщенного отражения действительности, но в нем закреплены устойчивые ассоциации носителей языка, связанные с ментальными представлениями об обозначаемом, т. е. результат чувственного познания окружающего мира, основанного на коллективном национальном опыте. Такое понимание структуры значения находится в полном соответствии с фундаментальным свойством языка – признаком антропоцентризма. Именно генерализованное представление обнаруживает непосредственно человеческий элемент в значении слова. Наличие в лексическом значении результатов двух уровней мыслительного освоения реального мира – логически осознанного и чувственного – находит отражение при объективации лексической семантики в словаре. В словарной дефиниции можно выделить основную часть толкования, в которой представлены общие и существенные признаки реалии, т. е. понятие, и ограничительную часть толкования, семантизирующую стереотипные, но неинвариантные признаки, т. е. представление. Вследствие этого можно говорить об особой природе лимитирующих сем по сравнению с другими компонентами лексического значения. По своей природе ЛС являются результатом индуктивного обобщения явлений реального мира и их свойств. Они отражают диалектичность природы самих вещей и представляют собой компонент общей структуры знания, отложившегося в человеческом созна-

нии. Благодаря ЛС и лежащему в его основе представлению, значение слова способно вызывать яркий образ предмета или ситуации и в то же время обеспечивать обобщение.

2.3. Лимитирующие семы на фоне современных теорий значения

Понимание соотношения понятия и значения как общего и частного, трактовка значения как совокупности наиболее существенных и общеизвестных признаков понятия явились следствием структурного подхода к языку вообще и к слову в частности, приведшего на смену логическому и психологическому направлениям. Возникновение структуральных методов связано со стремлением к более упорядоченному представлению наблюдаемых фактов в духе непротиворечивости, ясности и исчерпанности. Разработка проблемы структуризации лексического значения привела исследователей к выводу о том, что «дискретность является одним из обязательных свойств языкового значения, определяющих системный характер языка» [Васильев 1981: 5].

Идея о лексическом значении как структуре в теоретическом плане была впервые высказана Л. Ельмслевом. Значения могут быть разложены на «фигуры плана содержания», не имеющие коррелятов в плане выражения [Ельмслев 1960]. Это теоретическое положение явилось основой для создания методики компонентного анализа (перенесенной в лексическую семантику из фонологии, где анализ по дифференциальным признакам проводился в течение десятилетий), благодаря которой через понятие *компонент значения* была описана семантика многочисленных разрядов слов.

Исследования лексики на основе компонентного анализа очертили круг так называемой дифференциальной семасиологии. Согласно

дифференциальному подходу значение слова представляет собой элементарную структуру, т. е. в значение входят лишь некоторые признаки из понятия, необходимые для отграничения одного предмета от другого. Так, Н. Г. Комлев пишет: «Значение содержит лишь минимум различительных черт» [Комлев 1969: 75]. Данный минимум признаков определяется на основе оппозитивного метода (его называют еще принципом Хольта), то есть число семантических компонентов определяется набором противопоставлений, в которых участвует слово. В результате выявившихся различных системных оппозиций создается дифференциальная модель значения слова. Ср. примеры, приводимые Ю. Д. Апресяном: *жеребец* = ‘лошадь + самец’, *кобыла* = ‘лошадь + самка’, *кобель* = ‘собака + самец’, *сука* = ‘собака + самка’, *мужчина* = ‘человек + самец + взрослый’, *женщина* = ‘человек + самка + взрослая’, *мальчик* = ‘человек + самец + невзрослый’, *девочка* = ‘человек + самка + невзрослая’ и т. д. [Апресян 1995: 7]. Дифференциальная модель лексического значения включает в себя минимальное количество дифференциальных признаков (иначе – семантических компонентов, семантических множителей, маркеров, фигур плана содержания, семантических примитивов, сем), существенных и необходимых для противопоставления одного значения другому. Несмотря на то что анализ такого рода является чисто языковым, без примесей логического, все же семантические компоненты коррелируют с признаками понятия, что закономерно и вполне объективно – ведь понятие не только выделяет общее, но и расчленяет предметы, их свойства и отношения, классифицируя последние в соответствии с их различиями. Дифференциальный признак, или сема, в понимании лингвистов дифференциального направления, – это элементарный, далее не делимый структурный компонент семемы как дискретной единицы. Д. Н. Шмелев объясняет, что каждый семантический признак

«потому и выделяется как существенный для данного значения, что обусловлен определенным парадигматическим противопоставлением слову какого-то другого слова или нескольких слов» [Шмелев 1973: 108]. На примере слова *река* он доказывает, что в лексическое значение этого слова должны войти такие элементы: ‘определенный размер’, ‘определенная форма, обусловленная характером течения воды’ и ‘естественное происхождение’, поскольку по первому признаку слово *река* противопоставит словам *речка, ручей*; по второму признаку – словам *пролив, озеро, море, океан*; по третьему – словам *канал, пруд, водохранилище*.

Главный вывод дифференциальной семасиологии можно свести к следующему: основная функция языкового значения – отграничение, а основное содержание этого значения – набор необходимых дифференциальных признаков, взятых из признаков понятия. Вследствие этого компоненты значения, соотносимые не с понятием, а с представлением, в частности лимитирующие семы, оказываются вне поля зрения исследователей.

Преимущественно дифференциальный подход к значению характерен для Ю. Д. Апресяна [1967; 1980; 1994; 1995], А. Вежбицкой [1983; 1996; Wierzbicka 1985], Л. М. Васильева [1971; 1981; 1985; 1990], Л. Ельмслева [1960], А. К. Жолковского и И. А. Мельчука [1967; см. также: Мельчук 1995], Дж. Катца [1981], Л. А. Новикова [1982].

В 60-е годы традиционная теория дифференциальных семантических признаков была существенно дополнена концепцией интегральных признаков [см., например: Найда 1970; Степанов 1977; Толстой 1968; Трубачев 1980; Шмелев 1964], то есть таких семантических компонентов, по которым одно значение не противопоставляется никаким другим значениям в пределах определенного класса (группы).

Интегральные признаки, заполняющие лексическое содержание слов, по мнению Ю. С. Степанова, «образуют «единичное», «индивидуальное» в значениях слов и поэтому не могут быть сопоставлены с элементами означаемых других слов» [Степанов 1977: 269]. О несопоставимых семантических «остатках», которые сохраняются после вычленения дифференциальных сем, пишет О. Н. Трубачев [1980]. Дж. Катц, Дж. Фодор и П. Постал разграничивают маркеры (синтаксические и семантические) и дистинкторы. Под синтаксическими маркерами понимаются общекатегориальные грамматические значения синтаксических классов слов (существительных, прилагательных, глаголов) и лексико-грамматические значения (например, значения одушевленности, абстрактности у существительных, качественности у прилагательных, переходности у глаголов), под семантическими маркерами – дифференциальные признаки, повторяющиеся в других значениях, а под дистинкторами – тот семантический остаток, который не поддается дальнейшему разложению на составные компоненты и не повторяется в других значениях (интегральный компонент) [Katz, Fodor 1963; Katz, Postal 1964].

Несколько шире понимает интегральные семантические признаки Д. Н. Шмелев. К их числу он относит и все индивидуальные признаки в значениях денотативов, и общие элементы в значениях парадигматически противопоставленных слов. «Устанавливая парадигматические отношения между теми же словами *река, ручей, канал, озеро* и т. д., мы выделяем, естественно, в значениях этих слов не только дифференциальные элементы, но также и то общее, что их объединяет, а именно компонент «водоем», который <...> должен рассматриваться здесь как нерасчлененный интегральный признак» [Шмелев 1973: 154]. С таким расширенным пониманием значения словосочетания *интегральный признак* трудно согласиться по той причине, что

Д. Н. Шмелев, наряду с *дифференциальными* и *интегральными* признаками, выделяет *категориальные* семантические признаки, которые содержатся в общих значениях, неразложимых на дифференциальные признаки из-за преобладания сигнификативной функции слова (у слов типа *вещество*, *существовать*), и по которым весь словарный состав языка может быть разбит на определенные классы. В соответствии с таким определением логично отнести интегральные элементы в значениях парадигматически противопоставленных слов к числу категориальных, потому что по ним также устанавливаются лексические группировки, хотя и меньшего объема. Употребление термина *интегральный* в оппозиции к *дифференциальный* предполагает их существенное противопоставление, и поэтому точнее, на наш взгляд, в данном случае будет дихотомия *дифференциальный* – *недифференциальный*.

Более распространенным является противопоставление *дифференциальный* – *интегральный* (интегративный [Бережан 1988а]) с учетом функциональных особенностей этих признаков: дифференциальные признаки служат для разграничения значений, а интегральные – для их объединения. Именно такое содержание мы признаем за дихотомией *дифференциальный* – *интегральный*.

Интегральные и дифференциальные семы как существенные компоненты значений соответствуют признакам, формирующим понятие о данном предмете. Эти признаки фиксируются в основной части словарных толкований номинативных единиц. По сути, дифференциальные признаки выполняют метаязыковую функцию описания значения слова, но в лингвистике не существует единого мнения об их количестве и списочном составе, хотя признается бесспорным факт, что число этих признаков невелико.

При дифференциальном подходе к значению исследователи выделяют семантические компоненты элементарного типа (семы, семантические примитивы, семантические множители, элементарные значимости), одной степени сложности. Позднее в исследованиях структурного направления сложился иерархический подход к значению, сторонники которого исходят из признания неоднородности лексического значения и членят его сначала на крупные блоки – макрокомпоненты, а затем выделяют в составе этих блоков микрокомпоненты [Арнольд 1970; 1973; Гинзбург 1978; Стернин 1979; 1985 и др.].

Макрокомпоненты – это крупные семантические блоки, которые определяют основную специфику семантики слова. Число макрокомпонентов неодинаково в разных концепциях. По мнению И. А. Стернина, в семему входят как обязательные денотативный, коннотативный, функционально-стилистический, грамматический, фоносемантический макрокомпоненты и факультативно – эмпирический макрокомпонент [Стернин 1985: 42–43]. Л. М. Васильев выделяет в структуре значения денотативный, или эмпирический, сигнификативный, или рациональный, и коннотативный макрокомпоненты или аспекты [см.: Васильев 1985: 39]. В отличие от Л. М. Васильева, И. А. Стернин разграничивает макрокомпонентное и аспектное направления в изучении лексического значения. Аспекты, по мнению ученого (в другой терминологии – стороны, слои, параметры, типы информации, конституирующие факторы лексического значения), отражают разные стороны значения, различные проявления значения в системе языка или в речи. Они представляют собой «результат осмысления всего значения в целом с какой-либо его стороны» [Стернин 1985: 41]. Выделяются самые различные аспекты – сигнификативный, денотативный, лексический, грамматический, коннотативный, эмоциональный, оценочный, прагматический, структурный, син-

тагматический, сочетаемостный, культурно-исторический, идеологический, социальный, лингвострановедческий, фоновый и др.[см., например, Комлев 1969; Косовский 1974; 1975; Плотников 1981; 1984; Селиверстова 1968; 1975].

Нам кажется неправомерным разграничивать эти направления, так как аспект значения, или определенный взгляд на значение, – это основа, та площадка, стоя на которой мы можем вычлениить тот или иной компонент значения. И. А. Стернин отмечает, что для аспектного подхода характерно неразличение понятий *аспект значения* и *компонент значения*. С этим можно согласиться лишь до определенного предела, ибо слово *аспект* означает не только ракурс изучения, но и результат этого изучения и в последнем смысле совпадает с понятием *компонент значения*.

Этот вывод объясняет, на наш взгляд, совпадение компонентов, выделяемых в рамках разных направлений (макрокомпонентного и аспектного). Несмотря на различия в типологии макрокомпонентов значения, все ученые признают обязательными составляющими грамматический и денотативный компоненты. Однако объем и сущность денотативного макрокомпонента определяются по-разному. В литературе по семиотике, начиная с классической работы Г. Фреге о значении и смысле, семантику знака принято рассматривать на двух уровнях – денотативном (референционном) и сигнификативном. Денотатом знака называется класс обозначаемых им фактов, а сигнификатом – общие признаки всех фактов этого класса.

Большинство исследователей лексической семантики также противопоставляют денотативный компонент сигнификативному. Ю. С. Степанов еще в работе 1964 г. обращал внимание на теоретическую возможность двух различных определений значения слова – по

денотату и по сигнификату [Степанов 1964]. Позднее противопоставление денотативного/сигнификативного приобрело системный характер [см.: Караулов 1976; Комлев 1969; Уфимцева 1974; Шмелев 1964; 1973]. Наличие этих компонентов в значении слова вытекает из выполняемых им функций. Будучи знаком, слово выполняет репрезентативную функцию, т. е. обладает способностью «обобщенного и опосредованного представления окружающего и внутреннего мира человека» [Уфимцева 1986: 87]. В то же время слово обладает номинативной функцией – обозначения фактов и явлений объективной действительности. Эти функции представляют собой две стороны одного и того же явления – отражения реальной действительности с помощью знаков. Следствием этого является предметная и понятийная отнесенность слова. Поэтому описать знаковое значение слова можно через понятие денотативного и сигнификативного компонентов. Денотативный означает связанный с предметным рядом, с миром реальных явлений; это представление о конкретном предмете, возникающее в сознании. Сигнификативный имплицитно подразумевает понятийный признак, мыслительный аналог класса однородных явлений; это понятие о предмете, признаке, ситуации со всеми существенными свойствами.

Теоретически четкое и строгое противопоставление вызывает, тем не менее, затруднение в практическом разграничении названных макрокомпонентов, особенно в конкретных именах существительных. Любопытный пример взаимосвязи и различия денотативного и сигнификативного компонентов приводит Л. Е. Кругликова: «Прочитав в словаре, что дикобраз – «млекопитающее отряда грызунов, спина и бока которого покрыты длинными, крепкими иглами», но ни разу не видя данное животное, мы еще не знаем полностью значения данного слова. И наоборот: познакомившись с каким-то словом путем

созерцания называемого им предмета, мы не можем с полной достоверностью сказать, что знаем значение этого слова, ибо какие-то случайные признаки можем воспринять как существенные, если не познакомимся с другими предметами этого класса» [Кругликова 1988: 9]. В первом случае мы знаем лишь понятие о животном (сигнификативный компонент значения), но не имеем представления о нем. В нашем сознании может возникнуть мысленный образ этого животного, но он будет придуманным, вымышленным и вряд ли (или только в самых общих чертах) похожим на настоящего дикобраза – мы не владем денотативным компонентом значения. Во втором случае у нас есть представление о конкретном предмете (денотативный компонент значения), но не произошел переход от чувственной ступени познания к абстрактному мышлению, к обобщению, не сформировано понятие об этом предмете, т. е. нам неизвестен сигнификативный компонент значения.

Другую иллюстрацию соотношения денотативной и сигнификативной частей значения приводит Ю. С. Степанов. Это иллюстрация с помощью схемы семантического треугольника (треугольник Огдена–Ричардса). «От фонетического слова (например, рус. *петух*) одна связь идет через сознание к предмету внешнего мира (реальным петухам, обобщенным в класс «петух»), другая связь – к понятию о петухе. Класс петухов – это денотат, понятие о петухе – это сигнификат» [Степанов 1981: 50]. Вывод, следующий из этой иллюстрации, свидетельствует, что в значениях конкретных имен существительных денотат – это объем понятия, а сигнификат – это содержание понятия. Так же рассматривает денотат и сигнификат А. А. Уфимцева, но она вводит трехчленный ряд: «материальный денотат» (предмет) – «идеальный денотат» (представление о предмете) – сигнификат [см.: Уфимцева 1980: 29].

Э. В. Кузнецова выделяет в качестве компонента лексического значения лишь сигнификат (десигнат) – мыслительный аналог класса однородных явлений (денотата), называемых словом. Денотат, по мнению ученого, – это «явления реальной действительности, подлежащие именованию», причем «денотатами слова могут быть не только объекты, доступные нашему непосредственному восприятию (предметы типа дом, дорога, книга и т. п.; качества типа красный, твердый, узкий; действия типа бежать, кричать, бросать и т. п.), но и так называемые «идеальные предметы» – отвлеченные понятия определенной степени абстракции (например, труд, цель, защита, мир; общий, будущий, ценный; победить, приобрести, соответствовать)» [Кузнецова 1989: 18–19]. Иначе говоря, для Э. В. Кузнецовой денотат существует в реальном или мыслимом мире и ждет своего слова, т. е. выступает как стимул, причина возникновения языкового знака-слова, а сигнификат – это компонент содержательной стороны языкового знака, отражающий денотат. Денотат и сигнификат, безусловно, взаимосвязаны, но находятся в разных плоскостях. Сигнификативный компонент в концепции исследователя оказывается двойственным: соединяет обобщенное и наглядно-образное, чувственное отражение предмета, совмещает две формы мышления – понятие и представление.

Своеобразное понимание денотативного компонента находим у И. А. Стернина: «Под денотативным компонентом значения понимается часть значения, отражающая в обобщенной форме предметы и явления внеязыковой действительности. Денотативный компонент имеет в своей основе понятие, которое характеризует внеязыковой объект; отнесенность к предмету внеязыкового характера – основная черта денотативного компонента значения» [Стернин 1979: 32]. Как видно из приведенного высказывания, денотативный компонент фак-

тически совпадает с общим пониманием сигнификата. Признавая, что в значениях слов конкретной семантики может отражаться обобщенное представление о предмете, исследователь выделяет в семантике этих слов эмпирический компонент, который, по сути, соответствует общепринятому пониманию денотативного компонента.

Итак, если исключить весь терминологический разнобой, можно видеть, что большинство исследователей разграничивают в структуре лексического значения такие макрокомпоненты: денотативный (эмпирический), связанный с миром вещей, и сигнификативный (рациональный, или концепт, понятийное содержание), соотносимый с миром понятий.

Любопытным представляется такое наблюдение. Для подтверждения наличия денотативного компонента в лексическом значении все без исключения лингвисты приводят примеры слов с конкретным значением: идентифицирующих имен существительных; глаголов, обозначающих физическое или звукоподражательное действие; имен прилагательных, называющих физические свойства – размер, консистенцию, объем. А в качестве примеров, свидетельствующих о сигнификативном компоненте, – абстрактные существительные, глаголы и прилагательные с отвлеченной семантикой. Это, конечно, справедливо, поскольку читатель может отчетливо представить сущность каждого из компонентов, но закономерно возникает ряд вопросов: означает ли такой подбор, что слова делятся на денотативные и сигнификативные; присутствует ли в значениях слов первой группы сигнификативный компонент и, наоборот, в словах второй группы – денотативный?

На первый вопрос ученые отвечают по-разному. Ю. С. Степанов, двигаясь в направлении от синтаксиса к словарю, утверждает, что «в словаре любого языка, на основе внутренних се-

мантических связей словаря, слова естественным образом соединяются в две группировки различного характера: 1) денотативную лексику, тяготеющую к обозначению предметов внешнего мира, денотатов, и 2) сигнификативную лексику, тяготеющую к обозначению понятий, сигнификатов» [Степанов 1981: 59]. С этим положением можно согласиться только применительно к синтаксису для объяснения различий между словами, предназначенными для выполнения функций субъекта либо предиката высказывания. С точки зрения лексикологии вряд ли справедливо делить словарь на такие типы лексем. Относительность этого деления и его зависимость от синтаксической системы отмечает и сам исследователь: эти группировки «являются не абсолютными, а относительными и подвижными» [там же: 51].

Иного взгляда придерживается А. А. Уфимцева, трактующая проблему с позиций лексикологии, от слова как знака, как единицы лексико-семантической системы. По ее мнению, нельзя взаимоисключаяще противопоставлять слова с денотативным и сигнификативным компонентами. «Денотативный и сигнификативный компоненты знакового значения представляют собой лишь разные, но взаимозависимые и взаимосвязанные в единое диалектическое целое уровни освоения предметной сферы, они взаимопроникают как чувственное и логически осознанное, как представление и понятие, формирующие единую идеальную сущность» [Уфимцева 1986: 109]. Следовательно, классы слов могут выделяться не по наличию в них того или другого компонента, а по характеру соотнесенности этих компонентов в семантике слова. На этом основании А. А. Уфимцева распределяет лексику по семиологическим классам, не совпадающим ни с частями речи, ни с лексико-семантическими группами. Не углубляясь в названную типологию, укажем, что нарицательные существительные, глаголы, прилагательные, наречия объединены в один класс ха-

рактизирующих знаков, противопоставленных собственным именам существительным (индивидуализирующим знакам) и числительным (квантитативным знакам). Характеризующие знаки являются основным когнитивным звеном в словарном составе любого языка. В их значениях имеются и денотативные, и сигнификативные компоненты. Внутри класса характеризующих знаков выделены семиологические подклассы предметных имен, в которых превалирует денотативный компонент, и признаковых имен, основу которых составляет сигнификативный компонент.

Реальная действительность, являющаяся объектом познания и отражения в семантике языка, представляет собой единство материи, существующей в пространстве и времени в виде природной и социальной среды, и человека, который взаимодействует с этой средой, в частности, посредством его уникальной способности к мыслительному отражению мира. Одним из главных законов действительности является ее системный характер: она есть сложное переплетение всякого рода субстанций, связанных между собой отношениями, типы которых также бесконечно разнообразны. И поскольку отношения – один из обязательных моментов всеобщей взаимосвязи предметов и явлений, причем именно через отношения друг с другом проявляется реальная природа предметов, постольку отношения признаются не менее реальными, чем сами предметы и явления. И сами предметы (субстанции), и их взаимоотношения находят отражение в языке. Универсальными, «основными» [Пешковский 1956: 102] частями речи, покрывающими своей семантикой две главные мыслительные категории – «субстанцию» и «признак», являются имена существительные, с одной стороны, и глаголы и прилагательные, с другой, противопоставленные друг другу во многих аспектах. Одно из оснований для их противопоставления кроется

в том, что существительные служат, главным образом, для обозначения субстанциональных (предметных) значений, т. е. являются предметными именами, а глаголы и прилагательные – для обозначения форм их взаимодействия, отношений между ними, т. е. являются признаковыми именами. Об этом же писал С. Д. Кацнельсон: «Основными категориальными признаками лексических значений являются категории предметности и призначности» [Кацнельсон 1972: 136].

Наличие двух классов имен – признаковых и предметных – впервые было четко определено в работах Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1973; 1976; 1980] и теперь стало общепризнанным. Эти классы имен отражают два доминирующих в окружающей нас действительности феномена, две самые обширные мыслительные категории – предмет (сюда включается все, что имеет субстанциональное бытие, связано с понятием *сущность*) и признак (охватывает понятия *свойство, качество, отношение, состояние, действие*). Предметные имена отображают классы реально существующих объектов, естественно и искусственно созданных человеком. Признаковые имена характеризуют мир понятий – внутренний мир человека, его отношение к окружающему миру. Предмет и признак определяют «поляризацию двух типов значений, первое из которых определяется отношением к миру, а второе – к человеческому мышлению о мире» [Арутюнова 1980: 172]. Эти различные классы имен можно определить как предметный и понятийный континуум, мир физический, предметный, и мир непредметных сущностей.

Между тем мыслительное расчленение объектов действительности не приводит к разрыву органического единства предметов и их отношений ни в сознании, ни в языке. В языке, в частности, имена существительные, а также глаголы и прилагательные, несмотря на их фундаментальные различия, находятся в постоянном взаимодействии,

одним из проявлений которого можно считать их семантическую и морфосемантическую соотнесенность. В семантике глагола могут присутствовать предметные семы, ср.: *варить* ‘приготавливать пищу, питье кипячением’; *гадать* ‘раскладывая карты, предсказывать будущее’; *вянуть* ‘лишаться свежести (о растениях)’. С другой стороны, в семантике существительных могут присутствовать глагольные (шире – признаковые) семы: *хвост* ‘придаток (обычно подвижный) на заднем конце тела животного’; *ватага* ‘большая, обычно шумная группа, толпа людей’. Таким образом, с позиций семасиологии нельзя однозначно разделить слова на группы с денотативным или с сигнификативным значением, можно выделить группы лишь по доминирующему положению того или иного компонента.

В таком случае требует ответа второй вопрос: какими признаками представлены сигнификативный и денотативный компоненты в предметных и признаковых именах? Процесс познания действительности как сложного единства взаимосвязанных субстанций предполагает аналитическое расчленение этого единства с помощью понятий об отдельных типах предметов, явлений, признаков, отношений. Эти понятия, отраженные в содержании слов, оформленных в виде отдельных лексических единиц, придают данным единицам качество семантической дискретности, самостоятельности. При этом на первый план в них выдвигается то, что выявляет их специфику, уникальность, а признаки их связанности с другими субстанциями, их зависимости от других субстанций как бы затушевываются, имплицитируются. Поэтому и принято говорить применительно к конкретным (предметным) именам о денотативном, а в отношении абстрактных (признаковых) имен о сигнификативном компоненте. Однако если сигнификативный компонент связан с понятием, а денотативный – с миром вещей, т. е. с представлением, и при этом любое лексическое значение,

как мы показали, может отражать понятие и представление, то логично выделять в семемах любого типа и сигнификативный, и денотативный компоненты.

В конкретных именах денотативный и сигнификативный компоненты представляют собой разные, но диалектически взаимосвязанные уровни освоения предметной сферы. Они взаимопроникают как чувственное и логически осознанное. Денотатом конкретных имен является объем соответствующего класса предметов, и он неотделим от сигнификата, поскольку связан с высшей категорией мышления – понятием. Как было доказано выше, результаты другой мыслительной категории – представления – отражаются в ограничительном компоненте, который, следовательно, в чистом виде являет собой денотат.

Вследствие этого мы выделяем в значениях конкретных существительных денотативно-сигнификативный компонент, служащий отражением понятия, и собственно денотативный, вбирающий в себя признаки, присущие идеальному образцу класса. Так, лексема *мотыль* определяется в словаре как ‘личинка комара-дергуна, живущая в иле (используется как приманка при ловле рыбы на удочку и как корм для рыб в аквариумах)’. Денотативно-сигнификативный компонент значения представлен такими семемами: ‘личинка’, ‘относящаяся к группе комаров-дергунов’, ‘живущая в воде’. Собственно денотативный компонент семемы включает ЛС ‘используется как приманка при ловле рыбы на удочку и как корм для рыб в аквариумах’. В семантике слова *вестибюль* выделяется денотативно-сигнификативный компонент, состоящий из признаков: ‘помещение’, ‘переднее’, ‘при парадном входе в здание’, – а также собственно денотативный компонент ‘преимущественно общественное (здание)’. *Веер* ‘небольшое ручное опахало, в развернутом виде имеющее форму полукруга’ – денотативно-сигнификативный компонент,

‘обычно складное’ – собственно денотативный компонент. *Буря* ‘сильный зимний ветер, поднимающий массу сухого снега’ – денотативно-сигнификативный компонент, ‘обычно в степи, на открытых местах’ – ЛС, собственно денотативный.

Признаковые имена имеют иную природу по сравнению с предметными. Своеобразие их значения заключается в том, что с их помощью в языке отражаются понятия о координации материальных объектов [Гак 1973: 359]. Еще А. А. Шахматов определял глагол как такую часть речи, которая соответствует «представлению о действии и состоянии, мыслимом в зависимости от представления о субстанции» [Шахматов 1927: 10]. Иначе говоря, семантика глаголов и прилагательных релятивна по своей природе. Обозначая свойства, отношения вещей, они обладают сигнификативным характером значения. Такое значение гомогенно, недескриптивно, выражает, по словам А. А. Уфимцевой, «незаконченное понятие» [Уфимцева 1980].

Поскольку в основе семантики этих имен лежит понятие признака, имплицитующего по логике вещей определенную субстанцию, предмет, которому он может быть приписан, постольку в структуре их значения выделяется не только номинативная ценность, но и свернутая модель логических отношений двух понятий – предмета и признака. Другими словами, в значении признаковых имен можно выделить две части: одни семантические признаки представляют понятийную часть – с и г н и ф и к а т и в н ы й компонент, отражающий ситуацию или признак какого-либо субъекта. Другие дают представление об отдельных значимых элементах ситуации, это и есть с о б с т в е н н о д е н о т а т и в н ы й компонент, в структуре семемы признакового имени. Сходное, но более узкое понимание денотативного компонента глаголов находим у А. А. Уфимцевой: «...денотатом глагольных имен является представление о характере и объеме реальных

предметов, вещей, лиц, по отношению к которым дается наречение (наименование) самому действию» [Уфимцева 1980: 51]. Например: *облетать* ‘испытать в пробном полете (самолет, дирижабль)’; *взмутить* ‘взбалтывая, сделать мутным (воду, жидкость)’; *науськать* ‘натравить (собаку)’; *подскакать* ‘приблизиться вскачь к кому-, чему-л. (о лошади, а также о всаднике)’; *жужжать* ‘производить однообразно дребезжащий звук крыльями при полете (о насекомых)’; *печься* ‘приготовляться для еды сухим нагреванием на жару (о пище)’. В приведенных примерах выделенные скобками слова являются формальными лексикографическими показателями денотативного компонента.

Еще одно подтверждение нашего положения о том, что ЛС в признаковых именах представляют денотативный компонент семемы, можно обнаружить при анализе ЛСВ многозначного слова: *журчать* ‘производить монотонный звук (о текущей воде)’ и ‘звучать тихо, монотонно (о речи, разговоре)’; *жухнуть* ‘утрачивать яркость, тускнеть (о красках, тонах)’ и ‘утрачивать свежесть (о траве, листьях)’; *затмиться* ‘померкнуть (об источниках света, небесных светилах)’ и ‘помрачиться (о сознании)’; *зацвести* ‘покрыться зеленью (о стоячей воде)’ и ‘покрыться пятнами (о стекле)’; *костенеть* ‘холодея, становиться твердым (о трупе)’ и ‘терять чувствительность, подвижность от холода (о человеке, о частях тела)’; *наморщиться* ‘покрыться морщинами (о коже лба, носа)’ и ‘покрыться легкими волнами, рябью (о водной поверхности)’; *шелушиться* ‘отделяться маленькими тонкими пленками (о коже)’ и ‘лишаться верхнего тонкого слоя кожи (о лице или частях тела)’, а также ‘отделяться постепенно небольшими пленками, слоями (о краске, лаке)’; *дальний* ‘находящийся, живущий вдалеке (о человеке)’ и ‘доносящийся издали (о звуках)’. В приведенных и во многих им подобных примерах

сигнификативный компонент совпадает в разных лексико-семантических вариантах, но последние различаются по предметной отнесенности слова, т. е. по денотату, представленному ограничительным компонентом. Ср. аналогичное утверждение, хотя и высказанное по другому поводу: «значение слова по денотату, денотативное значение, может быть различным, а совокупность признаков понятия, относящихся к этим двум разным случаям одного слова, – одной и той же, значение по сигнификату, сигнификативное, может при этом оставаться единым» [Языковая номинация 1977: 315].

Итак, в словарной дефиниции основная часть толкования, отражающая понятие, репрезентирует сигнификативный компонент, а ограничительный компонент, отражающий результаты представления, – собственно денотативный компонент лексического значения. Следовательно, ЛС – это такой пучок информации, принадлежащий значению номинативных единиц, который содержит в себе денотативный «диктум» значения, сообщение о мире. Наше понимание «денотативного компонента» в определенной мере отличается от общепринятого тем, что мы включаем в это понятие типовые признаки обозначаемого, которые отражают усредненное представление о нем языкового коллектива. Это экстралингвистические сведения об объекте и его свойствах, без знания которых невозможно осуществить правильный выбор языковых единиц или выбор правильной операции с языковой единицей. ЛС предопределяют возможность выбора, ограничивая его в большей или меньшей степени. Учитывая обращенность ЛС в реальный мир (мир денотатов), но избегая нежелательного отождествления с общепринятым понятием «денотат», мы обозначим макрокомпонент, представленный одной или несколькими ЛС, как денотативно-ограничительный.

Таким образом, опираясь на исследования лингвистов и анализ собственного материала, мы признаем структурными частями лексического значения следующие макрокомпоненты: денотативно-сигнификативный или сигнификативный (отражающий понятие), прагматический (отражающий отношение говорящего к действительности) и денотативно-ограничительный (отражающий типовое представление об объекте действительности). В отличие от трех первых разновидностей, денотативно-ограничительный макрокомпонент характеризуется такой совокупностью признаков, которая стоит вне собственно лингвистических измерений.

Дифференциальный подход сыграл большую положительную роль в развитии семасиологии, поскольку позволил выявить семантические элементы значения. Тем не менее указанный подход обнаружил свою ограниченность на современном этапе развития семасиологии, когда произошла смена научной парадигмы и на первый план выдвинулись коммуникативные задачи. Дело в том, что, несмотря на внутреннюю системность и упорядоченность, структурная лингвистика имела слабую связь с реальностью и практической речевой деятельностью. Назначение этих теоретических конструкций приобретало самодовлеющий характер, поэтому в 60–70 годы закономерен поворот к изучению реальных условий функционирования языка. Обращение к реально функционирующему значению было закономерным развитием отражательной концепции значения, которая предопределила изучение последнего по двум линиям: аналитической и функциональной. Впервые на необходимость исследовать значение в двух направлениях – аналитическом и операционном – указал Ст. Ульман. Различие между этими направлениями заключается в том, что при аналитическом подходе значение раскладывается на «конечные составляющие» – так действует дифференциальная семасиология,

в то время как операционная (функциональная) линия предполагает изучение значения в действии, в процессе его использования [см.: Ульман 1962]. И в этом случае объяснительной силы дифференциальной семасиологии оказалось недостаточно, так как действующее значение проявило себя значительно полнее и богаче, чем набор выделенных в нем дифференциальных признаков.

В рамках дифференциальной семасиологии некоторыми лингвистами высказывались мнения о необходимости выделения сем, обозначающих побочные характеристики объекта и не находящих места в дифференциальной модели значения. Это ассоциативные признаки [см.: Шмелев 1973], или потенциальные семы [см.: Гак 1972; Кузнецова 1989] (в другой терминологии – факультативные семы, семантическая аура, обертоны смысла). «Наряду с дифференциальными и интегральными должны быть выделены ассоциативные, или репрезентативные, признаки, связанные с *представлением* (выделено автором – О. М.) о самом обозначаемом предмете или явлении» [Шмелев 1973: 277]. Потенциальные семантические компоненты значения отражают реальные свойства данного предмета или же свойства, приписываемые ему в данном языковом коллективе [см.: Гак 1988а].

Психолингвистические исследования, начавшие свое бурное развитие с пятидесятых годов нашего столетия, существенно повлияли на возникновение нового подхода к феномену лексического значения. Психолингвисты, признавая в целом отражательный характер значения, рассматривают последнее как процесс, как необходимый элемент речевой деятельности человека. «Значение как психологический феномен есть не вещь, но процесс, не система или совокупность вещей, но динамическая иерархия процессов» [Леонтьев 1971: 8]. Психолингвистический подход к значению позволяет расширить понимание значения до осмысления его как общественно достигнутого

знания о предмете номинации. Ср. по этому поводу замечание А. А. Леонтьева, что язык «представляет собой отражение действительности, являясь формой существования общественно-исторического опыта человека» [Леонтьев 1965: 19].

Пермские исследователи [см., например: Грузберг 1984] предлагают социолингвистическое описание семантики слова, при котором «учитывается социальная обусловленность значения слов данного конкретного языка», и далее: «социолингвистический подход к изучению семантики слова позволяет говорить о более богатом внутреннем содержании слова, чем оно обычно описывается в лексикологии. Здесь – как о компонентах содержательной структуры слова – можно говорить о бытовом понятии, наглядно-чувственном образе, эмоциональной и экспрессивной окрашенности, эмоциональном ореоле, вызываемых словом картинах-ассоциациях» [Грузберг 1984: 119].

По-настоящему адекватной для коммуникативных исследований явилась интегральная концепция значения [см.: Болинджер 1981; Никитин 1983; Стернин 1979; 1985]. Термин *интегральный* вновь наделяется смыслом, ранее приписанным ему Д. Н. Шмелевым. Интегральная концепция значения – это «всеохватывающая» концепция, это расширительный подход к значению. С позиций интегрального подхода семантика слова является бесконечно сложной структурой, охватывающей широкий круг более или менее существенных признаков, проявляющихся у предмета в разных ситуациях. Эти признаки не важны для противопоставления значений, они структурно не значимы, но в значительной степени релевантны для коммуникации, поскольку именно они во множестве случаев регулируют правильность употребления слова. Как пишет Г. Н. Складарская, при интегральном понимании лексическое значение предстает как бесконечно сложная структу-

ра, включающая в себя «не только понятийное содержание, но и весь запас лингвистических и экстралингвистических сведений» [Скляревская 1996: 70].

Вследствие такой посылки, И. А. Стернин приходит к выводу о нелимитируемости значения слова, о невозможности четко определить его границы и полностью исчислить образующие его семантические компоненты, объясняя этот феномен рядом причин: нечеткой дифференциацией многих объектов внешнего мира, постоянным изменением самой отражаемой в значении действительности, углублением понятия о предметах и выявлением новых сторон, новых взаимоотношений понятий, приблизительностью самого отражения действительности в сознании человека, различиями в познании одного и того же предмета разными людьми [Стернин 1985: 19–21]. Другими словами, если мы выделили, например, в слове *женщина* семы ‘человек’, ‘взрослый’, ‘женский пол’, мы не вправе считать, что описали его значение. Мы выделили только семантическое ядро, понятийные компоненты, но это семантическое ядро окружено множеством других семантических признаков: ‘материнство’, ‘слабость’, ‘красота’, ‘добродота’ и пр. [Чудинов 1988: 4], не менее существенных для носителя языка.

Из признания нелимитируемости значения логически следует вывод, что лексическое значение шире наивного понятия, так как практически каждое слово окружено множеством ассоциаций, устойчивых, общенациональных и случайных, индивидуальных. Подобные различия между значением и понятием отмечал В. А. Звегинцев: «Это различные явления, и они обладают различными качествами, важнейшее из которых заключается в том, что значения есть национальные категории, а понятия – вненациональные» [Звегинцев 1968: 62].

И вместе с тем лексическое значение нельзя отождествлять с научным понятием, поскольку семантические компоненты семемы часто связаны с жизнью и деятельностью людей и не совпадают с признаками понятия. Л. А. Грузберг, например, перечисляет признаки слова *вечер*, выявленные в результате опроса информантов. В содержание слова, пишет она, входят «природные» признаки, соотносимые с признаками понятия: ‘заход солнца’, ‘наступление темноты’, ‘появление первых звезд’ и пр., а также «человеческие» признаки типа ‘время активного отдыха’, ‘ты наконец-то в кругу семьи’, ‘можно посмотреть телевизор’, ‘когда я могу взять в руки книгу’, ‘время свиданий’ и под. [Грузберг 1984: 117], которые составляют непонятный компонент, создают лексический фон, но, по мнению сторонников интегрального подхода, являются составными признаками семемы.

Для глубокого и всестороннего изучения лексической системы языка, особенно его функционирования, интегральный подход является, безусловно, плодотворным. Он позволяет демонстрировать, что «слово в речи, закрепленной текстом, это не только и, пожалуй, не столько минимальная степень лингвистической абстракции, сколько качественно иное его состояние, вызывающее особое восприятие» [Степанова 1985: 109]. При этом исследователи обращаются к актуализации значения в речевом употреблении, к речевой семантике, которая отличается бесконечной глубиной и многообразием. Полностью признавая положение лингвистов о «размытости» значения слова, о богатстве его содержания, вскрываемом во множестве употреблений, мы тем не менее считаем необходимым разграничивать языковое и речевое в лексической семантике и выделять языковое, системное значение, которое должно включать исчислимое количество семантических множителей. Против предельного расширения границ

лексического значения высказываются Л. М. Васильев [1990; 1996], А. Й. Гудавичюс [1989].

При интегральном подходе к значению возникает серьезная проблема с лексикографическим описанием нелимитируемого значения, содержащего неисчислимо количество признаков. И. А. Стернин оптимистически замечает: «Нелимитируемость значения не свидетельствует о невозможности описания значения, а лишь ставит вопрос о различных уровнях глубины и адекватности его описания. Каждый такой уровень будет обусловлен практическими задачами описания. К примеру, разные словари будут требовать разной глубины и объема описания значения и, соответственно, будут различаться по степени адекватности полученного описания реальному значению.» [Стернин 1985: 19]. И хотя исследователь призывает к тому, что «определение значения должно отразить это разнообразие признаков, так как все они в широком смысле отражают практику, действительность» [там же: 15], практически осуществить эту задачу не представляется возможным, оставаясь на позициях интегральной семасиологии. Лексикографы не могут и не должны ставить перед собой задачу зафиксировать все «обертоны смысла», передаваемые словом во всем многообразии речевых употреблений. В толковых словарях должно описываться общеязыковое, или системное, значение, то единообразное для всех носителей языка содержание, которое сохраняет тождество слова и обеспечивает процесс коммуникации.

Описание языкового системного значения предлагается в современных словарях, основанных на принципах дифференциальной семасиологии, главным из которых является предложенный Е. Бендиксом «принцип минимального толкования» [Bendix 1966]. Основное требование этого принципа состоит в том, чтобы в семантическое описание каждой лексической единицы включались

те и только те признаки, которые отличают ее от всех остальных лексических единиц данного языка [см.: Филлмор 1983]. Результатом этого принципа должна явиться минимальная, полностью сконструированная сеть, которая более всего отвечает идеалу структурной лингвистики.

Аналогичное требование к лексикографическому представлению семантики слова выдвигал в своих ранних работах Ю. Д. Апресян: «Толкуемое значение должно определяться через более простые значения и тем самым в конечном счете сводиться к небольшому набору элементарных (неопределяемых) значений – слов семантического языка», «должны быть перечислены все семантические компоненты А и только они, определение должно быть точной синонимической перифразой определяемого» [Апресян 1967]. Ю. Д. Апресяном, А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком был разработан «семантический язык», «словами» которого являются элементарные семантические признаки, или семантические множители, типа *точка, часть, целое, время, множество, действие, субъект, вещь, каузировать, иметь, знать, переставать, начинать, не* и т. п. Комбинации этих семантических множителей соответствуют сложным лексическим значениям слов естественного языка [см.: Апресян 1967; 1995; Жолковский, Мельчук 1967; см. также: Лукин 1990].

Интерес представляет семантический язык (*lingua mentalis*), разработанный А. Вежбицкой, который представляет собой сужение естественного языка, в то время как вышеназванные авторы стремились построить семантический язык как расширение логического языка предикатов. *Lingua mentalis* А. Вежбицкой включает «семантические примитивы» – «такие концепты, которые служат кирпичиками для построения всего остального» [Вежбицкая 1996: 329]. Первый пробный перечень элементарных понятий, предложенный

А. Вежбицкой [1972], содержал 14 элементов. Затем в течение многих лет расширялась эмпирическая основа исследования и продолжался теоретический анализ, в результате чего первоначальный список примитивов был пересмотрен и расширен на основе следующих независимых критериев – объяснительной силы (роль, которую играет данное понятие в толковании других понятий) и универсальности (множество языков, в которых данное понятие лексикализовано). Последний, известный нам, список включает следующие примитивы: «субстантивы» *я, ты, кто-то, что-то, люди*; «детерминаторы и квантификаторы» *этот, тот же самый, другой, один, два, много, все/весь*; «ментальные предикаты» *думать (о), говорить, знать (о), чувствовать, хотеть*; «действия и события» *делать, происходить/случаться*; «оценки» *хороший/плохой*; «дескрипторы» *большой, маленький*; «время и место» *когда, где, после/до, под/над*; «метапредикаты» *не/нет/отрицание, потому что/из-за, если, мочь*; «интенсификатор» *очень*; «таксономия и партономия» *вид/разновидность, часть*; «нестрогость/прототип» *подобный/как* [Вежбицкая 1996: 331].

Но слово может иметь смысл, требующий исключительно богатого и детального описания. В этом случае различается центральное значение и периферия [см.: Бирвиш 1981; Кифер 1978; Найда 1962; Филлмор 1983], не связанная со структурой как таковой. С точки зрения принципа минимального толкования периферию нельзя включить в словарь. Подобная «редукционистская стратегия описания языковых значений» [Апресян 1986а] ведет в тому, что толкование приобретает статус определения формального объекта, каким смысл слова не является. Единицы семантического языка (семантические элементы, примитивы, маркеры) не предназначены отразить неопределенность слова, напротив, они имеют прямо противоположную цель. Такие жест-

кие дискретные толкования разрушают восприятие носителем языка общности слова.

Словари, созданные на основе структуризации значения с помощью семантического метаязыка, предназначаются для лингвистов, тогда как традиционные толковые словари, на что указывал еще Л. В. Щерба, в первую очередь предназначаются для носителей данного языка [см.: Щерба 1974]. Ср. по этому поводу замечание А. Рея и С. Делесаль о том, что объектом толкового словаря могут выступать две разные реальности, что влечет за собой два возможных типа описания. «Не следует смешивать лексический компонент лингвистической модели, то есть элемент системы, которую можно описать с помощью строгих правил (морфологических и морфосемантических), и лексику в употреблении – объект социальный, исторический и культурный» [Рей, Делесаль 1983: 264].

Структурные определения значений хорошо представляют соотношение в паре «лексикография и система языка», так как они фиксируют набор семантических признаков как некий инвариант – идеализированную когнитивную модель. Но такие определения совершенно непригодны для решения проблемы «словарь и человек». Ю. Н. Караулов подчеркивает, что «семантические компоненты, их набор и толкование не должны переходить грань восприятия среднего носителя языка, так как в противном случае утрачивается сама цель данного описания, ориентированного прежде всего на человека – носителя языка и пользователя языком» [Караулов 1976: 183].

Поэтому семантизация значения в границах структурного подхода не может удовлетворить современную лингвистику, в том числе лексикологию, семасиологию и теорию лексикографии, которые сменили свои научные приоритеты, выдвинув на первый план человека и провозгласив актуальность антропологического (антропоцентриче-

ского) подхода [см.: Караулов 1987; Колшанский 1980; 1990; Морковкин 1988; 1990; Морковкин, Морковкина 1997; Постовалова 1988; Розина 1988; 1991; Роль человеческого фактора 1988 и др.].

Значение слова для наивного носителя языка – это не набор дискретных семантических признаков, а то, что он имеет в виду или держит в голове, когда употребляет соответствующее слово [см.: Вежбицкая 1996: 231–240]. Всякое слово является именованием вещи не абсолютно, а лишь до некоторой степени [Coleman, Kay 1981: 27]. То, что имеет в виду человек, должно соответствовать тому, что закреплено в коллективном языковом сознании. Люди формируют идеальный мысленный образ предмета, представляющего определенную категорию. Этот образ называется прототипом (стереотипом), и обязательные черты его известны всему языковому коллективу. Прототип определяется как феномен, функцией которого является связь слова или фразы с предлингвистической, когнитивной схемой или образом; и носители языка обладают способностью судить, насколько объект соответствует этой прототипической схеме или образу [Coleman, Kay 1981: 32].

Понятие *прототип* подробно разработано в зарубежных исследованиях [см. работы А. Вежбицкой, Л. Колемана и П. Кея, Дж. Лакоффа, Х. Патнема, Э. Рош, Ч. Филлмора] и имеет большую объяснительную силу при классификации объектов, то есть при решении вопроса о принадлежности какого-то объекта к категории и при толковании понятий, которым, как считается, нельзя дать четких определений в терминах дискретных семантических компонентов. Термин *прототип* (в отечественной лингвистике для обозначения соответствующего понятия используются термины *архетип* или *стереотип*) употребляется в противоположность термину *инвариант* для обозначения «неустойчивого набора семантических компонентов»,

характеризующего «размытость» понятий естественного языка. Прототипная модель значения «допускает вариативность и возможность неполного удовлетворения... заданных в прототипе критериев» [Филлмор 1983: 30–31]. Если инвариант включает компоненты, которые абсолютно необходимы и достаточны для адекватного толкования какого-либо понятия, то в прототип входят несущественные характеризующие компоненты. А. Вежицкая приводит такой пример: «китайская чашка, маленькая, изящная, с тонкими стенками, без ручки и без блюдца, все-таки может считаться чашкой – пока из нее можно пить чай, в соответствующем окружении (на столе), пока ее можно поднести ко рту одной рукой. Это означает, что при том, что блюдце и ручка определенно входят в прототип чашки («идеальная» чашка *должна* [выделено автором – О. М.] иметь ручку и блюдце), они не являются существенными элементами этого понятия. В то время как компоненты ‘изготовленная для питья горячих жидкостей’ и ‘настолько маленькая, чтобы человек мог поднести ее ко рту одной рукой’ с необходимостью включаются в это понятие» [Вежицкая 1996: 217].

Прототипическое значение – это целостное явление, которое может быть определено содержательно, разложено на составные части и описано как совокупность признаков, ментально и практически значимых для данного языкового коллектива. Прототипная модель значения включает признаки наивного понятия (сигнификативная часть семемы – интегральные и дифференциальные семы) и признаки, связанные с представлением о стандартном образце объекта, признака или ситуации (денотативно-ограничительный компонент – лимитирующие семы). «Двухслойное» значение, представленное прототипной моделью, признается нами языковым значением.

На наш взгляд, толковые словари должны фиксировать именно прототипическое значение, так как они предназначены «отразить то представление о мире, которое характерно для среднего интеллигентного носителя языка и основано на донаучных общих понятиях, предоставляемых в его распоряжение языком» [Hallig, Wartburg 1952: 14]. В них должен найти реализацию антропоморфный принцип организации материала. Мы разделяем позицию А. Вежицкой, которая считает, что хорошее толкование должно отвечать внутреннему языковому чутью говорящих. Для этого желательно использовать в толковании общепринятую лексику, апеллируя к привычным для носителя языка представлениям [Wierzbicka 1985]. Иначе говоря, лексикограф должен уловить некое ядро смысла, включить признаки значения, отражающие его естественную интерпретацию неискушенным носителем. В форме словарной статьи нужно отражать психологически реальное значение слова и его связь с культурно-историческим фоном. Толковые словари русского языка, хотя и не вполне последовательно, отражают данный принцип, этим и объясняется включение в словарную дефиницию ДОФТ. Например, в словарное толкование одного из значений слова *хвост* ‘задняя часть подола (платья, юбки), которая волочится по полу’, включен ДОФТ, называющий виды одежды – платье, юбка, – который с точки зрения необходимости и достаточности толкования представляется излишним (ср.: *подол* ‘нижний край платья, пальто и т. п.’), тогда как с точки зрения целостности восприятия слова наивными носителями включение ДОФТ абсолютно оправданно.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что структура семемы в современных теориях значения трактуется по-разному в зависимости от уровня анализа и от позиции исследователя: 1) как бесструктурное образование, обобщенно; 2) как структура, состоящая

из минимального набора элементов; 3) как бесконечно сложная и избыточная структура.

Принимая прототипную модель значения, которая предполагает объединение лингвистических и экстралингвистических знаний и допускает некоторую вариативность определенных в прототипе признаков, мы не можем удовлетвориться указанными трактовками. Наше понимание значения не укладывается в рамки дифференциального подхода, оказываясь более широким, поскольку предполагает включение в значение не только структурно релевантных признаков, выделенных методом оппозиций и соотносимых с признаками формального понятия (сигнификативный компонент), но также и признаков, основанных на типовом представлении (денотативно-ограничительный компонент). И вместе с тем подобный подход к значению является более узким, чем интегральный, так как ограничивает значение слова рамками системы, оставляя за этими пределами все собственно речевые употребления. Назовем такой подход с и с т е м н о - и н т е г р а л ь н ы м . Системно-интегральный подход совмещает в себе принципы структурной и антропоцентрической лингвистики, ибо не только обращается к языку, рассматриваемому в самом себе и для себя, но и учитывает «человеческий фактор» – то представление о мире, которое характерно для среднего интеллигентного носителя языка.

Системно-интегральный подход не разрушает основ дифференциальной семасиологии, ибо опирается на положение о дискретности семантики слова и о наличии в семеме интегральных и дифференциальных признаков, соотносимых с объемом и содержанием понятия. И одновременно названный подход не противоречит идее о «размытом» характере значения, поскольку денотативно-ограничительный компонент не представляет жестко детермини-

рованной структуры и способен модифицироваться в процессе познания. Денотативно-ограничительный макрокомпонент состоит из микрокомпонентов – лимитирующих сем, которые дополняют собственно структурное значение слова, образуют совпадающую у всех членов языкового коллектива часть семантической компетенции, и одновременно они очерчивают границы системного значения в океане речевых смыслов. В отличие от дифференциальных сем, ЛС являются чувственно-наглядными по природе и более конкретными по содержанию. В отличие от коннотативных сем, ЛС не образуют модальную рамку, в них отсутствуют образность, субъективность, оценочность.

Таким образом, общеязыковое значение с позиций системно-интегрального подхода включает в себя интегральные, дифференциальные, коннотативные и лимитирующие семы. И если три первые разновидности сем оказались достаточно хорошо изученными, благодаря лидирующему положению дифференциальной семасиологии и методике компонентного анализа, то лимитирующая часть семантики ждет своего исследования.

2. 4. Типология лимитирующих сем

Независимо от принятой концепции значения – дифференциальной или интегральной – семасиологи неизменно признают сложность семемы и возможность разложения ее на элементарные смыслы-семы. В. Г. Гак определяет сему как отражение в сознании носителя языка различительных черт, объективно присущих денотату либо приписываемых ему языковой средой и, следовательно, являющихся объективными по отношению к каждому говорящему [Гак 1971: 95]. Разнообразие сем в сущностном и функциональном отношении вызвало появление множества классификаций, построенных на разных

основаниях и выделяющих разные типы сем. В российской лингвистике это, например, классификации И. В. Арнольд [1966; 1979], Л. М. Васильева [1971; 1981], Р. М. Гайсиной [1979; 1981], В. Г. Гака [1971; 1973; 1977], П. Н. Денисова [1974; 1980], Э. В. Кузнецовой [1974; 1980], М. В. Никитина [1974; 1983], О. Н. Селиверстовой [1968; 1975; 1976], Ж. П. Соколовской [1979], И. А. Стернина [1979; 1985]. Насколько нам известно, Л. М. Васильеву принадлежит первая попытка обобщения типов сем. Он пишет: «Семы подразделяются на лексические, словообразовательные и грамматические (по соотношению с компонентами формальной структуры языка – плана выражения), эксплицитные и имплицитные (по способу манифестации), парадигматические и синтагматические (по типу отношений, в основе которых они лежат), доминирующие и зависимые (по характеру отношений внутри семем), ядерные и периферийные (по отношению к идентифицирующей семе данного класса), дифференцирующие и идентифицирующие (по знаковой функции)» [Васильев 1971: 10].

И. А. Стернин предлагает типологию сем, отвечающую цели коммуникативного анализа лексики. Он выделяет типы сем по следующим основаниям: по отношению семантического компонента к системе языка (узуальные и окказиональные, системные и личностные, дизъюнктивные и инвариантные), по различительной силе (интегральные и дифференциальные), по степени яркости (яркие и слабые), по характеру выявленности в значении (эксплицитные и скрытые), по характеру содержания (постоянные и вероятностные, ассертивные и диспозиционные, четкие и нечеткие, позитивные и негативные), по отношению к акту речи (актуализованные и неактуализованные).

При некотором сходстве этих типологий в них все же гораздо больше различий, которые объясняются принципиально иным похо-

дом к объекту исследования. Л. М. Васильев рассматривает лексику в системе языка (системно организованную лексику, языковые единицы), оставаясь в границах дифференциального подхода. Для И. А. Стернина релевантной оказывается инвентаризация типов сем, актуализирующихся в коммуникативном процессе, то есть он подходит не к статичной системе языка, а к языку в действии, в процессе функционирования. Такой коммуникативный анализ значения не может опираться на дифференциальный подход, он требует интегрального подхода, который включает в понятие значения все семантические признаки, выявляющиеся в слове, – «как структурно релевантные, так и структурно избыточные, но коммуникативно релевантные» [Стернин 1985: 15].

Большинство классификаций сем, существующих в современной семасиологии, строится на анализе языкового системного значения, поэтому можно выделить несколько общих оснований, релевантных практически для любой типологии.

Во-первых, уровень обобщения, степень абстракции семы (относительная классификация сем в условиях оппозиции семем [Попова, Стернин 1984: 50]). На этом основании различаются интегральные семы (архисемы, гиперсемы, категориальные, категориально-лексические семы) и дифференциальные семы (гипосемы, индивидуальные семы).

Во-вторых, характер содержания сем. Это наиболее неопределенное основание, поскольку каждый исследователь вносит свое понимание в то, что может рассматриваться как содержание. Содержание можно представить достаточно обобщенно, и тогда выделяются денотативные и коннотативные семы. А можно более конкретно, как это делает, например, В. Г. Гак, что позволяет ему противопоставить относительные семы, которые отражают отношения (пространствен-

ные, временные, функциональные и пр.) между предметами, и описательные семы, отражающие собственные внешние свойства объекта [Гак 1977: 14–15].

В-третьих, тип универсальных языковых отношений, в основе которых лежат семы. По этому признаку разграничиваются семы парадигматические и синтагматические (синтагмемы).

Ни в одной из предлагаемых типологий не выделяются лимитирующие семы, потому что они занимают особое место в структуре семемы и имеют иную природу по сравнению с выделяемыми ранее семами. Конечно, можно попытаться наложить имеющиеся классификации на лимитирующие семы, но это не даст желаемых результатов. Как мы показали, ЛС нельзя отнести ни к интегральным, ни к дифференциальным семам, потому что они не могут быть выделены методом оппозиции. С содержательной точки зрения они принадлежат к денотативным семам, хотя для нас понятие *денотат* имеет, как было отмечено, вполне определенное содержание, часто не совпадающее с тем значением, которое вкладывают в него при противопоставлении денотативные – коннотативные признаки.

По третьему основанию – по типу отношений – тоже нельзя однозначно квалифицировать лимитирующие семы. Среди них есть безусловные синтагмемы, например, в семемах глаголов и прилагательных. Но лимитирующие семы в семемах существительных нельзя считать синтагматическими, так как они не определяют валентности соответствующей семемы. При этом они не могут быть признаны и парадигматическими (либо с большой долей условности), поскольку они не обуславливают взаимосвязи семем в составе лексических или грамматических парадигм.

Лимитирующие семы представляют специфическую часть значения слова и нуждаются в нетрадиционных классификациях. Обла-

дая особой – ограничительной – функцией, ЛС требуют уточнения по двум направлениям: *что* ограничивается и *как* ограничивается.

Исходной посылкой для нас является то, что лимитирующие семы ограничивают предметно-логическое содержание, но при этом они связаны с разными аспектами информации. Во-первых, они указывают на ограниченность возможных проявлений какого-либо признака денотата одним или несколькими вариантами. Они «привязаны» не к целому понятию, но к отдельному аналитическому свойству предмета. Так, ЛС могут ограничивать возможность проявления такого признака денотата, как ‘внешний вид предмета’: *факел* ‘переносный светильник на рукоятке, обычно в виде палки с намотанной на конце просмоленной паклей’; *лютик* ‘травянистое растение с ядовитым соком и, преимущественно, желтыми цветками’; *опал* ‘минерал, стекловидный камень различной окраски, нередко бесцветный’; или признака ‘функциональное назначение предмета’; *чулан* ‘подсобное помещение в жилом доме, обычно служащее кладовой’; *мотыга* ‘название инструмента... (употребляется для рыхления почвы, окучивания, уничтожения сорняков и т. п.)’; *чий* ‘травянистое растение... (используется как ценный зеленый корм)’ и пр. Может быть ограничен и ряд других признаков. ЛС, ограничивающие аналитические признаки денотатов, присутствуют в содержании имен существительных.

Во-вторых, ЛС сужают область денотативной приложимости определенного действия, состояния, признака. Они ограничивают круг референтов – носителей соответствующего признака: *грациозный* ‘отличающийся изяществом формы, утонченно красивый (о художественном произведении)’; *взмывленный* ‘покрытый пеной, в сильной испарине от быстрого, долгого бега (о лошади)’; *сдавленный* ‘при-

глушеный, сдержанный (о голосе, звуках)'; *дремучий* 'густой, труднопроходимый, старый (о лесе)';

или круг референтов – субъектов действия, состояния: *лязгнуть* '... (о металлических предметах, ударяющихся обо что-л. или друг о друга)'; *взбрыкнуть* 'резко вскинуть задние ноги (о животном)'; *кипеть* 'клокотать, пениться от образующихся при сильном нагревании пузырьков пара (о жидкости)'; *пронизать* 'пробиваясь, проникая сквозь что-л., заполнить собой (о свете)';

а также круг референтов – объектов воздействия: *гарпунить* 'добывать, ловить с помощью гарпуна (рыбу, морских животных)'; *ерошить* 'теребя, приводить в беспорядок (волосы, бороду)'; *дразнить* 'возбуждать, разжигать (какое-л. желание, чувство)'; или средств воздействия: *хапать* 'быстро, резко хватать (руками или ртом, зубами)'; *размахнуться* 'сделать широкий взмах (рукой, палкой, топором)'; *пристрочить* 'пришить (обычно на машинке)' и др. ЛС, дающие информацию о референтах действий, состояний или признаков, обнаруживаются в значениях глаголов и прилагательных.

В-третьих, ЛС дают информацию об отдельных элементах ситуации, ограничивая диапазон характеристик. Так, в следующих примерах: *бушевать* 'бурно, стремительно проявлять какое-л. движение, силу (преимущественно разрушительную)'; *хозяйствовать* 'заниматься хозяйством (обычно земледельческим)'; *сдвинуться* 'двинуться, тронуться с места (начиная движение или получив возможность передвижения)'; *врасти* 'осесть, углубиться (в землю)'; *выкапывать* 'копая, извлекать (из земли, из-под снега)'; *читать* 'преподавать (преимущественно в высшем или специальном заведении)'; *ежиться* 'пожиматься всем телом (от холода, болезни)'; *влететь* 'попасть, достаться (за какую-л. вину, проступок)'; *вдавливаться* 'углубляться, входить во что-л. (обычно под давлением, от

удара)»; *выпасть* ‘падать откуда-л. (при непрочном положении, толчке)’ и т. п. – ЛС ограничивают различные параметры ситуации, именуемой соответствующей лексемой. Поскольку для обозначения ситуации в русском языке приспособлены глаголы, постольку указанная ЛС встречается лишь в глагольных семемах. Такие ЛС предназначены для создания целостной картинки, отраженной в сознании и стимулируемой глаголом – носителем ЛС.

Итак, ЛС являются отражением разнообразных физических, физиологических, антропологических данностей реального мира, настолько важных для жизни человека, что они не могут не оставить своего отпечатка в языке. С содержательной точки зрения (что ограничивают) можно выделить три разновидности ЛС:

Помимо содержательного аспекта, для характеристики ЛС оказывается важным и такой аспект, как степень ограничения. Материалы показали, что ограничения могут быть жесткими, свидетельствующими о высокой значимости соответствующего признака для прототипического значения, и нежесткими, указывающими, что данный признак является лишь самым характерным из возможных вариантов, но отнюдь не обязательным. На этом основании мы выделили **обязательные** и **вероятностные** ЛС. Обязательные ЛС, в свою очередь, могут быть **специализированными** и **альтернативными** в зависимо-

сти от количества вариантов, представленных в ограничительном компоненте.

Каждый из типов обладает четкой формальной характеристикой. Вероятностные ЛС оформляются с помощью маркеров – кванторных наречий *обычно, преимущественно, иногда* и под. Специализированные семы подаются отдельным словом, словосочетанием, реже – предикативной конструкцией в скобках. Альтернативные семы манифестируются перечислительным рядом закрытой структуры в скобках или без них.

2.4.1. Специализированные лимитирующие семы

Специализированными мы называем такие ЛС, которые ограничивают проявление соответствующего семантического признака одним и только одним вариантом, заложенным в наивном языковом сознании. Названные семы имеют в высшей степени определенное содержание по сравнению с другими типами ЛС. Однако специализированная ЛС может представлять собой класс в большей или меньшей степени конкретный и, следовательно, менее или более обширный. Поэтому специализация бывает нескольких уровней.

Первый – низший – уровень специализации, когда ЛС имеет обобщенный характер и определяет класс лишь в общих чертах, по какому-либо признаку: о металлических изделиях; о чем-л. завинченном; о круглых предметах; о сыпучих веществах и под.

Второй – средний – уровень специализации, при котором ЛС также является достаточно обобщенной, поскольку определяет класс, объединенный родовым понятием: *выючить* ‘нагружать (животных) выюками’; *добыть* ‘извлечь из недр земли (полезные ископаемые)’; *пристать* ‘причалить (о плавучих средствах)’; *драть* ‘убивать, растерзывать (о хищных животных)’; *духовой* ‘действующий посредством вдувания струи воздуха (о музыкальных инструментах)’; *гористый* ‘покрытый горами, холмистый, возвышенный (о местности)’; *чистотел* ‘травянистое растение семейства маковых с желтыми цветками и оранжевым млечным соком (используется в медицине)’.

И, наконец, третий – высший – уровень специализации, когда ЛС конкретна, ее содержание охватывает класс, связанный с видовым понятием: *буксовать* – ‘вращаться, скользя, но не двигаясь с места (о колесах)’; *гоготать* ‘издавать резкие отрывистые крики, похожие на звуки «го-го-го» (о гусях)’; *двуперстный* ‘производимый при помощи двуперстия (о крестном знамении старообрядцев)’; *калуфер* ‘травянистое растение семейства сложноцветных, обладающее приятным запахом (употреблялось как пряность)’; *волнушка* ‘съедобный (в соленом виде) пластинчатый гриб с шерстистым краем розовой шляпки’.

Специализированные ЛС всех уровней связаны с концептуальными факторами (поскольку толкование значения есть попытка концептуализации реального мира посредством языка), отражая результат общественного осмысления каких-либо объектов и явлений (или классов объектов, явлений), которые с точки зрения языкового сознания заслуживают особого выделения.

2.4.2. Альтернативные лимитирующие семы

Альтернативными мы называем такие ЛС, которые ограничивают проявление соответствующего семантического признака несколькими вариациями, типовыми для наивного сознания. Названные семы представлены закрытым перечислительным рядом, члены которого и являются вариантами альтернативной ЛС. Например: *колесо* ‘круг (со спицами или сплошной), вращающийся на оси и служащий для приведения в движение повозок и других средств передвижения’; *расползтись* ‘разрастись (о выющихся и ползучих растениях)’; *кольцевать* ‘снимать тонкий слой коры (с целью замедления роста и увеличения плодоношения)’; *камфара* ‘бесцветное кристаллическое вещество с сильным характерным запахом (используется в медицине и технике)’. Альтернативные ЛС указывают, что при употреблении маркированного ими лексико-семантического варианта может наблюдаться семное варьирование значения в соответствии с выбранным членом перечислительного ряда.

З. Д. Попова и И. А. Стернин в структуре лексического значения среди прочих выделены дизъюнктивные, или вариантные, семы, которые указываются в словарной дефиниции «путем перечисления, через запятую или союзы *или, а также*» [Попова, Стернин 1984: 46]. Но кроме особой подачи в словаре, никакие другие особенности дизъюнктивных сем в названной работе не описаны.

В каких отношениях находятся варианты, образующие альтернативные ЛС? Анализ показал, что варианты обязательно имеют какое-то семантическое сходство, общий семантический признак, который тем не менее может занимать различное место в иерархической структуре семемы.

Во-первых, варианты альтернативной ЛС могут быть объединены категориально-лексической семьей, то есть представлять одну тематическую или лексико-семантическую группу. В основной части толкования содержится слово-идентификатор, имя класса, «языковая тема» [Mathiot 1968]. Альтернативная ЛС, манифестируемая в скобках закрытым перечислительным рядом, ограничивает объем этого класса. В подобных случаях система языка используется для классификации конкретных явлений действительности, для установления общей системы референции с явлениями действительности. Ср.: *головастик* ‘хвостатая личинка земноводных (лягушек и жаб)’. В класс земноводных входят не только лягушки и жабы, но также, например, тритон, саламандра и другие, которые не имеют личинок-головастиков, поэтому альтернативная ЛС является необходимой для точного соответствия лексического значения реальному миру. Ср. также: *голубятник* ‘ловчая хищная птица (ястреб, сокол), выпускаемая на голубей’; *проточить* ‘проесть, прогрызть отверстия, ходы, канавки в чем-л. (о червях, насекомых, грызунах)’; *проблеть* ‘издать непродолжительное бление (об овце, козе)’; *глубинный* ‘находящийся, действующий, производимый и т. п. на большой глубине (под землей, под водой)’. В признаковых именах, особенно в глаголах, альтернативные ЛС, варианты которых находятся в таксономических отношениях, даются без имени класса, например, см. выше: овца, коза – домашние животные; черви, насекомые, грызуны – животные. Этот факт, на наш взгляд, связан с существованием в теории лексикографии определений «свободно-диффузного типа» [Языковая номинация 1977], в которых на первое место может выдвигаться в известных пределах либо один, либо другой признак, отличный от первого по уровню обобщения. От этого выбора зависит глубина определения. Массовая адресованность толкового словаря и учет точ-

ки зрения наивного носителя языка не требуют значительного углубления определения за счет категоризации – отнесения «слова (или объекта) к более общему классу (группе) на основе определенных представлений о мире «Действительность»» [Семантика и категоризация 1991: 5]. И поэтому представление ограниченного объема класса с помощью вариантов, входящих в альтернативные ЛС, без родового имени класса отвечает критерию массовости адресата словаря.

Итак, между вариантами альтернативной ЛС существуют таксономические отношения – сходство по категориально-лексической семеме. В некоторых случаях могут наблюдаться и более тесные отношения, когда варианты альтернативных ЛС не просто входят в один семантический класс, но являются денотативными синонимами. Например: *властвовать* ‘управлять, править (страной, государством)’; *вперить* ‘устремив, остановить на ком-, чем-л. (глаза, взгляд, взор)’; *глубокий* ‘исходящий из глубины (о дыхании, вздохах)’; *дисковый* ‘имеющий рабочую часть в виде диска с зубчатыми или заостренными краями (о машинах, механизмах)’; *насвистать* ‘исполнить, передать свистом (мелодию, мотив)’.

Во-вторых, между вариантами альтернативных ЛС может существовать семантическая общность менее тесная, чем в рамках семантического поля: они связаны не категориально-лексическими, а дифференциальными признаками. Например: *гармошка* — *гармошкой* ‘в частых параллельных складках (о бумаге, материи)’. Слова *бумага* и *материя* имеют общий дифференциальный признак «способность изменять свою форму». *Канат* ‘толстая, очень прочная веревка из волокон или проволоки’. Семемы ‘волокно’ и ‘проволока’ связаны дифференциальными семами ‘гибкость’ и ‘прочность’. *Комкать* ‘в спешке или волнении говорить быстро, неотчетливо’. Слова

спешка, волнение обозначают состояние, характеризующееся нервозностью, суетностью, беспокойством. Именно эти дифференциальные признаки объединяют варианты альтернативной ЛС. *Выстукать* ‘исследовать состояние внутренних органов посредством легкого постукивания (пальцами или молоточком) по поверхности тела’ – варианты связаны семантическим признаком «функциональное назначение»: называемые предметы предназначены для осуществления действия, именованного глаголом. Ср. также: *снять* ‘собрать, убрать после созревания (хлеб, плоды, овощи)’; *брызнуть* ‘внезапно появиться, показаться (о лучах солнца, света, огне)’.

Варианты альтернативных ЛС, связанные дифференциальным семантическим признаком, никогда не предваряются родовым именем, так как этот универб по вполне понятным причинам отсутствует.

В-третьих, альтернативные ЛС могут состоять из вариантов, связанных потенциальными семами. Например: *бездна* ‘беспределенная глубина (моря, неба)’ – варианты альтернативной ЛС связаны потенциальным семантическим признаком «обладающий большой глубиной»; *бактеризовать* ‘подвергнуть действию бактерий (молоко, почву, торф)’ – семемы, обозначенные словами *молоко, почва, торф* имеют общий компонент «содержание микроорганизмов». Такие случаи встречаются гораздо реже, чем факты более близкого семантического сходства между вариантами. Это объясняется, вероятно, тем, что в реальной действительности сходными признаками могут обладать только сходные материальные объекты.

Таким образом, специализированные и альтернативные ЛС представляют собой обязательные ограничивающие компоненты, т. е. ту часть значения, которая отражает типичные, по представлениям коллективного языкового сознания, признаки денотата. Специализированные и альтернативные ЛС отличаются друг от друга по степени

определенности содержания. Наибольшей конкретностью содержания обладают специализированные ЛС, которые ограничивают релевантное денотативное пространство и релевантный фрагмент внеязыковой действительности. Альтернативные ЛС имеют более низкую степень конкретности, что связано с возможностью выбора одного из нескольких вариантов. Очерчиваемое денотативное пространство включает объекты нескольких пересекающихся классов или варианты свойства реальных.

2.4.3. Вероятностные лимитирующие семы

В теории значения неоднократно высказывалась мысль о том, что содержание слова обладает «вероятностной структурой» [см., например: Налимов 1979; Никитин 1974; Стернин 1980], то есть компоненты лексического значения характеризуются большей или меньшей вероятностью быть обнаруженными в денотате имени. Например: *голосить* ‘громко, с причитаниями плакать (обычно во исполнение обряда – свадебного, похоронного и т. п.)’; *гипноз* ‘усыпление посредством внушения, а также воздействие на волю усыпленного (обычно с лечебными целями)’; *коленопреклонение* ‘стояние на коленях (обычно как выражение преклонения или мольбы)’; *дирекция* ‘руководящий орган предприятия, учреждения, учебного заведения (обычно с директором во главе)’; *кулуары* ‘боковые залы, коридоры (преимущественно в парламенте, театре), служащие для отдыха, а также для неофициальных встреч’.

Вероятностные семы выделены в работах М. В. Никитина [1974], З. Д. Поповой, И. А. Стернина [Попова, Стернин 1984; Стернин 1985]. И. А. Стернин рассматривает дихотомию постоянные/ вероятностные как один из типов сем, выделенных по характеру конкретного содержания. Постоянные семы, по мнению исследователя,

отражают признаки, присущие объекту всегда, вероятностные – признаки, присущие объекту не всегда, с той или иной степенью вероятности [Стернин 1985: 64]. (Ср. сходную типологию Р. Мартена, который противопоставляет «определители значений» и «виртуэмы, выражающие необязательные признаки и явлений» [цит. по: Николаева 1987].) В работе [Попова, Стернин 1984] разграничиваются сильновероятностные семы, которые находят лексикографическую фиксацию, и слабовероятностные, совпадающие с потенциальными семами [см.: Гак 1977], отражающими второстепенные, иногда необязательные признаки предмета, и поэтому не фиксируемые в словаре.

По нашему мнению, классификацию вероятностных сем следует немного уточнить, взяв за основу не один, а два фактора: встречаемость признака в денотате и известность этого признака языковому сообществу. С учетом этих факторов вероятностные семы могут быть разграничены не на две, а на три подгруппы. Те семы, которые фиксируют часто встречающиеся у объекта признаки и общеизвестны языковому коллективу, назовем сильновероятностными. Семы, хорошо общеизвестные лингвистическому сообществу, но отражающие не частотные признаки денотатов класса, – средневероятностными, а семы, соотносимые с редко встречающимися признаками объектов и известные незначительному числу носителей языка, – слабовероятностными. Поскольку толкования в словарях проводятся с точки зрения наивного языкового сознания, постольку и сильно-, и средневероятностные семы находят (но недостаточно последовательно) отражение в словаре. Сильновероятностные семы отмечены маркерами, располагающимися на шкале вероятности от *обычно* до *особенно*. Маркеры средневероятностных сем занимают на шкале место ниже *обычно* – от *часто* до *иногда*. Что касается слабовероятностных сем, аналогичных потенциальным, они не манифестируются

в словаре и могут быть выделены только в рамках интегральной концепции значения. С позиций системно-интегрального подхода такие семы остаются за пределами языкового значения и могут быть признаны только частью речевого смысла.

М. В. Никитин считает вероятностные признаки частью импликационала, поэтому их наличие предопределяется другими семами, входящими в интенционал. По мнению ученого, вероятностные семы могут быть жестко- и сильновероятностными [Никитин 1974]. Сопоставление этой оппозиции с предлагаемой нами типологией ЛС, которые, как было показано ранее, полностью совпадают с импликационалом, показывают, что жесткий импликационал совпадает с обязательными ЛС, а сильновероятностный – с группой вероятностных ЛС.

Вероятностные ЛС в некотором смысле близки альтернативным ЛС, так как маркеры вероятности открывают возможность выбора содержательного наполнения какого-либо семантического признака. Иными словами, если вероятностный показатель маркирует специализированную ЛС, то он перечеркивает при этом жестко регламентированный характер последнего, приближая его к альтернативным ЛС. Например: *ворох* ‘куча, груда (преимущественно о чем-л. легком)’. Однако не кажутся ошибочными употребления *ворох шуб, пальто, курток, ворох книг*, ср.: [Лаперуз] *решил продолжать политику капитана Кука, надавал гостям целый ворох подарков – стеклянных бус, оловянных ложек, красных тряпочек* (Н. Чуковский. Водители фрегатов) [ССРЛЯ]. Или такой пример: *дрыгать* ‘делать резкие, отрывистые движения (обычно ногами)’. Но ср.: *Воробьи слетели на изгородь и начали дрыгать не очень опрятными хвостиками* (В. Белов. Плотницкие рассказы). Доказательством сходства вероятностных и альтернативных ЛС служит возможность замены маркера

вероятности разделительным союзом. Например: *лебедь* 'водоплавающая птица с белым (реже черным) оперением // или черным оперением; *вяз* 'лиственное дерево (иногда кустарник) // или кустарник. Здесь наречия фактически являются синонимами союза *или*, принося в альтернативную семантику выбора градационный оттенок – «частота встречаемости».

Однако между вероятностными и альтернативными ЛС существуют различия в плане определенности выбора вариантов. Альтернативные ЛС обязательно определяют семантику (или хотя бы какой-либо общий семантический признак) вариантов. Количество возможных вариантов строго фиксировано, тогда как при вероятностной ЛС выбор членов ряда семантически не определен. Это выбор типа отрицания, ср.: *бархат* 'ткань (обычно шелковая)' – или не шелковая; *бочка* 'сосуд (обычно деревянный)' – может быть и не деревянный; *глазок* 'отверстие (обычно круглое)' – или не круглое; *календарь* 'таблица или книжка, дающая сведения о каких-л. (обычно природных) явлениях' – или не природных.

Можно сказать, что вероятностные ЛС отличаются от обязательных сем более сложным содержанием. Их семантика осложнена выбором не просто варианта, но еще и выбором «флангового знака» [см.: Арутюнова 1988], знака «плюс» или «минус», то есть наличием (обычно так) или отсутствием (но может быть и не так) объекта или признака. Кроме того, вероятностные ЛС обращают сознание субъекта к гипотетическому миру возможного (показатели низкой степени вероятности – *иногда, реже*) либо к нормативному миру должного (компоненты высокой степени вероятности – *особенно, обычно, часто*) [см.: Вежицка 1983]. О том, что кванторные наречия содержат, помимо количественного компонента, качественный, пишет Е. В. Падучева [1989]: «...значение *обычно* помимо количественного

компонента содержит некоторый качественный – дело не только в том, что «в большинстве случаев», а в том, что это естественно, нормально, в порядке вещей» [Падучева 1989: 28]. И далее: у наречия *редко* происходит сдвиг – ««мало» усиливается до «в большинстве случаев не», включая это наречие в антонимическую оппозицию с «обычно»» [Падучева 1989: 30].

Наличие в семеме признаков, предполагающих возможность выбора, связывают обычно с расплывчатостью, семантической неопределенностью лексического значения [см.: Недашковская 1990; Филлмор 1983; Шмелев 1973]. О размытости семантических границ можно говорить применительно к общему содержанию лексического значения, но взгляд «изнутри», на отдельные компоненты семемы поворачивает проблему в другую плоскость. Семантические признаки, по которым мы судим о нечеткости значения, выполняют при этом и ограничительную функцию, так как хотя они и предполагают выбор вариантов, но ограничивают возможность варьирования в более или менее приблизительно очерченных границах.

Обнаруживается определенная закономерность между разновидностью ЛС по степени определенности содержания и типом значения слова. Имена с денотативным содержанием (идентифицирующие имена, имена естественных классов) содержат главным образом вероятностные ЛС, а в семемах признаков имен в абсолютном большинстве присутствуют обязательные ЛС. Значение идентифицирующих имен есть отражение в сознании образа предмета, стереотипа класса. Создается оно общими чертами класса денотатов, и объемом знаний, связанный с идентифицирующим именем, зависит от глубины познания соответствующего класса реальных. Но многие ассоциируемые с именем этого класса признаки необязательны в «жестком» смысле:

их имеют не все члены класса. Подобная необязательность отражается с помощью вероятностных ЛС.

Признаковые имена релятивным характером своего значения предопределяют приложимость признака к тем или другим объектам. Человеческий ум и, следовательно, язык, отражая нашу концептуализацию мира, фиксируют достаточно общезначимые, достаточно обычные и заметные связи между объектом и приписываемым ему статическим или динамическим признаком. В то же время реальная действительность нередко располагает фиксированным репертуаром объектов или уникальным объектом, которые способны обладать определенным признаком. Концептуально, а следовательно, и лингвистически в поле зрения попадают эти устойчивые и обязательные связи между признаком и кругом объектов, с ним соотносимых. Такое положение дел отражается с помощью обязательных ЛС.

Другими словами, описывая предмет, число признаков которого бесконечно, мы создаем некий обобщенный образчик, в котором, помимо сущностных признаков (они составляют основу понятия), выделяем некоторые признаки, свойственные идеальному денотату, но не обязательные для всех денотатов класса. Так возникают вероятностные ЛС. Однако при описании признакового имени мы фиксируем объекты, без которых не может существовать сам признак. Так появляются обязательные ЛС.

Таким образом, лимитирующие семы ограничивают либо аналитический признак предмета, либо область референтной приложимости признака, либо параметры ситуации и образуют денотативно-ограничительный макрокомпонент семемы, обращенный в вещный мир. Эта особенность предопределила путь дальнейшего анализа ЛС.

Глава 3. Лимитирующая семантика и вещный мир: ономасиологическая и лингвокультурологическая интерпретация

3.1. Предварительные замечания

Антропоцентрическая переориентация лингвистики проявляется в комплексном исследовании взаимосвязей человека и мироздания. В связи с этим наибольшую активность сейчас приобрели исследования, осуществляемые на стыке языкознания, с одной стороны, и социологии, этнографии и культурологии, с другой (см., например, работы А. М. Арнольдова, А. Вежицкой, Е. М. Верещагина, Г. Д. Гачева, А. С. Герда, Вяч. Вс. Иванова, В. В. Колесова, В. Г. Костомарова, Н. А. Купиной, Ю. М. Лотмана, Л. Н. Мурзина, С. Е. Никитиной, З. К. Тарланова, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьян, Е. С. Яковлевой и др.).

Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю структуру и свой неповторимый стереотип поведения [см.: Гумилев 1989: 91], свой национальный образ [см.: Гачев 1992], который воплощается в формах общественного сознания, в социальных институтах, в культуре как результате материальной и духовной деятельности людей, а значит, и в совокупности предметов и ценностей, которые передаются из поколения в поколение, определяя жизнь данной лингвокультурной общности. И каждая этнокультурная общность обладает своей национально-специфической «средой обитания языка» [Сепир 1993: 270-284]. В соответствии с этим язык выступает в качестве реализованной сущности культуры как внеязыкового предметно-понятийного содержания. Язык социален – тесно связан с действительностью, обществом, цивилизацией. Социальная природа языка логически вытекает из тезиса о социальности самого человека.

Подобно тому как жизнь человека проявляется и утверждается в обществе, существование языка также диалектически связано с развитием общества и культуры. При этом язык не только синонимично отражает современную культуру, но и фиксирует ее предыдущие состояния и передает ее ценности в будущее.

Благодаря кумулятивной функции, язык вбирает в себя в форме знаков всевозможные комбинации проявления жизнедеятельности человека, впитывает своеобразие его культуры. Впервые В. фон Гумбольдт сформулировал связь между языком и культурой: язык – хранилище народного духа, культуры, объединенная духовная энергия народа, запечатленная в определенных звуках [Гумбольдт 1985]. Современные исследования лингвокультурологического направления [см.: Апресян 1995а; Арутюнова 1991; 1995; 1995а; Булыгина, Шмелев 1997; Вежицкая 1996; Воробьев 1996; 1997; Гловинская 1990; 1992; 1993; Гумбольдт 1985; Карасик 1996; Колесов 1995; Купина 1995; 1995а; 1996; Шаховский 1996 и др.], свидетельствуют, что различия в менталитете и культуре разных народов достаточно четко прослеживаются в языке. Иначе говоря, свойственный языку взгляд на мир в некоторой степени универсален, но в некоторой степени национален. Особенности познавательного опыта конкретного этноса, черты его материальной и духовной культуры эксплицитно воплощаются в единицах лексического уровня языка. Вместе с тем лексические единицы отражают не только современную культуру общества, но, накапливая и сохраняя достижения познавательной деятельности человека, фиксируют и предшествующее состояние культуры. Поэтому словарь оказывается культурным универсумом – сокровищницей, где собраны единицы, воплощающие антропо- и этноцентричный взгляд на мир.

Безусловно, не все единицы словаря в равной мере «этноцентричны». Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выделяют особые «этнокультурные языковые единицы», в которых наиболее ярко проявляются специфические черты нации. В число таких этнокультурных единиц входят: 1) собственные имена: *Акакий, Вилена*; 2) слова, обозначающие понятия-реалии, т. е. понятия, обобщающие события, качества, свойства, присущие данному народу в определенную эпоху: *масленица, раскулачивание, коллективизация*; 3) слова, обозначающие предметы-реалии: *самовар, микроволновка*; 4) слова, коннотация которых содержит важную страноведческую информацию [Верещагин, Костомаров 1983]. Остальная часть лексикона, не являясь столь явным выразителем национального своеобразия, отражает, тем не менее, вербализованное представление определенного языкового коллектива о различных сторонах окружающего мира.

Язык интерпретирует действительность, и интерпретация обусловлена специфичностью условий жизни и деятельности того или иного народа и особенностями национального характера. Например, Г. Д. Гачев, сравнивая болгарский и русский образы мира, показывает их различие на примерах языкового представления «пространства». Русский образ пространства представляет собой горизонтальное движение, однонаправленную бесконечность, а модель русского движения – это дорога. Болгарский образ пространства – круглый, замкнутый космос, а модель движения – вырастающий стебель [Гачев 1988: 117; 1995: 223]. Таким образом, в результате взаимодействия человека с внешним миром складываются его представления об этом мире, некая картина мира – модель, общая для всех представителей той или иной культуры и навязываемая в качестве обязательной всем носителям языка.

В самом общем виде модель мира определяется как «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции» [Цивьян 1990: 5]. Эта модель «наивна» в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира, но она не менее сложна. «В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени... наивную этику, наивную психологию и т. п.» [Апресян 1995: 39]. Наивная картина мира (наивный реализм, по терминологии Р. Халлига и В. Вартбурга) находит отражение в языковой картине мира – специфической для данного языкового коллектива схеме восприятия действительности [см.: Яковлева 1994: 9], т. е. в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира. «В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка» [Апресян 1986: 5]. Лексика, словарный состав языка в целом, как непосредственно связанная с окружающим человека миром, с социально-историческим опытом нации, с культурно-национальными особенностями говорящего на языке коллектива, способна отражать наивную картину мира. По словам Г. Пауля, все явления, так или иначе затрагивающие душу человека: строение организма, окружающая природа, вся культура, весь опыт и переживания – все это оказывает влияние на язык [Пауль 1960].

В лексическом значении отражается эгоцентрический характер познания и обозначения человеком познанных свойств окружающих его объектов. При вербальном кодировании обозначение в виде отдельных лексических единиц получают в первую очередь «предметы, достаточно значимые для того, чтобы о них говорить в обществе, достаточно заметные для того, чтобы о них говорить часто, и достаточно доступные органам чувств для того, чтобы быстро их идентифицировать» [Куайн 1986: 24], то есть то, что играет важную роль в жизни

человека (нации), что является ценностным для него. «Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналами лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие» [Карасик 1996: 4]. Место любой реалии в системе культурных ценностей – независимо от того, принадлежит эта реалия нерукотворному миру или создана руками человека, – может быть определено лишь через ту роль, которую она играет в жизни людей. Через восприятие человека дается толкование большинства слов. Еще Ч. Пирс считал, что в понятия *тяжелый, прочный, твердый* входят представления о человеке, потому что потенциальный каузатор перемещения, деформации, разрушения – человек [подробнее см.: Апресян 1986: 31]. Р. И. Розина приводит примеры слов, также обладающих антропоцентрическими значениями: *верх–низ, хаос–порядок, правый–левый*, а также *парк*, (он создан руками человека), *роща* (человек может обойти, пройти ее, охватить взглядом границы) [Розина 1991: 52]. Таким образом, толкование значения в словаре есть попытка концептуализации реального мира посредством языка. Именно на этом основании мы можем говорить об антропоцентричности словаря, именно потому можем, анализируя лексические значения, выявить важные для человека сферы, то, что является для него знаниями «первого эшелона» (А. А. Уфимцева), т. е. знания об объектах физического мира, об их пространственных и вещественных характеристиках, знания о самом человеке.

Слова с ЛС мы рассматриваем не в рамках лексической системы как таковой (семантические поля, лексико-семантические группы и пр.), а с позиций антропоцентрической интерпретации, то есть для нас важен вопрос не о том, каковы связи и отношения этих слов с другими однопорядковыми единицами, а о том, каковы связи между

этими словами и вещным миром, как ментальный образ вещного мира организует систему ЛС. Особенностью данной системы является примарная (внеязыковая) мотивированность ее единиц.

Лимитирующая семантика, будучи обращенной в окружающий мир, являясь той частью значения, которая отражает чувственно-наглядные представления об именуемой реалии, а также связь данной реалии с определенными жизненными и культурными ситуациями, представляют интерес в лингвокультурологическом аспекте. Поскольку в них зафиксирована информация, важная с точки зрения «наивной» языковой личности – адресата словаря, то, опираясь на конкретное содержание ЛС, можно выявить, какие именно материальные и духовные объекты обладают «лингвистической ценностью» для русского языка. Не претендуя на глобальные выводы о русской картине мира (это невозможно сделать вне контрастивного рассмотрения материала), мы можем, как нам кажется, на основе анализа ЛС выделить наиболее важные для русской общности и культуры участки действительности и сферы социальной жизни.

В основе антропологического направления лежит «предзнание» об устройстве языка. Фундаментом лингвокультурологического аспекта нашего исследования является лингвистическое знание о зависимости содержания компонентов-ограничителей от функционального типа имени, которому они принадлежат. Лимитирующие семы, включенные в семемы предметных (идентифицирующих) или признаковых (предикатных) имен, имеют существенные различия и потому требуют разного описания и, следовательно, разных типологий. Это определило дальнейшую структуру главы.

3.2. Система лимитирующих сем как отражение национального восприятия вещного мира

В исследовании лексики как системы в последнее время основополагающей стала мысль об обусловленности ее организации единством внешних и внутренних факторов. При этом все более акцентируется внимание на обращенности лексической системы к внеязыковой действительности. Главным фактором, формирующим лексическую систему, признаются отношения самой действительности, соответствующим образом преломленные в языковой системе. С указанной особенностью согласуется ономасиологический подход в исследовании лексики. Денотативная направленность лимитирующих сем обуславливает их исследование с точки зрения ономасиологической. В современном языкознании существует широкая и узкая трактовка ономасиологии. В узком понимании ономасиология – это учение о процессах называния словом и лексической объективации понятий [см.: Кубрякова 1986: 90]. В широкой трактовке ономасиологический подход предстает, прежде всего, как отражательный. Ср.: «...провести ономасиологический подход, то есть соотнести данное наименование, через его значение, с объективной действительностью» [Уфимцева 1986: 141; см. также: Бацевич 1993; Ономасиологические аспекты 1993]. Мы также придерживаемся широкого понимания ономасиологии. Исследование ЛС в ономасиологическом аспекте, то есть в плане отношения этой части семемы к экстралингвистическим данным – к миру и человеку, позволит выявить сферы, наиболее значимые для практической деятельности этнической группы, поскольку ЛС отражают типовые признаки объектов и ситуаций, стихийно складывающееся, закрепленное в коллективном сознании представление о внешнем мире.

ЛС входят в значение предметных и признаковых имен, но различаются по своему конкретному содержанию. Семантика предметных имен в значительной степени автономна, дискретна, что объясняется свойствами денотата. «Оно (значение – *О. М.*) гетерогенно и складывается из представления, обобщенного образа (стереотипа класса), разнохарактерной информации о классе предметов, случайных впечатлений, сведений утилитарного толка и т. п. – словом, всего того, что связывается в сознании человека с предметным миром» [Арутюнова 1980: 186]. Понятийная часть значения предметных имен имплицитно включает различные классификационные свойства объектов – «мазки в картине» (Н. Д. Арутюнова), число которых «так же безгранично, как бесконечно число свойств предмета» [Арутюнова 1976: 335]. Однако каждый класс объектов обладает определенными диспозиционными свойствами, например физическими параметрами, практическим применением и т. п., которые входят в коллективное языковое сознание как отражение прототипа. Такие свойства объективируются в виде ЛС. Именно поэтому, как мы уже отмечали, в семемах существительных ЛС отражают разнообразные аналитические признаки именуемого объекта.

В семемах признаковых имен ЛС служат отражением объектов предметной сферы. Предметность признается философами и психологами одним из универсальных свойств мышления, и это свойство находит отражение в наличии предметного компонента в значении разных частей речи, в том числе и тех, которые традиционно трактуются как «призначные классы слов» [Соловьева 1989: 15]. На отдельные именные черты глагольного слова указывали еще В. В. Виноградов [1972], И. И. Мещанинов [1978], А. М. Пешковский [1956], А. А. Потебня [1958], А. А. Шахматов [1927]. А. А. Уфимцева [1986] выделила классы глаголов, ориентированные на субъект и/или

объект. Р. М. Гайсина [1981] говорит о субстанциональных семмах в значении глагола, которые образуют второй ряд семной иерархии и отражают участников ситуации. На необходимость разработки вопроса о том, как проявляется естественно-природная таксономия типа «Человек – Животное – Растение – Вещь» в языковых единицах с признаковым значением, указывал Ю. С. Степанов [1981]. В работах Ф. С. Бацевича выделены функционально-ономасиологические классы глаголов с определенными типами субъектов [Бацевич 1993; Бацевич, Космеда 1997]. Группы глаголов по денотативному содержанию специализированной неодушевленно-субъектной семы выделены автором в работах: [Михайлова 1984; 1985].

ЛС в семмах глаголов могут, как мы указывали, определять круг референтов данного действия/состояния или ограничивать некоторые параметры ситуации, поэтому применительно к глаголам мы разграничиваем денотативно-конкретизирующие ЛС и ситуативно-конкретизирующие ЛС. Денотативно-конкретизирующие семы отражают объекты вещного мира, которые выбираются из контрастивного множества и включаются в «перспективу» [Филлмор 1981б: 519] по той причине, что участниками данной ситуации или носителем данного признака в представлении языкового коллектива могут быть эти и только эти субъекты и объекты. Ситуативно-конкретизирующие ЛС создают фон, на котором происходит ситуация, очерчивают контуры, оформляющие некоторое «положение дел» как совершенно конкретную ситуацию, как частное «положение дел». Вследствие того, что вещный мир в указанных разновидностях ЛС имеет иное преломление, мы разграничиваем их при анализе.

ЛС в семмах глаголов очерчивают область референтной приложимости действия–состояния и вследствие своей природы указы-

вают на конкретный тип субъекта (источник производимого действия–состояния) либо объекта (предмет материального или идеального мира). Номинация действия, состояния, процесса относительно субъекта или объекта разграничивает глаголы на два семиологических разряда – субъектные глаголы и объектные глаголы [Курицына 1977; Уфимцева 1980; 1986; Филатова 1978]. Безусловно, все объектные глаголы также предполагают связь действия с его субъектом, ибо для того, чтобы отразить различные ракурсы сцепления действия и предмета, одного элемента логико-семантической связи «действие–объект» недостаточно, необходимо максимальное развертывание модели «субъект–действие–объект». Другими словами, предметная сема, указывающая на лицо (или другой семантический субъект), производящее данное действие, присутствует и в каждом объектно ориентированном глаголе. В силу своей обязательности сема 'субъект действия' находит свое отражение в морфологии глагола, в таких его категориях, как лицо и залог. Естественно, что в словарях, описывающих глагол прежде всего как лексическую единицу, особых указаний на связь любого личного глагола с производителем действия не дается. Исключение составляют глаголы, субъект действия которых конкретизирован, ограничен субстанциями определенного характера, и эта ограниченность как бы «записана» в семной структуре таких глаголов. Как показали наши материалы, денотативное содержание субъектных и объектных сем в семемах глаголов совпадает, поэтому на данном этапе анализа мы не разграничиваем субъект и объект (см. главу 4), но при подаче материала группируем примеры с субъектной или объектной ориентацией.

Опираясь только на онтологические свойства предметов реальной действительности, мы выделили разновидности ЛС в глагольных и атрибутивных семемах, которые являются основой для выделения

референтно–отражательных классов. Референтно–отражательными мы называем классы признаков имен (глаголов, прилагательных), объединенных общей ЛС, очерчивающей круг денотативной приложимости признака.

3.2.1. Денотативно-конкретизирующие семы в семемах глаголов

Онтологические свойства окружающих нас субстанций чрезвычайно разнообразны, поэтому нельзя предложить одну всеохватную классификацию. ЛС, содержащиеся в глагольных семемах, настолько различны, и число их столь велико, что оказалось необходимым обратиться к синоптической схеме картины мира, предложенной Р. Халлигом и В. Вартбургом [см.: Караулов 1976: 56-257]. Наложив указанную схему на свои материалы и скорректировав ее в соответствии с имеющимися ЛС, мы получили следующую многоуровневую классификацию. На первом уровне выделяются 3 наиболее крупных референтно–отражательных класса: *человек, живой мир* (органическая материя, исключая человека), *неживой мир* (неорганическая материя). Первый класс включает глаголы, имеющие несколько разновидностей ЛС и, следовательно, представляющие несколько референтно–отражательных подклассов: *лицо*, а также части человеческого тела (*мемброфакты*) и различные проявления интеллектуальной и эмоциональной жизни человека (*ментофакты и психофакты*). Второй класс – *живой мир* – объединяет глаголы двух референтно-ограниченных подклассов с такими ЛС: *представители животного мира (бестиафакты)* и *представители растительного мира (граммифакты, или фитофакты)*. Третий класс также делится на подклассы, один из которых объединяет глаголы с ЛС, обозначающими *натурфакты*, а другой – глаголы с ЛС, именующими *артефакты*.

В каждом классе и подклассе представлены ЛС различного содержания и разные по степени ограничения Анализ конкретного содержания ЛС позволит, как нам кажется, выявить значимые для русского языкового сознания объекты окружающего мира. Рассмотрим каждый класс.

Класс первый. Человек

ЛС 'человек'

Осваивая и классифицируя мир, человек отталкивается от себя самого как точки отсчета. Он ставит себя в центр и мыслит себя динамическим, деятельным существом. Именно поэтому в языке имеется огромный массив глагольной лексики, называющей действия–состояния, присущие со всей определенностью только человеку: это интеллектуальные и речевые действия, а также многие состояния – знания, эмоции, мнения, желания, восприятия. Семемы таких глагольных слов имплицитно содержат ЛС 'человек', однако она не фиксируется в словаре по причине абсолютной известности. Вместе с тем есть словарные дефиниции, включающие ДОФТ *человек* или *люди*. Это наблюдается в тех случаях, когда ЛС входит в неосновной лексико-семантический вариант, переносное значение: *стечься* 2. перен. 'сойтись, съехаться в одно место (о людях)'; *свежеть* 3. 'приобрести свежий, здоровый вид (о человеке)'; *задичать* 2. 'отвыкнуть от людей, от общества (о человеке)'; *выползти* 1. // 'выбраться откуда-л. ползком (о людях)'; *грудиться* 1. // толпиться, тесниться (о людях); *уродиться* 2. 'появиться на свет (о человеке)'; *пропариться* 1.// 'Подвергнуться действию пара в бане (о человеке)'; *клохтаться*, *крякать*, *мычать* со значением 'издавать звуки' (о человеке)'.

Подобных случаев крайне мало. И объясняется это, на наш взгляд, не семантическими, а лексикографическими причинами. Фор-

мальный лексикографический показатель используется только в дефинициях, которые имеют обобщенный характер, и из них нельзя однозначно понять, что данное действие приписывается лицу. Это еще одно доказательство в пользу нашего вывода о том, что составители словарей меняют точку зрения, и в данном случае они становятся на позицию рядового носителя языка. В целом, ЛС ‘человек’, несмотря на то что она имплицитно присутствует в семемах множества глагольных слов, не объективируется в словарях.

Динамические признаки, обозначенные глаголами, в семемах которых есть ЛС ‘человек’, ‘люди’, характеризуют человека как живое существо, как индивида, а его социальная природа при этом как бы остается в стороне. Однако языковое сознание выделяет некоторые действия, присущие не всему классу ‘человек’, а лишь какой-то группе людей, объединенных определенным признаком – возрастным, половым, профессиональным. В таких случаях ЛС приобретает более конкретный характер, более узкую референцию, что оказывается важным и поэтому обязательно находит отражение в словаре. В русском языке выделяются ЛС ‘женщина’ и ‘мужчина’ в значениях слов сексуальной и матримониальной сферы (хотя это наблюдается не во всех языках, ср. английское *to marry* ‘жениться, выходить замуж’): *жениться* ‘вступить в брак (о мужчине)’; *идти* ‘вступать в брак (о женщине)’; *отдаться* ‘вступить в половую связь с кем-л. (о женщине)’; *выдать* ‘устроить брак, позволить или понудить выйти замуж (женщину)’; *соблазнить* ‘добиться обладания (женщиной, девушкой)’; *умыкнуть* ‘похитить (девушку) с целью заключения брака’.

По возрастному признаку в языковой картине мира выделена группа ‘дети’: *избегаться, избаловаться, сосать, обмараться, лепетать, лопотать* (о детях); *щебетать* ‘говорить быстро, бойко, звонко (обычно о детях и женщинах)’; *убаюкать, подкинуть* (ребенка).

Гораздо чаще языковое сознание характеризует человека как социальную личность, и поэтому субкатегоризация ЛС ‘человек’ в русском языке основывается на общественно значимых признаках лица:

– профессиональный признак: *траверсировать* ‘переходить по маршруту, проходящему по гребню горного хребта, с преодолением ряда вершин (об альпинистах)’; *истисаться* ‘утратить способность к свежему оригинальному творчеству (о писателе, художнике, композиторе)’; *сжиться* ‘работая над ролью, перевоплотиться в создаваемый художественный образ (об актере)’; *слетаться* ‘приобрести слетанность (о летчиках)’;

– социальная роль: *разойтись* ‘перестать жить совместно (о супругах)’; *выносить* ‘проносить в себе ребенка до родов (о матери)’; *обезземелить* ‘лишить земли (крестьянина)’; *облачить* ‘одеть (священнослужителя)’; *вызвать* ‘предложить (учащемуся) отвечать’; *доложить* ‘сообщить, известить о приходе (гостя, посетителя)’; *снять* ‘удалить, убрать с парохода, поезда (пассажиров, команду)’; *добить* ‘окончательно разгромить, уничтожить (врага)’; *сыскать* ‘выследив, разыскать (преступника, виновного)’.

Кроме того, как показали материалы, для наивной картины мира важным оказывается физическое состояние лица: ряд глаголов содержит ЛС ‘больной’, помимо этого встретились: *проспать* ‘прийти в трезвое состояние после сна (о пьяном)’; *кормить* ‘помогать кому-л. в еде (обычно не могущему есть самостоятельно)’; *откачать* ‘привести в чувство (утопленника), делая ему искусственное дыхание’. Примечательно, что ЛС отражают только такие состояния, которые квалифицируются сознанием как отклонения от нормы – болезнь, физическая немощ, недееспособность. Это перекликается с выводами, полученными

О. П. Ждановой в результате исследования семантики русских глаголов, обозначающих поведение, ср.: «... класс глаголов поведения (более 450 единиц) даст обобщенное представление о том, как не нужно себя вести... В содержании данных глаголов по существу обобщаются реальные факты, прецеденты, которые квалифицируются русским национальным сознанием как отклонения от общепринятых правил, норм и ценностей» [Жданова 1997: 186].

Итак, в сфере глагольной лексики может быть выделен референтно-ограниченный класс «человек», демонстрирующий антропоцентричность мировосприятия: в центре находится человек со всеми его физическими действиями и психическими состояниями, формами социального существования. ЛС обобщенного характера, охватывающие своим содержанием весь класс «человек», обычно не находят отражения в словарных толкованиях. Более важными для носителя языка являются ЛС конкретного характера, выделяющие определенную группу людей. Для русского человека, как показали материалы, значимым оказывается небольшое число признаков, по которым можно выделить подгруппы лиц: по принадлежности к биологическому полу, по возрастному признаку, по физическому состоянию, по профессии, по социальной принадлежности. Каждая референтно-отражательная подгруппа представлена небольшим числом глагольных лексем с вполне определенным сигнификативным содержанием: признак пола оказывается существенным для глаголов, именующих действия, связанные с супружеством и материнством (как абсолютно женской области); социальный и профессиональный признаки важны при обозначении конкретных действий и атрибутов, специфических для данной сферы, например: хождение по горным вершинам для альпинистов (*траверсировать*), связь с землей крестьянина (*обезземелить*), специфический характер процесса «покрывания одеждой» священно-

служителей и некоторая торжественная ритуальность (*облачить*). Таким образом, можно сказать, что между сигнификативным значением глагола и содержательным наполнением ЛС существует отражательная связь.

ЛС «части тела»

Подобная группа выделена в словаре Халлига–Вартбурга [см.: Караулов 1976], в таксономии глаголов, предложенной Н. Ю. Шведовой [Шведова 1981: 176], а также в классификации Р. С. Ганжи, который говорит о «мембруальных действиях» (от *membrum* – тело, часть тела) [Ганжа 1970: 38]. Названия частей тела представляют весьма своеобразный класс, так как эти объекты мыслятся говорящим как действующие самостоятельно, хотя на самом деле их действия – функция более сложно организованного целого. Это сближает их с артефактами, действующими несамостоятельно, в соответствии с заранее предвиденными и конструктивно заложенными в них особенностями. Мысленное расчленение и автономность данных объектов послужили причиной выделения особой «партономической группировки слов» [Филлмор 1983].

В данной группе встречается как альтернативные, так и специализированные ЛС, с разной степенью обобщенности. Альтернативная ЛС представлена различными вариантами в разных наборах в соответствии с выполняемыми действиями. Так, способность мимически изменяться объединяет варианты ЛС ‘лицо’, ‘рот’, ‘губы’, ‘нос’, например: *кривиться* ‘перекашиваться в гримасе (о лице, рте, губах)’; *ежить* ‘морщить, стягивать (губы, нос, лицо)’. Варианты ‘зубы’, ‘губы’, ‘пальцы’, ‘веки’ образуют альтернативную ЛС в семемах глаголов, обозначающих действия «соединения» и «разделения»: *сжаться*, *стиснуться* ‘плотно соединиться, сомкнуться (о губах,

пальцах)’; *разжаться* ‘перестав сжиматься, раскрыться (о пальцах, зубах, губах)’; *разомкнуться* ‘раскрыться (о сомкнутых веках, губах)’.

Довольно часто, что связано с большим разнообразием положений, которые могут принимать конечности человека, альтернативная ЛС представлена вариантами ‘руки’, ‘ноги’: *связать* ‘стянуть, спутать (руки, ноги)’; *выкинуть* ‘выдвинуть, выставить резким движением (руку, ногу)’; *отставить* ‘несколько выставить в сторону (руку, ногу)’ и пр. Примечательно, что названные варианты представляют альтернативную ЛС только в объектно-ориентированных глаголах. Субъектно-детерминированные глаголы этой референтно-ограниченной подгруппы включают только специализированную ЛС: *обвить* ‘обнять, обхватить (о руках)’; *подвернуться* ‘подогнуться от неловкого движения, шага (о ногах)’; *подкоситься, подломиться, подогнуться* ‘непроизвольно согнуться в коленях от внезапной слабости, усталости, потрясения (о ногах)’.

В наивной картине мира разграничиваются верхние и нижние конечности как носители разных функциональных состояний, но объединяются как похожие части единого организма. Естественно, и в объектных глаголах встречаются подобные специализированные ЛС, но такие глаголы, как правило, составляют коррелятивную пару с соответствующим субъектным глаголом: *обвить руками* – *обвить* (о руках); *подвернуть ногу* – *подвернуться* (о ногах) и пр.

Специализированная ЛС в рассматриваемой референтно-ограниченной подгруппе может быть обобщенной: *болеть* ‘испытывать боль (о какой-л. части тела)’; *затечь* ‘онеметь от нарушения кровообращения (о частях тела)’; *костенеть* ‘терять гибкость, чувствительность, подвижность от холода (о частях тела)’; *отняться* ‘лишиться способности двигаться, действовать вследствие паралича (о частях тела)’; *ушибить* ‘повредить ударом (какую-л. часть те-

ла)'. Абсолютное большинство глагольных семем этого референтно-ограниченного подкласса связаны с обозначением повреждений частей тела. То же наблюдается и в семемах с менее обобщенной ЛС 'конечности': *вывихнуться* 'сместиться в суставе (о конечностях)'; *вправить* 'вставить, ввести в свое место (вывихнутые конечности)'. Специализированные ЛС конкретного содержания входят в разное число семем (от 2 до 60), в зависимости от того, каков диапазон динамических признаков, по которым может быть охарактеризован данный объект. Незначительным количеством признаков представлены субстанции *брови, спина, язык, губы, зубы, голова, грудь, кожа*, ср.: *срастись* 'соединиться у переносицы (о бровях)'; *нахмурить* 'насупить, сдвинуть (брови)'; *сутулиться, горбиться* 'становиться сутулым (о спине)'; *коснеть* 'стать малоподвижным, негибким (о языке)'; *обложить* 'покрыть (язык) при заболевании белым налетом'; *запечься* 'пересохнув, покрыться пленкой, потрескаться (о губах)'; *прорезаться* 'появиться на поверхности десны (о зубах)'; *скалиться* 'обнажаться, открываться (о зубах)'; *пломбировать* (зуб); *трещать* 'сильно ломить, болеть (о голове)'; *вздymаться* 'приподниматься, расширяясь, увеличиваясь в объеме (о груди)'; *сжаться* 'стесниться, затруднив дыхание (о груди)'; *морииться* 'собираться в морщины (о коже)'; *шелушиться, лупиться* 'сходить, отделяясь маленькими, тонкими пленками (о коже)'; *начесать* 'повредить чесанием (кожу)'.

Более частотной является специализированная ЛС 'волосы' (более 40 лексико-семантических вариантов глаголов): *витья* 'закручиваться, завиваться'; *вскосматиться* 'подняться космами'; *отрасти* 'вырасти вновь после стрижки'; *сечься* 'ломаться на концах'; *зачесать* 'причесывая, приглаживая гребнем, расположить (волосы) в каком-л. направлении'; *уложить* 'причесать каким-л. образом (волосы)'; *взъерошить* 'вздохматить, вскочить (волосы)'. Следует за-

метить, что есть ряд глаголов, в значении которых ЛС ‘волосы’ присутствует как вариант альтернативной ЛС ‘волосы, шерсть, щетина, перья’.

Наиболее широко представлены специализированные ЛС ‘лицо’ (23), ‘глаза’ (около 60). По-видимому, этот факт можно объяснить тем, что названные субстанции являются «зеркалом» внутреннего состояния человека, отражают движения души и богатство внутреннего мира. Дополнительным подтверждением этой мысли служит наличие в глагольных значениях сем, называющих различные эмоциональные состояния. Например: *исказиться* ‘очень сильно измениться, потерять обычный естественный вид (о лице)’; *каменеть* ‘становиться неподвижным, безжизненным (о лице)’; *опечалиться* ‘выразить печаль, огорчение (о лице)’; *расплываться* ‘стать широким от улыбки (о лице)’; *бегать* ‘быстро переходить с предмета на предмет, скользить взглядом (о глазах)’; *блестеть*, а также его синонимы *гореть*, *искриться*, *лучиться*, *сверкать*, *светиться*, *сиять* ‘сверкать под влиянием возбуждения или какого-л. чувства, переживания (о глазах)’; *затуманиться* ‘стать менее ясным под влиянием какого-л. чувства или застлаться слезами (о глазах)’; *излучать* ‘быть исполненным сияния, светиться чем-л. (о глазах)’; *стекленеть*, а также *погаснуть*, *потухнуть* ‘становиться безжизненно-неподвижным, невыразительным (о глазах)’; *вытаращить* ‘широко раскрыть (глаза) от удивления, страха, неожиданности’.

Чувства, переживания и состояния человека находят свое внешнее проявление также в улыбке, румянце (ср.: *улыбка* ‘движение мышц лица, показывающее расположение к смеху, выражающее привет, удовольствие, насмешку’; *румянец* ‘краснота от прилива крови к лицу’). Хотя в толковании слова *румянец* не эксплицирована сема ‘эмоциональное состояние’, контексты-иллюстрации позволяют со

всей очевидностью ее выявить: *Румянец негодования запылал на ее бледных щеках*. (Достоевский. Село Степанчиково). Семантически лексемы *улыбка*, *румянец* связаны с лексемой *лицо* привативными отношениями. Они также входят в статью дескриптора ‘лицо’ в «Русском семантическом словаре» [РСС 1982]. Это послужило основанием для включения специализированных ЛС ‘улыбка’ и ‘румянец’ в описываемую группу: *вспыхнуть* ‘ярко выступить (о румянце)’; *змеиться* ‘блуждать, скользить (об улыбке)’; *расплыться* ‘появиться на лице (об улыбке)’.

Особое место в русской картине мира занимает *сердце*. Об этом свидетельствует частотность соответствующей специализированной ЛС – свыше 30 единиц. ЛС ‘сердце’ встречается в разных глагольных семемах и отражает разные представления человека об этой субстанции. С одной стороны, это центральный орган кровеносной системы. В этом случае глаголы с указанной ЛС называют его типовую функцию – *биться* ‘быть в ритмическом движении (о сердце)’; либо некоторое отклонение от нее – *колотиться* ‘биться резкими толчками (о сердце)’. С другой стороны, эта субстанция мыслится русским человеком как вместилище для его внутренней жизни, душевных переживаний, аналогичное душе (неслучайно во многих случаях ‘душа’ и ‘сердце’ выступают как варианты альтернативной ЛС). При таком осмыслении денотата ЛС ‘сердце’ входит в семантику глаголов, называющих процессы и состояния нравственных страданий: *наболеть* ‘измучиться, стать крайне чувствительным от долгих страданий (о сердце, душе)’; *встрепенуться* ‘забиться сильнее под влиянием какого-л. чувства (о сердце)’; *дрогнуть* ‘сжаться забиться (о сердце)’; *екать* ‘замирать, сжиматься от испуга, от неожиданности (о сердце)’; *стесниться* ‘болезненно сжаться (о сердце)’; *щемить* ‘ныть, болеть (о сердце)’; *растерзать* ‘нравственно измучить, истерзать

(душу, сердце)'; *хранить* 'запечатлевать, сохранять (в сердце, в душе)'. Обостренное внимание к внутреннему миру человека, к душе как морально-эмоциональному ядру личности свойственно, как неоднократно отмечалось исследователями, преимущественно русскому языку [см., например: Wierzbicka 1992; Урысон 1995]. Наличие такого референтно-ограниченного подкласса перекликается с выводами о душе и сердце как национально значимых субстанциях, свидетельствует о многогранных возможностях языкового воплощения концепта 'душа'.

Практически все глагольные значения с этой ЛС отражают страдания, нравственные и физические. Вообще следует заметить, что глаголы с ЛС рассматриваемой группы гораздо чаще обращены своими значениями в область отрицательных для человека действий. Поэтому в языке зафиксированы и такие объекты, как повреждения частей тела, болезненные образования на теле человека. Представления о них входят в семантически значимую зону, о чем свидетельствует наличие специализированной ЛС. Ассоциативно подобные объекты связаны с частями тела, поэтому мы включили их в одну группу. Здесь встретились следующие референтные разновидности: *рассосаться* 'опасть, исчезнуть вследствие поглощения окружающей здоровой средой (об опухоли, кровоизлиянии)'; *вскочить* 'быстро возникнуть, вздуться (о синяке, прыще)'; *растянуть* 'повредить чрезмерно сильным натяжением (связки, сухожилия)'; *зиять* 'быть раскрытым (о ране)'; *зажить, зарости, зарубцеваться* 'исчезнуть (о ране)'; *залечь, собраться* 'резко обозначиться, образоваться (о морщинах)' и под.

ЛС 'чувства', 'мысли'

Выделенная группа отличается от предыдущих тем, что здесь представлены имена абстрактного значения. Вместе с тем названия психической жизни человека «далеки от пропозитивной семантики, тесно связанной с временными и видовыми параметрами, характеризующими событие» [Арутюнова 1976: 94]. Эти имена обозначают как бы «предметы» психического мира, существующие и действующие по аналогии с объектами вешного мира. Именно этот факт, как нам кажется, объясняет наличие референтно-ограниченного подкласса глаголов с соответствующей ЛС.

В данной группе представлены альтернативные ЛС, имеющие варианты 'мысли', 'чувства'. Это вполне закономерно, так как, согласно теории отражения, чувственное и рациональное – это две формы, две ступени познания; кроме того, чувство часто сопряжено с мыслью, порождено мыслью и существует одновременно с нею. Поэтому в языке мысли и чувства характеризуются общими свойствами: *блеснуть* 'внезапно появиться, мелькнуть (о мысли, чувстве)'; *закрасться* 'появиться (о мыслях, чувствах)'; *посетить* 'вдруг появиться у кого-л. (о мысли, чувстве)'; *хлынуть* 'появиться во множестве (о мыслях, чувствах)'; *владеть* 'подчинять себе, охватывать (о мыслях, чувствах)'; *преследовать* 'не оставлять кого-л., вопреки его желанию (о мысли, чувстве)'; *грызть* 'терзать, мучить, тревожить (о мыслях, чувствах)'; *шевелиться* 'беспокоить, тревожить (о чувствах, мыслях)'; *скрести* 'беспрестанно беспокоить, мучить (о мысли, чувстве)'; *мелеть* 'становиться незначительным, ничтожным (о мыслях, чувствах)'; *высказать* 'выразить, передать словами (мысли, чувства)'; *лелеять* 'любовно вынашивать (мысль, чувство)'; *угасить* 'заглушить, подавить (чувства, мысли)'. Глаголы, содержащие такую альтернативную ЛС, имеют чаще сигнификативное значе-

ние 'возникновение', 'воздействие на человека', 'исчезновение'. Каждый из вариантов альтернативной семы в определенных глагольных семемах выступает как специализированная ЛС, то есть в этой группе специализированные ЛС бывают двух видов – обозначение результатов речемыслительной деятельности и эмоциональной деятельности.

Поскольку внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего материального мира [см.: Арутюнова 1976], постольку специализированные ЛС входят в абсолютном большинстве во вторичные, переносные, значения глаголов конкретного действия. Так, специализированная сема 'мысли' входит преимущественно в семемы глаголов движения, обозначая 'процесс протекания мысли, речи': *течь, плыть, бродить, блуждать, лететь, разбросаться, разбежаться, пролететь (о мыслях), прокатиться, пройти (о вестях, слухах)*. Кроме того, глаголы движения могут развивать под воздействием ЛС 'мысль' вторичные значения, которые Н. Д. Арутюнова определила как «путь», соединяющий «человека (или его голову как резиденцию мыслей) и витающую в мировом пространстве и изредка навещающуюся в свои резиденции мысль», а также ««путь» мысли от человека к предмету (теме) его размышлений» [Арутюнова 1976: 165]. Например: *вторгнуться, вкорениться, обступить, роиться, унести, перенестись, переметнуться, перейти, перескочить, оставаться и под*.

Имена чувств регулярно входят в качестве специализированной ЛС во вторичные значения глаголов, так называемых «жидкостных» предикатов [см.: Шмелева 1983], что связано с представлением чувства как жидкости, идущим еще из библейской мифологии и относящимся к «области общелитературной семантики дворянского быта (конца XVIII и начала XIX века), отзвуки которой очень сильны и в современной литературной речи» [Виноградов 1935: 257]: *кипеть,*

закипать, захлестнуть, брызгать, kloкотать и под. Множество разнообразных по семантике глаголов характеризуют чувство как «существо», способное «жить»: *дразнить, подниматься, ожить, нагнуть, бороться, зашевелиться, душить, отпустить, улечься*. Все подобные глаголы имеют ЛС 'чувство' только во вторичных, метафорических ЛСВ. На это обратила внимание Н. Д. Арутюнова, справедливо заметив, что область предикатов, обслуживающих названия элементов психической жизни, формируется из слов, заимствованных из принципиально разных семантических сфер, и связано это с потребностью человека «в разработке точных и тонких способов сообщений о мире души» [Арутюнова 1976: 110–111]. В такой подробной разработке психической жизни со всей полнотой проявляется национальная особенность русского языка, о которой уже писалось в литературе. Сравнивая языковые средства выражения эмоций в русском и английском языках, А. Вежицкая отмечает, что, хотя антропологи часто говорят об английском языке как о крайне сосредоточенном на эмоциях и исключительно богатом словами, выражающими эмоции, в сравнении с ними русский язык «выступает как язык, уделяющий эмоциям гораздо большее внимание» [Вежицкая 1996: 44]. При этом в русском языке о чувствах говорится как об активном начале – русские активно и вполне сознательно «отдаются во власть стихии чувств», тогда как «сама идея активности и ее языковое воплощение, видимо, абсолютно несвойственны и даже чужды англосаксонской культуре» – англичане обычно не говорят о своей «охваченности» тем или иным чувством [там же]. Эта мысль исследователя находит подтверждение в системе ЛС: анализируемый референтно-ограниченный класс в большей степени представлен субъектно-ориентированными глаголами, обозначающими «воздействие» на человека чувства как самостоятельной субстанции.

Еще одна особенность русского менталитета, проявляющаяся в этой области, связана с внешним выражением чувства. Если англосаксонская культура «обычно смотрит на поведение, без особого одобрения оцениваемое как «эмоциональное», с подозрением и смущением» [Вежицкая 1996: 41], то для русской культуры внешнее проявление душевного состояния человека вполне естественно и в некоторой степени даже необходимо. По этой причине в русском языке немало глаголов, объединенных общим признаком ‘внешнее выражение эмоций’, и многие из них имеют специализированные ЛС, такие как ‘улыбка’, ‘румянец’, ‘глаза’, ‘лицо’, ‘сердце’, ‘душа’ (см. выше), то есть обозначают те субстанции, которые традиционно определяются как «органы духовных чувств», тогда как в современном английском языке, по наблюдению А. Вежицкой, исчезает, уходит на периферию целый семантический класс глаголов с подобным значением.

Итак, первый референтно-ограниченный класс глаголов имеет, по нашим материалам, три подкласса, в каждом из которых выделяются референтно-ограниченные группы в соответствии с содержанием ЛС.

Глаголы, формирующие референтно-ограниченный класс *человек*, могут быть как субъектно-, так и объектно-ориентированными. Но подавляющее большинство единиц этого класса входит в разряд субъектных глаголов. Человек живет и действует, а следовательно, и мыслит себя как активное существо. Разряд объектных глаголов представлен в данном референтно-ограниченном классе значительно беднее, потому, вероятно, что выделение человека как специализированный объект определенных воздействий не входит в ментально значимую сферу. Вместе с тем есть вполне определенные группы лиц, которые мыслятся русским языковым сознанием как зависимые. Это

женщины, дети, физически немощные люди. Данная особенность мировосприятия закономерно проявляется в том, что ЛС, называющие такие группы лиц, оказываются включенными в семемы объектно-ориентированных глаголов.

Части тела, как мы уже писали, представляют специфический объект, который мыслится как самостоятельный, являясь при этом частью неразъемного целого. Подобная двойственность предопределила наличие среди глаголов референтно-ограниченного подкласса «части тела» как субъектно-, так и объектно-детерминированных семем, которые достаточно регулярно образуют коррелятивные пары.

Глаголы, содержащие ЛС ‘чувства, мысли’, в абсолютном большинстве входят в разряд субъектных, и в этом проявляется очень важная особенность русского мировосприятия – самостоятельность и активность эмоционального начала.

Класс второй. Живой мир

ЛС «животное»

Референтно-отражательный подкласс глаголов с названной ЛС значительно больше подкласса глаголов с ЛС ‘человек’, что объясняется, вероятно, разнообразием животного мира. Р. С. Ганжа называет такие единицы глаголами «бестиальных действий» (от *bestia* – животное, зверь) [Ганжа 1970].

ЛС, ставшая основанием для выделения данной группы, может быть и обобщенной, и конкретной. Обобщенная ЛС «животное» не столь частотна, как конкретные ЛС разного уровня категоризации, она встречается в следующих глагольных семемах: *грызться* ‘кусать друг друга (о животных)’; *трусить* ‘бежать мелкой рысцой (о лошади и других животных)’; *сдохнуть, издохнуть* ‘умереть (о животных)’; *служить* ‘стоять на задних лапах, вытянув или подняв передние (о

некоторых животных); *жировать* 'кормиться, резвясь, гуляя (о звере, птице, рыбе)'; *мышковать* 'охотиться за мышами (о животных)'; *вскормить, вспоить* 'кормя, вырастить (животное, птицу)'; *вывести* 'вырастить, создать (породу животных, птиц)'; *надрессировать* 'обучить чему-л. (животное) посредством дрессировки'; *наколоть* 'закалывая, убить в каком-л. количестве (животных, птиц)' и др.

Обобщенная ЛС 'животное' нередко соседствует с ЛС 'человек' в семемах глаголов, обозначающих действия живых существ вообще: *выползти, съежиться, ходить* — о человеке, животном. В значении глагола *задичать* 'отвыкнуть от людей, от общества' объединяются ЛС «человек» и «домашнее животное» на основании признака 'живущий в окружении людей'.

Столь же обобщенной является ЛС 'птицы', но она встречается чаще, чем ЛС 'животное', вероятно потому, что в наивной картине мира человек в большей степени дифференцирует животных, а птиц воспринимает как единое сообщество. Поскольку роль птиц в жизнедеятельности человека несущественна, их прагматическая ценность невелика, постольку нет необходимости называния того или иного представителя орнитофауны, достаточно выделения класса птиц в целом: *гнездиться* 'жить, устраивать гнезда (о птицах)'; *порхать* 'легко перелетать с места на место (о птицах, бабочках)'; *клевать* 'есть, хватая пищу клювом (о птицах)'; *бить* 'издавать прерывистые звуки (о пении некоторых птиц)'; *токовать* 'производить особые движения, издавать крики, петь, подзывая самку в период спаривания (о самцах некоторых птиц)'; *нахохлиться* 'взъерошить, поднять перья (о птицах)'; *вывести* 'произвести на свет детенышей (о птицах)'; *щипать* 'выдергивать перья, пух (у птиц)' и др.

ЛС 'рыбы' наименее частотна в глагольных значениях. Это можно объяснить, вероятно, тем фактом, что названная разновидность

животных воспринимается человеком еще более однородно, чем птицы, и поэтому наивное языковое сознание выделяет очень небольшой ряд действий–состояний, связанных с рыбами: *клевать* ‘хватать приманку на удочку (о рыбе)’; *хватать* ‘клевать (о рыбе)’; *уснуть* ‘перестать дышать (о рыбе)’; *удить* ‘ловить удочкой (рыбу)’; *наглушить* ‘глуша, добыть (рыбу) в каком-л. количестве’; *лучить* ‘бить (рыбу)’. Никаких субкатегорий среди ихтионимов не обнаружено.

В той же степени обобщенно и однородно представлена в глагольных семемах ЛС ‘насекомые’, причем часто эта ЛС является одним из вариантов в альтернативных ЛС, наряду с ЛС ‘птицы’ или ‘животные’: *жужжать* ‘производить однообразно дребезжащий звук крыльями при полете (о насекомых)’; *толочься* ‘беспрестанно двигаться вверх, вниз, держась роем, друг около друга (о насекомых)’; *засидеть* ‘запачкать испражнениями (о насекомых, птицах)’; *дохнуть* ‘околевать (о животных, насекомых)’; *есть* ‘портить, уничтожая, грызя (о насекомых, грызунах)’ *давить* ‘прижимая, придавливая, убивать (насекомых)’ и др.

Единственный вид насекомых, получивший особое место в языковой картине мира, – это пчелы, которых русский человек использовал с глубокой древности: *роиться* ‘скопяться вокруг матки, образуя новый рой (о пчелах)’; *червить* ‘откладывать яйца (о пчелах)’; *нажалисть* ‘сильно искушать (о пчелах, осах)’.

Глаголы, имеющие в семантике ЛС ‘птицы’, называют все особенности существования пернатых: организация жилья – *гнездиться*; способ передвижения – *порхать*, *выпорхнуть*, *запорхнуть*, *вспорхнуть*; способ добывать/принимать пищу – *клевать*, *исклевать*, *долбить*; особенности издаваемых звуков (хотя именно в этой группе глаголов обнаруживается дифференциация птиц) – *бить*, *галдеть*,

кликать; особенности производить потомство – *нанести, вывести, выклевываться, проклонуться, вылупиться, вывести*.

Глаголы из подгруппы, связанной ЛС ‘животные’, столь же разнообразны по семантике, обозначают практически те же особенности существования, но здесь со всей определенностью и проявляется та дифференциация животных, которая отличает их от птиц, то есть особенности жизни и поведения характерны не для всего класса ‘животные’, а для некоторых видов. Поэтому в языке обнаруживается много глагольных семем с ЛС, обозначающих конкретные виды животных. Степень индивидуализации имен животных зависит от роли, которую эти животные играли (и играют) в хозяйственно-экономической жизни, а также от традиций языкового коллектива.

Субкатегории ‘домашние животные’ и ‘дикие животные’ имеют более низкую степень абстракции, чем категория ‘животные’, но все же достаточно высокую. ЛС «домашние животные» встречается чаще, чем «дикие животные», потому, возможно, что домашние животные представляют часть близкого окружающего мира, входящего в зону «дом», которая является центром жизни человека. И поэтому все, что связано с домом, прорабатывается языком более тщательно. Это относится и к домашним животным. Например: *зарезать* ‘убить на мясо (домашнее животное)’; *выпустить* ‘выгнать куда-л. откуда-л. (скот)’; *паст* ‘выпускать (скотину или птицу) на подножный корм’; *нагулять* ‘откормить на пастбище (скот)’.

Дикие животные имеют для человека меньшую значимость. Как показали словарные материалы, среди диких животных в русском языковом пространстве выделяется только подгруппа хищных животных, а глагольные лексемы называют действия, представляющие опасность для человека: *драть, задрать* ‘убить, растерзать (о хищни-

ке)»; *зарезать* 'загрызть (о хищных животных)'; *когтить* 'рвать, терзать когтями добычу (о хищных птицах)'.

Поскольку животный мир чрезвычайно богат и разнообразен, многие виды и семейства животных способны выполнять специфические действия, важные для человека. Специфичность действий, с одной стороны, и значимость их в жизни человека, с другой, становятся причиной появления в языке отдельных подгрупп, в которых ЛС имеют конкретное содержание. По материалам русского языка (допускаем, что это универсальное явление), специализированные ЛС отражают только виды домашних животных и птиц. Исключение составляют оноματοпоэтические глаголы, в которых присутствуют специализированные и альтернативные ЛС, указывающие как на домашних, так и на диких животных и птиц.

На основе анализа ЛС и значений глаголов, включающих данные ЛС, можно выявить когнитивные стратегии именования в языке, то есть установить, какие именно свойства воспринимает и отражает человек, связывая их с определенными животными. Оказывается, разные виды животных и птиц характеризуются достаточно однотипно по нескольким свойствам.

– Звуки, производимые животными: *гоготать* 'издавать резкие отрывистые звуки, похожие на звуки «го-го-го» (о гусях)'; *ворковать* 'издавать переливчатые звуки (о голубях)'; *дергать* 'издавать отрывистые резкие звуки (о коростеле)'; *ржать* 'издавать ржание (о лошади)'; *скулить* 'жалобно повизгивать (о собаке)'; *грать* 'издавать громкие беспорядочные крики (о воронах, грачах, галках)'; *ворчать* 'издавать негромкие, низкие звуки, выражающие недовольство (о собаке)'. В толковых словарях ЛС, обозначающая конкретное животное, способное издавать соответствующий звук, не всегда эксплицируется в дефиниции данного глагола. Например, в МАС многие тол-

кования оноματοпоэтических глаголов имеют отсылочный характер, типа *блеять* ‘издавать бление’; *мычать* ‘издавать мычание’; *мяукать* ‘издавать мяуканье’ и под. ЛС при этом манифестируются в дефиниции соответствующего существительного. Это, однако, не означает, что в семеме глагола нет ЛС. Здесь мы имеем дело лишь с лексикографической субъективностью, что подтверждается, в частности, данными других словарей. Ср. в ССРЛЯ: *блеять* ‘издавать дрожащие, прерывистые звуки (об овцах и козах)’; в БАС: *мычать* ‘издавать протяжные звуки «му-му». О корове, быке и некоторых других животных’; *мяукать* ‘издавать звуки «мяу». О кошке и других кошачьих’. Во всех звукоподражательных глаголах ЛС имеет очень конкретный характер, так как реальные звуки, производимые отдельными видами животных и птиц, воспринимаются по-разному органами слуха человека и получают различную вербальную оформленность.

– Рождение потомства. В русском языке этот процесс получил много различных обозначений в зависимости от вида домашнего животного: *телиться* ‘рождать телят (о корове)’; *ягниться* ‘рождать ягнят (об овце)’; *щениться* ‘рождать щенят (о собаке)’; *котиться* ‘рождать котят (о кошке)’; *жеребиться* ‘рождать жеребенка (о кобыле, ослице, верблюдице)’; *пороситься* ‘рождать поросят (о свинье)’.

ЛС в глаголах с указанным значением является преимущественно специализированной, лишь в некоторых семемах она имеет альтернативный характер, объединяя несколько видов животных, чьи детеныши имеют общее название, см. *жеребиться*, а также *телиться* (о корове, а также самке лося, олени); *щениться* (о собаке, волке, лисе), *котиться* (о кошке, о зайчихе). Наблюдается определенная

закономерность в расширении денотативной сферы данного действия за счет включения не только домашних, но и диких животных.

– Действия животных, представляющие опасность для человека: *лягать, лягаться, брыкаться* ‘бить, ударять ногой (о копытных животных)’; *бодать* ‘бить лбом, рогами (обычно о рогатом скоте)’; *дыбиться* ‘приподнимать разом передние ноги (о лошади)’. В русском языке довольно много глаголов с таким значением, но ЛС в них имеет чаще обобщенный характер: *клевать, хватать, кусать, драсть, задрать, зарезать, когтить, заест, накусать, взбрыкнуть*.

– Действия, связанные с использованием животного, с его полезностью для человека. В этой подгруппе глаголов особенно явно проявляется этноцентрическая направленность языка, потому что обозначаются действия только тех животных, которые использовал данный этнос. Для русского языкового сознания лингвистически ценностными оказываются *корова, коза, собака и лошадь*. Причем ЛС ‘корова’, ‘коза’ представлены единично: *доить / доиться* ‘давать молоко (о корове, козе)’, не считая указанных выше номинаций. Тогда как ЛС «собака» и «лошадь» гораздо более распространены, и глаголы с указанными ЛС обозначают множество разнообразных действий/состояний этих животных, а также действий, связанных с их использованием. Так, ЛС ‘собака’ входит в следующие семемы: *снюхаться* ‘узнать друг друга по нюху (о собаках)’; *натаскать* ‘обучить чему-л. (охотничью или служебную собаку)’; *науськать, натравить* ‘побудить к нападению, преследованию (собаку, собак)’; *уськать* ‘кричать «усь-усь», натравливая (собаку) на кого-, что-л.’.

В русской языковой картине мира зафиксирована особая для жизни человека роль лошади. Об этом свидетельствует частотность соответствующей ЛС – около 50 глагольных семем имеют ЛС ‘лошадь’: *взмывиться* ‘покрыться пеной’; *выстояться* ‘отдохнуть’; до-

скакать 'вскачь достигнуть какого-л. места'; *понести* 'помчаться'; *трюхать* 'бежать мелкой неторопливой рысью'; *закинуться* 'броситься в сторону на бегу'; *засечься* 'поранить ногу, задев ее на ходу другой ногой'; *запалить* 'загнать, измучить продолжительной или быстрой ездой'; *бодрить* 'погонять, заставлять двигаться быстрее'; *наездить* 'приучить (молодую лошадь) ходить в упряжи или под седлом'; *захомутать* 'надеть хомут (на лошадь)'; *манежить* 'выезжать (лошадь) по правилам манежной езды'; *оседлать* 'прикрепить седло на спину (лошади)'; *расковаться* 'потерять подкову'; *тронуть* 'отправиться куда-л. (обычно на лошадях)' и др.

Это животное на протяжении веков было опорой в жизни многих народов, поэтому не только для русского языка характерна индивидуализация имени *лошадь*. В частности, А. А. Уфимцева отмечает, что в английском языке имеется большое число наименований лошадей, обозначающих различные свойства, породу, назначение этих животных [см.: Уфимцева 1988: 124].

ЛС «растения»

Семантико-ономасиологическая группа глаголов, содержащих такую ЛС, достаточно обширна. Мы включаем эту группу в класс *живой мир*, основываясь на биологической природе именуемых объектов. Р. С. Ганжа называет группу глаголов, связанных с субъектом 'растительность', глаголами «граминальных действий» (от *gramen* – растение) [Ганжа 1970]. В наших материалах ЛС 'растения' входят в семемы как субъектно-, так и объектно-ориентированных глаголов. ЛС этой группы выступают в нескольких разновидностях: специализированная ЛС обобщенного (родового) характера: *акклиматизироваться* 'приспособиться (приспособляться) к новому климату, к новым жизненным условиям (о растениях)'; *вянуть* 'лишаться

свежести (о растениях)'; *плодоносить* 'приносить плоды; быть способным приносить плоды (о растениях)'; *расцвести* 'дать цветки, прийти в состояние цветения, распуститься (о растениях)'; *укорениться* 'прижиться, укрепиться корнями в почве (о растениях)'; *изредить* 'сделать более редким (обычно растения)' – в основных значениях глаголов. А также: *выбросить* 'дать ростки, побеги (о растениях)'; *засохнуть* 'завянуть, погибнуть от недостатка влаги (о растениях)'; *зимовать* 'выдерживать, переносить зимние холода, оставаясь в грунте (о растениях)'; *полечь* 'пригнуться стеблем к земле (о растениях)'; *распушиться* 'покрыться молодой зеленью (о растениях)'; *увить* 'сплошь, густо, со всех сторон обвить что-л. (о растительности)'; *возделывать* 'выращивать, разводить (растения)'; *опылить* 'покрыть (растения) специальным составом для обезвреживания'; *отсадить* 'отделив, посадить на другое место (растение)'; *пересадить* 'выкопав (растение), посадить в другом месте' – во вторичных значениях.

Как видно из приведенных материалов, глаголы, имеющие в семеме указанную ЛС, разнообразны по содержанию и отражают все фазы жизни растений: появление на свет, рост, цветение, плодоношение, гибель. Такие периоды, по мнению этнографов (А. Леруа-Гуран) были отражением «примитивного календаря» [см.: Токарев 1973]. Кроме того, глаголы рассматриваемой референтно-ограниченной группы обозначают различные процессы обработки растений человеком.

В редких случаях встречается ЛС 'растение' как вариант альтернативной ЛС в ряду с более конкретными вариантами, обозначающими представителей отдельных видов флоры: *выпреть* 'погибнуть от поражения плесенью в результате длительного пребывания под снегом (о растениях, посевах)'; *насадить* 'посадить (растения, де-

ревья) в каком-л. (обычно большом) количестве'. При этом мы наблюдаем, что родовое понятие, которого с семантической точки зрения вполне достаточно для полного восприятия содержания глагольной семемы, конкретизируется видовым, и это связано не с семантикой в собственном смысле, а с экстралингвистическими факторами. Действие–состояние, обозначенное соответствующими глаголами, прототипически связывается в человеческом опыте не со всем классом растений (хотя теоретически это вполне возможно), а лишь с определенной их разновидностью. В такого рода дефинициях составители словарей встают на позицию адресата, и «уменьшение» глубины определения за счет включения видового понятия призвано отразить наивную картину мира.

Растительный мир и в научной классификации, и в наивном восприятии субкатегоризируется, и этот факт получает отражение в языковом сознании, в частности в том, что в данной подгруппе специализированная ЛС может быть и более конкретной, представленной разными фитонимами: *развеситься* 'широко, в разные стороны раскинуться (о деревьях)'; *жировать* 'разрастаться в ущерб плодоношению (о деревьях)'; *вырубить* 'выбрав из окружающих, срубить (дерево)'; *выколоситься* 'дать, пустить колосья (о злаках)'; *трубиться* 'образовывать стебель, соломину, выходить в трубку (о злаках)'. Из названий видов растений чаще встречается лексема *дерево*, что перекликается с выводами этнографов о культе деревьев у славян как составной части древнейших растительных культов [см.: Лукинова 1986]. А в ряде случаев наблюдается еще большая индивидуализация объекта, и при этом мы вновь можем констатировать факт, что языковое сознание вычленяет жизненно важные для человека объекты – либо полезные и необходимые для него, либо вредные и представляющие опасность. Среди полезных, используемых в быту,

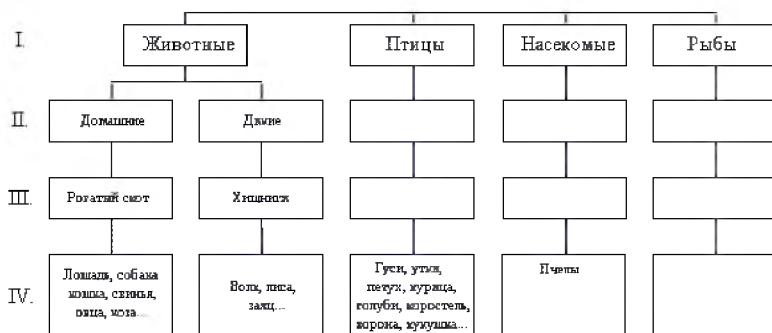
выделяются, например, фруктовые деревья (*ломиться* ‘гнуться под тяжестью висящих плодов’), лен, пенька (*оттрепать* ‘очистить трепанием’), сено (*трясти* ‘ворошить’, *метать* ‘кидая, укладывая’), капуста (*шинковать* ‘резать узкими, длинными полосками’ – здесь ЛС имеет вероятностный характер: обычно капусту). Вредные растения – это сорняки, с которыми всю жизнь приходится бороться земледельцам, поэтому в языке не могут не найти отражения этот вид растений и действия, с ним связанные: *засорить* ‘проникнув куда-л., в какую-л. среду, причинить вред, заполнив собой (о сорных травах)’; *выполоть* ‘вырвать, удалить (сорные травы, ненужные растения)’. Как и среди животных, среди растений выделены те, которые могут причинить вред здоровью человека: *жалить* ‘впиваться, ранить чем-л. колющим (о растениях, имеющих шипы, колючки)’.

В жизни людей большую роль играет чаще не растение в целом, а какая-либо его часть, поэтому в глагольных семемах и встречаются специализированные (реже альтернативные) ЛС, обозначающие практически все части растений: *выметаться* ‘показаться наружу (о побегах, ростках)’; *наклонуться* ‘слегка раскрыться (о почках), появиться, проступить наружу (о ростках)’; *хлестать* ‘бить, стегать движущегося сквозь заросли (о ветвях, стеблях)’; *облететь* ‘опасть, осыпаться (о листве, лепестках цветов)’; *сыпаться* ‘опадать (о листьях)’; *обронить* ‘сбросить (листву)’; *цвести* ‘раскрывшись, распустившись, быть в поре цветения (о цветах)’; *завязаться* ‘образоваться, возникнуть (о плоде)’; *налиться* ‘созревая, наполниться соком (о плодах)’; *народиться* ‘уродиться, созреть в каком-л. (обычно большом) количестве (о плодах, ягодах)’; *целкать* ‘грызть с треском, хрустом (орехи, семечки)’; *проветаться* ‘очиститься при веянии (о зерне)’; *сгореть* ‘сопреть от перегрева при слеживании (о зерне, сене)’; *смолотся* ‘размельчившись, превратиться в крупу, муку (о

зерне)»; *обвеять* 'веянием очистить (зерно) от шелухи'; *отлупиться* 'отделиться, отодраться (о коре, коже)' и др.

Растения представляют интерес для человека прежде всего потому, что их можно употреблять в пищу. Именно для этой цели люди выращивают их и собирают. В русском языке имеется ряд глаголов, обозначающих действия, связанные с уборкой урожая. Некоторые из них включают специализированную ЛС обобщенного содержания или альтернативную ЛС: *убрать* 'собрать урожай (сельскохозяйственной культуры)'; *снять* 'убрать после созревания (хлеб, плоды, овощи)'. При этом и содержание глагольных семем является в достаточной степени абстрактным, не детализирующим способ уборки созревших растений. Но в иных случаях, там, где значение глагола конкретизируется в связи со спецификой сбора некоторых видов культур, ЛС тоже индивидуализируется: *сжать* 'срезать под корень серпом или жнейкой (стебли хлебных злаков)'; *трясти* 'толкая, раскачивая деревья, кусты, вызывать падение (плодов, ягод)'.

Таким образом, опираясь на зафиксированные в словаре разновидности ЛС, мы можем видеть, что в наивной языковой картине мира живой мир (органическая материя) представлен животным и растительным миром. Система ЛС приблизительно отражает наивную классификацию живого мира, фиксируя наиболее значимые ее участки и представляя «утилитарные» классы [см.: Арутюнова 1988]. Утилитарные классы не могут совпадать с естественными, так как составляют вид особой таксономии, навязанной природе человеком и «образующей «вторичную» картину мира, учитывающую интересы человека и его реакции на внешние раздражители» [Арутюнова 1988: 55]. Так, представленный системой ЛС животный мир выглядит следующим образом (приведенные в ячейках лексемы выявлены по словам):

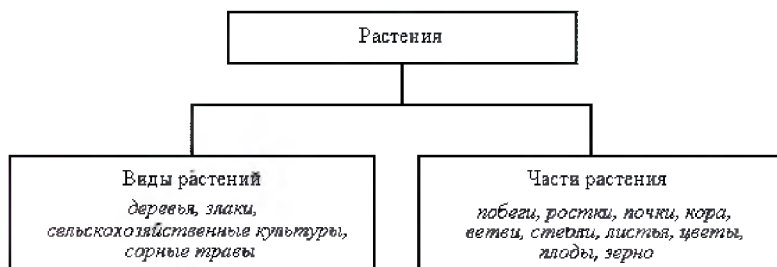
Наивное языковое сознание, в отличие от научной систематизации животного мира, предполагает более низкую степень категоризации животного населения, т. е. на высшей ступени обобщения со всей определенностью различает животных, птиц, насекомых и рыб, суживая понятие *животное* и приравнивая его к понятиям *млекопитающее* и *зверь*. Тогда как в научной картине мира животные – это одна из двух основных групп мира живых существ (другая группа – растения), а птицы, рыбы, насекомые – это отдельные таксоны данной группы. Доказательством факта различия между научной и наивной категоризацией является наличие в глагольных семемах альтернативных ЛС, представленных вариантами ‘животные и птицы’, ‘животные и насекомые’ и под. Если какой-либо глагол обозначает действие–состояние, присущее любому представителю животного мира, то ЛС в данной семеме имеет не обобщенное содержание ‘животное’, как ожидалось бы в соответствии с научной систематизацией, а напротив, отражая наивную картину мира, ЛС является альтернативной. Ср.: *жировать* ‘кормиться, резвиться, гуляя (о звере, птице, рыбе)’; *дохнуть* ‘околевать (о животных, насекомых)’ и пр. В последнем примере альтернативная ЛС должна быть расширена за счет других вариантов (о птицах, рыбах), так как область референтной приложимости данного глагола шире, чем показано в словаре. Ср.: *Щука... дохнет*,

если вода в пруде или озере от чего-нибудь испортится (С. Аксаков. Записки об ужении рыбы) [ССРЛЯ]. В том виде, как ЛС представлена в словарной дефиниции, ее содержание противоречит наивной картине мира.

Система ЛС подгруппы 'животное' отличается от научной систематизации также и неравномерностью в отражении отдельных разновидностей животного мира. ЛС 'животное' имеет несколько ступеней субкатегоризации, ЛС 'птицы' и 'насекомые' лишь одну – самую низкую, наиболее конкретную, а ЛС 'рыбы' вообще не имеет субкатегорий. Для наивной картины мира важным и потому более разработанным является таксон *домашние животные*. Весь этот класс и отдельные виды домашних животных, испокон веку используемые русским народом, получили в языке характеристики по различным динамическим признакам. Среди птиц и насекомых в системе ЛС получили отражение также только те виды, которые входят в сферу *дом* и обладают материальной ценностью для русского человека. Именно поэтому ЛС, обозначающие домашних животных, часто включены в семемы объектных глаголов. Хищные животные крайне незначительно нашли отражение в системе ЛС и только потому, что представляют опасность для человека, что и зафиксировано в соответствующих глагольных значениях. Из числа отдельных видов диких животных системой ЛС закреплены лишь *волк, лиса, заяц*, вероятно, как самые близкие русскому человеку животные. Неслучайно именно эти звери являются типичными персонажами русских сказок о животных. Кроме того, волк, лиса, заяц, наряду с зафиксированными в системе ЛС домашними животными, входят в соответствующую «лексико-методическую группу страноведческого типа» в комплексном учебном словаре «Лексическая основа русского языка» [ЛОРЯ: 802]. Эти факты еще раз подтверждают нашу гипотезу о том,

что система ЛС отражает наиболее значимую для русского народа часть наивной картины мира.

Растительный мир, по данным ЛС, представляет следующую картину в соотношении с уровнями научной классификации (лексемы, приведенные в ячейках, выявлены по словарям):

Царство растений, в отличие от мира животных, воспринимается наивным языковым сознанием более однородно, о чем свидетельствует наличие ЛС самого высокого уровня абстракции, объемлющей своим содержанием все растительные организмы. В этом наблюдается сходство с научной систематизацией растительного сообщества. Но ниже, при дальнейшей категоризации, наивная картина мира существенно отличается от научной. Из огромного разнообразия царства растений система ЛС зафиксировала лишь те виды, которые имеют особое значение в повседневной жизни человека. Деревья (и отдельно – фруктовые деревья), сельскохозяйственные культуры и злаки – растения, в далеком прошлом введенные человеком в культуру. Сорные травы – растения, составляющие неотъемлемую часть земледельческой деятельности человека. Иные виды растений не нашли отражения в системе ЛС. Другая «ветвь» иерархического древа связана с выделением морфологических частей растения. В этом фрагменте наивной картины мира наблюдается большая детализация

и разработанность, чем в ассортименте видов растений. В системе ЛС зафиксированы практически все органы растения, вероятно потому, что каждый из них имел и имеет практическую значимость в жизни людей, испокон веков использовался для поддержания жизни и здоровья человека.

С точки зрения семиологии референтно-ограниченный класс *живой мир* включает и субъектные, и объектные глаголы с весьма заметным преобладанием субъектно-детерминированных глагольных имен, так как живая природа мыслится человеком как равная ему, существующая самостоятельно и независимо от него. Вместе с тем домашние животные и растения служат поддержанию жизни человека, используются им, поэтому ЛС, обозначающие такие разновидности живого мира, маркируют объектно-детерминированные глаголы. Это наблюдение служит еще одним доказательством антропоцентричности словаря: все, чему дается наименование в языке, настроено на человека, проверяется по нему, пропускается сквозь призму оценок «полезно–вредно», «опасно–неопасно» для человеческого сообщества или индивида.

Класс третий. Неживой мир

Объекты, составляющие этот референтно-ограниченный класс, представлены двумя родами вещей – естественными и искусственными предметами окружающего мира: первые охватывают натурфакты, или биофакты, природный мир, части «неразъемного целого» (термин Н. Д. Арутюновой); вторые – артефакты, части «разъемного целого». Систематизация имен класса *неживой мир* опирается на синоптическую схему, «картину мира», также предложенную Р. Халлигом и В. Вартбургом [см.: Караулов 1976: 256]. Материалы толкового словаря позволили выявить в структуре этого класса

десять групп, шесть из которых отражают натурфакты (в словаре Халлига–Вартбурга этот раздел назван «Arтіогу») и могут быть объединены в один референтно-ограниченный подкласс, а четыре называют артефакты и, соответственно, будут составлять другой референтно-ограниченный подкласс глаголов.

Натурфакты

ЛС 'небо', 'небесные светила'

Специализированная ЛС 'небо' представлена в следующих глаголах: *вызвезодити* 'покрыться звездами (о небе)'; *выяснитися* 'стать ясным, свободным от туч (о небе)'; *хмуритися*–*нахмуритися* 'быть пасмурным, сумрачным (о небе)' – в последнем случае вторичное значение.

В остальных единицах этого ряда ЛС связана с астрономическими объектами и имеет разную степень обобщения, которая определяет лексическое оформление ЛС. Это может быть гипероним 'небесные светила': *взойти* 'появиться, подняться над горизонтом (о небесных светилах)'; *зайти* 'опуститься за горизонт, закатиться (о небесных светилах)'; *клонитися* 'направляться, двигаться по наклонной линии к горизонту, западу (о небесных светилах)'. Иногда ЛС представлена как альтернативная, в виде перечислительного ряда 'солнце, луна': *выплыть* 'показаться, появиться (о солнце, луне)'; *заглянуть* 'проникнуть куда-л., осветить лучами (о солнце, луне)'; *поднятися* 'появиться над горизонтом, взойти (о солнце, луне)' и др. В содержательном плане эти случаи не различаются, кроме разной степени глубины категоризации. Сходство поддерживается еще и семантикой глаголов: они обозначают однотипные действия – появление над горизонтом (*взойти, всплыть, подняться*) или уход за горизонт (*зайти, закатиться, затмиться*).

Если глагол обозначает действие, характерное лишь для единственного объекта, то ЛС, как мы уже неоднократно отмечали, имеет предельную степень конкретности. Среди астрономических объектов в наивной картине мира русское языковое сознание выделило лишь *солнце* как исключительно важный объект в жизни человека и центральное тело нашей планетной системы: *припечь* ‘сильно пригреть (о солнце)’; *жарить* ‘обжигать лучами, палить (о солнце)’; *брызнуть* ‘внезапно появиться (о лучах солнца)’; *окрасить* ‘сделать красным, придать красноватый оттенок чему-л. (о лучах солнца)’.

Специализированная ЛС ‘небо’ встретила преимущественно в основных значениях глаголов, а ЛС ‘небесные светила’ – во вторичных и лишь один раз в первичном значении: *затмиться* ‘стать невидимым, померкнуть (о небесных светилах)’. По этому факту можно судить, как человек осваивал мир: небо было показателем погоды, от которой во многом зависела жизнь и благополучие людей, поэтому этот объект получал различные характеристики первичными средствами. Человек дал номинацию прежде всего таким состояниям неба, которые предвещали хорошую погоду – *выяснить*, *выясниться*, *вызвездить*. А противоположные состояния, как показали материалы, обозначены вторичными средствами – *хмуриться*, *нахмуриться*. По отношению к небесным светилам наблюдается обратный процесс: первичными средствами обозначено не появление, а исчезновение объектов (*затмиться*), что воспринималось, вероятно, как отступление от привычного хода вещей. Особой приметой этого референтно-ограниченный подкласса является присутствие в нем только субъектно-детерминированных глаголов. Это вполне отвечает логике вещей, так как человек никогда не мог мыслить себя воздействующим на небесные объекты, напротив, начиная с языческих времен, он испытывал благоговение и страх перед небом и солнцем, воспринимал эти

субстанции как абсолютно независимые от его воли. Произведения русского фольклора дают богатый материал, подтверждающий подобное отношение русского человека к небесной сфере.

ЛС 'явления природы'

В словаре Халлига–Вартбурга эта рубрика названа «Погода и ветры». Р. С. Ганжа называет такие глаголы «группой натуральных действий» (от *natura* – природа) [Ганжа 1970: 38]. Специализированная ЛС в глаголах этого референтно-ограниченный подкласса также имеет различную степень конкретизации. Она может быть достаточно обобщенной, охватывающей своим содержанием разные природные или стихийные явления: *ударить* 'внезапно, неожиданно или с силой начаться (о явлениях природы)'; *побить* 'уничтожить, повредить посевы чего-л., какую-л. растительность (о стихийном бедствии)'; *выпасть* 'упасть на землю (об атмосферных осадках)'; *идти* 'лечь, падать (об осадках)'; *перейти* 'окончиться, прекратиться (об осадках)'. Как видно из примеров, русское языковое сознание вновь закрепляет действия и состояния, имеющие неблагоприятные последствия для человека. То же самое мы наблюдаем и при конкретном характере ЛС. Язык индивидуализирует отрицательные или опасные для человека проявления стихии: *злиться* 'бушевать, свирепствовать (о буре)'; *разразиться* 'проявиться сразу с большой силой (о грозе, буре)'; *опалить* 'иссушить (о действии зноя)'; *разморить* 'привести в расслабленное, сонливое состояние (о жаре)'; *отпустить* 'уменьшиться, ослабеть (о морозе)'; *прихватить* 'слегка заморозить, подморозить, сковать льдом (о морозе, холоде)'; *зарядить* 'начать беспрерывно идти, лить (о дожде)'; *кропить* 'падать мелкими каплями (о дожде)'; *припустить* 'пойти сильно, усилиться (о дожде)'; *стегать* 'сильно, с разлету ударять (о снеге, дожде)'; *опушить* 'покрыть

собой (о снеге, инее)'; *валить* 'падать, лететь массой (о снеге)'; *ро-иться* 'кружиться в воздухе (о снежинках)'; *дуть* 'нести, гнать струи воздуха, приводить воздух в движение (о ветре)'; *засвежить* 'уси-литься (о ветре)'; *рвануть* 'начать резко, с силой дуть (о ветре, сквозняке)'; *сквозить* 'дуть, продувать сквозь отверстия, щели в чем-л. (о ветре)'; *кружить* 'взметать снег, пыль (о вьюге, метели)'; *ме-сти* 'нести, взметать, кружить снег (о метели, вьюге)'; *буранить* 'бушевать (о буране)'; *затянуть* 'скрыть собой, обволакивая (об об-лаках)'; *пролиться* 'дать осадки (о туче, облаке)'; *расплиться* 'рас-пространиться, разойтись, плывя (о тучах)'; *наволочь* 'нагнать, при-нести (тучи)' и под.

Кроме того, индивидуализацию в наивной картине мира полу-чают явления, важные для хозяйственно-экономической деятельности человека: *ветренеть* 'становиться ветренным (о погоде)'; *разнена-ститься* 'наступить (о ненастной погоде)'; *распогодиться, прояс-неть* 'наступить (о ясной погоде)'; *влиться* 'свободно проникнуть куда-л. (о воздухе)'; *застекленеть* 'стать неподвижным и прозрачным, как стекло (о воздухе)'; *напитаться* 'наполниться, насытиться каким-л. запахом (о воздухе)'; *огласить* 'наполнить ка-кими-л. громкими звуками (воздух)'; *мреть* 'переливаться, струиться , образуя марево (о нагретом солнцем воздухе)'; *дымиться* 'под-ниматься клубами, стлаться пеленой (о тумане)'; *куриться* 'подняв-шись, виться, носиться в воздухе (о тумане)'; *опуститься* 'сойти, лечь на что-л., окутывая собой (о тумане)'; *рассеяться* 'разрежаясь, исчезнуть, разойтись (о тумане)'; *выплеснуть* 'выбросить вынести куда-л. (волной, течением)'; *отхлынуть* 'хлынув, отступить, отка-титься назад (о волнах)'; *приплескивать* 'находясь в движении, пле-ща, достигать какого-л. места, доставать до чего-л. (о волне)'; *взло-маться* 'разломаться, разрушиться при вскрытии реки (о льде)'; *то-*

роситься ‘громоздиться торосами (о льде)’; *продрейфовать* ‘дрейфуя, передвинуться. переместиться (о льде)’ и др. Специализированные ЛС ‘погода’, ‘лед’, ‘ветер’, ‘дождь’, ‘снег’ преимущественно характерны для основных значений.

С семиологической точки зрения глаголы этого референтно-ограниченный подкласса сходны с предыдущим: здесь также представлены только глаголы с субъектной ориентацией, что полностью соответствует наивному восприятию человеком явлений природы.

ЛС ‘участки земной поверхности’

Данный референтно-ограниченный подкласс связан с одной из фундаментальных категорий мировосприятия человека – пространством, однако в системе ЛС не находит отражения пространство как равномерное бесструктурное место, здесь представлено «обжитое», освоенное человеком пространство, и этот факт служит лишним доказательством нашего положения о том, что система ЛС является отражением наивной картины мира. В. Н. Топоров, исследуя архаическую модель мира, приходит к интересному выводу о динамике идеи пространства. Этот вывод в некотором смысле пересекается с нашими наблюдениями над содержанием ЛС данной группы: «...вместо непрерывности и сплошной протяженности гомогенного пространства реконструируется представление о разнородном и, так сказать, «корпускулярном» пространстве с разной ценностью (значимостью) его частей» [Топоров 1983: 242]. Те части пространства, которые обладают особой значимостью для человека, фиксируются системой ЛС. Именно по причине разнородности пространства, конкретности его частей ЛС данной группы являются в абсолютном большинстве случаев специализированными. Здесь практически не встретились альтернативные ЛС, поскольку участки земли разнородны и для чело-

века важными оказываются разные свойства каждого класса объектов, не совпадающие со свойствами других классов, что находит отражение в языке. Исключением являются денотаты *дорога, тропинка*, имеющие объективное сходство, а также разные виды водоемов: *река, ручей, озеро*. Судя по материалам, для русской картины мира имели значение равнинные части пространства. Лишь однажды встретилась ЛС ‘горы’: *господствовать* ‘возвышаться над окружающими предметами (о горах)’. Тогда как ЛС ‘земля’, ‘луга’, ‘поля’ присутствуют в семемах многих глаголов. Такое соотношение семантической плотности разных лексических единиц вполне соотносится с выводами Г. Д. Гачева о русском восприятии пространства, горизонтальном восприятии мира. Семантика глагола, включающего ЛС ‘горы’, тоже поддерживает эту мысль: горы в подобной модели мира вполне естественно характеризуются только по их отношению к основным, равнинным, объектам, над которыми они возвышаются.

Земля осмысливается русским человеком не как пространство вообще, но как пространство, на котором можно работать, пространство, вписывающееся в домоцентрическую систему мировосприятия русского человека, а также как почва, характеризующаяся по ее способности давать урожай (об этом свидетельствует альтернативная ЛС с вариантами ‘земля, почва’): *зудеть* ‘не быть в употреблении, отдыхать (о земле)’; *истощиться* ‘стать неплодородным (о почве)’; *родить* ‘давать урожай (о почве)’; *оросить* ‘насытить влагой (почву, землю)’; *травить* ‘топтать, мять (луга, поля)’.

Из других участков земной поверхности в системе ЛС нашли отражение водоемы, преимущественно море и река – естественные объекты, играющие важную роль в жизни людей, в том числе и русских, поскольку исторически люди селились по берегам рек или на морском побережье. В топонимических системах гидронимы также

одни из самых древних наименований [см.: Матвеев 1986б]. Эти природные объекты получили различные характеристики по их динамическим признакам: *взыграть* ‘прийти в сильное движение, волнение, разбушеваться (о море)’; *штормить* ‘быть бурным, волноваться при шторме (о море)’; *заштилеть* ‘стать совершенно спокойным, без какого-л. движения, утихнуть (о море)’; *омывать* ‘окружать своими водами (о морях, течениях)’; *взбухнуть* ‘подняться выше обычного уровня (о реке, ручье)’; *впадать* ‘втекать, вливаться в реку, озеро, море (о реке, ручье)’; *вскрыться* ‘взломать ледяной покров, освободиться ото льда (о реке, озере)’; *встать* ‘покрыться льдом, замерзнуть (о реке)’; *оковать* ‘затянув льдом, сделать неподвижным (реку, озеро)’ и т. д. При этом водоемы воспринимаются языковым сознанием как независимые от человека субстанции, что подтверждается наличием ЛС ‘море’, ‘река’ только в семемах субъектно-ориентированных глаголов.

В русской модели мира важное место занимает дорога (ср. замечание Г. Гачева [1995] о дороге как модели русского движения), поэтому альтернативная ЛС ‘дорога, тропинка’ имеет высокую частотность в глагольных семемах обоих семиологических классов: *бежать* ‘тянуться, простираться в каком-л. направлении (о дороге, тропинке)’; *вильнуть* ‘круто повернуть, резко отклониться в сторону (о дороге)’; *залечь* ‘стать непроходимой (о дороге)’; *пролечь* ‘пройти, протянуться (о дороге, тропинке)’; *распуститься* ‘стать топким, вязким (о грунтовой дороге)’; *наездить*, *натоптать*, *пробить*, *протоптать*, *проторить* ‘проложить, уплотнить (дорогу, тропинку)’.

Таким образом, в референтно-ограниченный подклассе глаголов с помощью ЛС находит отражение не просто пространство, а наиболее типичный ландшафт, так сказать, «плоскостное», «равнинное» мышление русского человека. В связи с этим упомянем еще одно

высказывание Г. Гачева по поводу гоголевской птицы-тройки: «Русь же катится: ее царство – даль и ширь, горизонталь...» [Гачев 1992: 35].

ЛС 'жидкость'

Данный референтно-ограниченный подкласс глаголов однороден с точки зрения содержащейся в их семемах ЛС: более чем в половине случаев ЛС является специализированной, но в значительной степени обобщенной, и чаще она присутствует в основных значениях глаголов: *взболтаться* 'прийти в движение от болтания, перемешаться (о жидкости)'; *кипеть* 'клокотать, пениться от образующихся при сильном нагревании пузырьков пара (о жидкости)'; *отстояться* 'постояв некоторое время, дать осадок, отстой (о жидкости)'; *просочиться* 'постепенно протечь сквозь что-л., куда-л. (о жидкости)'; *расплескаться* 'плещась, пролиться через край, разлиться (о жидкости)'; *цедить* 'пропускать (жидкость) через что-л. для очистки'; *фильтровать* 'очищать, пропуская через фильтр (жидкость)' и др., и реже – в неосновных значениях: *высохнуть* 'испариться, исчезнуть, иссякнуть (о жидкости)'; *залиться* 'проникнуть, попасть куда-л. (о жидкости)'; *хлестать* 'стремительно, с силой выливаться, литься (о жидкости)'; *бултыхать* 'взбалтывать, всплескивать (жидкость)'; *надавить* 'давя, выжать в каком-л. количестве (жидкость)' и др.

Помимо указанной ЛС, в этой группе встретила ЛС 'вода', присутствующая с большим перевесом во вторичных значениях глаголов. Причем вода чаще характеризуется не с точки зрения ее физических свойств, а по ее способности быть разрушительной силой: *подточить* 'разрушить, размыть постепенно (о воде)'; *промыть* 'прорвать что-л. или просочиться через что-л. (о воде)'; *снести* 'сместить, переместить, увлекая силой своего движения (о воде)' и под. Иногда лексикографы включают в толкование сразу два существи-

тельных – *вода и жидкость*. Это наблюдается в значениях таких глаголов, которые обозначают действия человека над названным объектом. Здесь вода предстает не стихией, а лишь разновидностью жидкости, вполне подвластной человеку: *всплеснуть* ‘плеснуть, вметнуть вверх (воду, жидкость)’; *взмутить* ‘приводя в движение, в волнение или взбалтывая, сделать мутным (воду, жидкость)’; *высосать* ‘сосанием вытянуть извлечь из чего-л. (жидкость, влагу)’.

С семантической точки зрения было бы вполне достаточно оставить в дефиниции только лексему *жидкость*, но с позиций антропоцентричности словаря включение лексемы *вода* не представляется избыточным, поскольку вода как природный объект имеет первостепенное значение для жизни человека, а лексема *жидкость* ассоциируется в первую очередь с водой.

В ряде случаев специализированная ЛС ‘вода’ имеет дополнительные характеристики – количественную: *схлынуть* ‘хлынув, стечь, сбежать (о большой массе воды)’; качественную: *журчать* ‘производить монотонный булькающий звук, шум (о текущей воде)’; *проточить* ‘промыть скважину, русло в почве (о текучей воде)’; *зацвести* ‘покрыться зеленью (о стоячей воде)’; *убежать* ‘кипя и бурля, пенясь, перелиться через край (о кипящей жидкости)’; *шпарить* ‘обдавать, обливать (кипятком)’. Кроме того, встречается разновидность ЛС ‘физиологические жидкости’: *затуманить* ‘застлать (о слезах)’; *катиться* ‘стекать каплями (о слезах, поте)’; *навернуться* ‘появиться, выступить (о слезах)’; *отхлынуть* ‘отступить обратно (о слезах, крови)’; *показаться* ‘выступить наружу (о слезах, крови)’; *запечься* ‘свернуться, загустеть (о крови)’; *утереть* ‘вытирая, удалить (слезы, пот)’; *высушить* ‘осушить (слезы, пот)’. Система ЛС отразила лишь «человекозначашие» физиологические жидкости, которые являют со-

бой в наивной картине мира признаки неординарного душевного (реже – физического) состояния людей.

Наличие в языке референтно-ограниченного подкласса глаголов с ЛС ‘жидкость’ еще раз подтверждает нашу мысль о том, что в системе ЛС зафиксированы наиболее важные для человека явления окружающего мира. Как известно, вода не только издавна была широко распространена и играла огромную роль в жизни людей, но также считалась первоисточником жизни. Безусловно, такой объект не мог быть обойден вниманием в языке. Глаголы, в семемах которых присутствует ЛС ‘вода’, в большинстве своем относятся к классу субъектно–ориентированных признаковых имен. Использование человеком множества других различных жидкостей привело к появлению более обобщенной ЛС ‘жидкость’. Среди глаголов с такой ЛС чаще представлены объектно–ориентированные, обозначающие разного рода воздействие человека на жидкость.

ЛС ‘физические явления’

Исследуемый материал показал, что русский лексикон имеет много глагольных слов, значения которых отражают действия и состояния, связанные с различными физическими явлениями, такими как свет, огонь, звук, запах. Являясь натурфактами, которые по своей природе не зависят от воли человека и при этом играют важную роль в его жизни, указанные физические явления получают разнообразные характеристики в языке. Лексемы *свет*, *звук*, *запах* обозначают сходные денотаты, имеющие одинаковую природу – волновая форма их распространения, наличие источников их возникновения, способность воздействовать на органы чувств человека. Это естественным образом находит отражение в языке, в частности в том, что *свет*, *звук* и *запах*, а также *тепло* регулярно выступают как варианты

альтернативной ЛС. При этом нами не обнаружено ни одного случая, когда вместо перечислительного ряда было использовано обобщенное, родовое наименование *физические явления*. Лишь в дефиниции глагола *излучаться* ‘исходить, распространяться откуда-л. лучами’ присутствует ЛС обобщенного характера – ‘различные виды лучистой энергии’. Составители-лексикографы избирают именно такую, более низкую, степень обобщения, ориентируясь на среднего носителя языка, в наивной картине мира которого преобладают конкретные имена. Например: *бить* ‘с особой силой действовать на ощущения, чувства; стремительно проникать куда-л. (о свете, запахе, звуке)’; *изливаться* ‘исходить, распространяться, излучаться (о звуках, запахах, свете)’; *литься* ‘распространяться, струиться (о свете, запахе)’; *распороть* ‘внезапно и резко нарушить тишину, мрак (о резких звуках, ярком свете)’; *струиться* ‘распространяться струями (о свете, запахе)’; *точить* ‘издавать, испускать (свет, запах)’; *ворваться* ‘быстро проникнуть куда-л. в большом количестве, наполнить собой (о звуках, запахах)’; *донестись* ‘распространиться, достигнуть чьего-л. слуха, обоняния (о звуках, запахах)’; *повиснуть* ‘распространиться в воздухе (о запахах, звуках)’; *издать* ‘произвести, испустить (звук, запах)’; *обдать* ‘обвеять, охватить (запахом, теплом, дыханием)’. Большинство глаголов, имеющих названную ЛС, обозначают разные способы перемещения, распространения этих физических явлений, и этот факт совершенно понятен, потому что свет, звук и запах сходны именно по волновому способу перемещения. Существительное *свет* имеет не только значение ‘электромагнитное излучение, видимое глазом’, которое объединяет эту семему с семемами *звук* и *запах*, но также и значение ‘источник освещения и приспособление для освещения в домах и на улицах’. Эта семема входит в одну семантическую парадигму с семемой *огонь* – ‘свет от

осветительных приборов'. Ряд глаголов включает альтернативную ЛС, имеющую два названных варианта: *брызнуть* 'внезапно появиться, показаться (о свете, огне)'; *дрогнуть* 'слегка заколебаться, мигнуть (о свете, огне)'; *трепетать* 'мигать, мерцать (о свете, огне)'.

Вместе с тем каждое из физических явлений обладает некоторыми специфическими свойствами, что также отражается в языке. Эти специфические свойства, которыми наделены физические явления, обусловлены особенностями их восприятия человеком. Так, свет воспринимается зрением, и ЛС 'свет' входит в глагольные семемы, которые предполагают участие органа зрения человека, например: *падать* 'ложиться на кого-, что-л., покрывать собой кого-, что-л. (о свете)'; *перебегать* 'быстро перемещаться, передвигаться (о свете, отражении)'; *сквозить* 'просвечивать сквозь отверстия, щели в чем-л. (о свете)'; *скользить* 'быстро, плавно перемещаться с предмета на предмет, по какой-либо поверхности (о лучах света)'; *пронизать* 'пробиваясь, проникая сквозь что-л., заполнить собой (о свете)'. Все толкования приведенных глагольных значений даны через восприятие человека, так как и перемещение света, и вообще его наличие может установить только человек.

Глагольные семемы с ЛС 'запах' имплицитно содержат информацию об обонянии, а иногда в дефиниции эксплицируется имя этого органа чувств: *щекотать* 'вызывать легкое раздражение в носу, горле (о запахе)'; *улетучиться* 'исчезнуть, рассеяться в пространстве (о запахе)'; *шибать* 'с особой силой действовать на кого-л. (о запахе)'; *тянуться* 'распространяться медленно, слабой струей (о запахе, дыме)'; *спереться* 'сгуститься (о запахе)'; *садить* 'сильно пахнуть, бить в нос (о неприятном запахе)'; *отбить* 'сделать незаметным или менее заметным; уничтожить (запах, привкус)'. ЛС 'запах' наименее частотная по сравнению с другими ЛС этой подгруппы.

Специализированная ЛС ‘звук’ входит в значения глаголов, которые отражают слуховое восприятие: *раздаться* ‘стать слышным (о звуке)’; *стихнуть* ‘перестать звучать, раздаваться (о звуке, шуме)’; *замереть* ‘затихнуть, постепенно смолкая (о звуках)’; *перекатываться* ‘разноситься на далекое расстояние, то усиливаясь, то затихая (о звуках)’; *отозваться* ‘вызвать неприятное, болезненное ощущение в ушах, голове (о звуках, шуме)’. Часто ЛС ‘звук’ приобретает дополнительные качественные характеристики, ибо человек дифференцирует различные звуки, и это имеет для него значение: *бахнуть* ‘раздаться (о сильном, низком звуке)’; *бацнуть* ‘раздаться (о резком, отрывистом звуке)’; *докатиться* ‘донестись (о громких, раскатистых звуках)’; *прогрохотать* ‘раздаться, послышаться (о громких, грохочущих звуках)’; *прогудеть* ‘прозвучать (о низком, протяжном звуке)’; *прорезать* ‘раздаться (о внезапных, резких звуках)’; *рассыпаться* ‘послышаться, раздаться (о прерывистых, дрожащих звуках)’; *сверлить* ‘раздражать слух (о пронзительных звуках)’. Примечательно, что языковое сознание выделяет неприятные для слуха звуки.

Из множества разнообразных звуков особое место занимают звуки, произносимые человеком, в частности характеристика голоса, поэтому в ряде вторичных глагольных семем мы обнаружили ЛС ‘голос’: *возвысить* ‘усилить, сделать более громким (голос)’; *грубеть* ‘становиться резким, громким, неприятным (о голосе)’; *замирать* ‘прерываться, терять звучность (о голосе)’; *осесться* ‘прерваться (о голосе)’; *охрипнуть* ‘стать хриплым (о голосе)’; *трястись* ‘звучать неровно, прерывисто (о голосе)’; *спуститься* ‘стать тише, глуше (о голосе)’; *сорвать* ‘потерять (голос)’; *снизить* ‘сделать (звук, голос) более низким по тону, менее громким по звучанию’; *переломиться* ‘измениться по тембру и диапазону (о мужском голосе)’. И для ха-

рактизации голоса, как показывают материалы, язык фиксирует те динамические признаки и свойства, которые нежелательны для человека и для процесса коммуникации.

Специализированная ЛС 'огонь' отличается от варианта альтернативной ЛС 'огонь, свет', так как является отражением совершенно иного денотата. В данном случае это 'раскаленные, светящиеся газы вокруг горящего предмета, пламя'. В словарных дефинициях для манифестации этой ЛС равноправно используются синонимы *огонь* и *пламя*, а порой и оба одновременно. Глаголы, имеющие в значениях такую ЛС, называют действия, связанные преимущественно с разрушительной силой огня: *пожирать* 'уничтожать, сжигая (об огне, пламени)'; *слизть* 'уничтожить (об огне)'; *опалить* 'уничтожить поверхность или края чего-л. (об огне)'; *выпыхнуть* 'вспыхнув, вырваться, выбиться (о пламени)'; *палить* 'сжигать, уничтожать (об огне)'; *лизать* 'касаться чего-л., охватывая (о языках пламени)'; *обнять* 'распространившись по всей поверхности чего-л., закрыть со всех сторон (о пламени)'; *окрасить* 'сделать красным, придать красноватый оттенок чему-л. (об огне)'; *пыхнуть* 'загореться ярко, вспыхнуть (об огне)'. Сюда же примыкают глаголы, в значениях которых есть ЛС 'дым'. Они также характеризуют денотат по его отрицательным для человека действиям: *есть* 'раздражать, разъедать (о дыме)'; *задушить* 'отравить, умертвить (о дыме)'; *расплываться* 'распространиться, разойтись, стелясь (о дыме)'; *валить* 'вырываясь, выходя откуда-л., двигаться сплошной массой (о дыме, паре)'; *напустить* 'дать проникнуть, впустить (дым, пар) в большом количестве' и др.

Итак, русский язык специализирует некоторые физические явления, играющие важную роль в жизни человека. Поскольку наибольшую значимость представляют свет и звук, ибо по ним чело-

век ориентируется в жизненном пространстве, постольку одноименные ЛС наиболее частотны. Физические явления характеризуются, главным образом, по их отрицательным или опасным для человека свойствам.

ЛС 'время'

Слово *время* вызывает вполне определенные ассоциации: существует время как физическая реальность, грамматическое время, время как психологический феномен – время переживаемое. Как показывают материалы, именно время переживаемое, «время жизни» осознается как некая самостоятельная категория человеческого существования, именно оно характеризуется и / или оценивается. «Время жизни» можно отнести к сфере самосознания человека. По И. Канту, это время «внутреннего созерцания», та форма, в которой человеческий разум постигает окружающий мир [Кант 1965]. Время входит в сферу нашего менталитета. По замечанию А. Я. Гуревича, наряду с такими понятиями, как *пространство, причина, судьба, измерение*, время принадлежит к определяющим категориям человеческого сознания. «Эти универсальные понятия, – пишет А. Я. Гуревич, – в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» – ту «сетку координат», при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [Гуревич 1972: 84]. Ментальная обусловленность восприятия времени со всей очевидностью объясняет факт появления в языке ЛС 'время'. В отличие от категории пространства, которая отражается в языке не обобщенно, а «собирается» как антропоморфная система, время, напротив, представлено как нечто единое, нераздельное, возможно потому, что осознание человеком времени «происходит по событиям, его наполняющим» [Яковлева 1994: 86], а не по отдельным отрезкам,

квантам времени. Время в языке характеризуется по его протеканию: *коротаться* ‘проходить, протекать (о времени)’ – единственный глагол имеет названную ЛС в основном значении. Зато вторичных значений достаточно много и, надо отметить, все они обозначают факт движения времени не нейтрально, а уподобляют его протекание перемещению материальных субъектов или объектов, которые движутся с разной скоростью. При этом обозначений быстрого протекания времени гораздо больше: *бежать, лететь, мелькать, мчаться, нестись, побегать, полететь, пролететь, пробежать, промелькнуть, промчаться, пронестись, проскочить*. Противоположная характеристика времени – ‘медленно проходить, протекать’ – менее распространена: *влачиться, длиться, ползти, тянуться, протянуться*. Метафорический перенос по модели «физическое перемещение $\Rightarrow$ движение времени» характерен и для других языков [см.: Клишин, Фонякова 1996]. Бесспорно, такие квалификации времени доказывают, что время не мыслится в отрыве от определенных событий. События «уплотняют» время, делают его «вместилищем» жизни [Яковлева 1994]. Ряд глаголов с другими значениями подтверждают мысль о событийном восприятии времени, ср.: *выйти* ‘окончиться, истечь (о времени)’; *надвинуться* ‘приблизиться, наступить (о времени)’; *приспеть* ‘настать, прийти (о времени)’. Можно говорить о начале и окончании конкретных событий, а не какой-либо абстракции, отвлеченной от субъективного фактора человеческой интерпретации.

Парадигма ‘времени’, представленная ЛС, включает несколько специализированных ЛС – обозначение времени суток: *вечереть* ‘клониться к вечеру, переходить в вечер (о дне)’; *угаснуть* ‘прийти к концу (об исходе дня, вечера)’; *спуститься* ‘сойти на землю (о ночи, сумерках)’; *смеркаться* ‘наступать (о сумерках)’; *брезжить* ‘наступать (о рассвете)’. Эти ЛС являются отражением не линейного

‘времени жизни’, наполненного событиями, а времени циклического, с которым связываются идеи бесконечных возвратов и повторов. Интересно, что другие временные циклы, например времена года, не выделены системой ЛС.

Таким образом, в классе *неживой мир* подкласс *натурфакты* представлен референтно–отражательными группами глаголов с ЛС ‘небо’, ‘небесные светила’, ‘явления природы’, ‘участки земной поверхности’, ‘жидкость’, ‘физические явления’, ‘время’. Здесь нашли отражение такие природные субстанции, которые исторически играли и играют решающую роль в жизни человека. В наивной картине мира природа живет своей особой жизнью, не зависимой от человека. Самостоятельность природного мира, его независимость, а в определенной степени и воздействие на человека отражаются в языке таким образом, что глаголы референтно–ограниченного подкласса *натурфакты* в большинстве своем имеют субъектную ориентацию.

Артефакты

ЛС ‘средства передвижения’

ЛС названной подгруппы являются специализированными, но имеют как обобщенный, так и конкретный характер. Обобщенная ЛС встречается в семемах глаголов, обозначающих вообще движение либо остановку транспорта: *ехать* ‘двигаться, катиться (о средствах передвижения)’; *курсировать* ‘совершать регулярные поездки, рейсы по определенному курсу, маршруту (о транспорте)’; *укатить* ‘быстро, стремительно удалиться (о средствах передвижения)’; *тормозить* ‘останавливаться или замедлять свой ход (о транспортных средствах)’; *буксовать* ‘вращать колесами, скользя и не двигаясь с места (о транспортных средствах)’; *стоять* ‘прекратить дви-

жение, находиться на остановке, стоянке (о транспортных средствах)'; *наклонить* 'наклонить набок, в сторону (средство передвижения)' и пр.

Конкретные ЛС этой группы связаны лишь с двумя видами средств передвижения – самолетами (шире – летательными аппаратами) и плавучими средствами. Исключение составляет глагол *трястись* 'ехать, раскачиваясь, подпрыгивая по тряской дороге (об экипаже)'; *катиться* 'передвигаться, ехать (о колесных средствах передвижения)'. Выделение современным языковым сознанием двух видов транспортных средств связано, на наш взгляд, с большими возможностями манипулирования ими и с их специфическими действиями: *барражировать* 'патрулировать в воздухе, охраняя войска, объекты от авиации противника (о самолетах)'; *вырулить* 'передвигаясь по земле (перед вылетом, после посадки), выехать, подкатить куда-л. (о самолетах)'; *парить* 'лететь, держась восходящими потоками воздуха (о планере, о самолете с выключенным мотором)'; *пикировать* 'снизиться (снижаться) на большой скорости в почти вертикальном положении (о самолете)'; *болтать* 'покачивать из стороны в сторону, подбрасывать (самолет)'; *сажать* 'вести на посадку, приземление (самолет)'; *дрейфовать* 'непроизвольно двигаться, плыть по направлению ветра, течения (о судне)'; *зашилеть* 'остановиться вследствие штиля, безветрия (о парусном судне)'; *отчалить* 'отойти, отплыть (о судне)'; *пристать* 'причалить (о плавучих средствах)'; *швартоваться* 'закрепляться за причальные приспособления при помощи швартовов (о судах)'; *оснастить* 'оборудовать, снабдить снастями (судно)'; *фрахтовать* 'нанимать (судно) для перевозки груза' и др.

ЛС 'орудия труда, механизмы'

Референтно-ограниченный подкласс глаголов с такой ЛС довольно обширен и пополняется до сих пор в силу экстралингвистических причин: научно-технические достижения порождают все большее число устройств, предназначенных для выполнения разных работ, что не может не найти отражения в языке (см., например, выпуск словаря «Новое в русской лексике»). В этой группе встречается альтернативная ЛС, варианты которой обозначают однотипно функционирующие механизмы: *работать* 'находиться в действии, действовать (о механизмах, агрегатах, устройствах)'; *завестись* 'прийти в действие, движение, получив завод (о моторе, механизме)'; *идти* 'находиться в действии (о механизмах, машинах)'; *сноситься* 'прийти в негодное состояние в процессе работы (о машине, механизме, оборудовании)'; *падать* 'указывать на понижение давления (о барометре, манометре)'; *настроить* 'наладить, отрегулировать (станок, механизм)'. Но чаще в этом подклассе глаголов представлена специализированная ЛС. В ряде случаев она имеет обобщенный характер, обозначая гипероним: *бездействовать* 'не производить никакой работы, находиться в состоянии покоя (о машинах)'; *пыхтеть* 'выпуская пар, газы, издавать отрывистые, короткие ритмические звуки (о машинах)'; *стопориться* 'останавливаться, переставать действовать (о машине)'. Судя по материалам, формальное различие между альтернативными и обобщенно-специализированными ЛС не отражает содержательного различия, так как глаголы с обоими типами ЛС обозначают общие процессы, связанные с началом или прекращением работы, а также с пребыванием в работе любого устройства, ср.: *работать, идти, завестись, стопориться, бездействовать, настроить* и под. Различие, на наш взгляд, обусловлено собственно лексико-графическими причинами, связанными с глубиной определения и не

имеющими никакого отношения к семантике. Отличительными чертами обладают лишь специализированные ЛС конкретного характера, поскольку указывают на определенный вид орудий труда или конкретный механизм: *тикать* ‘мерно постукивать при ходе (о часах)’; *спешить* ‘показывать неверное, более позднее, чем в действительности, время, вследствие слишком быстрого хода (о часах)’; *взвестись* ‘встать на боевой взвод (об оружии)’; *замолкнуть*, *замолчать* ‘прекратить стрельбу (об огнестрельном оружии)’; *барахлить* ‘работать с перебоями (о моторе)’; *зарядиться* ‘получить электрическую энергию (о приборе)’; *зуммерить* ‘давать звуковой сигнал (о зуммере)’; *приближать* ‘увеличивая, делать близким для рассматривания (об оптических приборах)’; *расстроиться* ‘потерять свой строй, лад (о музыкальном инструменте)’; *задуть* ‘ввести в действие (доменную печь)’; *сечь* ‘наносить удары, поражать (холодным оружием)’; *направить* ‘отточив лезвия, сделать (режущий инструмент) пригодным для использования’; *нацелить* ‘направить (оружие) на какую-л. цель’. Поскольку технический мир чрезвычайно разнообразен, конкретные ЛС также очень разнообразны, но при этом представлены единично. Из всего многообразия референтов этого класса лишь *оружие и часы* представлены в нескольких глагольных семемах.

Вместе с тем в данной группе обнаруживается сходство в семантике глаголов. Оно проявляется в том, что глагольные семемы субъектной ориентации обозначают функциональное состояние соответствующих орудий труда и механизмов, а объектные глаголы – приведение объекта в функциональное состояние либо выведение из него. Аналогичное содержание присуще и множеству других глагольных семем, содержащих ЛС, представленные артефактонами. Это определено самой природой артефактов – функционально ориентирован-

ных предметов, созданных человеком. Подобную картину мы наблюдаем, в частности, в следующей референтно-ограниченной группе ЛС.

ЛС 'предметы быта'

Человека в быту окружает огромное множество разнообразных предметов, важных и необходимых для него. Некоторые из них предназначены для выполнения специфических функций, другие отличаются какими-либо специфическими состояниями. Язык фиксирует это с помощью глагольных семем, включающих ЛС. В связи с этим можно отметить две особенности выделенной референтно-ограниченной группы: с одной стороны, чрезвычайное разнообразие артефактонимов, выполняющих функцию компонента-ограничителя в глаголе, а с другой стороны, их единичная представленность. В анализируемой группе присутствуют специализированные ЛС очень конкретного характера.

Например, особое состояние отмечено языковым сознанием для таких предметов: *зацвести* 'покрыться пятнами (о стекле)'; *плакать* 'запотев, покрыться каплями влаги (о стеклах)'; *замокнуть* 'разбухнув от влаги, перестать течь (о деревянной посуде)'; *растечься* 'впитываясь в бумагу при письме, образовать кляксы, подтеки; расплыться (о чернилах)'; *полоскаться* 'колебаться от ветра, трепетать на ветру (о флаге, парусе)'; *облезть* 'сойти с поверхности чего-л. (о краске, лаке)'; *зажухнуть* 'стать тусклым (о красках)'; *нагореть* 'покрыться нагаром (о свечах)'; *сучиться* 'скручиваясь, свиваясь, соединяться в одно (о нитках, пряже)' и др. Подобного материала в словарях обнаружено немного. По данным «Частотного словаря», эти глаголы малоупотребительны [см.: ЧС]. Кроме того, мы проверили несколько выпусков словарей «Новое в русской лексике» [см.: Но-

вое 1980; Новое 1981; Новое 1982; Новое 1986] и не встретили ни одного глагола, значение которого было бы связано с особым состоянием какого-либо предмета бытового обихода. Видимо, это неактуально для жизнедеятельности человека, во всяком случае для современного языкового сознания.

Гораздо важнее для человеческого существования и потому больше зафиксировано языком функциональное состояние артефактов, которые и создаются для выполнения определенных действий: *прозвонить* ‘издать непродолжительный звон (о звонке, колоколе)’; *перезванивать* ‘издавать попеременно или одновременно звон (о колоколе, колокольчике)’; *протрубить* ‘прозвучать (о трубе, рожке)’; *сновать* ‘двигаться взад и вперед, прокладывая основы (о челноке)’; *тянуть* ‘иметь тягу (о дымоходе, трубе)’; *гореть* ‘топиться (о печи)’; *топиться* ‘иметь в себе разведенный огонь (о печи)’; *исчиркать* ‘истратить, чиркая, зажигая (спички)’.

Глаголы с таким значением регулярно образуют пары векторных антонимов, поскольку артефакты существуют, выполняя основную для них функцию, либо они уже не могут выполнять своего назначения и, следовательно, перестают существовать. При этом глаголы не только реализуют противоположные значения, но приобретают дополнительное значение цикла. Оно формируется в результате осмысления противоположных действий как компонентов, фаз единого цельного действия, которое может быть исчерпано только комплексом двух действий [см.: Козельская 1984]. Ср.: *закуриться* ‘зажечься и начать куриться (о папиросе, трубке)’; *раскуриться* ‘разжечься (о папиросе, сигаре)’ – *выкуриться* ‘израсходоваться курением (о трубке, папиросе)’; *закрыться* ‘сдвинуться, сомкнуться, преграждая доступ куда-л. (о створках, крышке)’ – *открыться* ‘раздвинуться, отойти в сторону или подняться (о закрытой крышке, створках)’.

Векторные антонимы представлены не только субъектными, но и объектными глаголами, обозначающими изменение функционального состояния предмета: *засунуть–рассунуть* **ХОМУТ**; *затворить–отворить* **дверь, окно**. Примечательно, что в дефинициях субъектных глаголов не встречается разнобоя при отражении специализированных ЛС, тогда как при описании объектных глаголов в ряде случаев векторные антонимы со значением ‘изменение функционального состояния’ имеют по-разному представленные в словаре ЛС. Так, в глаголе *запечатать* выделена специализированная ЛС ‘закрыв (конверт), заклеить’, а в антонимичном ему глаголе *распечатать* ее нет, а есть лишь обобщенно представленный включенный объект ‘что-л. заклеенное, запечатанное’. То же самое мы наблюдаем в парах *отомкнуть* (**замок, задвижку**) – *замкнуть*; *отвязать* (**веревку, шнур**) – *завязать*, в которых вторые члены пары, по материалам словарей, не имеют специализированных ЛС. Такое положение дел, на наш взгляд, не отражает истины. Векторные антонимы, обозначающие цикл, связаны не только общим признаком ‘изменение функционального состояния’, но также и специализированными ЛС, то есть в семантике обоих членов пары присутствует соответствующая конкретизирующая ЛС, что, безусловно, должно быть отмечено в словарных толкованиях.

Некоторые возвратные глаголы обозначают лишь одну фазу цикла, и это только конечная фаза – выход из функционального состояния, потеря свойств, необходимых объекту для того, чтобы выполнять свое предназначение. Ср.: *отстегнуться* ‘выпасть из петли, разъединиться (о застёжке, частях застёжки)’; *избиться, истоптаться, сбиться, стоптаться* (об обуви)’; *распрячься* ‘развязаться, распутиться (об упряжи)’; *измазаться* ‘истратиться, израсходовать (о краске, мази, смазочном материале)’; *измылиться* ‘израсхо-

доваться при мытье или стирке (о мыле)'; *износиться* 'прийти в негодность от продолжительной работы (о машине, механизме, оборудовании)'; *исписаться* 'прийти в негодность от писания (о пере, карандаше)'; *разбинтоваться* 'размотаться, развязаться (о бинте)'; *отвязаться* 'развязавшись, отделиться (о веревке, шнуре)'; *откупориться* 'открыться (о пробке)'; *рассупониться* 'развязаться (о супони)' и др. Подобный факт объясняется многими причинами: во-первых, объект не может самостоятельно, без активного внешнего воздействия приходить в рабочее состояние; во-вторых, как мы уже отмечали, языковое сознание фиксирует то, что противоречит интересам человека. Выполнение функций, для которых создан тот или иной объект, воспринимается как норма, а невозможность их выполнения – как отклонение от нее. «Человек воспринимает мир избирательно, и прежде другого он замечает аномальные явления», – пишет Н. Д. Арутюнова [1987: 4]. И далее замечает: «Всем ненормативным, редким и необычным явлениям обеспечен прямой выход в лексику» [там же: 11].

Среди предметов бытового обихода можно выделить некоторые вещи, обеспечивающие жизнедеятельность человека. К ним относятся одежда, обувь, продукты питания. В отличие от других ЛС, обозначающих предметы быта, специализированные ЛС 'одежда', 'обувь', 'продукты питания' широко представлены в глаголах анализируемой референтно-ограниченной группы: 'одежда' и 'обувь' – свыше 50 единиц, 'продукты питания' – свыше 40. В некоторых глагольных семемах ЛС 'одежда' и 'обувь' сосуществуют как варианты альтернативной ЛС. Это наблюдается в глаголах, обозначающих процессы надевания предметов или освобождения от них: *налезть, влезть, напялиться* 'надеться с некоторым усилием (о тесной одежде, обуви)' и антонимичные им *снять, стащить, снять*, а также *надеть*,

нахлобучить одежду, обувь. Кроме того, альтернативная ЛС встречается в глаголах *износиться, сноситься* ‘прийти в ветхость, негодность от носки (об обуви, одежде)’ и близких им по значению *дотаскать, дорвать; жать, теснить* ‘быть тесным, давить, причиняя неудобство, боль (об одежде, обуви)’.

Вместе с тем есть глагольные семемы, которые обозначают свойства, присущие либо одежде, либо обуви, и соответственно содержат только одну специализированную ЛС: *коробиться* ‘топорщиться, не ложиться ровно, гладко (об одежде)’; *морщить* ‘лежать негладко, иметь морщины (об одежде)’; *облегать* ‘плотно прилегать, охватывать (об одежде)’; *запахнуться* ‘закинуться (о полах одежды)’; *свалиться* ‘получиться в результате валяния (об одежде из шерсти, пуха)’; *избиться, истоптаться, сбиться, стоптаться* ‘потерять первоначальную форму, прийти в негодность от носки (об обуви)’. Как видно из материалов, многие глаголы с названными специализированными ЛС образуют синонимические ряды, куда входят стилистически маркированные единицы. Так, *налезть, влезть* принадлежат сфере разговорной речи, а *нахлобучиться напаяться* имеют помету «просторечное», так же маркированы лексемы *избиться, истоптаться, сбиться, стоптаться*.

ЛС ‘продукты питания’ входит в семемы следующих глаголов: *вязнуть* ‘застревать (о пище)’; *заветреть* ‘утратить свежесть, начать портиться с поверхности под воздействием воздуха (о продуктах)’; *изжариться* ‘стать жареным, совсем готовым для еды (о пище)’; *преть* ‘вариться, поспевать на медленном огне в плотно закрытой посуде (о пище)’; *прогоркнуть* ‘испортившись, приобрести неприятный запах и горький вкус (о пищевых продуктах)’; *прокоптиться* ‘в результате копчения прийти в состояние полной готовности (о пище)’ и др. Глаголы с названной ЛС преимущественно обозначают либо

способ приготовления пищи, либо ее свойство, по которому она становится непригодной для еды. Некоторые продукты имеют особый способ приготовления, поэтому в глагольных семемах специализированная ЛС конкретизируется: *закоптиться* ‘стать готовым к употреблению в результате копчения (о рыбе, мясе)’; *выходиться, добродить* ‘стать готовым к употреблению в результате брожения (о вине, пиве)’; *топиться* ‘подвергаться продолжительному выдерживанию и кипячению в печи на легком жару (о молоке, сливках)’. Другие ЛС с конкретным содержанием из этой же тематической группы входят в глагольные семемы, представляющие специфические свойства продуктов питания. Например: *засахариться* ‘загустеть, выделив сахар (о варенье, меде)’; *играть, муссировать* ‘пениться, кипеть, искриться (о вине и шипучих напитках)’; *подняться, взойти, подойти* ‘увеличиться в объеме, став более рыхлым (о тесте)’; *свернуться, створожиться* ‘превратиться в творог (о молоке)’.

Таким образом, референтно-ограниченный подкласс глаголов с ЛС ‘артефакты’ отличается большим разнообразием по содержанию ЛС. Это является объективным отражением внешнего мира – мира вещей. Семиотической особенностью данного подкласса является то, что объектные глаголы занимают здесь гораздо большее место, чем в других подклассах. Именно в сфере артефактов проявляется особая связь между целенаправленным действием и объектом, о чем подробно писала Н. Д. Арутюнова: «...именно объект определяет характер действия, направленного на его создание, изменение, уничтожение» [Арутюнова 1976: 114]. В результате производственной деятельности человек создает множество различных объектов, необходимых ему в жизни. Вполне естественно, что не все они получают отражение в виде ЛС, присутствующих в глагольных семемах. Для того чтобы это произошло, человеческое сознание должно либо наделять данный

объект специфическими свойствами (часто представляющими опасность или нежелательность для людей), либо зафиксировать особые способы его создания или обработки, либо обнаружить его контраст с фоном окружающей среды как некоторого аномального явления.

В соответствии с первой причиной, как нам кажется, появилась специализированная ЛС ‘химические вещества’, которая присутствует в глагольных семемах, обозначающих опасные для человека воздействия этих веществ. Значение ‘разрушить что-л., причинить повреждение чему-л.’ манифестировано рядом лексем, однокоренных приставочных производных от глагола *есть*: *выесть*, *изъесть*, *объесть*, *отъесть*, *разъесть*, *съесть*, а также их синонимом *сжечь*.

Большая группа объектных глаголов называет специфические способы получения или изготовления предмета и поэтому содержит специализированную ЛС, обозначающую артефакт: *набить* ‘отпечатать особым способом на ткани (узор, рисунок)’; *накатать* ‘нанести с помощью специального приспособления на поверхность чего-л. (рисунок, резьбу)’; *намыть* ‘промывая водой золотоносную породу, добыть, получить (золото)’; *плавить* ‘превращать твердое тело (преимущественно металл) в жидкое путем нагревания’; *обкосить* ‘косью придать нужные качества (косе)’; *навести* ‘построить (мост, переправу)’; *штукатурить* ‘покрывать (стены, потолки) штукатуркой для образования гладкой поверхности’; *добыть* ‘извлечь из недр земли (полезные ископаемые)’; *выработать* ‘выбрать без остатка (полезные ископаемые)’; *выжечь* ‘сделать (знаки, узоры) раскаленным железом или особым инструментом’; *воткать* ‘вставить посредством тканья (нитку, узор, полосу)’; *вырисовать* ‘тщательно, старательно написать (буквы, цифры), выводя каждую линию’.

Особенностью рассматриваемого референтно-отражательного подкласса является то, что одна и та же ЛС входит и в возвратный,

и в невозвратный глаголы, образующие коррелятивную пару: *топить* ‘поддерживать огонь (в печи)’ – *топиться* ‘иметь в себе разведенный огонь (о печи)’; *затворить* ‘закрыть (дверь, окно)’ – *затвориться* ‘закрыться (о двери, окне)’; *отгладить* ‘хорошо прогладить (платье, костюм)’ – *отгладиться* ‘стать гладким после утюжки (о платье, костюме)’; *стоптать* ‘нося, искривить на одну сторону от носки (обуви)’ – *стоптаться* ‘искривиться в одну сторону от носки (об обуви)’; *изжарить* ‘приготовить посредством жарения (пищу)’ – *изжариться* ‘стать жареным, совсем готовым для еды (о пище)’. Невозвратные глаголы обозначают ‘приведение объекта в определенное состояние’, а возвратные – ‘пребывание объекта в этом состоянии’, и они находятся в отношении лексической конверсии. При этом, нам кажется, нельзя рассматривать возвратные глаголы как форму невозвратных, поскольку их семный состав совпадает с семой невозвратных глаголов по всем дифференциальным признакам, но различается категориально-лексической (интегральной) семой, а следовательно, возвратные глаголы входят в состав другой лексико-семантической группы. О семантической самостоятельности таких глаголов писал Т. П. Ломтев [Ломтев 1976: 164–168; см. также: Шапиро 1941]. И. Т. Вепрева рассматривает подобные явления как переходные случаи, когда возвратный глагол способен проявлять себя и как самостоятельный глагол, и как форму исходного невозвратного глагола, что зависит от текстового окружения [Вепрева 1982: 98–99].

Различие между коррелятами обнаруживается также в возможности каждого из них иметь векторный антоним. Невозвратные транзитивные глаголы с большей регулярностью и частотностью образуют антисемические оппозиции. Поскольку такие глаголы обозначают воздействие активного субъекта (человека) на объект, названный ЛС, с целью приведения его в функциональное состояние,

а также выведение из этого состояния, постольку язык фиксирует оба таких действия, и при этом образуется пара векторных антонимов, объединенных специализированной ЛС. Возвратные глаголы обозначают функциональное состояние объекта как самостоятельное, лишённое воздействия извне, причем это состояние мыслится как постоянное, не имеющее начала и конца: *печь топится, мыло мылится, розжок, труба трубит, свеча тает, лампа (источник света) отсвечивает* и под.; это уже не собственно состояние, а свойство [Семантические типы 1982]. Поэтому возвратные глаголы не имеют антонимичной пары и лишь в ряде случаев, как мы уже указывали, обозначают конечную фазу цикла.

ЛС 'предметы культуры'

В референтно-ограниченном подклассе глаголов *артефакты* выделяется группа глаголов с ЛС, называющих предметы, созданные в результате интеллектуальной и творческой деятельности человека. Так, особую группу представляют объекты печатной продукции: *издаваться* 'печататься и выходить в свет (о печатной продукции)'; *печатать* 'помещать на своих страницах, сообщать о чем-л. печатно (о газетах, журналах)'; *экранизировать* 'положить в основу создания кинофильма (литературное произведение)' или вообще художественные произведения: *сложиться* 'возникнуть, создаться в процессе творчества (о стихе, песне)'; *идти* 'ставиться, показываться (о пьесе, спектакле)'; *исполнить* 'воспроизвести для слушания, обозрения (произведение искусства)'; *озвучить* 'сделать звуковым (кинофильм)'. Разные художественные произведения различаются, помимо прочего, способом исполнения, поэтому названные ЛС встречаются преимущественно в глаголах со значением 'исполнять художественное произведение'. Смысловая общность таких гла-

голов позволила даже выделить лексико-семантическую подгруппу глаголов 'исполнение художественных произведений' [ЛСГРГ: 58], куда входят, например: *аккомпанировать, вальсировать, декламировать, запевать, высвистать, разыгрывать, танцевать, вытанцовывать*. Число ее членов невелико, и объединены они не только категориально-лексической (интегральной) семьей, но также и специализированной ЛС 'художественное произведение'.

Особняком стоит специализированная ЛС 'денежные средства, деньги', которая присутствует в довольно большом количестве глаголов. Занимая важное место в жизни человека, деньги и связанные с ними субстанции получают разные характеристики: *котироваться* 'цениться, оцениваться (о ценных бумагах, валюте)'; *вложить* 'поместить, отдать для хранения, использования (деньги, денежные средства, капитал)'; *скопить* 'сберегая, собрать, накопить (деньги, имущество)'; *наменять* 'разменять (деньги) в каком-л. количестве'; *тянуть* 'вымогать (деньги)'; *разойтись* 'израсходоваться постепенно по мелочам (о деньгах)'; *тратить* 'расходовать (деньги)'; *мотать* 'неразумно, нерасчетливо растрачивать (деньги)'. Как видно из примеров, человеческое сознание фиксирует, главным образом, два противоположных процесса, связанных с деньгами – процесс накопления и процесс потери денег. Не мог язык обойти и такое явление в финансовой деятельности человека, как долг. Эта ЛС входит в глагольные семемы *нарасти* 'накопиться в каком-л. количестве (о процентах, долгах)' и *сквитать* 'уплатить, возвернуть (долг)'.

Итак, ЛС, связанные с миром неживой природы, охватывают множество реальных объектов, а также категории реального мира (время) или опредмеченные физические, химические, механические свойства конкретной вещи, воспринимаемые акустически, визуально, тактильно. Их отражение в системе ЛС связано с присущими им осо-

быми свойствами, имеющими непреложное значение для человека. Довольно часто язык фиксирует способность объектов к деструктивному воздействию, а также разного рода девиации. Это наблюдение перекликается с замечанием Н. Д. Арутюновой о том, что «концепт нормы применим практически ко всем сферам жизни – явлениям природы, естественным родам, выведенным культурам, артефактам, организмам и механизмам, погоде, социальным явлениям, поведению людей и их действиям... экономике, искусству, науке, языку и мышлению, профессиональным действиям, играм, спорту и т. п.» [Арутюнова 1987: 6]. И поскольку природа и общество постоянно нарушают правила и нормативы, а восприятие мира прежде всего фиксирует аномальные явления, постольку в языке так много разнообразных ЛС.

Таким образом, система денотативно-конкретизирующих ЛС в семемах глаголов является основанием для выделения референтно-ограниченных групп – ономаσιологических классов глаголов, включающих в свою семантику лимитирующие компоненты, обозначающие предметы или явления, которые имеют материальное воплощение или могут быть представлены таковыми человеком. Этот вывод полностью подтверждает особую природу ЛС, их связь с представлением как формой наглядно-чувственного мышления. С точки зрения грамматики манифестаторами ЛС выступают лишь слова с конкретно-предметным и неконкретно-предметным [см.: Шведова 1981] значением. Существительные, именующие «предметы психического мира», хотя и относятся к разряду абстрактных имен, но обладают, как мы уже указывали, специфическими чертами, отличающими их от других абстрактных существительных и сближающими с конкретными именами, – они «часто функционируют как имена актантов – участников

драм и мистерий, развертывающихся на «внутренней арене» [Ар-
утюнова 1976: 94].

3.2.2. Ситуативно-конкретизирующие ЛС в семемах глаголов

Ситуативно-конкретизирующие ЛС также «развернуты» на мир, и их содержание – это экстралингвистическая информация. Денотатом для слова, имеющего данную разновидность ЛС, выступает ситуация, и лимитирующие семы очерчивают типовое представление языкового коллектива о соответствующей ситуации, конкретизируя и ограничивая какой-либо из ее параметров.

В номинативной системе русского языка для обозначения ситуации приспособлен глагол, о чем неоднократно писали ученые [Гак 1972; Сильницкий 1973; Сусов 1973], поэтому данные ЛС, как мы уже указывали, выделяются только в семемах глаголов и их субстантивных производных. Крайне редко (в единичных случаях) обнаруживаются ситуативно-конкретизирующие ЛС в семемах прилагательных. Причина этого кроется в различии семантики глаголов и прилагательных. Существенной характеристикой адъективов в первичной функции предикатов является их относительная независимость от времени. Предложения с адъективными предикатами описывают фрагмент действительности, характеризующийся лишь присутствием предмета – носителя признака. Это статичное, стабильное «положение дел». Глагольные же предикаты приспособлены, в первую очередь, к «актуальному» употреблению, указывающему на эпизодический, преходящий характер соответствующего «положения вещей», обусловленного различными факторами.

Семантический образ ситуации складывается из множества элементов. Можно вспомнить приводимые В. А. Звегинцевым вырабо-

танные «в средневековой схоластике правила построения периодов, которые должны следовать вопросам: quis (кто), quid (что сделал), ubi (где), quibus auxillis (какими средствами), cur (для чего), quomodo (каким образом), quando (когда)» [Звегинцев 1981: 26]. Перечисленные вопросы как раз и определяют наиболее значимые параметры ситуации. Исключив из указанного перечня параметры, связанные с участниками события, так как это есть денотативно-конкретизирующие ЛС глагольной семемы, мы получим каркас типологии ЛС данной разновидности. Наши материалы подтверждают обоснованность такого подхода.

ЛС ‘место осуществления, пространственная ориентация ситуации’

ЛС этой группы наиболее частотны из всех прочих ситуативно-конкретизирующих ЛС. Этот факт полностью соответствует логике познания реального мира. Пространственная характеристика «положения дел» обязательна, так как пространство абсолютно. В то же время пространство относительно, поскольку пространственные характеристики зависят от особенностей объектов, от связей объектов и происходящих процессов. Порой в наивном сознании локализация ситуации настолько сильна, что мыслится неотъемлемой от нее, и тогда глагол, реже – отглагольное существительное, именующие эту ситуацию, приобретают анализируемую ЛС.

Материалы словаря свидетельствуют о содержательном разнообразии ЛС ‘места’, например: *переправить* ‘перевезти, перевести (обычно через реку, а также через какое-л. трудно проходимое место)’; *высечь* ‘выдолбить, вырезать (на камне, в камне)’; *гулять* ‘перемещаться в разных направлениях (обычно на широком, свободном пространстве)’; *градуировать* ‘наносить деления на что-л. (на

какой-л. измерительный прибор, сосуд)'; *погрузить* 'поместить (на какие-л. транспортные средства) какой-л. груз, пассажиров и т. п.'; *плюхнуться* 'с шумом упасть (обычно во что-л. жидкое)'; *печься* 'подвергаться действию солнечных лучей, греться (на солнце)'; *черпать* 'захватывая чем-л., набирать, доставать (обычно снизу, из глубины)...'; *вышибить* 'с боем стремительно вытеснить противника (обычно из укрытого, укрепленного места)'; *колебаться* 'мерно двигаться, раскачиваться (взад и вперед, из стороны в сторону или сверху вниз)'; *читать* 'преподавать (преимущественно в высшем или специальном учебном заведении)'; *врасти* 'осесть, углубиться (в землю)'; *выкапывать* 'копая, извлекать (из глубины, из-под снега)'; *отилепать* 'пройти какое-либо расстояние (обычно по грязи)'; *вылазка* 'дальняя прогулка, выезд куда-л. (обычно за город)'; *вынос* 'вынесение, проводы умершего (из квартиры, учреждения)'; *дрожь* 'прерывистость (в голосе, звуках)'; *колики* 'резкие, колющие боли (в боку, животе)'.

В одних случаях это просто locus, обладающий специфическими свойствами (*труднопроходимое место; широкое свободное пространство*); в других – это определение направления действия, что выражается обычно наречиями (*взад, вперед, снизу, сверху, вниз*); но чаще всего – это точка, к которой «привязана» ситуация. Русское языковое сознание производит локальную привязку действий/ситуаций как к естественным, природным объектам (*река, земля, камень, снег, грязь, жидкость*), так и к искусственным (*город, учреждение, квартира, учебное заведение, транспортные средства, пол, ворота, окно*). Лимитирующие семы этой группы представлены обычно существительными с пространственным значением. Однако такое значение могут приобретать и другие имена, выполняя функцию компонента – ло-

кального ограничителя, например: *бок, живот, измерительный прибор* и т. д.

Лексемы, номинативное значение которых не содержит сем локальности, выступая в роли анализируемых компонентов–ограничителей, передают комплексную семантику, совмещая значения ‘места’ и ‘источника действия’: *солнце, дым, голос, звук* и под.

Сопоставление объектов локальной привязки ситуации с разновидностями объектов, отраженных в денотативно–конкретизирующих семах подтверждает нашу мысль о домоцентрической ориентации русского сознания, ибо большая часть объектов–понятий связана с концептом *дом*.

ЛС ‘темпоральная характеристика ситуации’

Время – это универсальная характеристика физической реальности, и это вытекает из структуры человеческого мышления: «Любая мысль обладает точкой отсчета, поэтому сама мысль определяет эту точку» с помощью «указательно-рефлексивных знаков» [см.: Рейхенбах 1962: 356]. В языковом сознании всякая ситуация определяется во времени, то есть мыслится в прошлом, настоящем или будущем относительно момента речи. Однако такая темпоральная характеристика не может найти фиксации в словаре, ибо она коммуникативно значима и актуализована только в речи.

В толковых словарях точкой темпоральной привязки заглавной ситуации становится другая ситуация–событие. При этом время становится «пространственноподобным» [Руднев 1996: 131], по нему можно передвигаться и в прошлое, и в будущее.

ЛС анализируемой группы обладают разным содержанием. Во-первых, обобщенно обозначают какую-либо временную связь названного вокабулой действия с экзистенциональным контекстом: *распа-*

хоть ‘вспахать землю (обычно впервые)’; *возобновиться* ‘начаться снова (после перерыва)’; *выстоять* ‘простоять где-л. в течение какого-л., обычно длительного времени’; *подоспеть* ‘успеть появиться (вовремя, в нужный момент)’ [СОШ]; *распроститься* ‘попрощаться (обычно расставаясь надолго или навсегда)’ [СОШ] и т. д.

Во-вторых, и это встречается гораздо чаще, ЛС очерчивают ситуацию–событие, во временных рамках которой осуществляется действие или состояние, названные заглавным глаголом: *голосовать* ‘отдавать свой голос за кого-, что-л. (при выборах, решении какого-л. вопроса, дела)’; *голосить* ‘громко, с причитаниями плакать (обычно во исполнение обряда – свадебного, похоронного и т. п.)’; *выхватить* ‘вырезать слишком много (при кройке)’; *холодеть* ‘становиться холодным от прекращения кровообращения (при смерти, глубоко обмороке)’; *выжить* ‘остаться в живых (после тяжелой болезни, ранения)’; *шаркать* ‘приставлять одну ногу к другой, слегка ударяя каблук о каблук (при поклоне, приветствии у мужчин)’; *захлебнуться* ‘почувствовать затруднение, перебои в дыхании (во время быстрой взволнованной речи, смеха, плача)’ [СОШ]; *шаркать* ‘производить шорох трением (при ходьбе, движении)’ [СОШ]; *подморозить* ‘о наступлении холода (после оттепели или после осенней дождливой погоды)’ [СОШ]; *оклематься* ‘то же, что выздороветь, прийти в себя (после болезней, недомогания)’ [СОШ]; *оправиться* ‘прийти в нормальное состояние (после несчастия, болезни, поражения)’ [СОШ] и т. п.

Интересно проследить, какие ситуации, являющиеся временным ориентиром, отражены в ЛС этой подгруппы. Как правило, чаще других событием–ориентиром предстают ситуации, нарушающие нормальное течение жизни: *болезнь, несчастье, смерть*. Среди прочих встречаются социально значимые события: *выборы, свадьба, празд-*

ник – или этикетно важные ситуации: *приветствие, прощание*. В глаголе *чокаться* анализируемая ЛС указывает на ритуальную, традиционную для русского этноса ситуацию – ‘при питье вина’.

В целом, исследуемая группа, как и денотативно-конкретизирующие ЛС аналогичного содержания, еще раз иллюстрирует мысль, в той или иной степени известную, что в языковой картине мира время понимается пространственно, то есть как вместилище событий, а не как безликая числовая ось.

ЛС ‘обусловленности’

Обусловленность, или каузальность, объединяет в себе такие значения, как предпосылка, основание, обоснование, довод, мотивация и др. Значение обусловленности можно обобщенно истолковать так: ‘ситуация А, обозначенная глаголом, имеет некоторую причину, и эта причина есть ситуация В, представленная в семантике глагола в виде ЛС’. При более конкретном анализе отношений обусловленности можно разграничить ЛС ‘причина возникновения ситуации’ и ЛС ‘условия осуществления ситуации’. Причины стремятся выяснить и устранить – условия создают. Для обеспечения того, что необходимо для достижения положительных целей, говорят об условиях, а не о причинах. Однако четкая дифференциация условий и причин возможна и важна при анализе речевых реализаций. Оставаясь в рамках системы, мы не принимаем во внимание этих семантических различий, так как наличие условий становится непосредственной причиной появления события. Кроме того, условное значение, как известно, может конкретизироваться и квалифицироваться как реальное, соответствующее действительности, как нереальное, не соответствующее действительности, и как потенциальное, когда соответствие и несоответствие действительности допустимы в равной мере.

В системе ЛС обуславливающий фактор представлен только единственной разновидностью – как соответствующий действительности, а в таком случае, как отмечают авторы «Русской грамматики», «налицо не условно-следственная, а причинно-следственная связь» [РГ 1980: 563].

ЛС данной разновидности входят в семемы глаголов: *влететь* ‘попасть, достаться (за какую-л. вину, проступок)’; *комкать* ‘в спешке или волнении говорить быстро, неотчетливо’; *ежиться* ‘пожиматься всем телом (от холода, болезни, стеснения)’; *сократить* ‘уволить с работы (вследствие сокращения штатов)’; *качаться* ‘пошатываться на ходу из стороны в сторону (от болезни, усталости)’; *выпасть* ‘падать откуда-л. (при непрочном положении, толчке)’; *хохлиться* ‘становиться хмурым... (от нездоровья, огорчений)’; *прозеленеть* ‘покрыться сильным зеленым налетом (обычно от сырости)’; *вдавливаться* ‘углубляться, входить во что-л., внутрь чего-л. (обычно под давлением, от удара)’; *освежиться* ‘восстановить свои силы, бодрость (выйдя на свежий воздух, искупавшись, отдохнув, утолив жажду)’ [СОШ]; *закрепить* ‘укрепить (привязав, прибив и т. п.)’ [СОШ]; *обить* ‘повредить поверхность чего-л. или повредить с краев (продолжительным и небрежным употреблением, ударами)’ [СОШ]; *оставить* ‘уйдя, удалившись, не взять с собой (намеренно или забыв)’ [СОШ] и т. д.;

– производных субстантивов: *вспрыски* ‘...(обычно по поводу приобретения чего-л., заключения какой-л. сделки)’; *гибель* ‘полное разрушение, прекращение существования (при катастрофе, бедствии, намеренном уничтожении)’ и т. п.

В лингвистике принято различать собственно-причинное значение, когда сообщается о непосредственной истинной причине возникновения ситуации, и несобственно-причинное (причинно-

аргументирующее значение), которое является лишь внешним поводом или косвенным свидетельством, используемым как аргумент для умозаключения. Некоторые исследователи, в частности А. Н. Латышева [1996], говорят о «квазипричинном значении», которое, однако, проявляется на синтаксическом уровне и может быть обнаружено только в речи.

ЛС ‘причина возникновения ситуации’ передает только собственно причинное значение, что можно объяснить природой самих ЛС. Будучи связанными с представлением, эти семы отражают определенные конкретные явления или ситуации, являющиеся непосредственным фактором, фактическим основанием, порождающим другую ситуацию. Вследствие особой природы и конкретно-предметного характера, лимитирующие семы не могут передавать несобственно-причинное значение, которое связано с умозаключениями и часто сопровождается модальными значениями.

Материалы позволяют наблюдать весьма типичный факт языка и сознания, отмеченный нами при анализе и других содержательных разновидностей ЛС. Ситуативно-конкретизирующие ЛС данной группы указывают на отрицательные причины, то есть на такие ситуации, действия или состояния, которые мыслятся как ненормативные: *болезнь, стеснение, горе, усталость, холод, волнение, огорчение, проступок, сырость*; как редкие, неожиданные, из ряда вон выходящие: *сокращение штатов, катастрофа, бедствие* или как требующие значительных усилий действующих лиц: *заключение сделки, приобретение чего-л.*

ЛС ‘цели’

Лимитирующие семы этой группы отражают какое-л. явление или очерчивают ситуацию, которые предусмотрены, желательны,

намечаются к осуществлению вследствие исполнения ситуации, названной соответствующими глаголами, содержащими данные ЛС. Целевое значение может быть достаточно обобщенным, то есть ЛС лишь подчеркивает обязательную целенаправленность действия: *брать* ‘принимать (обычно с какой-л. целью, обязательством)’; *пыжиться* ‘напрягаться изо всех сил (обычно стараясь сделать что-л.)’; *перевернуть* ‘перерыть, перевероршить (обычно в поисках чего-л.)’ и т. п. В других случаях цель определяется более конкретно: *гипноз* ‘усыпление посредством внушения, а также воздействие на волю усыпленного (обычно с лечебными целями)’; *кольцевать* ‘снимать тонкий слой коры (с целью замедление роста и увеличения плодоношения)’; *барахтаться* ‘делать беспорядочные движения всем телом, руками, ногами (обычно стараясь освободиться, подныться, выплыть и т. п.)’; *жечь* ‘заставлять гореть (для отопления, освещения)’ [СОШ]; *замахнуться* ‘размахнувшись, занести руку (для нанесения удара)’ [СОШ]; *обжать* ‘сдавить со всех сторон в несколько приемов (для уплотнения, для придания нужной формы, для удаления влаги)’ [СОШ]; *купать* ‘погружать в воду (для мытья, освежения, лечения)’ [СОШ]; *облицевать* ‘покрыть слоем декоративного или защитного материала (в качестве украшения, строительной отделки)’ [СОШ] и т. п. Примечательно, что в СОШ лимитирующая сема ‘цель’ встречается значительно чаще, чем в МАС, и при этом она обнаруживается в семемах глаголов, широко известных и обозначающих бытовые ситуации, тогда как в МАС лимитирующая сема ‘цель’ присутствует, как правило, в значениях таких слов, которые не столь известны среднему носителю языка.

В приведенных примерах цель представлена как стимул и потенциальный результат одновременно. По нашим материалам, ЛС этой группы могут выражать еще и антицель: *бродяжничать* ‘стран-

ствовать (обычно без определенной цели)»; *путать* 'говорить, рассказывать, неточно передавая суть и последовательность событий (без намерения ввести в заблуждение)'. Таких случаев немного, и в них не фиксируется конкретный результат действий. Отсутствие конкретного результата, представленного какой-либо новой ситуацией или возникновением нового объекта, является особенностью и такой разновидности ЛС 'цели', которую, мы считаем, можно определить как коммуникативно-прагматическую, ср.: *огладить* 'провести рукой, погладить со всех сторон (обычно для выражения ласки)'; *вздых* 'усиленный вдох и выдох (обычно как выражение какого-л. чувства)'; *коленопреклонение* 'стояние на коленях (обычно как выражение преклонения или мольбы)'; *взбучка* 'побои (в наказание за что-л.)'; *чокаться* 'прикасаться своей рюмкой к рюмке другого (в знак приветствия, поздравления)' [СОШ] и т. п. Вводимые в толкование лексических единиц компоненты-ограничители указывают на иллокутивную цель, которую преследует субъект коммуникативного акта.

Итак, ситуативно-конкретизирующие ЛС очерчивают следующие параметры ситуаций: место и время существования, обусловленность одной ситуации другой ситуацией или конкретными факторами и цель, ради которой происходит ситуация. Все параметры, фиксируемые системой ЛС, являются антропологически значимыми. При идентификации тех или иных ситуаций, названных глаголами, для носителей языка становятся значимыми одни и те же параметры ситуации, что может быть обусловлено сходством языкового опыта говорящих.

Н. В. Соловьева [1989] с помощью психолингвистических методов также выявила, что в ассоциативном эксперименте значение глагола актуализируется в образе ситуации: «...значение глагола пред-

ставляет собой психологическую структуру, в которой находит отражение ситуация со всеми ее важнейшими элементами», совпадающими, как выяснилось, с выделенными нами содержательными типами ситуативно-конкретизирующих ЛС. Это служит еще одним доказательством, что лимитирующая семантика в значениях лексических единиц, тесно связана с человеческим фактором в языке.

Однако обстоятельственные характеристики ситуации в обыденном наивном представлении все же более размыты и неопределенны, чем денотаты – участники событий. Поэтому ситуативно-конкретизирующие ЛС чаще являются альтернативными или вероятностными и значительно реже – специализированными. Причем перечислительный ряд, манифестирующий варианты альтернативных сем, может распространяться с большей легкостью и свободой, чем это происходит в перечислительных рядах денотативно-конкретизирующих ЛС.

ЛС ‘количественный признак’

Семантика глагола, как самой емкой части речи, включает не только указания на участников ситуации, на целый ряд параметров ситуации, но также и признаки, уточняющие «перспективу», налагаемую на эту ситуацию [см.: Филлмор 1981a]. Иными словами, такие признаки характеризуют актанты – участников ситуации и имплицитно указывают на объект [см.: Уфимцева 1986]. К такого рода признакам мы относим ЛС ‘количественный признак’: *тянуть* ‘пить хмельное (обычно в большом количестве)’; *насадить* ‘посадить (растения, деревья) в каком-л. (обычно большом) количестве’; *натравить* ‘уничтожить в каком-л. (обычно большом) количестве, применяя яд, отраву’; *наточить* ‘вытачивая, изготовить в каком-л.

(обычно большом) количестве'; *смолить* 'курить (обычно много)' и т. п.

Эти лимитирующие семы представляют собой признаки «второго плана»: они подчинены лимитирующим семам субъекта или объекта, которые могут быть включены в семему глаголов (ср. *тянуть* → хмельное; *посадить* → растения, деревья), но могут быть неявными, и ЛС 'количество' служит имплицитным указанием на их наличие (ср.: *уничтожить, пачкать, навязать*).

Как видно из приведенных примеров – а это типично для всего массива материала, – ЛС определяет только большое количество, считаемое говорящим нормой в данной ситуации [см.: Апресян 1995]. Примечательно, что чаще других эта сема маркирует ситуации, связанные с действиями, получающими социально отрицательную оценку, такими как *пить спиртное, курить*. В этом, безусловно, проявляется русское национальное сознание. В народной культуре никогда не были в чести люди много пьющие, об этом свидетельствуют, например, пословицы, записанные В. И. Далем: *Пить до дна – не видать добра; Мужик умен – пить волен, мужик глуп – пропьет и тулуп; Мужик год не пьет, два не пьет, а бес прорвет – все пропьет* [СД, т. 3: 291-292].

ЛС 'количества' часто встречается в семантике производных глаголов с приставкой НА-. Именно приставка вносит указанный компонент в семему глаголов. Следовало бы ожидать, что все глаголы такого словообразовательного типа имеют сему 'большое количество'. Однако материалы словаря не оправдывают наших ожиданий. В большинстве случаев в дефинициях глаголов этой морфемной структуры нет соответствующей ЛС, но присутствует дифференциальная сема 'в каком-л. количестве', не огражающая в должной мере семантику глаголов. К аналогичным выводам, сделанным в результате

наблюдений над словарными толкованиями глаголов приготовления пищи с приставкой НА, приходит М. Ю. Федосюк [см.: Федосюк 1996]. Этот факт, конечно, свидетельствует о несовершенстве словаря, но отнюдь не опровергает результатов наших наблюдений; напротив, доказывает необходимость исследования разных фрагментов словарных дефиниций с последующей целью их усовершенствования.

Для того чтобы составить полное представление о «наивной энциклопедии», зафиксированной системой ЛС, следует, на наш взгляд, проанализировать с этой точки зрения и другие знаменательные части речи.

3.2.3. Лимитирующие семы в семемах прилагательных

Прилагательное, наряду с другими лексико-грамматическими классами, участвует в обозначении предметов и явлений действительности, но выражает свойство, качество предмета только в сочетании с определенными существительными. Отличительной характеристикой адъективных слов является то, что их категориальное значение определяется как сигнификативное значение, соотносимое с понятием о признаке (качестве, свойстве) предмета или явления. Как отмечает большинство исследователей имени прилагательного (И. М. Айдынов, Е. М. Вольф, Т. М. Николаева, Ж. П. Соколовская, А. А. Уфимцева, Г. М. Шипицына, А. Н. Шрамм), особенностью семантики этих единиц является их чрезвычайно широкий смысловой объем, «они имеют сигнификат, но не имеют денотата» [Вольф 1978: 6]. Не имеющие собственно денотативного значения, лишённые референции [Lewis 1972: 178], они нуждаются в денотации, которую несет определяемое ими существительное. По логике вещей значение прилагательного должно быть приписано какому-либо предмету или лицу. Формально

пассивное, прилагательное является семантически активным, на него всегда проецируется значение носителя признака.

Прилагательное входит, наряду с глаголами, в класс признаковых имен, и его значение, следовательно, имеет бинарную структуру: собственно понятийная часть (сигнификативный макрокомпонент значения) и субстанциональная часть, представляющая денотативно-ограничительный компонент семемы – ЛС. Поскольку прилагательное именует конкретные свойства конкретных сущностей, дает экзистенциальную характеристику явлению, устанавливает вневременную и внемодальную связь субстанции с признаком, постольку его референтный потенциал связан только с категорией субъекта, и ЛС в семемах прилагательных представляют носители соответствующего признака.

Класс прилагательных, имеющих в семантике ЛС, значительно меньше, чем класс глаголов с ЛС. Этот факт можно объяснить тем, что многие различные по сути субстанции являются носителями сходных или общих свойств. В окружающем мире не так много предметов, обладающих уникальными свойствами, которые являются значимыми для человека и потому находят отражение в языке. Однако, как отмечает А. А. Уфимцева, «у каждого ЛСВ прилагательного должен быть свой специфичный круг референции, системный набор имен класса, серии, категории предметов, лиц и т. п., соотносимых и соотносящихся с данным статичным признаком по логике вещей, по логике общепринятой нормы (системе или узусу) и по логике конкретного высказывания, интенции и ситуационных условий говорящего и слушающего» [Уфимцева 1986: 212]. Н. Е. Сулименко также говорит об ограниченности лексических связей разных ЛСВ многозначных прилагательных, которая выражается в «тематической замкнутости ключевых слов в словосочетаниях прилагательных» [Сулименко

1966: 13], и эта тематическая замкнутость должна быть зафиксирована в словарях: «толкования должны тем или иным образом включать область денотатов, которым может быть приписан соответствующий признак» [Вольф 1978: 5].

Специфичный круг референтов, соотносящихся с определенным признаком по логике вещей, закреплён в семемах прилагательных в виде ЛС. При этом, как уже отмечалось, в многозначных прилагательных разные ЛСВ, обладая общим сигнификативным значением, различаются именно референтной приложимостью соответствующего признака, ср.: *чистый* 6./ ‘без веснушек, прыщей и т. п. (о коже)’; 7. ‘не замутнённый грязью, песком (о воде)’; // ‘свежий, не душный, не пыльный (о воздухе)’; // ‘без сорняков (о злаках)’; // ‘не смешанной породы, чистокровный (о животных)’; // ‘одной древесной породы (о лесе)’; 8. ‘звонкий, без хрипа (о голосе, звуке)’; 9. ‘правильный, соответствующий нормам, без ошибок (о языке, слоге)’. Общее сигнификативное значение разных ЛСВ прилагательного *чистый* – ‘не имеющий посторонних, не желательных для предмета признаков’ – конкретизируется в разных микроконтекстах применительно к разным референтам. Или другой пример: *лютый* 1. ‘свирепый, кровожадный (о животных)’; // ‘жестокий, беспощадный (о человеке)’; // ‘ожесточённый, кровопролитный (о битве, бое, сражении)’. Эти оттенки значения объединены общим понятийным признаком ‘проявляющий жестокость’, но различны по денотативно-ограничительной части семемы. Таким образом, ещё раз подчеркнем, что все значения многозначного слова, в частности прилагательного, позиционно распределены, исключают друг друга в одном и том же контексте, но различие семантических вариантов слова определяется не позицией данного слова в контексте, а онтологическим различием самих признаков, названных словом и приписанных различным субстанциям.

Разнообразие субъектов, обладающих специфическими свойствами и отраженных в ограничительной части атрибутивных семем, также дает возможность проанализировать ЛС в семантико-отражательном аспекте. В литературе известны исследования имен прилагательных, проводимые в разных аспектах: со стороны их парадигматических особенностей [Вольф 1978; Соколовская 1979; 1980; Шипицына 1975; 1979; Шрамм 1979; 1983; 1989], функционирования [Сергеева 1989; Убийко 1988] и с точки зрения их синтагматических свойств [Айдынов 1970; Соколовская 1988]. Именно последнее направление исследований находится в русле наших интересов.

И. М. Айдынов, анализируя синтаксическую сочетаемость прилагательных с существительными, выделяет 4 группы существительных (лицо, не-лицо, собственно предмет, отвлеченный предмет), а затем на основе этих групп строит 15 «конфигураций синтаксических сочетаний» по способности прилагательного сочетаться с разными типами существительных, например: «прилагательное + существительное-лицо» (именитый писатель), «прилагательное + существительное-собственно предмет» (свободное место), «прилагательное + существительное-отвлеченный предмет» (скоропостижная смерть), «прилагательное + существительное-не-лицо или существительное-собственно предмет» (чешуйчатая рыба, чешуйчатые листья) и т. д. [Айдынов 1970]. В основе выделенных исследователем групп существительных лежат признаки обобщенного характера, поэтому соответствующие группы являются логико-грамматическими, в них не учитывается лексическая семантика существительных. Ж. П. Соколовская, исследуя лексическую сочетаемость прилагательных со значением 'обобщенная положительная оценка', выделяет синтагматически связанные с ними группы имен существительных, которые рассматривает «как варианты соответствующих идеографических

групп». Это описание охватывает фактически весь класс имен существительных, поскольку при необходимости человек может дать обобщенную положительную оценку любому предмету; другими словами, с названными прилагательными могут сочетаться субстантивы любой семантики. Ж. П. Соколовская выделяет следующие группы имен существительных:

1. Существительные, обозначающие людей по профессии, занимаемой должности, роду занятий, участию в общественно-политических, спортивных и других организациях: *актер, артист, врач, ученик, горничная, министр* и др.

2. Существительные, обозначающие людей вообще: *человек, люди, народ*.

3. Существительные, обозначающие людей по возрастному и половому признаку: *мужчина, женщина, мужик, старик, мальш, парень* и др.

4. Существительные, обозначающие людей по признаку родства: *мать, сын, отец, дочь, бабушка* и др.

5. Существительные, обозначающие людей по признаку близких, дружеских, деловых отношений: *друг, приятель, знакомый, попутчик* и др.

6. Существительные, обозначающие совокупности людей в зависимости от отношений, существующих между ними: *коллектив, компания, семья, группа, курс, отряд* и др.

7. Существительные, обозначающие наименование частей человеческого тела и функций человеческого организма: *рука, нога, сердце, кровь, голос, зрение, мысль* и др.

8. Существительные, обозначающие наименование физического состояния человека: *здоровье, жизнь, смерть, самочувствие* и др.

9. Существительные, обозначающие наименование душевного состояния человека: *настроение, расположение духа, радость* и др.

10. Существительные, обозначающие наименование явлений и понятий общественно-политической жизни.

11. Существительные, обозначающие наименование понятий искусства и литературы, произведений искусства и литературы: *кино, театр, живопись, музыка* и др.

12. Существительные, обозначающие наименование отвлеченных понятий с различной семантикой.

13. Существительные, обозначающие предметы, вещи.

14. Существительные, обозначающие продукты питания.

15. Существительные, обозначающие явления неживой природы. Погода. Растительный мир.

16. Существительные, обозначающие промежутки времени.

17. Существительные, обозначающие явления неживой природы.

18. Существительные, обозначающие названия учреждений, предприятий, заведений: *школа, больница, театр, университет* и др.

19. Существительные, обозначающие единицы административного деления.

20. Существительные с ослабленным лексическим значением.

К сожалению, автор не во всех случаях приводит примеры имен существительных, поэтому не вполне ясно, какой круг денотатов охватывают группы, в частности группа 15 «Существительные, обозначающие явления неживой природы. Погода. Растительный мир» и группа 17 «Существительные, обозначающие явления неживой природы». Кроме того, выделенная группа «Существительные с ослабленным лексическим значением», по нашему мнению, не может входить в число идеографических групп, равно как и группа «Су-

существительные, обозначающие наименование отвлеченных понятий с различной семантикой», поскольку основанием для выделения этих групп являются лексико-грамматические семы.

Проведенная нами семантико-ономастологическая классификация ЛС, содержащихся в именах прилагательных, также позволила выделить группы имен существительных, обозначающих носителей определенных признаков. Результаты нашей типологии в некоторой части совпадают с типологией Ж. П. Соколовской: сходными оказываются те группы, в которых имена отражают конкретно-предметные сущности (см., например, в типологии Ж. П. Соколовской группы 1–4, 7, 13, 14). Рассмотрим группы ЛС в семемах прилагательных, последовательно сопоставляя их с группами ЛС, содержащихся в семантике глаголов.

Класс первый. Человек

ЛС ‘человек’

Прилагательные с такой ЛС обозначают внешние черты и внутренние качества, реже – состояние, человека: *длинный* ‘высокий ростом (о человеке)’; *дородный* ‘крупного, плотного телосложения (о человеке)’; *коренастый* ‘крепкого телосложения, широкоплечий, но невысокий (о человеке)’; *ширококостный* ‘широкий в кости (о человеке)’; *семижильный* ‘выносливый (о человеке)’; *согбенный* ‘сгорбленный (о человеке)’; *свежий* ‘полный здоровья, сил (о человеке)’; *рассыпчатый* ‘полный, пышный, дородный (о человеке)’; *хороший* ‘обладающий положительными моральными качествами (о человеке)’; *душевный* ‘добрый, чуткий, отзывчивый (о человеке)’; *туманный* ‘грустный, печальный (о человеке, его лице)’; *хозяйственный* ‘такой, который хорошо ведет хозяйство, заботится о нем (о человеке)’. Эта ЛС, обладая обобщенным содержанием, т. е. называя

родовое понятие, входит, как и в глагольных семемах, только во вторичные ЛСВ. В названной группе также наблюдается субкатегоризация обобщенного содержания – выделяются подгруппы, в которых ЛС обозначают людей по половому и возрастному признакам: *холостой* – о мужчине, о женщине; *женатый* – о мужчине, о муже и жене; *беспризорный* ‘бездомный, никем не воспитываемый (о ребенке, подростке)’; *голопузый* ‘с голым, неприкрытым животом (обычно о детях)’ и др. Значительно реже, чем в глагольных семемах, обнаруживается в именах прилагательных субкатегоризация ЛС ‘человек’ по социальному или национально-территориальному признаку: *дворовый* ‘взятый на барский, господский двор (о крепостных, оторванных от земли для обслуживания помещика)’; *вольнотпущенный* ‘отпущенный на волю (о рабах или крепостных)’; *коренной* ‘исконный, основной и постоянный (о жителях определенной местности, представителях определенной среды)’; *близкий* ‘находящийся, состоящий в прямой связи, в тесных отношениях (о родне, друзьях)’; *добрососедский* ‘дружественный (о взаимных отношениях соседей)’; либо по профессиональной принадлежности: *маститый* ‘заслуживший своей долголетней деятельностью всеобщее уважение, признанный (о деятелях науки, искусства)’; *холодный* ‘работающий с простейшими приспособлениями, инструментами, примитивным способом (обычно о сапожнике, парикмахере)’; либо по его состоянию, наклонностям, образу жизни, обычно отрицательно характеризующимся в общественном мнении: *тяжелый* ‘находящийся в опасном положении, состоянии (о больном)’; *беспробудный*, *беспросыпный* ‘не знающий меры (о пьянице)’;

В целом класс антропонимических прилагательных весьма обширен, что объясняется коммуникативными причинами: возникает необходимость выделить каждого человека по признакам внешности,

по психическим и умственным данным, по качествам и свойствам, обусловленным местом человека в обществе и его положением в общественной жизни, т. е. свойства отдельного человека оказываются важными не только для него самого, но и для окружающих. Но признак 'человек' включается в словарную дефиницию прилагательного далеко не всегда. Как было указано выше относительно глагольных лексем, ДОФТ встречаются обычно в дефинициях прилагательных также во вторичных, метафорических, а также стилистически маркированных ЛСВ: *аппетитный* перен., прост. 'привлекательный, соблазнительный (обычно о женщине)'; *сдобный* перен. 'пухлый, полный (о человеке)'; *гулящий* прост. 'распутная, развратная (о женщине)'; *толстомясый* прост. 'толстый, жирный, мясистый (о человеке)'; *единокровный* устар. 'происходящий от одного отца, но от разных матерей (о детях)'; *единородный* устар. 'единственный у родителей (о сыне, дочери)' и др.

ЛС 'части тела'

Хрупкий 'тонкого, нежного, изящного сложения (о человеке, о частях тела)'; *мягкий* 'нежный, пухлый (о теле, частях тела)'; *толстый* 'крупный, мясистый (о частях тела, лица)'; *точенный* 'правильной, тонкой, изящной формы, очертаний (о чертах лица, фигуре)'; *античный* 'классически правильный, напоминающий красотой статуи древнего мира (о чертах лица, формах тела)'. В альтернативных ЛС в виде вариантов обычно объединяются ЛС 'фигура' и 'лицо'. Конъюнкция лица и фигуры в русском сознании вполне типична, так как с фигурой связывается телосложение, внешнее очертание человека, а с лицом – его духовная жизнь, личностное начало, поэтому внимание к обоим планам дает возможность представить человека во всей его целостности, со всем, что в нем есть.

В системе прилагательного получили характеристики все черты лица: *курносый* ‘короткий, вздернутый (о носе)’; *вздернутый* ‘приподнятый кверху (о носе, плечах, голове)’; *хмурый* ‘насуспенный (о бровях)’; *бледный* ‘без румянца, лишенный естественной окраски (о цвете лица)’; *восковой* ‘бледно-желтый, мертвенно-бледный (о цвете кожи)’; *зеленый* ‘бледный, с землистым оттенком (о лице)’; *серый* ‘бледный с оттенком такого цвета (о лице)’. Как и в глагольных семемах, в прилагательных широко представлена ЛС ‘глаза’: *влажный, выразительный, въедливый, огненный, огневой, сияющий, туманный, тусклый* и др. Разнообразны и многочисленны прилагательные, содержащие ЛС ‘волосы’: *белокурый, белобрысый, взлохмаченный, взъерошенный, ершистый, гладкий, льняной, смоляной*. Наряду с этим, получают номинацию разные свойства голоса человека, поэтому ряд прилагательных этой референтно-ограниченной группы содержит ЛС ‘голос’: *бархатный, вибрирующий, гибкий, густой, горловой, грубый, громогласный, петушиный, плачущий, сдавленный, трескучий*.

ЛС ‘чувства’, ‘мысли’

Гнетущий ‘тягостный, удручающий (о чувствах, мыслях)’; *бессильный* ‘лишенный возможности удовлетворения (о чувствах)’; *глубокий* ‘очень сильный, достигший значительной степени (о чувстве, состоянии)’; *бледный* ‘неотчетливый, смутный (о воспоминаниях, впечатлениях)’; *гениальный* ‘чрезвычайно удачный (о мыслях, планах)’. Ряд прилагательных включает ЛС, отражающую состояние человека: *безвыходный* ‘не представляющий или не имеющий выхода (о положении, состоянии)’; *сентиментальный* ‘чувствительно разнеженный, растроганный (о настроении, состоянии)’; *флегматический* ‘характеризующийся... слабым проявлением эмоциональных переживаний (о нервной организации, темпераменте)’;

тупой ‘с притупленным восприятием окружающего (о состоянии человека)’; *сложный* ‘сочетающий в себе разнообразные, часто противоречивые стороны, черты (о душевном мире, чувствах человека)’ и под.

В класс *человек* мы сочли возможным включить прилагательные с ЛС, обозначающими характерологические особенности личности и ее поведения, так как эти свойства позволяют создать портрет того или иного лица. Отражение в системе ЛС некоторых характерологических особенностей свидетельствует об их социальной значимости. Так, судя по материалам, важными оказываются представления о походке (*грузный*), о дыхании (*глубокий*). Но главную информацию о человеке мы получаем, когда слышим его речь или видим написанное им, поэтому, вероятно, в русском языке широко представлены прилагательные, в которых лимитирующая семантика отражает разные аспекты устной или письменной речи: *авторитетный* ‘не допускающий возражений, властный (о тоне, жесте)’; *докторальный* ‘педантически наставительный, поучающий, не допускающий возражений (о тоне, манере говорить)’; *каллиграфический* ‘красивый и четкий (о почерке)’; *размашистый* ‘широкий, свободный (о почерке)’; *высокопарный* ‘отличающийся высоким слогом (о речи, стиле)’; *гладкий* ‘текущий легко, без затруднений, без нарушений норм (о речи, повествовании)’; *бледный* ‘невзрачный, лишенный яркости (о языке, стиле)’; *витиеватый* ‘лишенный простоты, напыщенный, цветистый (о речи)’; *членораздельный* ‘отчетливый, внятный (о речи)’; *смачный* ‘выразительный, яркий (о речи)’.

Класс второй. Живая природа

ЛС 'животные'

Домашний 'живущий при доме, не дикий (о животных, птицах)'; *дикий* 'не прирученный, живущий на воле в отличие от домашнего (о животных и птицах)' – как видно, одна и та же альтернативная ЛС входит в семемы прилагательных, связанных антонимическими отношениями. Это типичная картина для имен прилагательных, так как многие парадигмы атрибутивных слов строятся на основе антонимических пар [Убийко 1988; Шипицына 1979]. Вообще следует отметить, что ЛС 'животные' входит в семемы прилагательных, связанных парадигматическими отношениями. Например, эта ЛС присутствует во многих прилагательных, называющих особенности внешнего вида: *вислоухий, вислозадый, горбоносый, голоногий, разномастный* (о животных), *красноперый* (о рыбе), *желторотый* (о птенцах); или особенности поведения животных: *бешеный, блудливый, дрессированный* (о животных), *певчий, перелетный* (о птицах) и др. В целом эта группа ЛС отмечена теми же специфическими чертами, что и аналогичная группа ЛС в семемах глаголов. Так, среди специализированных ЛС выделяются ЛС «домашние животные», но нет ЛС «дикие животные»: *гуртовой* (обычно о скоте); *чистокровный; чистопородный* (о домашних животных) и под. Среди прилагательных, связанных ЛС 'домашние животные', выделяется группа лексем, обозначающих состояние самок животных, связанных с рождением потомства: *жеребая* 'беременная (о кобыле, ослице, верблюдице)'; *супоросая, супоросная* 'беременная (о свинье)'; *яловая* 'бесплодная, неоплодотворенная (о самках сельскохозяйственных животных)'.

Самыми частотными и в прилагательных оказываются специализированные ЛС 'собака' и 'лошадь': *борзой, брыластый, гончий, гу-*

стопсовый (о собаке) и др.; *взмывленный, вспененный, выездной, горячий, долгогривый, седловатый* (о лошади) и др. Как известно, существует обширный ряд прилагательных, называющих масти лошадей (*буланый, бурый, вороной, гнедой* и пр.), но они не входят в круг анализируемых нами явлений, так как обладают связанным значением, т. е. в этом случае мы должны говорить о связанности грамматического слова, но не о наличии денотативно-ограничительного компонента в структуре семемы. В. В. Виноградов отмечал, что прилагательные со значением цвета «имели очень конкретное значение. Эта большая конкретность значений древнего имени прилагательного и в связи с этим меньший объем его смысловых связей с именами существительными ярко выступают в обозначениях лошадиных, отчасти собачьих мастей. Соответствующие обозначения, в значительной своей части восходящие к тюркским заимствованиям, вследствие исключительности своего применения имеют до сих пор сильный привкус предметности. *Вороной, буланый, гнедой, каурый, мухортый, пегий, саврасый, соловый, чалый, чубарый* (выделено автором – О. М.) – употребляются непосредственно как клички лошадей» [Виноградов 1972: 153].

ЛС 'растение'

Прилагательные, имеющие в семантике ЛС 'фитонимы', характеризуют растения по двум направлениям: во-первых, образ жизни и биологические особенности, знание которых помогает улучшить использование растений в жизни человека: *болезнестойчивый* 'маловосприимчивый или невосприимчивый к болезням (о растениях)'; *водолюбивый* 'растущий преимущественно в сырых местах (о растениях)'; *выносливый* 'способный переносить неблагоприятные внешние условия (о растениях)'; *засухоустойчивый* 'переносящий, вы-

держивающий засуху (о растениях)'; *морозостойкий, морозоустойчивый* 'способный противостоять морозам (о растениях)' и под., во-вторых, свойства растений, благодаря которым последние вошли в культуру человека: *эфирномасличный, бальзамический, сахароносный, плодоносный* (о растениях)'; *грызовой* 'годный для того, чтобы грызть (о сорте подсолнечника)'; *гонкий* 'быстро растущий (о деревьях, лесе)'; *кондовый* 'с плотной, прочной древесиной и с малым количеством сучков (о хвойных деревьях)'; *тучный* 'сочный и густой (о траве)'; *махровый* 'с большим количеством лепестков (о цветке)'; в-третьих, качественные признаки растений (часто – в большей или меньшей степени отрицательные для человека): *плакучий* 'имеющий длинные, свисающие ветви (о деревьях и кустарниках)'; *вялый* 'потерявший свежесть, увядший (о растениях)'; *лохматый* 'густой, с неровно торчащими ветвями, листьями (о растениях)'; *дремучий* 'густой, труднопроходимый, старый (о лесе)'; *зеленый* 'недозрелый, неспелый (о плодах, злаках)'.

Класс третий. Неживая природа

В полном соответствии с классом глаголов в этом классе имен прилагательных выделяются два референтно-ограниченных подкласса – *натурфакты* и *артефакты*. Первый подкласс представлен также шестью референтно-ограниченными группами, но каждая из них весьма малочисленна.

Натурфакты

ЛС 'небо, небесные светила'

Глубокий 'уходящий в высоту, не имеющий видимого предела (о небе)'; *безоблачный* 'не закрытый облаками, ясный (обычно о небе)'; *беззвездный* 'не имеющий видимых звезд (обычно

о ночном небе, ночи); *хмурый* ‘пасмурный, сумрачный (о небе)’; *жаркий* ‘источающий сильный жар, палящий (о солнце, огне)’.

ЛС ‘явления природы’

Ведреный ‘ясный, солнечный, сухой (о погоде)’; *вешний* ‘весенний (о погоде)’; *гнилой* ‘сырой, дождливый, туманный (о погоде, климате)’; *теплый* ‘с повышенной температурой воздуха, без холодов (о погоде, времени года)’; *теплый* ‘с высокой среднегодовой температурой воздуха (о климате)’; *мягкий* ‘теплый, не суровый (о погоде, климате)’; *свежий* ‘сильный (о ветре)’; *спертый* ‘душный, несвежий, тяжелый (о воздухе)’; *мутный* ‘белесый (об облаках, тумане)’; *тонкий* ‘не густой, прозрачный (о тумане, дыме)’.

ЛС ‘участки земной поверхности’

Денотативная отнесенность таких существительных, выражающих ЛС в семемах прилагательных, более ограничена, чем в аналогичной группе глаголов. Здесь меньше представлены имена «ландшафтной» группы, но больше существительные, обозначающие локус на земной поверхности: *гористый* ‘покрытый горами, холмистый, возвышенный (о местности)’; *привольный* ‘широко, свободно раскинувшийся (о какой-л. местности, пространстве)’; *колеистый* ‘с глубокими колеями (о дороге)’; *возвратный* ‘ведущий назад, обратно (о пути)’; кроме того, встречаются названия небольших водоемов: *быстротекущий* ‘с быстрым течением (о реке)’; *говорливый* ‘безумолчно журчащий (о ручье)’; а также ЛС ‘земля’, ‘почва’: *тучный* ‘плодородный (о земле)’; *бесплодный* ‘неплодородный (о почве)’; *плодородный* ‘способный производить и питать богатую растительность, дающий хороший урожай (о почве)’.

ЛС 'жидкость'

Семемы прилагательных этой референтно-ограниченной группы содержат в большинстве случаев специализированную ЛС 'вода': *бегучий* 'быстро и непрерывно движущийся (о воде)'; *высокий* 'имеющий уровень выше обычного (о воде)'; *гнилой* 'испорченный, несвежий, затхлый (о воде)'; *прибылой* 'поднявшийся от прилива, дождей, таяния снега (о воде)'; значительно реже – обобщенную ЛС 'жидкость': *мутный* 'непрозрачный, нечистый (о какой-л. жидкости)'; *сливной* 'слитый из разных сосудов в один (о жидкости)';

ЛС 'физические явления'

Указанная ЛС в семемах прилагательных представлена специализированными ЛС конкретного характера 'звук', 'свет', 'огонь', 'запах', которые, в отличие от аналогичных ЛС в глагольных семемах, не сосуществуют как варианты альтернативных ЛС. Отождествляя данные физические явления по динамическим признакам, русское языковое сознание разводит их по качественным характеристикам: *сладкий* 'очень сильный и приторный (о запахе)'; *тяжелый* 'неприятный для обоняния (о запахе)'; *тухлый* 'свойственный гниющему, истлевающему предмету (о запахе)'; *тусклый* 'неяркий, слабый (о свете)'; *мутный* 'неясный (о свете)'; *белый* 'ясный, светлый (о времени суток, о свете)'; *холодный* 'не излучающий тепла (о свете)'; *языкастый* 'имеющий вид, форму языка (об огне, пламени)'; *высокий* 'тонкий, вызываемый колебаниями большой частоты (о звуках)'; *глухой* 'не звонкий, приглушенный, неясный (о звуках, обычно низких)'; *далекый* 'доносящийся издали (о звуках)'; *хрустальный* 'чистый, звонкий, как у хрусталя (о звуках)'; *хриплый* 'сиплый, нечистого тона, сопровождаемый шумами (о звуках)'. Однако ЛС 'звук' во многих случаях является одним из вариантов альтернативной ЛС,

наряду с вариантом 'голос': *толстый* 'низкий, густой (о голосе, звуках)'; *сдавленный* 'приглушенный, сдержанный (о голосе, звуках)'; *плачущий* 'такой, какой бывает при плаче (о звуках, голосе)'; *густой* 'полнозвучный, низкий (о звуке, голосе)'; *вибрирующий* 'звучащий прерывисто, неровно (о звуках, голосе)'; *бархатный* 'приятный, мягкий (о голосе, звуке)'. Вообще следует заметить, что в семемах прилагательных самой частотной является специализированная ЛС 'звук'

ЛС 'время'

Судя по материалам, картина времени, зафиксированная системой ЛС в именах прилагательных, не имеет когнитивных различий с аналогичной системой в глаголах, т. е. в прилагательных также характеризуется время-событие: *горячий* 'требующий сосредоточения всех сил (о времени)'; *глубокий* 'очень давний, очень отдаленный (о времени)'; *неурочный* 'неподходящий, необычный (о времени)'; *черный* 'связанный с трудностями, невзгодами (о времени)'. Отрезки времени представлены весьма незначительно, преимущественно это ночь: *безлунный* 'не освещаемый луной, лунным светом (обычно о ночи)'; *беззвездный* 'с невидимыми звездами (о ночи, ночном небе)'; *беспросветный* 'совершенно темный (о ночи, мгле)'. Семантика этих прилагательных, как и во многих других случаях, фиксирует аномальные, ненормативные явления.

Артефакты

Прилагательные данного референтно-ограниченного подкласса весьма разнообразны по содержанию ЛС. В целом можно говорить о совпадении ЛС, представленных артефактонами, в семемах прилагательных и глаголов, но в количественном отношении соответ-

ствующий референтно-ограниченный подкласс прилагательных значительно меньше, поэтому дадим выборочный список всего подкласса: *драхлый* ‘давно сделанный, утративший от времени свои качества (о вещах, предметах)’; *беспилотный* ‘управляемый автоматически, без участия пилота (о летательных аппаратах)’; *вертлявый* ‘неустойчивый (о лодке)’; *дисковый* ‘имеющий рабочую часть в виде диска с зубчатыми или заостренными краями (о машинах, механизмах)’; *слабосильный* ‘имеющий небольшую мощность (о машинах, механизмах)’; *душный* ‘со спертым, несвежим воздухом (о помещении)’; *жаркий* ‘сильно нагретый, натопленный (о помещении)’; *духовой* ‘действующий посредством вдувания струи воздуха (о музыкальных инструментах)’; *двухрядный* ‘с двумя рядами клавишей (о гармонии)’; *хромой* ‘со сломанной, шатающейся или более короткой, чем другие, ножкой (о мебели)’; *каленный* ‘обработанный калением, закаленный (о металлических изделиях)’; *дешевый* ‘низкий (о цене)’; *возвратный* ‘подлежащий возврату (о денежных средствах)’; *аскетичный* ‘строгий и скупой (о живописи, рисунке)’; *бравурный* ‘оживленный, выражающий бодрость и отвагу (о музыке)’; *песенный* ‘связанный с песней, использующий ее особенности (о литературных и музыкальных произведениях)’; *грациозный* ‘отличающийся изяществом формы (о художественном произведении)’; *двухактный* ‘состоящий из двух актов (о пьесе)’.

Разнообразнее других артефактонимов в функции ДОФТ представлены названия одежды и продуктов питания. Например, ЛС ‘одежда’ входит в семемы таких прилагательных: *влитой* ‘хорошо, плотно облегающий (об одежде)’; *вечерний* ‘предназначенный для вечеров, для театра (об одежде)’; *длиннополый* ‘с длинными полами (об одежде)’; *двубортный* ‘имеющий два борта с пуговицами и петлями на каждом (об одежде)’; *нарядный* ‘красивый, празднич-

ный (об одежде)'; *мешковатый* 'слишком широкий, похожий на мешок (об одежде)'; *откровенный* 'слишком обнажающий, открывающий тело (об одежде)'; *распашной* 'носимый без застежек, с запахивающимися лапами (об одежде)'; *дырявый* 'изношенный до дыр, рваный (об одежде, обуви)'; *смазной* 'смазываемый дегтем (о коже, сапогах)'; *домашний* 'предназначенный для ношения дома (о платье, обуви)'; *гладкий* 'простого покроя, без украшений (о платье)'; *глухой* 'наглухо застегнутый, закрытый (о воротнике, платье)'; *безразмерный* 'обладающий большой растяжимостью и приобретающий нужный размер при натягивании (обычно о трикотажных изделиях)'. ЛС 'пища' присутствует в прилагательных: *вареный* 'приготовленный посредством варки (о пище)'; *духовой* 'приготовленный в плотно закрытом сосуде на пару (о кушаньях)'; *горячий* 'горячая пища (обычно о жидкой пище)'; *сдобный* 'приготовленный на молоке, масле, яйцах (о тесте и изделиях из него)'; *сладкий* 'приготовленный с сахаром (о кушаньях)'; *слоеный* 'приготовленный особым образом и расслаивающийся на тонкие слои после выпечки (о тесте)'.

Результаты анализа показали, что типология ЛС в именах прилагательных полностью накладывается на типологию ЛС в семемах глаголов.

Таким образом, системно-отражательный подход к ЛС и содержащим их признаковым именам дал возможность выделить референтно-отражательные группы глаголов и прилагательных, ограниченных предметной (субъектной или объектной) семой. Лексические единицы, составляющие эти группы, суть единицы, которые допускают не только лингвоцентрическую, но и антропоцентрическую интерпретацию, так как существенные свойства языковых наименований отображают сущностные свойства внеязыковых реалий. Отсюда

следует, что значения глаголов и прилагательных, имеющих ЛС, принимают на себя функцию языкового представления некоторого фрагмента действительности, которая в целом оказывается своеобразно расчлененной разными национальными языками. Соотношение между некоторым участком мира и его языковым представлением можно определить как языковую ментальность.

Переходя от лингвоцентрического описания, когда мы характеризовали язык как системно-структурное образование и типологизировали его, на позиции антропоцентрической методологии, описывающей язык с учетом его присущности человеку, мы можем выйти за пределы языка и обнаружить те знания, которые национальный язык транслирует и навязывает каждому отдельному члену этнического сообщества. Родной язык и прежде всего его лексика – это самый мощный источник знаний человека [Корнилов 2003; Петрухина 2003; Попова, Стернин 2003; Шмелев 2002]. Узнавая и постигая родной язык, индивид приобретает определенные приемы думания, обозначения «отдельностей» окружающего мира; другими словами, язык сообщает сознанию отдельного человека черты изоморфности по отношению к сознанию его соплеменников. Этот факт дает основания реконструировать по данным языка картину мира, отраженную в сознании определенного этноса.

Полный анализ всего лексикона под обозначенным углом зрения теоретически дает возможность создать языковую модель мира. Эта модель, по признанию ученых, национально своеобразна, так как системная семантика единиц языка коррелирует со структурой мышления и способом познания внешнего мира у того или иного народа. Картина мира наследуется от предшествующих поколений и непременно меняется в процессе общественной практики [Гуревич 1989].

Границы нашего исследования более узки, поскольку мы, во-первых, выделяем лишь часть лексикона – те единицы, в которых наблюдаются определенные семантические ограничения; а во-вторых, опираемся не на понятийную часть лексического значения, а на ту, что связана с представлением, – чувственно-наглядную, эмпирическую часть семемы. Вследствие этого наши выводы являются, с одной стороны, более частными и конкретными, но, с другой стороны, они касаются именно специфической части картины мира, языковой ментальности. Это утверждение базируется на следующих положениях: детерминантами языковой ментальности являются социокультурные факторы; ЛС есть результат отражения усредненного представления об объектах действительности; эти представления являют собой базовое знание, то, что относится к базовому опыту носителей данного языка. Другими словами, денотативно-ограничительная часть семемы включает в себя знание, которым владеют все носители языка, то есть ЛС обладают не только лингвистической, но и когнитивной ценностью. Исходя из этого, мы предполагаем, что система ЛС – это система антропологически релевантных знаний, а покрываемое ею семантическое пространство есть слепок наиболее значимого для данного этноса участка наивной картины мира.

Последнее утверждение может вызывать определенные возражения, так как, по мнению многих философов, русская культура, в частности 18-19 веков, была «исключительно подражательной: религия в России являлась целиком византийской, а ее светская культура целиком западно-европейской» [Гройс 1992: 53]. Историки языка [Биржакова, Войнова, Кутина 1972; Долотова 1989; История лексики 1981; Процессы формирования 1966; Сорокин 1965] пишут о процессе европеизации русского языка в 18-19 вв., который проявлялся в интенсивном заимствовании и семантическом

и словообразовательном калькировании, преимущественно с французского. Однако наибольший приток иноязычной лексики наблюдался в общественно-социальной, культурной и научной сферах, тогда как лексемы, содержащие ЛС, охватывают иные области, связанные чаще с бытовой, а не с общественной жизнью. Кроме того, многие лексико-семантические варианты, содержащие ЛС, являются стилистически маркированными, принадлежащими сфере *просторечия*, а, как пишет Л. И. Баранникова, «просторечие... было тем компонентом в составе общенародного языка, который пришел на смену территориальным диалектам прежде всего в городских условиях. На ранних этапах существования национальных языков просторечие, очевидно, выступало как основная форма обиходно-бытового общения» [Баранникова 1974: 7]. Эти факты доказывают, на наш взгляд, что в том участке лексикона, который выявлен по данным ЛС, со всей очевидностью проявляется исконно русское мировосприятие.

Что же представляет собой картина мира по данным лимитирующей семантики? Какие явления действительности (независимо от их природы – реальной, конвенциональной, мифологической и т. п.) составляют этот участок, преобразуя окружающий мир и формируя при этом информационное ядро? Как справедливо заметил Х. -Г. Гадамер, «на языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир... тут – бытие мира есть бытие языковое» [Гадамер 1988: 512].

Языковая картина мира выстраивается не хаотично, а в соответствии со значимостью самих обозначаемых. По наблюдениям ученых-этимологов, создание древних топонимических систем основано на принципе антропоцентризма: для человека «точка отсчета – сам человек, в основе всего – сравнение с человеком» [Матвеев 1986а: 89], т. е. вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего

мира ориентирована на человека. По материалам системы ЛС данный участок наивной картины мира также центруется вокруг человека и проецируется на него, при этом ЛС охватывают и закрепляют в семантике признаков имен далеко не все возможные существующие или мыслимые субстанции, то есть составляющими кусочками (составными частями) становятся только те факты, которые значимы для человека. Следовательно, здесь проявляется, во-первых, антропоцентризм самого языка как особой черты его устройства, во-вторых, принцип антропологической релевантности. Развивая мысль Г. В. Лейбница, который писал, что наличие какого-либо слова в языке «показывает, что данная идея заслуживает быть отмеченной» [Лейбниц 1983: 432], мы можем предположить, что значимость какой-либо идеи для этноса еще более велика, если эта идея воплощается в языке в виде ЛС.

Сознание личности отражает и, упорядочивая, закрепляет в языке окружающий мир и личный мир. «Человек... – пишет О. Розеншток-Хюсси, – находится между двух фронтов пространства, из которых один обращен внутрь, а другой – наружу... Крест реальности окружает нас всегда и везде...» [Розеншток-Хюсси 1994: 57]. Поэтому перспектива наивной картины мира располагается как бы по двум направлениям – личный мир и окружающий мир. При этом зоны окружающего и личного мира соотносительны: внешний мир рассматривается человеком сквозь «прорезь» своего мира. По обоим направлениям картина мира складывается из ярусов, причем каждый вышележащий ярус есть отражение более отдаленного от человеческого бытия участка мира. Наши наблюдения находятся в полном соответствии с тезисом французского археолога и этнографа А. Леруа-Гурана о двух типах восприятия пространства – маршрутном и радиальном [см.: Токарев 1973], при этом радиальная концепция

пространства исторически оказалась более продуктивной. При радиальном (статическом) мировидении, свойственном оседлым земледельцам, каковыми являлись русские и европейцы вообще, человек находится как бы в центре пространства и «строит мир в виде концентрических кругов вокруг своей житницы» [там же: 215]. Таким образом, получается «вполне очеловеченный микрокосм». И поскольку широта обзора прямо пропорциональна расстоянию от воспринимающего, постольку каждый вышележащий ярус охватывает большее «пространство мира». При этом отдельные конкретные детали на более высоком уровне прорисовываются с меньшей четкостью и число этих деталей меньше, то есть взгляд становится более обобщенным, приближаясь к границам неведомого. Такое отражение мира в языке в некотором смысле совпадает с пространственной перспективой при построении повествования [см.: Успенский 1995]. По мнению Б. А. Успенского, в художественном произведении точка зрения автора (позиция повествователя) может быть фиксирована в пространстве, при этом выделяется ряд возможностей такой фиксации: совпадение пространственных позиций повествователя и персонажа, перемещение позиции наблюдателя, его движение по полю описания, всеохватывающий обзор – точка зрения «птичьего полета». Отдаляясь в пространстве от персонажа, автор расширяет свой обзор, отказываясь от дробного описания и переходя к суммарному описанию всей сцены. [Успенский 1995: 81–89]. Наибольшая удаленность позиции наблюдателя представляет собой «немую сцену», при которой невозможно услышать голоса действующих лиц, но можно их наблюдать [там же: 90]. Эти позиции автора в произведении совпадают с позицией языковой личности по отношению к ярусам реконструированной нами модели мира. Таким образом, отражение картины мира в языке подчиняется тем же законам, что и описание пространства

в художественном произведении, а это, на наш взгляд, подтверждает объективность сделанных выводов.

В философской литературе также высказывается мысль, идущая еще от Ф. Бэкона, о «троеначалии» жизни: все вокруг группируется в «три большие категории, три космоса – мир Вселенной, мир общества и индивидуальный мир. Человек способен как бы вживаться в образ каждого из этих миров, отождествляться с ним и смотреть на все «его глазами»» [Никитин 1991: 10; см. также: Прохвачева 1996]. Человек вживается в один из миров, но в норме существует сразу в трех.

Итак, центром наивной картины мира является сам человек и его демографический паспорт. Антропоцентричность как главное свойство языка детерминирует появление многочисленных и разнообразных характеристик лица: физических и физиологических свойств, эмоциональных состояний, образа мыслей, взглядов, способа мышления, склонностей, вкусов, черт характера, привычек, знаний, умений, навыков, совершаемых действий, поступков, поведения, функций, занятий, участия в чем-либо, положения в различных социальных сферах, разнообразных связей, отнесенностей, отношений и т. п. [см., например: Белоусова 1989; Путягин 1975]. Однако не все указанные признаки находят отражение в системе ЛС, а лишь те из них, которые являются наиболее значимыми для наивного языкового сознания: биографические характеристики (признаки возраста, пола), а также профессия, социальное положение лица.

В ближайшей перспективе – на первом ярусе картины мира – располагаются представления о человеке как индивиде, биологическом существе, поэтому здесь находится номенклатура частей тела и органов человека. В направлении окружающего мира ближайшим участком оказывается дом человека и его быт. В полном соответствии

с теорией композиции Б. А. Успенского это наиболее конкретизированная и проработанная в языке сфера, охватывающая все то, что составляет «периметр безопасности» (А. Леруа-Гуран) и обеспечивает жизнедеятельность людей: продукты питания, одежда, обувь, орудия труда, животные, преимущественно домашние, растения. И представленные здесь денотаты получают обозначения с помощью видовых понятий: *волосы, голова, сердце, кровь и румянец, варенье, коса, листья, лошадь, собака* и пр.

Второй ярус (или, через круговую схему, концентрический круг) – это личность и общество. «Социальное тело» человека есть нечто отличное от его «зоологического тела» [Токарев 1973: 201]. Поэтому представления о себе как социальном субъекте включают информацию о семейно-родственных или дружеских отношениях (*муж, жена, супруги, друзья, гости, соседи*), о некоторых профессиях, которые имеют специфические черты (*писатель, актер, альпинист, священнослужитель, летчик*), а также о социальных статусах человека, чаще уже отсутствующих в современном социуме, но сохраняющихся в языке, который является хранителем коллективного опыта (*раб, крепостной, помещик, вольноотпущенный*). Кроме того, важным для наивных представлений о себе оказывается и фактор дееспособности человека. Так как язык фиксирует прежде всего отклонения от нормы, то в картине мира имеется ячейка с наименованиями недееспособного лица (или лица с ограниченной дееспособностью) – *больной, спящий, пьяный, утопленник*.

Осмысляя себя как личность, человек обращает свой взгляд на общество, выделяя в нем явления, значимые для него. Так, на втором ярусе по направлению окружающего мира располагаются административно-территориальные объекты (*город, страна*), а также объекты транспортных средств, материальных ценностей (*деньги, докумен-*

ты, оружие, музыкальные инструменты) и культурных ценностей (произведения искусства и литературы). Ценность перечисленных объектов для человека подтверждается исследованиями этнографов и антропологов. В частности, А. Леруа-Гуран в своем капитальном труде – двухтомнике «Жест и слово» – доказывает, что город «оказывается в центре мира», а транспорт служит «синтезом сил» в развитии материальной культуры и является средством выражения «городского времени» как символа социальной системы. По мере развития общества наблюдается иерархическое господство «мира символов» (социальных, эстетических) над «миром техники» [цит. по: Токарев 1973], поэтому, вероятно, в исследуемой нами системе имеются лексемы, обозначающие материальные и культурные ценности.

Как мы уже отмечали, удаляясь от человека, картина становится менее детализированной, поэтому на втором уровне объекты представлены, главным образом, родовыми, обобщенными наименованиями. Например, *транспорт, транспортные средства* – в большинстве случаев, а конкретизированы, как мы уже отмечали, и в глаголах, и в прилагательных лишь «иносферные» для землянина в плане передвижения *самолет и судно*.

И, наконец, на третьем ярусе картины мира человек осмысляет себя как высшее существо, способное мыслить, говорить и испытывать высшие эмоции – *homo sapiens et loquens*. При этом эмоциональный и интеллектуальный мир человека, по данным языка, соотносится с миром природы как самостоятельный и самодовлеющий, неподвластный личности. Неслучайно поэтому признаковые имена в прямом значении имеют ЛС из группы ‘природа’ (*жидкость, свет, звук, огонь*), а в переносных значениях приобретают ЛС ‘чувства’, ‘мысли’. В окружающем мире человек познает

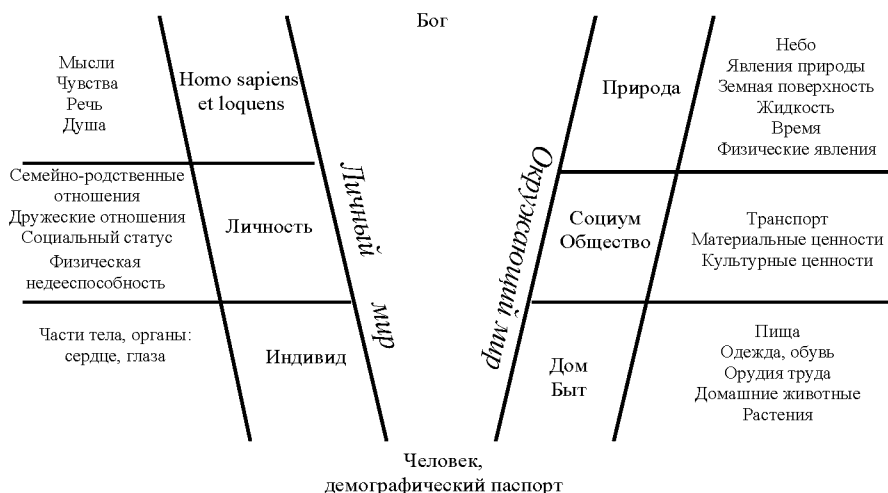
природу во всем ее многообразии, поэтому запечатленная в языке наивная картина мира также разнообразна.

Отдаленность этого концентрического круга от «наблюдателя» объясняет тот факт, что в роли ЛС выступают только имена с обобщенной семантикой *мысли, чувства*, хотя вообще в языке отражается детализированная система эмоций. То же наблюдается при обозначении натурфактов, в частности, используется только существительное *жидкость*, несмотря на большое разнообразие видов жидкости. При обозначении осадков и других явлений природы встречаются только обобщающие имена *дождь, снег, лед, облака*, однако работы диалектологов и этимологов свидетельствуют, что в говорах широко разработана метеорологическая терминология (это подтверждается и данными словаря В. И. Даля). Так, например, в говорах встречаются специальные обозначения для ‘молодого тонкого синего льда в пору ледостава’ (*выстега*), ‘мелкой снежной пыли’ (*ворозь*), ‘снега, давшего осадку’ (*ворза*) и др. [см.: Горячева 1986].

Венчает наивную картину мира *Бог*, объединяющий обе ее ветви. Мы позволили себе такой вывод, исходя, во-первых, из априорной системы ценностей русской национальной личности: одной из обязательных составляющих этой системы признается религиозность и православие, а доминирующими концептами русского менталитета является «общинность, соборность, православная вера» [Воробьев 1997: 173]. Во-вторых, слова, содержащие ЛС ‘бог’ даже своей морфемной структурой указывают на высший уровень: *всевидающий, всевышний, всемогущий, всемилостивый*. Здесь следует обратить внимание на известный субъективизм составителей словарей и отразившуюся в лексикографии языковую политику. В МАС зафиксирована ЛС ‘бог’ лишь при семантизации глагола *сподобиться*, тогда как в семемах вышеназванных прилагательных она отсутствует, но за-

то справедливо восстанавливается в ССРЛЯ, изданном в более демократичное время.

Наивная картина мира по данным системы ЛС

Таким образом, наивная картина мира, реконструируемая по данным системы ЛС, – это «очеловеченная» модель, так как она отражает значимые для человека явления и представляет собой иерархию релевантности этих явлений. Предложенная модель наивной картины мира, по всей вероятности, универсальна (или, во всяком случае, является общеевропейской), отражает общечеловеческие представления, так как в ее основе лежит «человек в языке. Вместе с тем, наполнение этой модели, безусловно, обнаруживает лингвокультурное своеобразие каждого этноса. Еще Л. В. Щерба писал: «Мир, который дан нам в нашем непосредственном опыте, оставаясь всегда одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие известное единство с точки зрения культуры» [Щерба 1974: 69. См. об этом также: Национально-культурная специфика 1977, 1982; Степанов 2001]. Если мы вправе

говорить о национально-культурном колорите языка, то искать его следует прежде всего в лексике, особенно в тех ее сферах, которые прямо или опосредованно связаны с социально-этническими и национально-культурными особенностями среды обитания и жизни носителей языка. А. Леруа-Гуран справедливо высказал весьма важную и плодотворную идею о том, что «человеческая культура не растекается как жидкость по ровной горизонтальной поверхности, напротив, она концентрируется в каких-то человеческих группах» [цит. по: Токарев 1973: 230], т. е. именно этнос рассматривается как зона концентрации культурных признаков.

О национальных особенностях выделенной модели можно говорить уже потому, что в ней представлены такие группы слов, которые всегда были в центре интересов русских и зарубежных этнолингвистов: отношения родства, номенклатура одежды и обуви, частей тела, предметов быта, продуктов питания, растений.

Еще в большей степени можно говорить о национальной специфике, если обратиться к отдельным лексическим единицам, наполняющим группы. Как справедливо заметил Г. Д. Томахин, «фактически любое слово, являясь частью лексико-семантической системы языка, обслуживающей данную культуру, национально окрашено, и трудно провести границу между его общечеловеческим и национально-культурным компонентами значения» [Томахин 1988: 83].

Если обратить внимание на имена существительные, выполняющие функцию ДОФТ в признаковых именах и очерчивающие денотативное пространство последних, то заметно, что они не просто укладываются в языковую модель наивной картины мира, но, по нашим наблюдениям, отражают своеобразие русского быта и русского менталитета, совмещают знаковое и культурное значение, то есть в абсолютном большинстве являются лингвокультурами. По опре-

делению В. В. Воробьева, лингвокультурамы – это комплексные единицы, совмещающие в себе «сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком» [Воробьев 1997: 44]. В лингвокультурах диалектически взаимодействует лингвистическое и экстралингвистическое содержание. В работах по лингвострановедению выделены группы безэквивалентной и фоновой лексики, которая отражает характерные черты национальной культуры [Брагина 1986; Верещагин, Костомаров 1983; Воробьев 1997; Русское слово 1987]. В словаре ЛОРЯ составители выделили подраздел «Лексико-методические группы страноведческого типа», единицы которого нуждаются в страноведческом комментировании, так как их семантика «несет на себе печать своеобразия русской и советской культуры», а адекватная семантизация этих слов «невозможна без приведения сведений, ассоциируемых с денотатами этих лексических единиц в языковом сознании русских» [ЛОРЯ: 33]. Таким образом, мы имеем достаточно полный список лингвокультурем. Сопоставление единиц, заполняющих ячейки выделенного нами фрагмента языковой картины мира, с этим списком, позволяют говорить об их лингвокультурологической значимости.

Как известно, различаются предметы материальной и духовной культур. К области материальной культуры в нашем лексическом массиве относятся лингвокультурамы, в значении которых отражается быт (1-й ярус модели). Например, встречаются слова, обозначающие реалии – символы русского быта: *гармонь*, *колокол* / *колокольчик*, *изба*, разделенная на две части капитальной стеной, *печь*, *дымоход*. Так, изба – это исконно русский сельский жилой дом, равно как и печь – обязательная принадлежность русской избы. Печь появилась на Руси как оригинальный тип очага. Несмотря на то что первая ручная гар-

монь была изобретена немцем Бушманом, этот инструмент стал поистине русским, а отечественные мастера создали много разновидностей гармошки: тульская, саратовская, «черепашка», петербургская, бологоевская, белобородовская, вятская, ливенка, русянка, сибирская, хромка. Колокол – неременный атрибут православной церкви. О его особом значении для русского народа свидетельствует множество пословиц, загадок. Так, в словаре В. Даля указаны: *Пришло счастье, хоть в колокола звони; Бездушен колокол, а благовестит во славу Господню; Звони поп в колокола, чтоб попадья не спала; Дан попу колокол, хоть звони, хоть об угол колоти; Язык есть, речей нет, вести подает* [СД, т.2: 353]. Эти и подобные им слова исследователи относят к фоновой лексике [Верещагин, Костомаров 1983]. Обычно эти слова в функции ДОФТ в толковании признаков имен встречаются лишь в 1–2 семемах (*пятистенный* – об избе; *вызвонить, вызвониться, прозвонить, перезванивать* – о колоколе; *двухрядный* – о гармонии; *гореть, топиться* – о печи; *тянуть* – о дымоходе), но тем ярче выступает их культурологическая специфика.

Лингвокультурами являются единицы из группы пища, продукты питания, ибо «русская кухня вполне была национальна, то есть основывалась на обычае, а не на искусстве» [Костомаров 1993]. Этнические особенности русской культуры обнаруживаются в присутствии таких слов, как *тесто, изделия из теста* (сдобный, взойти), *поджаристая корочка пирога* (румяный), *капуста* (шинковать), *топленое молоко* (румяный). В связи с тем, что в нашей стране с глубокой древности возделываются рожь, пшеница, овес, ячмень, русский народ давно овладел техникой изготовления теста, муки и тайнами выпечки изделий. И в питании русских людей большую роль играли и играют изделия из дрожжевого теста. С незапамятных времен используется

в русской кухне капуста (в «Домострое» XVI в. ей отводится одно из основных мест).

Нашла отражение в наивной картине мира и лингвокультурема *спиртные напитки* (перепить), которая много значила (и значит) для русского человека: «Русский народ издавна славился любовью к попойкам. Еще Владимир сказал многозначительное выражение: «Руси веселие пити: не можем без этого быти!» Русские придавали пьянству какое-то героическое значение» [Костомаров 1993: 149–150]. Интересно, что лексическая единица *спиртные напитки* проявляет свою национальную специфику в функции именно ДОФТ, а не собственно номинативной единицы, так как соответствующая ЛС ‘спиртные напитки’ входит в семему глагола *перепить*. Точно так же мы можем говорить о лингвокультурологической значимости родовых наименований этой группы – *пища*, *кушанья*, которая с особой очевидностью проявляется, так как прилагательные, содержащие такие ЛС, называют национальные способы приготовления блюд – *вареный*, *духовой*. Дело в том, что особенности русской печи определили приемы тепловой обработки продуктов – варение, тушение, запекание.

Лексические единицы из группы ‘растения’ пересекаются с группой ‘пища, продукты питания’, поскольку отражение в языке нашли растения, преимущественно используемые человеком в пищу (*хлеб*, *стебли хлебных злаков*), либо просто в хозяйственной деятельности (*лен*, *пенька*, *сено*). Можно предположить, что для русских людей они имели определенную значимость, коль скоро они нашли отражение в системе первичных представлений и зафиксированы в ядерной части наивной картины мира. Следовательно, о них можно говорить как о лингвокультуремах.

В языковой картине мира, отражающей наивные представления, зафиксирована особая для русского человека роль лошади и собаки.

Основанием для такого утверждения служит количество признаков имен, ориентированных на эти денотативные сферы. А. Леруа-Гуран во многих работах настойчиво проводит в качестве одной из главных такую идею: тенденция к одомашнению животных и к разведению культурных растений проявляется везде, где к этому имеются условия, но конкретные формы domestikации и виды домашних животных, равно как и виды культурных растений, – разные [см.: Токарев 1973].

Все лингвокультураны, располагающиеся в этой ячейке языковой картины мира, являются составляющими идеографического поля, образуемого национально-культурным концептом «дом», который может служить основой для изучения ментальности народа. Г. Д. Гачев, изучая национальные образы мира, ставит в центр особенностей этноса дом, ибо «человек творит дом, как Бог мир – по своему образу и подобию ...дом строится как схема того, что человек видит вокруг, так что по дому можно изучать воззрение народа на мир – как он его понимает» [Гачев 1995: 38].

Не менее интересной с точки зрения лингвокультурологии оказывается другая ячейка низшего яруса наивно-языковой картины мира, где сосредоточены представления человека о себе как индивиде. Здесь мы находим подтверждение той, на первый взгляд парадоксальной, мысли, что язык отражает уникальность человека не только через интеллектуальные или духовные качества последнего, но и через особенности его строения и функции частей его тела: «Тело человека – вот что первое всего называем мы человеком» [Флоренский 1993]. А. Д. Шмелев говорит о телесном строении человека как главной черте, отличающей его от животного мира, что проявляется в особенностях употребления слова *тело*, а также слов, обозначаю-

щих части тела и внутренние органы, применительно к животным [см.: Булыгина, Шмелев 1997: 523–524].

В этом фрагменте наивно-языковой картины мира представлены не только лингвокультураны, но и концепты – *сердце*, *душа*. Неоднократно отмечалось, что душа и сердце воспринимаются как некотороеместилище внутренних состояний, как средоточие всей духовной жизни человека. Хотя сердцу отводится центральная роль во многих языках, но все же не во всех. Так, например, в языке ифалук внутренняя жизнь связывается с кишками [см.: Wierzbicka 1992], а в языке догон подобную роль играет печень [см.: Плунгян 1991]. Что касается души, то, несмотря на то что такое понятие существует и в других культурах, для русского сознания и русской культуры оно является особенно значимым. А. Д. Шмелев в доказательство этого положения приводит такие факты: «Говоря о настроении человека, мы используем предложно-падежную форму *на душе* (здесь и далее выделено автором – О. М.)... при изложении чьих-то тайных мыслей употребляется форма *в душе*... Если бы мы говорили по-английски, упоминание души в указанных случаях было бы неуместно. Не случайно мы иногда используем выражение *русская душа*... но никогда не говорим «об английской душе» или «французской душе»» [Булыгина, Шмелев 1997: 488; Шмелев 2002].

На втором ярусе языковой картины мира закодированы предметы материальной культуры (транспорт, деньги) и духовной культуры (художественные произведения), следовательно, и здесь мы должны говорить о лингвокультуранах, в значениях которых заложена их социальная значимость на экстралингвистическом уровне. Так, лингвокультурана *деньги* имеет богатое аксиологическое содержание, которое эксплицируется во множестве русских пословиц и поговорок. Квинтэссенцией этого представления о силе денег можно назвать по-

словицу «денежка маленька, да имя велико», которую приводит В. В. Воробьев [1997: 126].

Лексические единицы, составляющие группу с общим значением «родство», бесспорно считаются лингвокультурами, так как в них выражаются не только различные виды семейных отношений, но и определенная система социально-психологических установок. В России «мир испокон века держится родством» [Муравьев 1991: 224], поэтому все единицы этой группы обладают сильным культурологическим потенциалом. Столь же национально своеобразны лексические единицы, называющие различное социальное положение лица, так как в них отражается история русского народа, в частности эпоха крепостного права. Примечательно, что субстантивированные прилагательные *пьяный*, *спящий* (*сонный*) с расширительным значением 'беспомощный' широко употреблялись в русских народных сказках [Кузнецова 1996; Хроленко 1991]. Эти слова, приобретая указанное значение, выполняли, по наблюдениям исследователей, функцию индикатора «положительных или отрицательных моральных качеств персонажей сказок» [Кузнецова 1996: 85]. Кроме того, лексема *пьяный* в фольклоре не имела отрицательных коннотаций.

И, наконец, третий ярус языковой картины мира, наиболее удаленный от человека, но вместе с тем, несомненно, играющий очень важную роль в его жизни. Из числа наименований явлений природы в наивно-языковой картине мира представлены лингвокультуры, пришедшие еще с древнейших времен: *солнце*, *небо*, *дорога*. Солнце, небо очень тесно связаны со сферой язычества, так как это место обитания богов, по небу «проходит свой ежедневный путь животворное солнце и проплывают тучи, несущие влагу» [Лукинова 1986]. Кроме того, «практический идеализм», предпочтение 'неба' 'земле' отмечалось как черта русского национального характера многими этнопси-

хологами, иностранными путешественниками. Дороги также играли важную роль в жизни людей уже с доисторических времен, и лингвокультурема *дорога* выступает одновременно как отражение плоскостного восприятия пространства русскими и модель русского движения. Можно считать лингвокультуремами слова *ветер*, *метель*, так как эти явления природы различно воспринимаются разными народами [Томахин 1988: 83].

Та ячейка языковой картины мира, в которой сосредоточены обозначения эмоционального и интеллектуального мира и духовной жизни человека, также является национально-специфической, включая лингвокультуремы ‘чувства’, ‘мысли’. Лингвокультурологическая значимость этих единиц определяется, во-первых, разработанностью этого фрагмента лексической системы, ибо богатство какого-либо одного участка и относительная бедность другого участка лексической системы говорит о том, как структурировано знание человеческой природы, выраженное в словаре, а тем самым об особенностях менталитета этноса. А во-вторых, значением признаков имен, содержащих эту ЛС. В русском языке о чувствах говорится как об активном начале, русские вполне сознательно отдаются во власть стихии чувств, поэтому глаголы и прилагательные обычно обозначают «воздействие» на человека чувства как самостоятельной субстанции.

Таким образом, наивно-языковая картина мира, воссозданная до данным ЛС, обладает национальной спецификой, имеет национально-культурологическую значимость, так как ее таксонами являются не просто лексические единицы, но лингвокультуремы, в которых собственно предметная семантика углублена до концептуальной значимости.

Целостная языковая картина мира, возникающая в процессе познания и в связи с активной ролью языка, в общем и главном совпада-

ет с логическим отражением в сознании людей. Но при этом существуют специфические участки в языковой картине мира, в которых с особой силой проявляется национальное своеобразие языка. Ментальный образ вещного мира задает особую системную организацию отбора и набора лимитирующих сем.

3.2.4. Лимитирующие семы в семемах существительных

Имена существительные представляют класс предметных имен, хотя, как известно, обозначают не только предметы, но и абстрагированные действия, процессы, свойства, качества, отношения. Центр класса составляют конкретные имена существительные, обозначающие реальные предметы; на периферии располагаются все прочие имена, обозначающие мыслимые предметы, то есть абстрактные существительные с общим значением «предметность». Отражение в категории субстанциональности предметного мира, с одной стороны, и мыслительных субстанций, с другой, определяет особенности лексического значения существительных разной семантики.

Конкретные существительные (денотативы) – это идентифицирующие имена, основная функция которых идентифицировать объекты мира ‘действительность’. Абстрактные существительные – это признаковые (характеризующие, предикатные) имена, предназначенные описывать отношения между объектами.

Значение идентифицирующих имен дискретно, создается общими чертами класса денотатов. Такие значения настолько насыщены индивидуальными признаками, что неясно, сопоставимы ли они друг с другом. Значение абстрактных имен существительных гомогенно, их смысл стремится к «элементарности, моносемности» [см.: Аспекты 1980: 342]. Специфика значений этих категорий существительных обусловила различие в их описании в рамках лингвоцентрического

подхода. Конкретные имена изучались в актах категоризации и описывались по тематическим группам, основной чертой которых является внеязыковая обусловленность отношений между ее элементами [см. например: Михеев 1983; Михеев, Рюмина, Фрумкина 1985; Мостовая 1990; Мостовая, Фрумкина 1987; Рюмина 1987]. Абстрактные имена исследовались преимущественно в актах предикации и описывались в границах функционально-семантических полей или лексико-семантических групп, основанных на внутриязыковых связях слов [см., например: Бабенко 1989; Белоусова 1989; Гарипова 1982; Кошель 1980; Кузнецов 1980; Мостовая 1990; Полевые структуры 1989; Шахова 1980].

Однако при изучении существительных с любым типом значения в их семантике выделяются жесткие наборы признаков, формирующие дедуктивно-логическое понятие класса. Комбинация признаков составляет логико-предметную основу каждого входящего в класс слова, поэтому такие признаки выполняют функцию дифференциации, различия значений. Дифференциальные признаки выявляются в противопоставлении двух или нескольких семем. Н. В. Цветков на основе работ, содержащих компонентный анализ, а также опираясь на собственную классификацию существительных, составил каталог универсальных (независимо от языка) дифференциальных смысловых признаков: активность, близость, величина, вес, вид, вкус, возраст, время (временной), высота, глубина, громкость, диапазон, длина, длительность, доза, запах, заполненность, значение, инструмент, интенсивность, калибр, качество, количество, масса, масть, материал, мера, место, назначение, наличие–отсутствие, направление, норма, объект, объем, окраска, организация, основание, особенность, отношение, оценка, ощущение, пол, поколение, полнота, положение, положительный–отрицательный, порядок, постоянный–непостоянный, предел,

признак, принцип, природа, причина, размер, расположение, реакция, режим, результат, ритм, рост, свойство, сила, система, следствие, соотношение, состав, состояние, специфика, способ, среда, средство, степень, строение, строй, субъект, сущность, сфера, тембр, темп, температура, тип, тон, уклад, условие, форма, характер, цвет, цель, чувство, ширина [Цветков 1984: 11].

Перечисление (алфавитный список) дифференциальных признаков представляет интерес для системного описания слов, но не имеет особого значения для человека, познающего действительность и творящего язык. Если же учитывать человеческий фактор и подходить к значению с позиций антропологической лингвистики, то мы должны констатировать, что дедуктивное понятие с конечным числом признаков при его выражении языковым наименованием создает «силовое поле», в котором отражается наше базовое знание о мире. Базовое знание не может удовлетворяться знанием дифференциальных признаков значения, но включает и некоторые когнитивные характеристики, которыми, по представлению носителя языка, обладает прототипический объект. При этом концептуальная (когнитивно значимая) информация, заключенная в значениях слов, представляет собой итог строгого анализа всех имеющихся значений о называемых вещах и отбора определенных, ценных для данного языкового коллектива сведений. Это принципиально отличает энциклопедические знания от языковой информации о вещи, с одной стороны, и объясняет своеобразие концептов в разных языковых картинах мира, с другой.

Представления об идеальном объекте – стереотипе класса – находят отражение в ДОФТ, включенных в словарные дефиниции существительных, так как составители словарей являются типичными носителями русского языка и, следовательно, в их сознании запечатлена инвариантная для русских картина мира. ДОФТ в толкованиях

существительных фиксируют ЛС, которые в большинстве случаев являются вероятностными, что в полной мере соответствует положению о необязательности данного признака для всех членов класса, но одновременно и о его когнитивной значимости для прототипа. В отличие от ЛС в семемах признаков имен, подобные ЛС в семемах существительных, как мы указывали, ограничивают проявление аналитического признака предмета–субстанции прототипическими представлениями о нем.

Логично предположить, что ЛС должны сущностно совпадать с дифференциальными признаками, однако выявление совпадений и различий не является целью нашего исследования. Мы используем антропологический принцип интерпретации ЛС, предусматривающий учет ситуаций, в которых соответствующие объекты входят в соприкосновение с человеческой деятельностью. В итоге предполагается получить перечень атрибутов, присутствующих в наивном представлении о вещном мире. Кроме того, можно выявить наборы ЛС в значениях слов, относящихся к различным концептуальным областям (имена «естественных родов», артефактов и под.), и тем самым – типы когнитивных связей [см. в этой связи: Рахилина 2003].

В работах Р. М. Фрумкиной и ее учеников на основе экспериментальных методов изучались конкретные существительные, выделялись признаки их семантики, которые оформляются в «элементарные блоки». Элементарный блок – это фрагмент толкования, содержащий информацию одного определенного вида. Например, в толкования слов класса «посуда» входит шесть элементарных блоков: родовое имя, функция, форма, размер, материал, вес [Мостовая, Фрумкина 1987; Фрумкина 1984]. Однако исходной единицей анализа в работах этих ученых является также тематическая группа.

И. А. Стернин исследовал вероятностные семы в значениях слов разных частей речи как в денотативном, так и в коннотативном макрокомпонентах в русском и английском языках [Стернин 1979; 1980; 1985]. На материале русского языка (по словарю С. И. Ожегова, далее – СО) им выделено свыше 60 содержательных разновидностей вероятностных сем, большинство из которых приходится на существительные. Наиболее частотны, по наблюдениям исследователя, такие: «сфера или место функционирования объекта», «форма объекта или его составной части», «функциональное назначение объекта» [Стернин 1985: 65].

Поскольку ЛС в существительных, как мы сказали, являются преимущественно вероятностными, наша типология (в ее первом представлении) частично совпадает с разновидностями сем, выделенными И. А. Стерниным. Своеобразие нашей классификации обусловлено, прежде всего, материалом – мы анализировали, во-первых, ЛС только в денотативном макрокомпоненте существительных; во-вторых, не только вероятностные, но и альтернативные ЛС. ЛС специализированного характера в существительных практически не встречаются, так как в этом случае они приобретают статус дифференциальной семы – обязательного признака. Кроме того, дефиниции в МАС и СО имеют различия. Многие признаки, отмеченные как вероятностные в СО, в МАС семантизированы как постоянные либо исключены вообще. Исключаются, как удалось заметить, ЛС с достаточно размытым содержанием – ‘обычно небольшое’, ‘обычно обильное’ и под. Расхождения первого типа не включены в план анализа, а исключенные из МАС вероятностные ЛС частично восстановлены нами по СОШ с опорой на собственную интуицию.

В результате анализа нами выделены следующие типы ЛС в семемах существительных.

ЛС 'размер'

Такая ЛС не задает точного параметрического признака, а определяет его лишь в плане нормы (усредненного представления): *град* 'атмосферные осадки, выпадающие в виде округлых льдинок (величиной с горошину и больше)'; *рыбина* 'одна рыба, обычно крупная'; *цапля* 'птица (обычно крупная) отряда голенастых...'; *боты* 'резиновая или фетровая, суконная и т. п. обувь, обычно высокая...'; *памфлет* 'злобное, острое, обычно небольшое, сочинение обличительного характера'; *покои* 'внутренние помещения, комнаты (обычно большие)'. Величина, размеры – одна из самых важных характеристик любого предмета, так как это его пространственные координаты, а человек «вообще склонен к гиперболизации пространственных... комментариев» [Цивьян 1973: 243]. Поэтому ЛС 'размер' входит в семантику имен, называющих явления природы, представителей фауны, предметы бытового обихода и культурные явления, но преобладают среди всех возможных имен наименования биофактов.

ЛС 'форма предмета'

По нашим материалам можно обнаружить разные модификации в представлении о форме предмета:

1. *Глазок* 'небольшое (обычно круглое) отверстие в двери'; *платок* 'кусок ткани или вязаное изделие, обычно квадратной формы...'; *ведро* 'сосуд, обычно цилиндрической формы с дугообразной ручкой для ношения и хранения воды и других жидкостей'; *лохань* 'деревянная клепочная посуда круглой или овальной формы с невысокими краями для различных надобностей'; *луковица* 'утолщенная, чаще шарообразная, часть стебля некоторых растений'; *колба* 'стеклянный сосуд для химических работ (обычно шаровидной или конической формы)'; *брусок* 'шлифовальный, точильный про-

долговатый камень, обычно четырехгранного, трехгранного или круглого сечения»; *балясина* 'точеный, обычно фигурный столбик перил'.

2. *Аннотация* 'краткая характеристика книги, статьи и т. п., излагающая их содержание (обычно в виде перечня главнейших вопросов)'; *басня* 'короткий, чаще стихотворный, нравоучительный рассказ в иносказательной форме изображающий людей и их поступки'; *каватина* 'одна из разновидностей оперной арии, обычно свободного построения'; *роман* 'большое по объему повествовательное произведение, обычно в прозе'.

3. *Деление* 'расстояние между отметками (обычно в виде черточек) на измерительной шкале'; *тике* 'хлопчатобумажная или шелковая ткань с рельефным узором (обычно в виде узких рубчиков)'; *пуф* 'низкая табуретка с мягким (обычно круглым) сиденьем'.

1-я и 2-я группы примеров иллюстрируют разное понимание формы: в 1-й группе под формой имеется в виду наружный вид предмета, его внешние очертания. В примерах 2-й группы форма – это установленный образец чего-л., внешние особенности художественных произведений как жанра (не случайно все лексемы – *аннотация*, *басня*, *каватина* – являются названиями жанров). В 3-й группе собраны примеры, в которых ЛС определяет форму не самого предмета, а его составной части. Признак формы оказывается значимым только для предметов-артефактов.

ЛС 'цвет, окраска предмета'

Волк 'хищное животное семейства псовых, обычно серой окраски'; *мышь* 'небольшой грызун, обычно серого цвета'; *репа* 'съедобные утолщенные корни... обычно белого или желтого цвета'; *малина* 'душистые, сладкие, обычно красного цвета ягоды'; *гра-*

нат ‘драгоценный камень, обычно темно-красного цвета’; *графит* ‘разновидность углерода, минерал темно-серого или почти черного цвета...’; *опал* ‘минерал, стекловидный камень различной окраски, нередко бесцветный’; *холстинка* ‘легкая льняная или хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения (обычно полосатая или в полоску)’; *чесуча* ‘плотная шелковая ткань, обычно желтовато-песочного цвета’ – в приведенных примерах отмечается особенность цвета целого объекта. Тогда как в следующих примерах ЛС характеризуют цвет какой-либо части объекта: *голубь* ‘птица с разнообразной окраской оперения (обычно с серовато-голубой или белой)...’; *лебедь* ‘водоплавающая... птица с белым (реже черным) оперением’; *глазок* ‘круглое пятно, иногда окаймленное цветным ободком (в окраске насекомых, птиц и др.)’; *барвинок* ‘вечнозеленое травянистое растение обычно с крупными голубыми или синими цветами’; *льнянка* ‘травянистое... растение... с желтыми или фиолетовыми цветками’ и др.

ЛС этой разновидности характеризуют в абсолютном большинстве случаев объекты естественных классов из мира природы, и это полностью совпадает с выводами А. Вежицкой о восприятии цвета: «Похоже, что универсальной чертой языков мира служит описание цветового восприятия на определенной ступени развития в терминах имен референтов, важных для определения среды обитания человека, таких, как минералы характерного вида, животные или растения... Мне кажется, что слова такого рода служат свидетельством в пользу психологической реальности следующего семантического компонента в толковании слов с цветовой семантикой: ‘когда видишь предметы, подобные X-у, можно подумать о...’» [Вежицкая 1996: 282].

ЛС 'внешний вид предмета'

Это в известной мере синкретичная группа, в которой как бы соединились признаки формы и цвета, потому что из этого складывается внешний вид любого объекта. При этом наблюдается некоторая закономерность: при восприятии объектов–натурфактов какая-либо яркая черта его внешнего вида связывается обычно с цветом, а при восприятии объектов-артефактов особенности внешнего вида определяются формой, ср.: *лебеда* 'травянистое сорное растение с листьями, обычно покрытыми мучнистым налетом'; *дворец* 'большое и великолепное здание, обычно выделяющееся своей архитектурой'; *факел* 'переносный светильник на рукоятке, обычно в виде палки с намотанной на конце просмоленной паклей'; *барельеф* 'скульптурное (с низким рельефом) изображение на плоской поверхности' и др. Хотя природные объекты могут обладать и другими особенностями внешности, что отражается в ЛС: *вьюн* 'рыбка с длинным червеобразным телом, покрытым мелкой чешуей или без чешуи'; *выползок* 'сброшенный во время линьки (обычно в виде цельного чехла) наружный ороговевший слой...'. Но в целом ЛС данной разновидности могут характеризовать объекты как естественных, так и искусственных классов.

ЛС 'запах'

Роза 'декоративный кустарник с крупными махровыми, обычно ароматными цветками'; *звездика* 'травянистое... растение с яркими цветами и (у некоторых разновидностей) пряным запахом'. Это очень небольшая в количественном отношении группа, вероятно потому, что свойства объекта, воспринимаемые обонянием, не столь значимы для человека, как другие сенсительные свойства, в частности зрительные и слуховые. В. В. Виноградов, исследуя имена прилагательных,

тельные, пришел к такому же заключению: «Известно, что в европейских языках – при богатстве и разнообразии прилагательных, выражающих зрительные, слуховые и отчасти вкусовые ощущения, – очень беден состав прилагательных для выражения обонятельных и осязательных ощущений» [Виноградов 1972: 153]. Совпадение выводов, полученных при изучении разного материала, как нам кажется, свидетельствует о том, что в системе ЛС отражены далеко не случайные, а самые специфические черты языка. ЛС этой разновидности характеризуют только денотаты класса ‘растения’.

ЛС ‘конструктивные особенности предмета’

Люди создают множество предметов, обеспечивающих удобство их существования, и функциональное предназначение этих предметов определяет некоторые особенности их конструкции. Поэтому ЛС данной разновидности встречаются только в семемах, называющих артефакты: *бричка* ‘легкая повозка, иногда с откидным верхом’; *гондола* ‘длинная плоскодонная одновесельная венецианская лодка... обычно имеющая каюту или навес для пассажиров’; *веер* ‘небольшое ручное, обычно складное опахало...’; *колесо* ‘круг (со спицами или сплошной), вращающийся на оси...’; *секретер* ‘род письменного стола или шкафа, с выдвижной или откидной доской для письма’.

В некоторых случаях конструктивные особенности описываются через отрицание, при этом отсутствие названного элемента – это очень важный нулевой маркер, значимый для наивного представления об объекте и отличающий этот объект от сходных с ним: *брошюра* ‘небольшая книжка в виде сшитых или скрепленных листов, обычно без переплета’; *телогрейка* ‘женская одежда в виде теплой кофты, обычно без рукавов’; *сарай* ‘крытое нежилое строение, обычно без

потолочных перекрытий»; *камзол* 'старинная короткая мужская одежда, обычно без рукавов...'.

ЛС 'отличительная составная часть предмета'

Окружающий нас вещный мир – это огромное число предметов и явлений, которые человек расчленяет в своем сознании на составные части, поэтому созданный в результате когниции образ денотата является сложным, состоящим из ряда элементов. Некоторые из составляющих элементов являются обязательными, другие же в представлении носителей языка характеризуют лишь прототипический образец класса. При этом представления об обязательности или «обычности» составных частей объектов могут различаться у членов языкового коллектива. Сказанное объясняет особенности описываемой группы, которые проявляются в том, что при семантизации именно этого признака – 'отличительная составная часть предмета' – наблюдаются в большей степени расхождения в разных лексикографических источниках. Ср.: *дельфинарий* 'большой аквариум, обычно с морской водой...' [МАС] и *дельфинарий* 'большой аквариум с морской водой...' [ССРЛЯ]; *дирекция* 'руководящий орган предприятия, учреждения, учебного заведения (обычно с директором во главе)' [МАС] и *дирекция* 'руководящий орган учреждения, предприятия, учебного заведения во главе с директором' [ССРЛЯ]; *водевиль* 'легкая шуточная комедия, чаще в одном-двух действиях, в которой диалоги чередуются с пением куплетов' [МАС] и *водевиль* 'короткая комическая пьеса, обычно с пением' [СОШ]; *камлот* 'старинная плотная шерстяная ткань, иногда с примесью шелка или хлопчатобумажной пряжи' [МАС] и *камлот* 'плотная темная шерстяная или хлопчатобумажная ткань' [СОШ]. Как видно из примеров, один и тот же признак семантизируется в разных словарях то как дифференциаль-

ный, то как ЛС. Указанные различия не только не противоречат, но, напротив, подтверждают наши утверждения о том, что ЛС – это часть семемы.

Во многих случаях данные разных словарей совпадают: *буря* ‘ненастье... часто с дождем или снегом’; *джаз* ‘оркестр или ансамбль, в состав которого входят преимущественно духовые и ударные инструменты и певцы-солисты’; *дубрава* ‘лиственный лес, обычно с преобладанием дуба’; *роща* ‘небольшой, чаще лиственный, лес’; *пастила* ‘род кондитерского изделия из протертых и сваренных с сахаром фруктов (обычно с добавлением взбитых яичных белков)’ и др.

Человеческое сознание выделяет составные части как в природных объектах (*буря*, *роща*, *дубрава*), так и в предметах-артефактах (предметы одежды, продукты питания и пр.). Примечательно, что при семантизации слов-натурфактонимов наблюдается значительно меньше расхождений, чем в толкованиях артефактонимов. Вообще ЛС описываемой группы являются важными составляющими для понимания значения слова, поскольку, по справедливому замечанию В. Г. Гака, «очень часто значение слова можно идентифицировать только указанием на устройство и назначение обозначаемого предмета» [Гак 1988б: 120]. Именно поэтому не менее важной является следующая группа.

ЛС ‘назначение предмета’

Такие ЛС указывают на то, для чего служит и каким образом используется тот или иной объект. ЛС этой группы, в отличие от других, манифестируются не отдельным словом или простым словосочетанием, а обширным фрагментом, часто предикативной конструкцией. Но формальные особенности не сказываются на существенных различиях

ях, ибо этот фрагмент выполняет тоже ограничительную функцию: назначение предмета оказывается самым важным прототипическим признаком для коллективного языкового представления о соответствующем объекте. Сама информация о предназначении объекта в одних случаях является в значительной степени обобщенной, в других – довольно конкретной. Это вполне соответствует общему свойству специализированных ЛС, степень конкретизации которых колеблется. ЛС, дающие общее представление об использовании объекта, очерчивают лишь область его применения, например: *асбест* ‘минерал... (широко применяется в технике)’; *гравий* ‘осадочная горная порода... (употребляется в строительных и дорожных работах)’; *камфара* ‘бесцветное кристаллическое вещество... (используется в медицине и технике)’; *сера* ‘химический элемент... (применяется в промышленности, военном деле, сельском хозяйстве, медицине)’; *эфир* ‘органическое соединение... (используется в медицине, парфюмерии, технике)’; *аппаратура* ‘совокупность аппаратов, приспособлений (для выполнения какой-либо работы)’ и др. Но во многих случаях ЛС более точно определяют назначение объекта: *горчичник* ‘...(применяется как лекарственное средство, вызывающее прилив крови)’; *люпин* ‘травянистое растение... используемое для удобрения, как декоративное и в качестве корма для скота’; *мочало* ‘волоконно... (идет на изготовление рогожи, веревок)’; *кабинет* ‘служебное помещение в учреждении обычно для ответственного лица’; *скетч* ‘короткая пьеса шутливого характера для двух, реже трех исполнителей’; *рейтузы* ‘узкие брюки (для верховой езды)’ и др. Однако ЛС любого уровня обобщения вносит очень ценную информацию для целостного понимания значения слова, ибо «чтобы понимать значение слов, именующих продукты человеческой деятельности, следует прежде

всего понять, для какой цели созданы соответствующие объекты, т. е. необходимо понять их функцию» [Wierzbicka 1985: 19]. Действительно, ЛС ‘назначение объекта’ встречается преимущественно в семемах артефактонимов (*вуаль, карандаш, калейдоскоп, графин, перо, пыльник, фартук, рукавицы, гимнастерка, рогожка, флердоранж, статуэтка, пластрон, мотыга, чулан*). Однако функционирование и назначение объекта в типической для него ситуации определяется, по нашим данным, не только для имен артефактов, но и для некоторых имен натурфактов. Так, названия некоторых растений (*бадан, калужер, гвоздика, рогоз, чий, чистотел, юкка* и пр.) идентифицируются в наивном сознании только путем указания на сферу их использования. Указание на назначение объекта является типичным также и для семантики слов, обозначающих разного рода вещества и минералы (*ацетон, арболит, атропин, апатит, газолит, глинозем, гудрон, глина, гелиотрон, гипс, кодеин, канифоль, кокаин, известка* и др.). Нередко ЛС ‘назначение объекта’ присутствует в семемах существительных – названий животных, используемых в пищу человеком или животными: *вобла* ‘...(употребляется в пищу главным образом в копченом и вяленом виде)’; *сельдь* ‘...(употребляется в пищу главным образом в соленом и копченом виде)’; *мотыль* ‘личинка комара-дергуна... (используется как приманка при ловле рыбы на удочку и как корм для рыб в аквариумах)’ и др.

ЛС ‘материал изготовления предмета’

Такая ЛС выделяется только в семемах существительных, именующих предметы, созданные руками человека, например: *бочка* ‘большой цилиндрический сосуд для жидкостей (обычно деревянный)...’; *балдахин* ‘нарядный навес на столбах (обычно матерчатый)...’; *кольцо* ‘предмет (чаще всего из металла), имеющий форму

обода'; *рюмка* 'небольшой, обычно стеклянный, сосуд'; *манто* 'широкое дамское пальто, обычно меховое'; *голландка* 'комнатная (обычно кафельная) печь'; *канат* 'толстая, очень прочная веревка из волокон или проволоки'; *рулетка* 'узкая лента (стальная, холщовая или клеенчатая) с делениями..'; *печь* 'каменное или металлическое сооружение..'; *решето* 'вид тары, представляющий собой деревянный широкий обод с натянутой на него сеткой (обычно из мочала)'; *пестрядь* 'грубая льняная или хлопчатобумажная ткань из разноцветных ниток..'; *лукошко* 'ручная корзина из лубка или прутьев'; *верша* 'рыболовная снасть, сплетенная обычно из ивовых прутьев..' и др. Эта группа ЛС в известной степени может служить источником для изучения истории создания многих объектов, особенно бытовых, так как здесь зафиксированы материалы, первоначально используемые для изготовления разнообразных предметов. Развитие науки и техники, появление новых материалов и предметов внесли большие изменения в эту сферу, поэтому современное представление об объектах, входящих в описываемую группу, как нам думается, иное.

ЛС 'способ изготовления, получения предмета'

Например: *варежки* 'теплые, обычно вязаные, рукавицы'; *вино* 'алкогольный напиток, получаемый обычно в результате брожения винограда'; *пестрядь* 'грубая льняная или хлопчатобумажная ткань из разноцветных ниток, обычно домотканая'; *дрова* 'распиленные и обычно расколотые на поленья деревья, идущие на топливо'; *рейка* 'узкая, тонкая деревянная доска или брусок, обычно являющаяся отходами лесопиления'; *гостинец* 'вещь, предмет, сладости и т. п., обычно приносимые, привозимые или присылаемые откуда-л. в знак внимания'; *газон* 'площадка... засеянная травой,

обычно коротко и ровно подстриженной»; *вкладка* '...лист (печатаемый отдельно от основного текста)'; *билет* 'документ, удостоверяющий право пользования чем-л. (обычно за плату)'. ЛС этой группы, как и прежде рассмотренных групп, маркируют семемы существительных, называющих конкретные предметы, созданные руками человека для различных нужд. Однако семантический признак 'способ' является типовым не только для денотативов, но также и для предикатных (характеризующих) имен. Поэтому в данной группе выделяется модификация названной ЛС – ЛС 'способ действия', которая присутствует в абстрактных именах существительных (часто отглагольных), например: *гальваностегия* 'осаждение тонкого слоя металла (путем электролиза)'; *вызов* 'требование, просьба (выражаемая аплодисментами, криками)...' и др.

ЛС 'локализация предмета'

Привязка объекта к определенному месту, указание на позицию объекта в «окрестностях» носителя языка – это одна из главных характеристик предмета, ибо, как заметил П. А. Флоренский, «действительность есть лишь особая организация пространства» [Флоренский 1993: 71]. Данная ЛС представляет различные локальные признаки, такие как место бытования объекта, территория его распространения. Варианты ЛС 'локальности' определяются понятийной семантикой существительного [Осильбекова 1986]. Так, имена животных и растений содержат ЛС, указывающую на ареал распространения этих представителей фауны и флоры: *аргус* 'лесная птица... (водится в Юго-Восточной Азии)'; *гиена* 'южное хищное млекопитающее, обитающее главным образом в пустынных или полупустынных степях...'; *воробей* 'маленькая птичка... живущая обычно близ жилых строений'; *жаворонок* 'певчая птица..., обитающая преимуще-

ственно в полях и лугах»; *бычок* 'род мелкой рыбы, преимущественно морской'; *василек* 'травянистое растение... встречающееся преимущественно среди посевов озимых хлебов' и т. д. Названия лиц (а здесь встретились только имена лиц по функциональному состоянию) имеют в семантике ЛС, очерчивающую место, где они выполняют свои функции: *певчий* 'певец хора, обычно церковного'; *регент* 'дирижер хора, преимущественно церковного'; *ризничий* 'тот, кто заведует ризницей (в монастыре)' и др.

Среди других денотативов с локальной ЛС значительную часть составляют имена-локативы, в семантике которых ЛС характеризует относительность расположения объекта: *кулуары* 'боковые залы, коридоры (преимущественно в парламенте, театре)'; *духовка* 'железный ящик (обычно вделанный в плиту)...'; *лужайка* 'небольшой луг, обычно на опушке или посреди леса'; *койка* 'подвесная постель из парусины (обычно на судне)'; *лягушатник* 'сосуд для сохранения лягушек живыми (в научных кабинетах, лабораториях)'; *терраса* 'горизонтальный уступ земной поверхности (на склонах, скалах)'; *тропуар* 'пешеходная дорожка... обычно приподнятая над проезжей частью'; *голбец* 'отгородка или чулан в крестьянской избе (возле русской печи)'; *горница* 'комната (первоначально в верхнем этаже) и др.

И, наконец, данная ЛС входит в семемы ряда имен-натурфактоимов: *буран* 'сильный зимний ветер, поднимающий массу сухого снега; снежная буря, метель (обычно в степи, на открытых местах)'; *водоворот* 'вихревое движение воды в реках, морях и т. п., возникающее обычно в местах столкновения встречных течений...'; *ржавчина* 'желто-оранжевые пятна на поверхности растений (обычно на листьях, стеблях)'. При семантизации таких существительных наблюдается смена «точки зрения»: составителя словаря ори-

ентируются на адресата как носителя специальных знаний, тогда как во всех других случаях учитывается точка зрения адресата – носителя обыденного языкового сознания.

ЛС 'время появления / существования предмета'

Пространственно–временная локализованность, как отмечает Т. В. Булыгина, – это «суперкатегория», действующая как в сфере предикатов, так и в сфере имен [Булыгина 1980: 344–355]. Поэтому группы ЛС такого содержания встречаются во всех типах имен. Однако анализируемая группа небольшая, так как для денотативов темпоральный признак не является существенным, в отличие от признака локализации предмета. Вероятно, это связано с общим восприятием пространства и времени. Б. А. Успенский пишет, что человек активен по отношению к пространству и пассивен по отношению ко времени: «...время движется относительно человека, осознающего себя в неподвижном пространстве» [Успенский 1989: 31]. Об автономности времени говорит и Д. С. Лихачев, анализируя древнее культурное сознание: «время не было ориентировано на воспринимающего его субъекта. Его мыслили как объективно и независимо существующее» [Лихачев 1979: 255]. Хотя пространственность, безусловно, преобладает при восприятии чувственно явленного мира, все же в некоторых случаях темпоральная характеристика становится значимой для языкового сознания, и эта значимость обуславливает появление соответствующей ЛС. Временной параметр оказывается необходимым для описания происходящих событий и преходящих (или повторяющихся) явлений, поэтому анализируемая ЛС присутствует в семантике событийных существительных: *базар* 'розничный торг... происходящий (по определенным дням и ежедневно) на площади...'; либо существительных, денотат которых в наивном представлении связан

с событиями или процессом: *газета* ‘периодическое издание, обычно ежедневное...’; *анонс* ‘объявление (обычно предварительное)’. Кроме того, ЛС темпоральности входит в семемы имен лиц для указания на возраст: *дети* ‘сыновья или дочери (независимо от возраста)’; *ребенок* ‘сын или дочь (до отроческого возраста)’.

ЛС ‘отличительный качественный признак предмета’

Мы выделили такую группу, хотя она весьма разнородна по конкретному содержанию ЛС. Однако в представлении носителей языка соответствующий денотат отличается от других объектов класса именно признаком, передаваемым ЛС, несмотря на его необязательность и наличие других, обязательных, дифференциальных сем: *диван* ‘род мебели большого размера, обычно мягкой, для сидения и лежания’; *крендель* ‘витая (обычно сдобная) булка...’; *калика* ‘нищий, чаще слепой, собирающий милостыню пением...’; *хвост* ‘придаток (обычно подвижный) на заднем конце тела животного’ и др. Выделяемый в объектах отличительный признак относится к типу описательных [см.: Гак 1977], отличающих предмет от других предметов данного класса. Такие признаки воспринимаются обычно органами чувств и характеризуют предметы, с которыми человек имеет дело в повседневной жизни. Но отличительный качественный признак может выявляться в денотеате путем умственных операций сопоставления денотата с другими, подобными ему. ЛС, выделенные таким образом, характерны для существительных, обозначающих социально и культурно значимые явления. Например, *бонна* ‘воспитательница, большей частью из иностранок, при маленьких детях...’; *артерия* ‘путь сообщения (особенно водный)’; *готика* ‘художественный стиль, преимущественно архитектурный, позднего европейского средневековья...’; *дифтерия* ‘острая заразная болезнь, преимуще-

ственно детская...' и др. Такой признак, как видно из материалов, указывает на относительное свойство (неслучайно ЛС выражена относительным прилагательным), то есть характеризует отношения между предметами, нередко посессивные отношения).

Иногда отличительный признак объекта определяется не качественно, а аксиологически: *бельэтаж* 'второй снизу, обычно лучший этаж дома'; *ляпсус* 'грубая, часто нелепая ошибка'; *величие* 'сознание своей важности, исключительности, обычно преувеличенное'; *анонимка* 'письмо... обычно содержащее что-л. обидное, оскорбительное'; *амбре* 'запах (в особенности дурной) и пр. В этом случае ЛС принимает статус коннотативной семы, осложняясь оценочным элементом.

Итак, ЛС большинства рассмотренных групп ограничивают проявление аналитического признака, выделяемого в соответствующем денотате, то есть ЛС связаны с отражением диспозиционных свойств самих обозначаемых. С точки зрения логико-семантических отношений подобные ограничения репрезентируют тип отношений «предмет – его свойство». В. Г. Гак считает, что «в синхронном аспекте все предметы и явления связаны между собой отношениями иерархии «быть» или иерархии «иметь». Первая иерархия отражает гипергипонимические отношения, то есть называет разновидности предметов. Вторая – отражает отношения присущности, то есть отношения «предмет – его часть», «предмет – его свойство», «предмет – другой предмет»» [Гак 1987: 8–9]. Как показывают наши материалы, ограничения могут «вторгаться» в любую разновидность отношений присущности, но они отсутствуют в гипергипонимических отношениях. Объясняется этот факт, по нашему мнению, тем, что гипергипонимические связи между предметами выявляются в процессе когниции и они не наблюдаемы. Тогда как отношения присущности

видны в реальной действительности. И поскольку ЛС представляют денотативную часть семемы, отражая внешний мир, и связаны с мыслительной операцией представления, то сама природа этих семантических компонентов предопределяет возможность их участия только при выражении отношений присущности.

Ограничения в отношениях «предмет – его часть» обнаруживаются в группе ЛС ‘составная часть объекта’. Заглавное слово называет объект, а ЛС, соответственно, такую часть этого объекта, которая представляется существенной для стандартного, идеального, образца данного класса. Ограничения в этом же типе отношений представлены и такими случаями, как, например: *обух* ‘тупая, противоположная лезвию, сторона острого орудия (обычно топора)’; *седловина* ‘вогнутость, прогиб в спине животного (преимущественно лошади)’; *луб* ‘внутренняя часть коры молодых лиственных деревьев (преимущественно липы)’; *чешуйка* ‘микроскопическая хитиновая пластинка на теле некоторых членистоногих животных (главным образом насекомых)’; *веснушки* ‘желтоватые или коричневатые пигментные пятнышки на коже (преимущественно лица)’; *вестибюль* ‘передняя при парадном входе в здание (преимущественно общественное)’.

ЛС сужают круг денотатов, выделяя прототипический предмет, частью которого в наивном представлении является объект, названный заглавным, реестровым словом. Р. М. Фрумкина называет партонимические отношения такого типа «ориентированными», потому что имя, обозначающее часть, предсказывает имя, обозначающее предмет, и «в реальности объект А [составляющая часть. – О. М.] без объекта В зачастую не имеет смысла... или просто не существует», и «смысл А осознается как подчиненный по отношению к смыслу В» [Семантика и категоризация 1991: 23–24]. Наши материалы устанавливают не столь жесткую связь между частью и предметом, поскольку здесь

встречаются лишь вероятностные ЛС. Объективно в реальном мире действительно не существует однозначной принадлежности названной составной части к виду объекта, отраженному в ЛС. Так, луб имеется не только у липы, но и у других сложных растений (винограда, бересклета, у многих хвойных); веснушки могут быть и на других участках кожи, не только лица; седловина образуется в спине многих выючных животных (мула, оленя), однако наивное сознание приписывает такую составную часть именно одному из ряда подобных объектов. Включение ДОФТ в дефиниции указанных слов еще раз доказывает, что составители словаря избирают точку зрения наивного носителя языка. Об этом же можно говорить, анализируя толкование вокабулы *чешуйка* (см. толкование выше). Класс членистоногих в научной систематике обширен и многообразен, и во всем своем многообразии он неизвестен большинству представителей русского этноса, то есть слово *членистоногие* входит в число агнонимов [см.: Морковкин, Морковкина: 1997], поэтому фиксация в словаре вероятностной ЛС ‘насекомые’ отвечает потребностям языкового коллектива.

В третьей разновидности отношений присущности – «предмет – другой предмет» – также встречаются ограничения, которые проявляются в том, что денотат, обозначенный заглавным словом, связывается лишь с некоторыми членами класса денотатов, названного в толковании. Сюда относятся прежде всего те единицы из группы ЛС ‘отличительный качественный признак’, в которых этот признак является относительным (см. *бонна*, *артерия*, *дифтерия*, *готика*). Кроме того, к названному типу относим: *седок* ‘тот, кто едет в конном экипаже (обычно наемном)’; *птицелов* ‘тот, кто занимается ловлей птиц (преимущественно певчих)’; *головня* ‘...болезнь растений (преимущественно злаковых)’; *выводок* ‘детеныши, выведенные одной самкой (птиц, животных) и держащихся вместе’. В некоторых случаях

в толковании нет имени класса, возможно, по причине отсутствия универба в языке. Сам факт относительной немногочисленности «родовых слов» в русском языке, по сравнению, например, с французским, хорошо известен [см.: Гак 1977]. Например: *рыболов* ‘тот, кто ловит рыбу (на удочку, перемет)’; *добытчик* ‘тот, кто добывает средства к жизни (для семьи, близких)’. Как нам кажется, толкование существительных в группе с отношением «предмет – другой предмет» проведено с позиции составителей словаря, и отражение ЛС в дефиниции служит более точной и корректной фиксации значения. В представлении наивных носителей языка реестровые слова имеют более расширенную семантику. Об этом свидетельствуют и данные СОШ: ни в одном из приведенных слов, исключая *птицелов*, не отмечена соответствующая ЛС.

До сих пор наши наблюдения были направлены на денотативы, однако в числе существительных, содержащих ЛС, имеются и абстрактные имена, хотя и в небольшом количестве. По своей семантике они относятся к классу характеризующих имен, а ЛС в них, как и в других признаковых именах, несут информацию о субъекте – носителе динамического или статического признака. Абстрактные существительные с ЛС отличаются от всех прочих существительных с отвлеченной семантикой природой своего значения. Для семантики абстрактных существительных интегративным компонентом выступает сема ‘отвлеченность признака (статического или динамического) от его носителя’, определяющая их лексико-грамматическое значение. В тех абстрактных существительных, которые имеют ЛС, названный компонент также определяет лексико-грамматическое значение, но одновременно сема «носитель признака» является релевантной с точки зрения собственно лексической семантики, формируя прототипическое значение абстрактного существительного.

Ономасиологический подход к абстрактным существительным, имеющим в семемах ЛС, показал, что в этой группе слов выделяются те же самые референтно-ограниченные группы, которые были обнаружены нами при анализе глаголов и прилагательных. Приведем лишь некоторые примеры: *голубица* 'целомудренное, невинное, кроткое существо (обычно о девушке)'; *рукоделие* 'ручной труд, преимущественно женский'; *виртуозность* 'высокое техническое мастерство артиста (преимущественно музыканта)'; *пинок* 'удар, толчок (ногой, коленом)'; *днёвка* 'дневной отдых, сон (животных, птиц)'; *всхо-жесть* 'способность (семян) к прорастанию'; *восход* 'появление над горизонтом (небесного светила, утренней зари)'; *бездна* 'беспрельная глубина (моря, неба)'; *бесплодие* 'неплодородие, неплодородность (о почве)'; *достоинство* 'стоимость, ценность (денежных знаков или ценных бумаг)'.

В реальной действительности любой объект может обладать различными диспозиционными свойствами, и среди них есть как инвариантные, так и прототипические. Разнообразие прототипических качеств объекта находит отражение в языке таким образом, что в рамках отношений «предмет – его свойство» выделяется несколько разновидностей ЛС по «вещественному» содержанию, в отличие от отношений «предмет – его часть» и «предмет – другой предмет», которые уже сами по себе являются конкретными, отражающими внешний мир, поэтому здесь мы не выделяем частных разновидностей, за исключением, может быть, «предмет – его принадлежность к другому предмету».

Согласно избранной нами модели анализа денотативно-ограничительного компонента, рассмотрим вещественное содержание ЛС, присутствующих в семемах существительных, применительно к языковой ментальности.

Мы согласны с Ю. Н. Карауловым, что картина мира может быть организована только идентифицирующими именами [Караулов 1981], поэтому характеризующие признаки, обозначенные в языке с помощью ЛС, нуждаются в ином подходе, чем ЛС, отражающие денотативные сущности.

Выделение языковым сознанием разнообразных аналитических признаков, присущих объектам окружающего мира, имеет определенные закономерности, обусловленные онтологией самих объектов. Нам кажется, что ЛС, обозначающие свойства предмета, в наибольшей степени выявляют эти закономерности, так как ограничительная часть семемы есть отражение мыслительной категории представления и через систему ЛС «просвечивает» ценность внелингвистических объектов и выделяемых в них свойств.

ЛС в семемах денотативов отражают субстанциональные (диспозиционные) и относительные свойства объектов. Субстанциональные признаки связаны с физическими параметрами, они неотчуждаемы от объекта и основаны на перцептивном восприятии. Субстанциональные свойства: размер, цвет/окраска, запах, внешний вид – это природные качества, поэтому ЛС с таким содержанием присутствуют только в именах естественных объектов – природных и биологических сущностей. Между тем объекты-артефакты также могут обладать некоторыми неотчуждаемыми свойствами (форма, особенности конструкции, материал и способ изготовления, внешний вид, качественный отличительный признак), однако эти свойства «заданы» объекту человеком с утилитарной целью, подчинены его предназначению и могут быть в принципе изменены. Поэтому ЛС в семемах имен артефактов отражают онтологически сложные свойства, являющиеся одновременно и субстанциональными, так как определяют сущность

предмета, и относительными, так как обусловлены связью с человеком.

Относительные свойства указывают на отношения объекта с окружающим миром и человеком. Они приписываются как естественным, так и искусственным объектам. В системе ЛС из числа таких относительных свойств нашли отражение место и время. Это вполне понятно, так как пространственно-темпоральные характеристики относятся к числу «эгоцентрических спецификаторов» [см.: Рассел 1957]. В фундаментальных представлениях человека о мире каждый объект помещается в вещное пространство и циклическое или линейное время, независимо от его происхождения. Наличие такого рода ЛС зависит, скорее, от ситуаций, в которых соответствующие объекты входят в соприкосновение с человеком. Не менее важным оказывается и относительное свойство 'назначение объекта', так как практические потребности человека распространяются на все предметы внешнего мира и в процессе труда происходит превращение этих предметов, независимо от их природы, в продукт труда. Относительные свойства объектов «высвечивают» этнокультурную специфику последних, ибо, как справедливо пишут А. Рей и С. Делесаль, такие признаки, как зона распространения и промышленное назначение, – это признаки, важные в культурном отношении [см.: Рей, Делесаль 1983: 293].

Таким образом, признаки объектов, зафиксированные системой ЛС в семемах существительных, неслучайны, определены онтологией мира. В исследованиях, посвященных толкованиям лексических единиц, в частности конкретных существительных, в энциклопедиях и толковых словарях, встречаются замечания относительно того, какие признаки необходимо указывать при описании, например, биологических единиц [см.: Арбатский 1977; Косовский 1975]. В работах,

посвященных проблемам номинации и мотивации [см., например: Блинова 1984; Голев 1989 – здесь же см. библиографию; Павел 1983; Резанова 1982; 1984; Языковая номинация 1977а; Янценецкая 1979 и др.], также неоднократно указывалось на обусловленность выделяемых в слове семантических компонентов принадлежностью данного слова к тематическому классу.

Наблюдения и выводы, полученные исследователями, в основе своей совпадают с полученными нами данными. Этот факт говорит о том, что концептуальный класс прогнозирует набор и структуриацию не только понятийных компонентов языкового значения, но также и признаков, отражающих характерные свойства прототипов – идеальных образцов класса. И, опираясь на систему ЛС в семемах существительных, мы можем составить достаточно полную картину о том, какие признаки объектов вещного мира обладают ценностью в представлении данного языкового коллектива. Важно подчеркнуть, что ценностная информация об объекте в наивном языковом сознании соединяет перцептивные, функциональные и локально-темпоральные характеристики.

Что касается другого типа ЛС в семемах существительных – ЛС, указывающая на предмет, связанный разного рода отношениями с другими предметами, – то они могут быть рассмотрены в той модели мира, которую мы выявили по ЛС в признаковых именах, поскольку отношения между предметами отражают через язык нашу концептуализацию предметного мира. По нашим наблюдениям, ЛС в именах существительных называют денотаты, занимающие нижний ярус в реконструированном нами фрагменте картины мира, как-то: предметы бытового обихода, часто национально специфические (*топор, удочка, перемет* и др.); домашние животные и растения, части тела. Очень незначительно отражены в этих ЛС денотаты 2-го яруса, при-

чем ими являются лишь социально значимые объекты (*семья, транспорт*). И совершенно отсутствуют в этой системе ЛС денотаты 3-го яруса.

Такое положение дел координируется с нашими выводами о близкой и далекой перспективе в восприятии мира. Отношения между отдельными предметами могут обрести ценность для этнической группы и закрепиться в языке только в том случае, если сами эти предметы входят в ценностную картину. Согласно нашим выводам, детально прорабатывается языком лишь ближайший к человеку «концентрический круг», включающий представления об индивиде и его доме. Следовательно, значимость приобретают также лишь отношения между предметами «концентрического круга» с этим же радиусом. Отдаленность пространственной позиции дает широкий охват без мелких деталей, потому и отношения между удаленными предметами «не просматриваются».

Отсутствие денотатов 3-го яруса объясняется, с нашей точки зрения, их онтологической значимостью. Практически каждый объект из мира натурфактов уникален и самостоятелен, поэтому в наивном языковом сознании важен объект сам по себе, а не его отношения с другими объектами. Представленный на 3-м ярусе внутренний мир человека, хотя и моделируется по образу и подобию внешнего мира, но, безусловно, не тождествен ему. «Жизнь» объектов внутреннего мира представляет интерес для человека только в плане отношений между ним самим и этими объектами, но не между объектами вне отношения к человеку.

Таким образом, система ЛС в семемах разных лексико-грамматических классов конструирует одну и ту же наивную модель мира, и это свидетельствует, на наш взгляд, об объективности вывода о том, что данная система отражает концептуализацию мира

в наивном языковом сознании. Эта система сложилась в языке не случайно, а представляет собой зафиксированную в языковой ментальности национально специфическую часть универсальной картины мира, и эта часть соответствует ценностям русского этноса, в значительной мере определяемым потребностями, общественными институтами, традициями, верованиями русских.

ВЫВОДЫ

Содержание ЛС определяется типом имени: в именах с признаковой семантикой ЛС отражают денотативные сущности, в именах с предметным значением ЛС указывают на характеризующие свойства. В этом проявляются особенности лингвокреативного мышления, которое, отражая окружающую человека действительность, связи и отношения между предметами, фиксирует эти связи во взаимной отражательной настроенности друг на друга предметных и признаковых имен.

ЛС доказывают, что представление о мире основано на принципе пиков: отражению подвергается не мир в целом, а те его составляющие (пики), которые являются наиболее релевантными для «этнического стиля» – свойственной данному коллективу манеры принимать и отмечать ценности [см.: Токарев 1973 : 209].

Опираясь на систему ЛС, можно утверждать, что формирующаяся в сознании языкового сообщества система концептуальных связей основана не столько на том, какова онтология объектов, сколько на наших представлениях о сущностных свойствах окружающего мира. И представления эти отражают национально специфическое видение мира.

Глава 4. Лимитирующие семы в проекции на синтаксический уровень языка: когнитивная интерпретация

4.1. Предварительные замечания

Анализ ЛС в предметных и признаковых именах в русле антропологической лингвистики, в которой (еще раз подчеркнем) язык мыслится не как безликая имманентная система, а как система, составляющая конститутивное свойство языка, тесно связанная с мышлением и духовно-практической деятельностью людей, со знанием о мире, – такой анализ выводит нас на когнитивные аспекты языка. Как отмечает Р. Джакендофф, «изучая семантику естественного языка, мы по необходимости изучаем структуру мышления» [Jackendoff 1983: 10].

Внесение в лингвистику «человеческого фактора» (то есть пристальное внимание к языковому сообществу и отдельной языковой личности, ее целям, интересам, стереотипам мышления) привело к возникновению целого ряда новых направлений – лингвистической прагматики, когнитивной лингвистики, теории моделей общения и т. п. Новой научной парадигме предшествовали те направления лингвистической семантики, которые были связаны с логическим анализом языка, с разработкой теории референции [подробнее см.: Арутюнова 1976; Баранов 1987; Телия 1996; Фрумкина 1995].

Язык относится к числу наиболее характерных типов когнитивной деятельности человека. Когнитивная природа языка – это непосредственное проявление в ней связей реального мира. Определение языка как когнитивного феномена и когнитивного процесса, появившись в начале 80-х годов, оказало огромное влияние на весь ход лингвистической деятельности.

Когнитивный подход к анализу языка заключается в выявлении, объяснении и предсказании процессов категоризации и концептуализации, которые явно или неявно отражаются в языке и потому реконструируются в виде понятийной системы, причем эта понятийная система несет заметный отпечаток человеческого опыта – она показывает, как человек осмысляет мир. Способ, «каким язык представляет мир, является расширением и реализацией опыта, посредством которого сознание представляет мир» [Философия 1987: 13]. Следовательно, возможности и ограничения языка задаются возможностями и ограничениями интенциональности как конституирующей характеристики сознания.

Для когнитивной семантики главной целью является описание структуры концепта, лежащего в основе единиц лексической системы и объясняющего название объектов и ситуаций. При этом провозглашается «энциклопедическая концепция лингвистической семантики» [см.: Langacker 1987; 1991], то есть лексическое значение предполагает объединение лингвистической и экстралингвистической информации, языковых знаний и знаний о мире. Если структурный подход ориентирован прежде всего на выявление взаимоотношений внутри языковой системы, то семантика прототипов и семантика фреймов апеллируют главным образом к языковой и когнитивной компетенции носителей языка. Их основной тезис состоит в том, что лексическая семантика должна строиться не на понятии дистинктивных признаков, а на отношении подобия.

Прототипическая семантика, в отличие от структурной классификации понятий – абстрактных сущностей с объективным содержанием, учитывает способ осмысления мира человеком сквозь призму субъективного опыта, соединяя тем самым «гносеологический образ» с субъективным ментальным состоянием индивида. Поэтому появи-

лась необходимость введения термина *геиштальт-структура* [Лакофф 1981], обозначающего типовое представление объекта из внешнего мира в идеальном мире. Типовое представление совпадает в нашем пониманием системного общезыкового значения и соответствует некоторой национально-культурной форме знания.

Подход семантики фреймов к значению также более энциклопедичен, чем подход традиционный. Термин *фрейм* стал широко употребительным после выхода в свет работ М. Минского [1979] и в лингвистике утвердился в большей степени, чем аналогичные ему по содержанию термины *сценарий*, *схема*, *сцена*. Фрейм интерпретируется М. Минским как статическое явление – определенные сведения об объектах [Минский 1979]. В познании человеком окружающего мира большое, если не решающее, значение имеют ассоциации. Устанавливая сходство и совпадение, смежность и контрастность различных явлений, а также отношений, строя в своем сознании многомерные и многогранные ассоциативные ряды, человек все полнее интегрируется в систему мироздания. Российские лингвисты выделяют *фреймовые поля* [см., например: Денисов 1988; Морковкин, Морковкина 1997; Супрун, Клименко 1988], отождествляя их с ассоциативно-ситуативными полями, ср.: «Фреймовое поле – составная единица лексической системы, представляющая собой совокупность лексических и фразеологических единиц, которые выступают в качестве статистически устойчивых реакций на определенную простую единицу лексической системы в свободном ассоциативном эксперименте» [Морковкин, Морковкина 1997: 85]. Свойство ассоциативного поля – быть характеристикой среднего носителя языка. Ч. Филлмор дает такое определение фрейма: «Фреймом можно считать набор слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого» [Филлмор 1983: 49].

В настоящее время понятие фрейма соотносится не только с концептами, но и с типовыми ситуациями. В самом общем виде фрейм – это «структура данных для представления стереотипных ситуаций» [КСКТ: 187], или, другими словами, это иерархическая структура знаний о некотором стереотипном положении вещей – о ситуации, событии, явлении, о каком-либо материальном или нематериальном объекте.

Итак, фрейм становится центральным понятием при описании структуризации человеческого опыта в сознании. Отметим, что фрейм – это именно когнитивная категория, во внешнем мире фреймов нет.

В понятие фрейма обычно вкладывается две основные идеи: во-первых, идея организующего начала и связанная с ней идея иерархии, а во-вторых, идея стереотипа (прототипа).

Формально фрейм представляется в виде структуры, состоящей из терминальных узлов (слотов) и отношений между ними. То, что в генеративных теориях описывается с помощью правил сочетаемости или ограничений на сочетаемость (селекционные правила и ограничения) [см., например, Бирвиш 1981; Богданов 1982; Вейнрейх 1981; Кубрякова, Панкрац 1985; МакКоли 1981; Филлмор 1981а; 1981б и др.], во фреймовой семантике рассматривается как отношение между элементами внутри одного и того же фрейма [см.: Ван Дейк 1989; Ван Дейк, Кинч 1988; Кибрик 1987; Филлмор 1988].

Вторая важная идея фреймовой семантики – идея стереотипа – заключается в том, что объединение значений в составе фрейма обусловлено стандартностью, повторяемостью набора элементов, с которыми человеку приходится иметь дело в повседневной жизни.

Значение усваивается и интерпретируется человеком в процессе социального взаимодействия и всегда в связи с каким-либо текстом. В то время как человек узнает слова в значимом контексте, в его па-

мнати осуществляется накопление знаний о различных явлениях, их состояниях и взаимосвязях. При этом общая совокупность репрезентируемых объектов иерархически организуется в соответствии с их категориальной принадлежностью. Таким образом, в сознании возникают фреймы, и именно посредством фреймов объекты, события или действия сохраняют свои значения как составные части определенной области знания. Если понимать фрейм как структурированную совокупность знаний, то речь всегда идет о когерентных знаниях, которые включают в себя тематически организованные взаимосвязи. Поскольку фреймы представляют фрагменты знаний, формируемых у человека на основании его опыта, то они отражают культурно обусловленный сценарий, то есть характеризуются национальным своеобразием.

Ван Дейк отмечает: «Не исключено, что фреймы имеют более или менее конвенциональную природу и поэтому могут определять и описывать, что в данном обществе является «характерным» или «типичным»» [Ван Дейк 1989: 17].

Итак, в качестве утверждения, не требующего доказательства, примем то, что различные человеческие состояния, действия, соответствующие им мотивы, цели, объекты и результаты, широко понимаемые условия, обстоятельства человеческой деятельности образуют в нашей жизни структурно и функционально целостные и устойчивые комплексы и воспринимаются как некие «положения вещей», или ситуации, сцены, сценарии.

В системе фреймов принято описывать концептуальные основы лингвистически кодированной понятийной системы независимо от чисто внутриязыковых структур. Это совершенно обоснованно, и тем не менее в когнитивной системе, которой является естественный язык, существуют разные формы представления знаний.

В качестве лингвистической концепции фреймовая семантика явилась продолжением падежной грамматики Ч. Филлмора [1981a; 1981б]. Фрейм понимался как падежная рамка глагола, то есть схема включения определенных аргументов при реализации глагола в высказывании. Иначе говоря, фрейм приравнивается к пропозиции.

Многие лингвисты (А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац, Ю. С. Степанов, Дж. Лакофф, и др.) также признают, что большая часть структуры нашего знания имеет форму пропозициональных моделей. Фреймовые и пропозициональные структуры обратимы, то есть «фрейм любого уровня обобщенности... может быть адекватно выражен переводом его в пропозициональную структуру» [Караулов 1987: 194]. Ю. С. Степанов пишет, что «логика языка определяется системой имен, задающих классификацию объективного мира, и системой предикатов и пропозициональных функций, отражающих ситуации в виде типовых фреймов» [см.: Степанов 1981]. Сторонники пропозициональной формы представления знаний утверждают, что слова могут взаимоассоциироваться лишь при том условии, что соответствующие им концепты входят в закодированные в памяти пропозиции.

Пропозициональные репрезентации имеют предикатно-аргументную структуру. Являясь отражением фрейма, пропозициональная структура также представляет собой иерархически организованную структуру, в вершине которой находится предикат как носитель конкретной пропозициональной функции, подчиняющий себе аргументы, обладающие по их числу и характеру такими свойствами, которые позволяют им удовлетворять требованиям «своего» предиката.

Каждый концепт, репрезентируемый узлом пропозиции, «записан» в него со всеми сведениями о нем: семантическими, формальны-

ми и прагматическими. По мнению Т. А. Ван Дейка и В. Кинча, лексические значения при таком подходе соответствуют так называемым «атомарным пропозициям» [см.: Ван Дейк, Кинч 1988].

Однако, помимо пропозициональных моделей, существуют и другие формы хранения знаний в нашем сознании. Многие лингвисты [см. обзор в: Залевская 1985: 159-170] подчеркивают важность образной и гештальтной форм, так называемых картиноподобных форм. Такие формы репрезентации обладают целостностью (тогда как пропозициональная репрезентация – это расчленяемая целостность) и сохраняют структуру, подобную оригиналу. Фрейм как структура знаний может иметь ментальную репрезентацию в виде гештальта [см.: Лакофф 1981].

Входом во фрейм является слово (словосочетание). Совершенно очевидно, что за каждым словом как лексической единицей стоит существенный пласт знания. Лексические значения могут представлять собой знания о стереотипах объектов или ситуаций. Другими словами, слово не является простым отображителем своей денотативной сферы, не выражает только то, что называет, но именно моделирует описываемую говорящим действительность, задает свои отношения в рамках того жизненного контекста, в который оно включено. Следовательно, для каждого типа категорий можно предсказать заранее, какой тип признаков будет включен в семантическую компетенцию носителей языка.

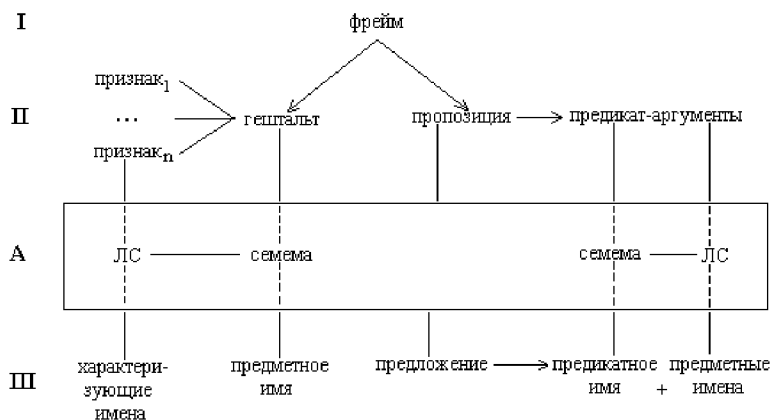
Слова с разными функциональными типами лексических значений «открывают» фреймы разных ментальных «репрезентаций»: с предикатным значением – пропозициональную форму, с идентифицирующим значением – гештальтную форму.

Лимитирующие семы в составе лексических значений проецируются на терминалы фрейма, что обусловлено их природой: во-

первых, они составляют прототипную часть семантики слова, то есть отражают стереотипные представления, «расхожие истины», собственные некоторой группе – носителю культуры; во-вторых, ЛС отражают национально-обусловленную категоризацию мира.

Как было показано выше, между функциональным типом лексического значения и входящими в него лимитирующими семами существует зависимость. ЛС разных содержательных типов отражают важные элементы различных структур знания, хранящихся в памяти, в соответствии с тем, что они ограничивают. Так, ограничители референтной приложимости признака и ограничители параметров ситуации соотносятся с элементами пропозициональных структур, а ограничители аналитического признака – с элементами гештальтов. Когнитивная природа ЛС обуславливает различие в экспликации в высказывании связанных с ними позиций.

Таким образом, объединяя разные уровни отражения реального мира в сознании и языке, можно, на наш взгляд, выстроить схему соотношения ментальной и языковой организации лексикона и увидеть место ЛС в этой цепи взаимодействий, чтобы определить роль лимитирующих сем в процессе создания высказываний.

На когнитивном уровне (I), говоря о структурах представления знания, мы имеем дело с фреймом и его составляющими как структурой данных для представления некоторой стереотипной ситуации, организующей наше понимание мира и обыденное поведение. На уровне ментальной организации лексикона (II) фреймы могут быть представлены в виде пропозиций, состоящих из предиката и аргументов, или в виде гештальтов, нерасчлененно представляющих концепт со всеми его признаками. На вербальном уровне (поверхностно-синтаксическом – III) пропозиции в классическом виде соответствует предложение, включающее имена с предикатным и предметным значением. Гештальты на вербальном уровне типично представлены предметными именами. Учитывая функциональный тип лексического значения и содержательный тип лимитирующих сем, присутствующих в этом значении, можно сопоставить с данной схемой лексико-семантический уровень (А). Как видно, лимитирующие семы в семантике предикатных имен задают позиции аргументов, а лимитирующие семы в предметных именах открывают возможность для появления атрибутивов, характеризующих имен.

В таком случае встает вопрос о том, что происходит в речевой практике с позициями, обусловленными ЛС? Связано ли функционирование ЛС только с ограничением на сочетаемость, что неоднократно исследовалось в лингвистике, или их роль значительно больше? Полный анализ имеющегося у нас материала представляется затруднительным вследствие его большого количества и разнообразия. Мы попытались определить общие тенденции поведения разных типов ЛС (см. 3.2) и подробно проанализировали влияние на структуру предложения ЛС субъекта (3.3).

4.2. Лимитирующие семы как отражение элементов структуры знания: типология и реализация

Функциональный тип значения – предикатное или идентифицирующее – предопределяет место своего имени в структуре пропозиции. Аналогичное утверждение принадлежит С. Д. Кацнельсону: «Лексические значения, отображающие события, занимают ключевое место в иерархии лексических значений. В зависимости от степени конкретности или приближения к действительности можно выделить два уровня лексических значений (понятий). Наиболее конкретно, и в этом смысле непосредственно и прямо, выражают действительность событийные значения, близкие в этом отношении к предложениям. Они образуют базисный уровень. За ними следуют предметные и призначные значения, выделяемые речевым мышлением из целостности события» [Кацнельсон 1972: 143. Ср. также: Шагуновский 1996].

Существующие закономерные соответствия между типом значения слова и типом ЛС, входящей в это значение, позволяют предсказать, что связанные с ЛС семантико-синтаксические позиции будут занимать разные уровни в иерархической структуре пропозиции.

В значения предикатных имен, как говорилось выше, входят ЛС, ограничивающие круг референтной приложимости признака – субъекта или объекта. Эти семантические позиции обязательно входят «в перспективу» (Ч. Филлмор), а по наблюдениям Е. В. Падучевой и Р. И. Розиной, совпадающим с нашими выводами, в русском языке «перспектива имеет тенденцию «запаиваться» в семантику глагола» [Падучева, Розина 1993: 10].

Позиции субъекта и объекта наиболее значимы для построения высказывания. Как утверждал еще Ш. Балли, «процесс (явление, действие, состояние, качество) не мыслится нами без субстанции, которая служит его местопребыванием. Это местопребывание процесса и является субъектом; нельзя мыслить движение, шум, цвет, жизнь, смерть, страдания и т. д. без субъекта» [Балли 1995: 138]. Столь же важным с содержательной точки зрения является и объект, так как отношения между действием и объектом, прежде всего прямым, очень существенны для характеристики самого действия. «Так, действие по глаголу *есть* стоит направлять только на предмет, обладающий признаками съедобности, действию *жесть* могут быть успешно подвергнуты лишь предметы, характеризующиеся горючестью» [Арутюнова 1976: 115]. ЛС содержательно определяют значение позиций субъекта и объекта, то есть не только заключают в себе информацию, что действие осуществляется с участием аргументов, но и том, каков характер этих субъектов и объектов. Вследствие этого ЛС, связанные с этими позициями, назовем референтными ограничителями.

В глагольных предикатах могут присутствовать и ЛС, ограничивающие параметры ситуации. Разнообразие их содержания позволяет выделить два семантико-синтаксических типа ЛС: ситуативные и логические ограничители. К ситуативным ограничителям мы относим ЛС, задающие семантико-синтаксические позиции места

и времени (локатива и темпоратива), а также способа действия. К логическим ограничителям – ЛС, связанные с семантико-синтаксическими позициями и причины, условия, цели, так как эти параметры ситуации осмысляются через соответствующие логические категории.

Лимитирующие семы, ограничивающие аналитический признак объекта, связаны с семантико-синтаксическими позициями квалификативов. Это экспликанты (термин С. Д. Кацнельсона), организованные вокруг субстантивного компонента и выполняющие роль конкретизаторов семантики слов, репрезентирующих этот компонент. В структуре знания соотносимые с ними элементы репрезентируются в гештальте. Это совершенно иные, чем рассматривались выше, семантические позиции, так как они не задаются предикатом, а связаны с аргументами и через них входят в пропозициональную структуру. Они отдаленно связаны с пропозицией – через семантические сети пропозиционального узла, совпадающего с гештальтом.. Такие ограничения мы называем атрибутивными.

Итак, выделенные типы ограничителей проецируются на разные семантико-синтаксические позиции и, следовательно, образуют иерархическую структуру, уровни которой определяют значимость данных позиций в структуре пропозиции.

Типы ограничителей в структуре пропозиции:

Уровень иерархии, занимаемый ограничителями определенного типа, оказывается значимым для особенностей реализации соответствующей семантико-синтаксической позиции в поверхностной структуре высказывания.

Каждый слот фрейма и, соответственно, пропозициональной структуры имеет категориальную определенность и может быть представлен как функционально-семантическое поле лексических единиц, способных манифестировать данную семантическую позицию на поверхностном уровне высказывания. Объемы таких полей различны. Однако позиции, связанные с лимитирующими семами, определены не только на категориальном, но и на более конкретном денотативном уровне. Лимитирующие семы, во-первых, сужают объем соответствующего функционально-семантического поля и, во-вторых, оказывают влияние на реализацию определяемой ими позиции в поверхностно-синтаксической структуре высказывания. Дело в том, что наличие лимитирующих сем в семантике слова может привести к нарушению изосемичности [см.: Золотова 1982]: количество семантических компонентов предложения может оказаться больше, чем количество формальных позиций.

Референтные ограничители в большинстве случаев эксплицируются в высказывании. Ср.: *токовать* 'о самцах некоторых птиц' – *Раннею весною, лишь только стаи разобьются на пары, самцы начинают токовать* (П. Козлов); *сподобить* 'о боге' – *Ну, Данило, слава богу, господь сподобил меня еще раз тебя видеть* (А. Герцен); *падать* 'о животных' – *СКОТ ли начнет падать или хата у кого загорится – все мы будем виноваты* (А. Куприн) – семантическая позиция

субъекта репрезентирована существительным-подлежащим, совпадающим по семантике с соответствующей ЛС. (Подробнее о субъектных ограничителях в предложении см. 3.3.)

Аналогичным образом проявляют себя на синтаксическом уровне референтные ограничители субъекта в семантике прилагательного: *коренастый* 'о человеке' – *Антропов был невысок, широкоплеч, коренаст* (В. Закруткин); *античный* 'о чертах лица, формах тела' – *Этот парень – голубоглазый красавец с твердым античным профилем* (А. Куприн); *грузный* 'о походке, шагах' – *Он по-военному пристукивал каблуками и грузной походкой сытого важного человека пошел к своему экипажу* (А. Куприн); *певчий* 'о птицах' – *Раздаются похожие на звуки флейты звонкие переливы певчего дрозда* (С. Огнев); *тучный* 'о траве' – *Местами росла тучная высокая трава с бесчисленным множеством цветов* (С. Аксаков); *беззвездный* 'о ночном небе, ночи' – *Черная беззвездная ночь с мокрым снегом и ветром незаметно и быстро надвинулась над фермой* (А. Куприн); *колеистый* 'о дороге' – *Мы едем колеистым, пропадающим в траве проселком* (В. Дорошевич).

То же наблюдается при реализации высказывания, содержащего предикат с лимитирующей объектной семой: *отнять* 'конечность или часть ее' – *Доктор внимательно посмотрел на Роменского, вздохнул и сказал: Придется вам, полковник, отнять правую ногу* (В. Вересаев); *облачить* 'священника' – *Священник уже облаченный в зеленую, затканную золотыми крестами ризу, стоял в стороне* (А. Куприн); *растерзать* 'душу, сердце' – *Повествование Мукона растерзало сердце мое* (В. Нарезный).

Необходимо заметить, что мы вслед за А. А. Уфимцевой понимаем объект достаточно широко: «Целый ряд объектных глаголов фиксирует в своих номинативных значениях инструмент, способ, ре-

зультат охвата действием...» [Уфимцева 1974: 143]. Такое расширенное понимание не противоречит нашему подходу, поскольку мы не анализируем инвариантную структуру конкретных фреймов (пропозиций), а лишь пытаемся выделить общие тенденции реализации слов, соотносимых с лимитирующими семами.

Предикаты с референтными ограничителями объекта не совпадают с лексико-грамматическим разрядом переходных глаголов. Это несовпадение проявляется в экспликации ЛС в высказывании. Практически всегда замещается позиция прямого объекта, независимо от того, какой ЛС – альтернативной, вероятностной или специализированной – она задана, ср.: *вырезать* (надпись, рисунок) – *Я прошу вас принять от меня на память этот маленький медальон. Я приказала вырезать ваши инициалы* (А. Чехов); *вырубить* (дерево) – *Прежде чем вырубить елку, дед выкуривает трубку* (А. Чехов). Это объясняется типовой структурой русских предложений: подлежащее – сказуемое – дополнение. Кроме того, отсутствие позиции дополнения при переходных глаголах часто является сигналом абсолютного употребления, при котором внимание сосредоточивается на самом процессе и происходит изменение значения глагола: действие переходит в состояние (проявление свойств или умений).

Реализация ЛС, задающих позиции непрямого объекта, зависит от типа ЛС. Альтернативные ЛС обычно получают выражение в структуре высказывания, особенно в том случае, когда денотат имени не совпадает с денотативной сферой, очерченной ЛС, ср.: *семафорить* (флажками, сигнальным аппаратом) – *Из-за башни появилась человеческая фигура и начала семафорить руками* (А. Новиков-Прибой); *сечь* (розгами, плетью, хлыстом) – *Он сек меня розгами* (А. Чехов); *выступить* (в поход, в путь) – *В 8 часов утра мы выступили в путь* (В. Арсеньев).

Специализированные ЛС имеют тенденцию оставаться имплицитными, ср.: *семенить (ногами)* – *Неловко семеня, она спешила за ним* (В. Каверин); *искрошить (саблями)* – *Одну из сотен, спешно выставленную каким-то хутором... искрошили в дым* (М. Шолохов); *пристрочить (на машине)* – *На Пете был городской праздничный костюм...: шерстяная синяя матроска с пристроченными вдоль по воротнику белыми тесемками* (В. Катаев). Еще Ш. Балли отмечал наличие в языке «кумулятивных знаков», которые имплицитно соединяют «в себе два лексических понятия, связанных между собой синтагматической связью» [Балли 1995. О кумулятивности см. также: Сусов 1973].

Референтные ограничители объекта никогда не эксплицируются в виде самостоятельной синтаксической позиции только в том случае, когда они получают формальную экспликацию в морфемном составе слова: корневые морфемы манифестируют соответствующие специализированные ЛС, ср.: *белковать* ‘охотиться на белок’; *шишковать* ‘собирать шишки’; *вальсировать* ‘танцевать вальс’; *обезглавить* ‘отрубать голову’; *серебрить* ‘покрывать серебром’; *грузиться* ‘принимать груз’; *утюжить* ‘гладить утюгом’ – *С малых лет таскался он по тайге – промышлял. Белковал, а случалось медведя-шатуна укладывал* (В. Шукшин); *Все барышни выбирали его и находили, что с ним очень ловко вальсировать* (А. Пушкин); *По сторонам [шкатулки] красовались высеребрённые чашечки для чернил и песку* (Д. Григорович). – *В нем (порту) грузились, идя на Дальний Восток, ... пароходы добровольного флота* (А. Куприн); – *Анхен разгневалась, что плохо были крахмалены нижние юбки, пришлось крахмалить и утюжить заново* (А. Толстой).

Таким образом, референтные ограничители объекта имеют тенденцию выражаться на поверхностном уровне высказывания, что

вполне естественно, так как в соответствии с теорией валентности (Л. Теньер) и порождающей грамматикой (У. Чейф, Ч. Филлмор) они относятся к обязательным распространителям синтаксических структур – *комплементарам* [Никитин 1983].

Классу комплементов (или актантов) противопоставлен класс сирконстантов – факультативных распространителей синтаксических структур, указывающих на время, место и другие обстоятельства процесса. По мнению Ч. Филлмора, «обстоятельственные составляющие предложения не обязаны соотноситься со специфическими аспектами ситуации» [Филлмор 1981б: 520]. Однако ЛС вносят коррективы в известную оппозицию аргументов, так как задают именно специфические параметры ситуации, определяют их качественно.

Ситуативные и логические ограничители, являясь по существу сирконстантами, тем не менее разделяют свойства комплементов, то есть переходят в перспективу. Такая двойственная природа ситуативных и логических ограничителей обуславливает их реализацию в структуре высказывания: позиции, предписанные названными типами ограничителей, с одинаковой частотностью эксплицируются либо остаются имплицитными.

Ср.: *врасти ‘в землю’ – Домишко мой, уже давно ветхий, теперь чуть держится, весь покривился, врос в землю* (И. Тургенев); *стучать ‘в дверь, окно’ – Стучат в дверь, хозяева не отпирают, боятся* (В. Вересаев); *вляпить ‘на солнце, на открытом воздухе’ – Щук отец выпотрошит, распластает и развесит на воздухе вляпить желтое и прочное щучье мясо* (М. Пришвин); *ежиться ‘от холода, болезни’ – Травкин снова повел своих людей в густой орешник, и разведчики, ежась на утреннем холоде, задремали* (Э. Казакевич); *давиться ‘от приступа кашля, смеха, рыданий’ – [Ефим Петрович] давится от смеха, и слезы у него выступают на глазах* (А. Чехов); *сечь*

‘на камне, дереве’ – *Стоят большие плиты с надписями, а что на плитах сечено, никто не разбирает* – древнее христианское кладбище (А. Чапыгин).

В приведенных примерах соответствующие ситуативным и логическим ограничителям позиции замещены лексическими единицами из определенного содержанием ЛС функционально-семантического поля, тогда как в следующих примерах аналогичные позиции оказываются нереализованными: *сгорбиться* (от старости, болезни) – *Еще больше сгорбился и одряхлел Михайло* (Ф. Гладков); *переправить* (обычно через реку) – *Ночью ребята на своем плоту переправили семь бойцов на тот берег* (В. Кожевников); *вялиться* (на солнце, на открытом воздухе) – *На вешалах возле каждого дома вялилась красноватая юкола* (В. Лидин); *черпать* (обычно снизу, из глубины) – *Черпая горстью сухой песок и, выпрямившись, с силой кидаю песок в лицо поручика* (В. Бахметьев); *сократить* (вследствие сокращения штатов) – *Со службы его сократили, на бирже работы не дают* (Б. Горбатов); *прозеленеть* (обычно от сырости) – *Внесли свечи в прозеленевшем трехсвечнике* (А. Толстой).

При основополагающем сходстве реализации ситуативных и логических ограничителей тем не менее наблюдается различие в синтаксическом поведении этих типов, обусловленное свойствами их значения. Логические и ситуативные ограничители различаются по степени конкретности / абстрактности их значения. Ситуативные ограничители чаще имеют конкретно-предметный характер и указывают на реалии из мира «Действительность» (*солнце, камень, река, голос, звуки, снег, грязь, бок, живот* и пр.). Ограничители такого содержания либо эксплицируются в самом высказывании как семантико-синтаксическая позиция, либо не находят выражения на поверхностном уровне, оставаясь имплицитной семантической позицией.

Ситуативные ограничители темпоральности, обозначающие событие (*выборы, свадьба, несчастье* и под.), обладают сложной семантикой и поэтому практически никогда не манифестируются в виде синтаксической позиции высказывания, но зато реализуются в более широком контексте.

Логические ограничители отражают восприятие и оценку человеком отношений между элементами мира. Они есть результат умозаключений, но не индивидуальных, а коллективных, национальных, составляющих систему критериев оценок отношений реального мира в сознании носителей языка, и потому логические ограничители становятся объективной данностью языковой семантики. Из всех типов ограничителей такой тип является наиболее абстрактным по содержанию. Часто логические ограничители сами являются отражением пропозиции. Эти особенности семантики обуславливают особенности их реализации на поверхностном уровне: они эксплицируются в виде отдельных высказываний – придаточных предложений, а также свернутых пропозиций – полупредикативных оборотов, ср.: *пыжиться* ‘обычно стараюсь сделать что-то’ – *Сжав кулаки и весь напрягаясь, пыжась, словно индюк, так, чтобы все мышцы делались железными, Володька приобрел равновесие* (А. Первенцев); *барахтаться* ‘обычно стараюсь освободиться, подняться, выплыть’ – *Он не кричал, а только все барахтался, стараясь сбросить меня с своей спины* (М. Горький). Во многих случаях логические ограничители вообще не получают внешнего выражения, так как называемые ими обстоятельства ситуации однозначно определены в коллективном языковом сознании и составляют пресуппозицию высказывания.

Атрибутивные ограничители занимают низший уровень во фреймовой иерархии. В сознании носителей языка они прочно связаны с соответствующим объектом и потому на поверхностном уровне

обычно не эксплицируются. Реализация связанных с ними позиций наблюдается в следующих случаях. Во-первых, при актуализации [см.: Стернин 1985; Чудинов 1988] лимитирующей семы: *балдахин* ‘нарядный навес на столбах (обычно матерчатый)’ – *Кровать была под балдахином из темной шерстяной материи, висевшей тяжелыми фестонами, с кистями и бахромой* (И. Гончаров); *диван* ‘род мебели большого размера обычно мягкой’ – *В гостиной стоял широкий и удивительно мягкий диван* (В. Набоков); *вуаль* ‘кусоч тонкой прозрачной ткани или сетки, прикрепляемый к женской шляпе и обычно закрывающий лицо’ – *Для пущей таинственности лицо [девушки] пряталось за белой вуалью* (А. Чехов); *буря* ‘ненастье, сопровождаемое сильным разрушительным ветром, часто с дождем или снегом’ – *Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя* (А. Пушкин). Отличие в реализации атрибутивных ограничителей от других типов заключается в том, что в поверхностной структуре для них нет однозначно закрепленной позиции. Как видно из примеров, общее содержание атрибутивного ограничителя манифестируется лексическими единицами соответствующей семантики, входящими в ремю высказывания.

Во-вторых, атрибутивные ограничители реализуются в высказывании, если их содержание не совпадает с прототипическим признаком, ср.: *По середине [браслета], между большими камнями, Вы увидите один зеленый. Это весьма редкий сорт граната – зеленый гранат* (А. Куприн) – *гранат* ‘драгоценный камень, обычно темно-красного цвета’; *Под водостокom стояла железная бочка* (В. Шукшин) – *бочка* ‘большой цилиндрический сосуд для жидкостей (обычно деревянный)’; *Когда ему попался солдат в каске, он успел перевернуть в руке клинок и уже обушком стукнул врага по голове*

(В. Кожевников) – *обух* ‘тупая, противоположная лезвию, сторона острого орудия (обычно топора)’ и др.

Таким образом, содержательные разновидности лимитирующих сем проявляют себя в существовании разных типов ограничителей, формирующих как сам фрейм, так и условия его языкового представления. Ограничители, соотносимые с терминалами фрейма, структурируются иерархически, при этом уровень иерархии оказывается значимым для специфики реализации ограничителя в поверхностной структуре. Можно выделить общие тенденции в экспликации ограничителей разных типов. Референтные ограничители, связанные с интенционалом фрейма, как правило, получают реализацию в поверхностной структуре. Ситуативные ограничители конкретного содержания в равной мере способны манифестироваться в высказывании в виде отдельной позиции либо оставаться невыраженными, что объясняется их двойственностью: определенностью содержания, с одной стороны, и принадлежностью к сирконстантам, с другой. Ситуативные ограничители событийного содержания получают реализацию не в высказывании, а в широком контексте. Логические ограничители моделируют содержательные процедуры умозаключений, оставаясь имплицитными либо представляя другой микрофрейм в составе более широкого фрейма. И, наконец, атрибутивные ограничители, формируя гештальт-структуру, «упакованную» во фрейм, обычно не находят вербализованного выражения.

На воплощение ограничителей в высказывании оказывает влияние также тип лимитирующих сем по степени жесткости ограничения. Регулярно вербализуются ограничители, представленные альтернативными лимитирующими семами, так как эти ЛС задают условия облигаторного выбора. Специализированные ЛС иначе определяют процедуру референции: конкретность содержания связанного с ними тер-

минала делает неуместной, а будучи поддержанной экспликацией в морфемной структуре глагола, даже невозможной реализацию этой позиции в высказывании.

4.3. Глагольные предикаты с лимитирующей семой субъекта и пропозициональные структуры: опыт анализа

Носителем конкретных пропозициональных функций является предикат, в своем использовании требующий реализации при нем аргументов. Глагол–предикат способен актуализировать «как мысленный образ целой ситуации, связанной с осуществлением действия, названного глаголом, так и отдельные значимые элементы ситуации» [Соловьева 1989: 3], в частности субъект действия. В концепциях пропозициональных структур компонент со значением субъекта рассматривается в одном ряду с другими распространителями предиката. Если же следовать логической теории, главный постулат которой гласит о том, что любое суждение двучленно, как двучленна сама мысль, и включает в себя определяемое (субъект) и определяющее (предикат), необходимо признать, что компонент со значением субъекта нельзя отождествлять с другими актантами. Между субъектом и действием существуют качественно иные отношения: в объективной действительности действие не существует как изолированное нечто, оно осуществляется как функция субъекта, следовательно, и структура предложения, вопреки вербоцентрическим концепциям, определяется не только предикатом, но взаимной соотнесенностью субъектного и предикатного компонентов, их общим участием в формировании смысла предложения.

Необходимо сделать несколько замечаний относительно термина *субъект*. Уже неоднократно отмечалось, что в литературе имеется множество различных употреблений этого термина. С. Е. Никитина

ссылается на словарь Т. Левандовского, в котором термин *субъект* имеет шесть различных определений [Никитина 1979: 362]. К. Гаузенблас перечисляет три философских и восемь языковедческих употреблений этого термина [см.: Золотова 1982: 133]. Н. А. Слюсарева, отмечая четырехаспектное понимание субъекта: логический субъект, грамматический субъект, семантический субъект, психологический субъект, – связывает это с четырьмя аспектами синтаксиса: логическим, структурным, аналоговым и актуальным [Слюсарева 1981: 77].

Не останавливаясь на рассмотрении каждого типа субъектов подчеркнем, что мы отождествляем понятия логического и семантического субъектов и употребляем термин *субъект* в значении синтаксически независимого субстанционального компонента предложения, именующего носителя предикативного признака. Субъект в таком понимании – не только то, что может быть субъектом с онтологической точки зрения, но все то, чему наше сознание «приписывает» роль действующей субстанции, исходя из грамматической и лексической семантики. Иными словами, в роли субъекта может выступать любое одушевленное и неодушевленное существительное, называющее такие предметы (в широком понимании), которые способны производить определенные действия, испытывать определенные состояния, участвовать в каких-нибудь процессах, находиться в каких-либо отношениях.

Лимитирующие семы, задающие субъектную позицию, разнообразны по содержанию (см. Главу 3) и представляют три подкласса референтных ограничителей в соответствии со сферами языковой картины мира: человек, живой мир, неживой мир. Однако для анализа особенностей синтаксического поведения ЛС гораздо более важной оказывается лексико-грамматическая оппозиция: одушевленный –

неодушевленный субъект, так как смысл предложения зависит от таких свойств субъекта, как активность/неактивность, способность/неспособность к целенаправленному действию. Неодушевленный субъект, неактивный и неспособный к целенаправленному действию, трактуется по-разному: то как семантический субъект, то как семантический объект. Наше понимание субъекта позволяет рассматривать имя вещи как семантический субъект. Референтный ограничитель субъектно-неодушевленной семантики является предметом исследования настоящей главы.

Предикаты с лимитирующими семами неодушевленного субъекта формируют фрейм «бытийное состояние предмета». Выделение такого фрейма объясняется именно неодушевленностью субъекта, ибо предметы и явления не действуют – они существуют, наличествуют, обладают свойствами. Объекты природы и окружающего человека материального мира возникают и исчезают, существуют, изменяя или не изменяя в процессе существования свои свойства и качества. Предметы-артефакты существуют, выполняя основную функцию, ради которой они созданы, либо уже не могут выполнять своего назначения и, следовательно, перестают существовать.

Фрейм «бытийное состояние» выражается разными пропозициональными структурами, которые обозначают формы существования неодушевленных субстанций, но приобретают разные модификации, поскольку сами формы существования разных субстанций неодинаковы. Так, формой существования жидкости является ее текучесть, формой существования растений – их рост, осадков – выпадение, ветра – дуновение и пр.

Бытийное состояние складывается из нескольких фаз: возникновение – становление или осуществление – собственно существование – исчезновение. Отражение какой-либо фазы бытия предмета, ка-

кого-либо момента типичного для него состояния также характерно для пропозиций, включающих неодушевленный субъект.

В некоторых случаях бытийное состояние предмета передается не только через типичную форму его существования, но и через какой-либо дополнительный аспект «при участии модифицирующих, ассоциирующих сем, создающих образную картину бытийных состояний» [Шведова 1983: 318]. Так, предикат *залить* обозначает не только форму существования жидкости, ее константное свойство – движение, текучесть, но также выражает значение ‘покрыть что-либо’. Предикаты *влиться*, *втечь*, *просочиться* обозначают одновременно ‘текучесть’ и ‘проникновение куда-либо’. В предикатах *журчать*, *плескать* присутствуют в одно и то же время значения ‘течь’ и ‘издавать звук’. Предикаты *запушить*, *намерзнуть*, *завьюжить* (о снеге) обозначают, с одной стороны, бытийное состояние снега как вида осадков – ‘идти, падать’ – и, с другой стороны, проявление, результат этого состояния – ‘покрытие объекта’. Предикаты *такать*, *тикать*, *чакать* характеризуют субъект ‘механизмы’. Главная функция такого рода субъектов и, следовательно, основная форма существования – находиться в рабочем состоянии, помимо этого значения, предикаты имеют значение ‘издавать звук’. Подобные наращения, тем не менее, принципиально не изменяют значения пропозиции, так как субъектно-неодушевленный референтный ограничитель удерживает данную пропозицию во фрейме «бытийное состояние предмета». Вместе с тем данный референтный ограничитель оказывает влияние на реализацию связанной с ним субъектной позиции в поверхностной структуре высказывания. Рассмотрим особенности языкового воплощения конкретных пропозиций, представляющих фрейм «бытийное состояние предмета», обусловленные лимитирующими субъектными семами и значением глаголов-предикатов.

4.3.1. Пропозиции с предикатами состояния и референтным ограничителем – неодушевленным субъектом

Пропозиция состояния может быть представлена таким образом:

субъект	+	предикат
состояния		состояния

Позицию предиката замещают глаголы с категориальным значением ‘состояние’. Поскольку ядро этой группы формируют, во-первых, глаголы, называющие состояние живых существ, и, во-вторых, глаголы, именующие различное процессуальное состояние неживых субстанций, мы, вероятно, должны выделить два конкретных варианта пропозиций, образуемых глаголами-предикатами, ориентированными относительно одушевленного или неодушевленного субъекта. Выделение двух вариантов обусловлено характером субъекта [Степанов 1981]:

I	субъект		предикат
	одушевленный	+	физического или психического состояния

II	субъект		предикат
	неодушевленный	+	физического состояния предметов

Глаголы-предикаты субъектно-неодушевленного класса организуют предложения с общим значением ‘физическое состояние предметов’. Позицию субъекта при них замещают существительные, пред-

определенные характером лимитирующей субъектной семы (по нашим материалам, преимущественно имена конкретно-предметного значения). Лимитирующая сема субъекта в значении глагола является эксплицируемой семой, соотносящейся с таким элементом пропозиции, присутствие которого обязательно для отражения соответствующей ситуации. В силу своего характера названная сема вносит ограничения в лексическую сочетаемость глагола с существительными, замещающими позицию субъекта. Например: *Его [Чичерина – О. М.] штиблеты, покрытые гетрами из толстой ткани, имитирующей замшу, поизносились порядочно* (С. Дангулов) – при глаголе *поизноситься* позицию субъекта может замещать существительное из группы ‘обувь’ или ‘одежда’.

В котелке поспела сухарница, и охотники собрались поужинать (В. Бианки) – в позиции субъекта при глаголе *поспеть* может быть существительное, называющее пищевые продукты.

Сразу после майских праздников Чижегова вызвали в Лыково: забарахлили потенциометры (Д. Гранин) – глагол *забарахлить* допускает в позиции субъекта существительное с общим значением ‘приборы, механизмы’.

На белых мачтах по случаю какого-то праздника полоскались яркие, разноцветные флаги (Ф. Абрамов) – в субъектной позиции при предикате *полоскаться* могут находиться существительные с общим значением ‘полотнище какой-л. ткани’.

В приведенных примерах диапазон лексической сочетаемости глаголов-предикатов достаточно широк, это мотивировано характером лимитирующей семы, ср.: *износиться/поизноситься* ‘стать ветхим от носки’ (об одежде, обуви), *поспеть* ‘стать готовым для еды (о пищевых продуктах)’, *барахлить/забарахлить* ‘работать с перебоями

(о машинах, механизмах)’, *полоскаться* ‘трепетать на ветру (о флаге, парусе и т. п.)’.

Иную картину мы наблюдаем в предложениях с глаголами-предикатами *топиться*, *таять*: В землянке было прохладно, печурка не топилась, но заниматься ею не хотелось – одолела тоска (М. Колосов); В зале оплывала и таяла свеча (Д. Балашов). Позицию субъекта при предикате *топиться* может замещать только существительное ‘печь’ (и его производные) либо его функциональные эквиваленты, ср.: В кухне с воем топилась плита (В. Чивилихин). {Пал Палыч}: – Пойдемте в конторку – там буржуйка топится, обсохнете (Ю. Герман). Оба существительных, замещающих позицию субъекта, находятся в привативных отношениях с существительным ‘печь’. ср.: буржуйка ‘небольшая железная печка-временка’; плита ‘род кухонной печи с конфорками в металлической доске’. Такой узкий диапазон лексической сочетаемости обусловлен предельной специализированностью лимитирующей субъектной семы – *топиться* ‘иметь в себе разведенный огонь (о печи)’.

В предложениях с предикатом *таять* ‘уменьшаться, растопляясь, сгорая (о свече)’ позицию субъекта, как показали наши материалы, может замещать только существительное ‘свеча’, что также объясняется спецификой субъектной семы.

Предложения с такими глаголами всегда двусоставны и не способны ни к какой трансформации. Многие из интересующих нас глаголов являются возвратными, производными от соответствующих невозвратных глаголов, однако, как мы указывали, в этом случае следует говорить не о формообразовании, а о словообразовании, и, следовательно, анализируемые предложения не имеют страдательного значения, сообщая о другой ситуации, нежели предложения с соответствующими невозвратными глаголами, ср.: Печь топится –

Хозяйка топит печь. В первом предложении сообщается о предмете, находящемся в определенном состоянии (Ломтев 1976; Шапиро 1941; Янко-Триницкая 1962); во втором – о действии субъекта-лица.

Среди глаголов с лимитирующими семами большую часть составляют глаголы во вторичных значениях. Основные ЛСВ фиксируют, как правило, неотъемлемые признаки определенных денотатов, а вторичные значения отражают их непостоянные свойства. Глаголы-предикаты состояния в основных и вторичных значениях образуют пропозицию одного содержания, например: *Пылали огни, жарилось нанизанное на прутья мясо* (И. Калашников) – основное значение глагола-предиката *жариться*. *Осенняя дорога распустилась – не проедешь* (В. Белов) – вторичное значение глагола-предиката *распуститься*. Но вместе с тем характер значений предикатов вносит различия в логический тип пропозиции. Покажем это на примере глаголов-предикатов ‘состояния’, при которых субъектную позицию могут замещать существительные со значением ‘растения’.

Ряд глаголов, имеющих в основном значении лимитирующую сему субъекта ‘растения’, многочислен, так как растение – это сложный организм, испытывающий различные состояния, которые могут быть названы интересующими нас глаголами. По значению глаголы в основных значениях можно разделить на две группы: глаголы, обозначающие процесс роста, и глаголы, называющие противоположное состояние – гибель растения.

Как отмечал Гегель, в царстве растений господствует рост [Гегель 1975]; процесс роста – неотъемлемый, наиболее типичный в естественных условиях признак растений, закрепленный в глаголе *расти*, форма их существования. Глагол *расти*, обозначая наличие указанной субстанции в сфере бытия, употребляется в предложениях следующего типа: *Была и еще одна особенность колков: по склонам*

их заросших обширных чаи росли ягоды (Г. Марков). *Буду кончать здесь школу, – писала Рая, – теперь у меня есть отдельная комнатка, под окном растет смородина и крыжовник* (Ю. Герман). Там [за озером – О. М.] *росли колючие и густые кусты* (П. Проскурин). В таких предложениях утверждается существование в мире определенной субстанции, то есть такие предложения выражают отношения экзистенции и являются бытийными (экзистенциальными) предложениями [Арутюнова 1976; Арутюнова, Ширяев 1983]. О бытийности подобных высказываний свидетельствует, во-первых, обязательное присутствие локализатора в структуре предложения, как правило, в препозиции (*по склонам... чаи, под окном, там*), во-вторых, невозможность подставить перед этими предложениями классические бытийные структуры (ср. недопустимость в русском языке такого ряда предложений: *Под окном смородина и крыжовник. Они растут.*).

Другие глаголы, хотя и обозначают рост растений, тем не менее выражают и какие-либо дополнительные признаки, ср.: *Колосились, наливаясь, хлеба, и волны ходили по голубым хлебам, словно по морю* (Д. Балашов). *Созревают плоды, гнутся под их тяжестью ветви деревьев* (Крестьянка, 1997, № 3). *Наверное, в это время снег сошел, и почки на деревьях набухли* (В. Токарева). *Зрели под лучами солнца головки мака* (Г. Марков). *Орех пышно разросся и давал хорошую тень* (Н. Леонов). *В ту пору как раз поспела вишня* (Е. Долматовский). Предложения с такими предикатами совмещают в себе сообщение о наличии предмета-субъекта с характеристикой этого субъекта, что объясняется присутствием в семантике глагола-предиката семы 'бытийное состояние' и соответствующей категориально-лексической семы.

Глаголы-предикаты в форме совершенного вида сообщают о становлении какого-либо состояния субъекта, поэтому формируют

только предложения характеризующего типа. В глаголах-предикатах в форме несовершенного вида часто актуализируется сема 'бытийное состояние', так как несовершенный вид передает значение длительное, неопределенное, значение существования [Авилова 1976; Арутюнова, Ширяев 1983]. В таких случаях указанные глаголы употребляются в экзистенциальных предложениях. Ср.: *На раскидистых ветвях старого дерева спели яблоки* (В. Ян). *На лугах уже распускались первые цветы* (В. Шукшин).

Глаголы, обозначающие процесс гибели растений, выражают идею перехода к небытию. Имеющаяся в их семантике сема 'бытийное состояние' при употреблении таких глаголов в высказываниях практически никогда не актуализируется. Поэтому глаголы-предикаты, обозначающие процесс гибели растений, образуют предложения характеризующего типа: *Под жарким солнцем увядала трава* (И. Калашников). *В погожие страдные дни там от жары нехнет трава* (Ф. Абрамов). *Рыжая от пыли крапива чахла в канаве* (В. Смирнов). *Картошка уже отцвела, но ночных холодов еще не было* (Г. Марков). *Цветы завянут, – сказала Рая, – их бы в воду поставить* (Ю. Герман).

Вторичные ЛСВ глаголов с субъектной семой 'растения' также имеют значения, связанные с ростом и гибелью растений, но при этом указывают на какой-либо непостоянный признак. Они образуют предложения по такому же типу пропозиции, как и предикаты в основных значениях, например: *Хлынули ручьи, взломало на Тихой речке лед, распушилась верба, прилетели грачи и скворцы* (А. Гайдар). *Молодые посадки прижились и уже пустили новые побеги* (Крестьянка, 1997, № 5). *Трава побурела, полегла, и только у опушки ... роицыцы одиноко стоит голубой цикорий* (А. Авдеенко). *Лес стоял тихий и смиренный: не блестели листья, не лопались почки* (В. Шукшин).

Осень только что началась, еще не засохли травы (В. Белов). *Жухла зелень, мертвела листва дубов. Желуди падали на башни танков и каски гренадеров* (И. Падерин). [Женя – О. М.] – *Ведь тут очень хорошо, знаете, песчаная почва, отлично принимаются хвойные деревья, воздух будет здоровый* (Ю. Герман).

Предложения, образованные вторичными ЛСВ рассматриваемых глаголов-предикатов, выражают отношения характеристики. Нам не встретилось ни одного случая, когда бы при употреблении глаголов-предикатов во вторичных значениях актуализировалась сема 'бытийное состояние', то есть вторичные предикаты не образуют экзистенциальных предложений.

Специализация субъектных сем может сопровождаться экспликацией их в морфемной структуре глагола. Это происходит в тех случаях, когда корневые морфемы манифестируют соответствующие субъектные семы, например: *расти* – (о растениях), *цвести* – (о цветах). Мы уже отмечали, что референтный ограничитель субъекта относится к интенционалу фрейма, к обязательному элементу пропозиционной структуры, поэтому даже в таких случаях субъектная позиция эксплицируется, в отличие от аналогичных случаев, но связанных с позициями референтных ограничителей объекта, также ситуативных или логических ограничителей. Однако при замещении позиции субъекта соответствующим существительным тождественные корневые морфемы неизбежно влекут за собой появление тавтологических конструкций, отвергаемых законами речи. По нашим наблюдениям, позиция субъекта в таких случаях замещается существительными-гипонимами, если лимитирующая сема представлена в толковании гиперонимом: *В изголовье, но не на холмике, а на сопоте с него, росла рябина, посаженная когда-то ею же, Дарьей* (В. Распутин). *Цвели подсолнухи, повернув к солнцу свои желтые, круглые тарелки*

(Г. Марков). *Дома здесь не имели подъездов. Во дворах цвели огромные лопухи* (Д. Гранин).

В других случаях, когда семы отражены в толкованиях существительными, обозначающими видовые понятия, позицию субъекта замещают существительные, находящиеся в отношениях функциональной эквивалентности [Кузнецова 1980] с существительными, называющими однокоренной специализированный субъект, ср.: *Пока раненого доставили в санбат, повязка разбинтовалась и стала сползать* (Б. Васильев). *У меня этой мази нет. Весь тюбик измазался* (В. Токарева).

Таким образом, наши наблюдения показали, что глаголы-предикаты, называющие состояния, и референтные ограничители субъекта образуют предложения в соответствии с типовой моделью пропозиции. Особенность глаголов-предикатов в основных значениях заключается в том, что те из них, которые обозначают типичные состояния, формы существования определенных субстанций, предрасположены к образованию экзистенциальных предложений. Глаголы-предикаты во вторичных значениях образуют предложения характеризующего типа, но в них обязательно есть имплицитный признак 'бытийное состояние', обусловленный наличием в глагольной семеме лимитирующей семы неодушевленного субъекта.

4.3.2. Пропозиции с предикатами возникновения предмета / исчезновения предмета и референтным ограничителем – неодушевленным субъектом

Антонимичные глаголы с категориальными значениями 'возникновение субъекта' и 'исчезновение субъекта', на наш взгляд, образуют единый лексико-семантический блок – «двухвершинную лексико-семантическую группу с комплементарным типом организации»

[Вепрева 1984], а следовательно, входят в пропозиции одинаковой структуры, которую можно представить следующим образом:

субъект	предикат	место
возникновения/ +	возникновения/	+ возникновения/
исчезновения	исчезновения	исчезновения

Эти позиции заданы в семантике глаголов в общем виде, их конкретизация происходит в определенных высказываниях, ср.: *Жоржетта родилась в деревне* (Ю. Семенов). *Любаша скрылась в мутных сумерках* (В. Ян). *Крестком организовался в моей деревне Гоноусово* (А. Твардовский). *На востоке появилось солнце* (В. Ян). *Спички куда-то исчезли* (А. Твардовский). Как видно, позицию субъекта при глаголах-предикатах ‘возникновения/исчезновения’ могут замещать и одушевленные, и неодушевленные существительные. В соответствии с этим, как и в предыдущем параграфе, выделяются два варианта исходной пропозиции в зависимости от характера субъекта:

	одушевленный		
I	субъект	предикат	место
	возникновения/ +	возникновения/ +	возникновения/
	исчезновения	исчезновения	исчезновения

	неодушевленный		
II	субъект	предикат	место
	возникновения/	+ возникновения/ +	возникновения/
	исчезновения	исчезновения	исчезновения

Многие глаголы-предикаты, формирующие второй вариант названной пропозиции, содержат лимитирующие семы субъекта, разных по своему реальному содержанию (*явления природы, небесные светила, растения, части тела, органы, чувства, мысли*), что объясняется, вероятно, спецификой возникновения /исчезновения той или иной субстанции. Реализация в пропозиции глаголов-предикатов в основных и вторичных значениях одинакова.

Ср.: в основных значениях – *Ахнули громовыми глотками орудия ... выпыхнуло пламя* (А. Толстой). *Дуб пророс из желудя, укоренился на невысоком холме и разросся до размеров уже с трудом принимающихся* (П. Проскурин);

во вторичных значениях – *Налет кончался, дым над окопами рассеялся, жизнь продолжалась* (М. Колосов). *Я вдруг обнаружил в себе Игрока, что-то шевельнулось в душе, какие-то темные страсти азарта* (Д. Гранин). *Вот поднялись: обрыв, зеленая большая вода, солнце заходит за тучу, кричат птицы* (Ю. Герман).

Позиция специализированного субъекта возникновения/исчезновения замещается в 100 % случаев, так как компоненты значения существительного, соответствующего референтному ограничителю субъекта, и значения глагола-предиката обеспечивают семантическую связность текста и потому неустранимы.

Некоторые из глаголов-предикатов этой пропозиции имеют еще и ситуативный ограничитель, указывающий на единственно возможную локализацию возникновения/исчезновения субъекта (например, глаголы с лимитирующими семами ‘небесные светила’, ‘растения’, ‘явления природы’). Такая специализация отражается на валентностных свойствах глаголов: позиция локализации действия для них является ненужной, избыточной и часто не замещается. Ср.: *Луна уже взошла и заливала землю чистым ровным сиянием* (П. Проскурин).

Снег стаял, дороги были еще грязные, но начинало обсыхать (В. Вересаев). *Подойшли грузди, осиновые и березовые, но эти всходили постепенно и разборчиво* (В. Распутин).

В случаях смысловой значимости этой позиции она может быть замещена: *Утро загоралось, давно уже поднялся и рассеялся туман над водой* (П. Проскурин). *Радостно благовестят колокола, сверкает снег – солнце взошло над Тверью* (Д. Балашов). Как правило, эта позиция в подобных случаях замещается словами, обозначающими обширные пространства: река, озеро, город и т. п.

Если в позиции субъекта находятся существительные других тематических групп, то позиция локатива либо замещается по общей модели пропозиции, либо указание на место возникновения/исчезновения содержится в широком контексте. Ср.: *Костер никак не разгорался. Но вот сучья подсохли, вспыхнуло пламя* (Г. Марков). *А тут еще немец ракеты одну за другой пуляет в небо, освещает. Вот опять вспыхнула ракета, и звезды исчезли. Ракета с шипением погасла и упала где-то рядом* (М. Колосов).

Глаголы-предикаты, содержащие лимитирующие семы ‘части тела, органы’, ‘чувства’, ‘мысли’, вместе с соответствующими референтными ограничителями субъекта реализуются в предложениях, в которых позицию локализатора занимает существительное со значением лица или неотделимой от лица субстанции: *Закралось в душу Пелагеи подозренье* (Ф. Абрамов). *Мария про себя подумала, что, даст бог, еще и обойдется, если Кузьма успеет собрать сколько надо, ... в ней снова шевельнулась надежда* (В. Распутин). *В нем еще не улеглось раздражение, вызванное насмешниками над учительницей* (Г. Николаева). *«Видите, как хорошо», – морищинки вокруг глаз Семеновны совсем разгладились* (П. Проскурин). *Но вот улыбка со-*

скользнула с лица, снова морщина свела брови, губы плотно сжались (М. Горький).

Существительные со значением лица или его метонимических субститутов в позиции локализатора представляют собой особый случай и по-разному трактуются учеными. Ниже мы остановимся на этом подробно (см. 4.3.6. настоящей главы).

Особенностью реализации варианта данной пропозиции с неодушевленным существительным в позиции субъекта, по сравнению с субъектно-одушевленным вариантом, является то, что для предложений, отражающих первый вариант, преимущественно характерен обратный порядок слов (54 %), тогда как в предложениях с одушевленным существительным-субъектом наблюдается обычно прямой порядок слов. Ср.: *Из зерна прорастает стебель, расходятся во все стороны новые побеги* (Д. Гранин). *Голос ее [Лены – О. М.] дрожал, в уголках глаз снова навернулись слезинки* (Г. Марков). *Внизу на улице погасла цепочка фонарей* (Ю. Семенов). *В окнах, выходящих на веранду, вспыхнул свет* (С. Дангулов). В предложениях с отсутствующим локализатором тоже обычным является обратный порядок слов: *Взошло солнце, желтое, в оранжевом ореоле* (И. Падерин). *Стало еще светлей и беспокойней – вышла луна* (В. Вересаев). *Легкое прозрачное облачко снесло ветром на солнце и, не закрыв, сплостило его – померк свет* (А. Крестинский).

Модель ЛОКАЛИЗАТОР + ПРЕДИКАТ + СУБЪЕКТ является, как уже говорилось, основной для предложений бытийного типа [Артунова, Ширяев 1983]. Однако предложения с предикатами возникновения/исчезновения выражают не только отношения экзистенции, но и отношения характеристики. Типичность для них инверсионного порядка слов объясняется, вероятно, тем, что, глаголы-предикаты возникновения/исчезновения называют существование предметов

и явлений, крайние точки их бытия, и поэтому предложения, образуемые ими, представляют собой пограничные конструкции, соединяющие признаки пропозиций характеристики и экзистенции.

К глаголам-предикатам возникновения/исчезновения близки глаголы лексико-семантического блока 'начала/прекращения действия'. Различия между глаголами возникновения/исчезновения, с одной стороны, и начала/прекращения действия, с другой стороны, заложены, как показывает наш материал, в характере субъекта, формирующего вместе с предикатом соответствующую пропозицию. С глаголами возникновения/исчезновения сочетаются имена существительные конкретно-предметного и вещественного значения, поскольку они называют субстанции, способные существовать или не существовать. С глаголами начала/прекращения действия синтагматически связаны событийные имена существительные, указывающие на процесс, происшествие и т. п., так как любое действие имеет начало и окончание.

Среди существительных, способных употребляться в позиции специализированного субъекта, лишь незначительное число называет какое-либо протекающее во времени явление или процесс. Это существительные *гроза, рассвет, заря, сумерки, ветер, дождь, снег* (все из группы 'явления природы'). Они сочетаются с глаголами-предикатами, обозначающими начало действия. Ср.: *И так, видно, вознесся он [«царский листвень» – О. М.], такую набрал силу, что решено было в небесах для общего порядка окоротить его – тогда и разразилась та знаменитая гроза* (В. Распутин). *Сквозь тонкие ветки неохотно занималась заря* (Д. Гранин). *Я был у себя в Петровском, едва занялись сумерки* (С. Дангулов). *На следующий день с утра зарядил дождь, и я опять остался дома* (Ф. Абрамов). *Неожиданно наплыла низкая черная туча, подул холодный ветер,*

а потом, ко всему, пошел снег с дождем (В. Шукшин). Встал ветер, со встречной, ордынской стороны (Д. Балашов). Внезапно хлынул дождь, стало темно, ветер завыл сильнее (В. Катаев).

В предложениях с глаголами-предикатами этого типа также наблюдается обратный порядок слов, свидетельствующий о совмещении в подобного рода предложениях признаков характеризующих и бытийных конструкций.

В числе глаголов, обозначающих прекращение действия, нам не встретились глаголы с вышеназванными лимитирующими семами, а прекращение явлений, названных аналогичными существительными, обозначается глаголами широкой семантики – *кончиться, перестать, утихнуть* и т. п. Предложения с этими глаголами имеют прямой порядок слов, ср.: *Черное небо нависло над самой головой, ветер внезапно утих (В. Каверин). Дождь не переставал. Река за эти дни заметно прибыла (Ф. Абрамов).* Это, возможно, также служит доказательством нашего вывода о том, что глаголы-предикаты возникновения/исчезновения и начала действия, имеющие лимитирующую сему субъектно-неодушевленного содержания, именуют крайние точки бытия определенных субстанций и потому формируют пропозиции, выражающие одновременно отношения характеристики и экзистенции и, следовательно, совмещающие черты двух логико-грамматических типов.

4.3.3. Пропозиция с предикатами субъектного перемещения и референтным ограничителем – неодушевленным субъектом

Пропозиция 'субъектное перемещение' соответствует модели следующего типа:

начальный пункт	+	субъект	+	предикат	+	конечный пункт
перемещения		перемещения		перемещения		перемещения

Позицию предиката в предложениях, выражающих эту пропозицию, замещают глаголы с общим значением ‘субъектного перемещения’, которые обладают субъектной и локальной валентностями. В рассматриваемой пропозиции отражен факт самостоятельного передвижения субъекта, поэтому естественно, что позиция субъекта замещается преимущественно одушевленными существительными, называющими субстанции, способные к движению без внешнего воздействия. Позиции начального и/или конечного пункта перемещения (регулярно вместо этих позиций появляется позиция места перемещения) замещаются именами существительными с локальным значением. Ср.: *Птица влетела в окно. Солдаты дошли до моста* (примеры взяты нами из Русской грамматики 1980).

Надо сказать, что локальные позиции не всегда обусловлены валентностью предикатов, то есть в семемах многих глаголов с категориальным значением ‘субъектного перемещения’ мы не обнаруживаем соответствующих данным позициям лимитирующих сем, а также для многих из них типовая сочетаемость на уровне словосочетаний не представлена этими позициями. Однако в названной пропозициональной структуре такие элементы обязательны. Это не противоречит самой идее соотносительности глаголов определенной семантики и модели пропозиции, так как, по справедливому замечанию М. Кубика, глагол в синтаксической функции предиката «обладает вполне специфическими сочетаемостными свойствами, отличающимися от сочетаемостных свойств, присущих глаголу

в словосочетании» [Кубик 1977]. И это влечет за собой перераспределение обязательных и факультативных валентностей глагола.

Многие глаголы–предикаты с категориальным значением ‘субъектного перемещения’, имеют лимитирующие семы субъекта–натурфакта типа *осадки, ветер, жидкость, звук, запах, небесные светила*. Сходство денотатов, названных этими именами существительными, заключается в том, что они все способны к самостоятельному перемещению; более того, для субъектов *ветер, осадки* движение – это атрибутивное, неотъемлемое свойство, форма их существования. В глаголы–предикатах с таким значением также присутствует лимитирующая сема субъекта–артефакта ‘транспорт’, денотат которого предназначен для выполнения функции передвижения. И, наконец, глаголы–предикаты, объединенные названным значением, могут включать лимитирующую сему ‘время’, так как время – это процесс, последовательная смена минут, часов, дней и т. д., которая предстает в движении, протекании.

Пропозиция, отражающая ситуацию перемещения живого субъекта, является представлением фрейма ‘движение субстанции’. Иную картину мы наблюдаем в тех высказываниях, которые также образованы глаголами–предикатами с категориальным значением ‘субъектное перемещение’, но позиция субъекта при них замещена неодушевленными существительными, эксплицирующими референтный ограничитель, например: *Звезды плыли над самой головой* (Е. Долматовский); *Ручей тек из каменной расселины* (С. Дангулов); *Катились тяжело груженные телеги* (В. Ян); *Потянулись дни тревожного ожидания* (В. Быков) и под. Такого рода высказывания нельзя однозначно признать отражением пропозиции ‘перемещения субъекта’, поскольку движение для таких субстанций – это типичная форма их существования. Следовательно, такие предложения, будучи

оформленными на поверхностном уровне как пропозиции 'перемещения субъекта', по сути представляют фрейм 'бытийное существование предмета'. Этим объясняется глубокое различие между формально однотипными структурами с одушевленным субъектом и неодушевленным, совпадающим с референтным ограничителем. Рассмотрим эти различия.

Глаголы-предикаты, при которых позицию субъекта замещают существительные с общим значением 'транспорт', образуют предложения, не отличающиеся ни по своей формальной, ни по поверхностно-семантической структуре от предложений со значением перемещение одушевленного субъекта, так как отражают ситуацию движения субстанции, а транспортные средства в большей степени, чем другие артефакты, способны приобретать признак активности. Ср.: *Повозка медленно катилась по пестрой от цветов степи* (И. Калашников). *Лишенная хода, «Кобе-Мару» [шхуна – О. М.] рыскала из стороны в сторону* (С. Диковский). *В засушливую пору машины ездят по степи напрямик, от базы к базе без объездов* (И. Падерин). *Теперь катер плыл в густом сумраке* (Г. Марков). *Самолеты сбросили бомбы над нашим передним краем, взмыли вверх и ушли на свою сторону* (Н. Емельянова).

Тем не менее такие предложения представляют иной вариант модели пропозиции субъектного перемещения, так как обозначают несамостоятельное движение предмета, каузированное кем-то или чем-то [Булыгина 1980; Ибрагимова 1978], а формальное подлежащее обозначает фактического реципиента действия, пациенса, с которым что-то случается, происходит. В этом случае говорящий персонифицирует предметы с целью логического выделения, обозначения того элемента ситуаций, который обладает для него «наибольшей информативной и диагностической силой» [Гак 1972]. Такие предложения

могут быть преобразованы в синонимические каузативные конструкции, в которых открывается позиция для истинного субъекта, инициатора движения [Ибрагимова 1978]. Ср.: *Машина едет. – Шофер ведет машину. Катер причалил к берегу. – Капитан причалил катер к берегу.*

Предложения, образованные глаголами-предикатами субъектного перемещения с лимитирующей субъектной семой 'транспорт', являются некаузативным коррелятом по отношению к синонимическим каузативным конструкциям.

Исходным вариантом, изосемичной моделью в этом синонимическом ряду являются предложения с одушевленным существительным в позиции субъекта. Предложения, в которых позиция субъекта замещена неодушевленным существительным из группы 'транспорт', представляют вторичный вариант модели (монопредикативный синонимический вариант с неизосемическими компонентами, по Г. А. Золотовой [Золотова 1982]). О вторичности предложений такого типа свидетельствует и тот факт, что в позиции предиката находятся только глаголы во вторичных значениях. Ср.: *Шли по нурье толпы пленных, катились тяжело груженные телеги (В. Ян). За деревьями – высоко, точно по небу, – прошел поезд (Ю. Герман).*

Так как между лексическим значением глагола-предиката и ситуацией наблюдается не прямое соответствие, то по отношению к исходной пропозиции 'субъектного перемещения' такие предложения представляют денотативный вариант, т. е. такие предложения, которые, в целом сохраняя семантику модели, отражают другие ситуации.

Предложения с глаголом-предикатом субъектного перемещения и субъектом 'транспорт' совмещают в себе признаки предложений бытийного и характеризующего типов, в чем, во-первых, проявляется

вторичный характер варианта модели, а во-вторых, отсутствие изосемичности между содержанием фрейма и сигнификативной семантикой глагола–предиката. Основная причина этого кроется в наличии лимитирующих сем неодушевленного субъекта в семантике глаголов. Отношения экзистенции могут выражать только предложения с делексикализированными глаголами, употребляемыми в расширенном значении [Арутюнова, Ширяев 1983], ср.: *По шершавому морю ходили пароходы, разные корабли* (Д. Гранин).

Денотативный вариант исходной пропозиции представляют и предложения, образованные глаголами-предикатами субъектного перемещения, при которых позицию субъекта замещают неодушевленные существительные, называющие способные к самостоятельному движению субстанции (*осадки, ветер, река* и т. п.). Однако пропозиции с субъектом такого содержания, отличаются как от пропозиций, образованных аналогичными предикатами, но с одушевленным субъектом, так и от пропозиций с предикатами ‘субъектного перемещения’, где в позиции субъекта находятся имена средств передвижения.

В первом случае отличие состоит в том, что субъект в рассматриваемых предложениях не является активным, как субъект одушевленный, что подтверждается невозможностью этих конструкций сочетаться с инфинитивом, обстоятельством цели, придаточным с союзом *чтобы* [Булыгина 1980]. От второго случая предложения с субъектами–натурфактами отличаются тем, что они не могут трансформироваться в соотносительные каузативные конструкции, несмотря на неодушевленное значение существительного–субъекта. Это объясняется, безусловно, экстралингвистическими причинами: в природе нет сил, способных перемещать названные субстанции (мы отвлекаемся здесь от способности человека перекрывать реки, изменять их

русла). Глаголы передвижения при таких субъектах отражают лишь «предрасположенность вещи проявлять себя определенным образом в определенных условиях» [Гак 1972]. Таким образом, пропозиции с предикатами ‘субъектного перемещения’ и субъектами–натурфактами в чистом виде представляют фрейм ‘бытийное состояние предмета’. Это находит подтверждение и в логико-грамматических типах предложений, и в поверхностной структуре высказывания.

Предложения с названными субъектами являются экзистенциальными предложениями, и для них типичен обратный порядок слов. По нашим материалам, в таких высказываниях частотны делексикализованные глаголы типа: *По океану ходила широкая плавная волна* (Б. Житков). Однако и обычные глаголы перемещения при референтных ограничителях субъекта, таких как *вода, река, осадки, ветер*, начинают нести строевую функцию и встают на путь десемантизации, поскольку эти существительные включают в свою семантику значение передвижения. Ср.: *Рыбу потрошили, ее пилили электропилами, обмывали из шлангов, под ногами струилась розоватая вода* (Д. Гранин). *Текла в солнечном сиянии Ангара, ... текло под слабый верховик с легким шуршанием время* (В. Распутин). *Падал редкий снег, небо, низкое, серое, висело, как сырое белье* (Д. Гранин).

Таким образом, пропозиции с предикатами субъектного перемещения и субъектами–натурфактами оформляются по бытийному типу, который служит представлением фрейма ‘бытийное состояние предмета’.

В предложениях с субъектами–натурфактами часто не замещаются позиции ‘начального/конечного пунктов перемещения’, потому что эти пункты, как правило, известны, т. е. референтный ограничитель имплицитно и соответствующий ситуативный ограничитель.

В случае экспликации ситуативного ограничителя замещается одна из этих позиций: существительное–локализатор указывает либо только на исходную точку, либо на конечную точку движения. Указания на оба пункта одновременно в наших материалах не встретилось. При глаголах несовершенного вида ситуативный ограничитель указывает на место перемещения. Локатив обычно эксплицируется, если он входит в рему высказывания и занимает финальную позицию. Ср. примеры:

с субъектом ‘небесные светила’, например: *Солнце склонилось к закату* (В. Шукшин). *Дарья подождала, подождала и, когда солнце пошло под уклон, не вытерпела, побежала к Андрею на покос* (В. Распутин). *Звезды плыли над самой головой* (Е. Долматовский);

с субъектом ‘ручей’ – *В оврагах дотаивал грязный ноздреватый снег, и юркие, быстрые ручейки, журча, убежали куда-то вниз, чтобы где-то разлиться на равнине и напоить землю веешней водой* (М. Колосов). *Ручей тек из каменной расселины* (С. Дангулов);

с субъектами ‘вода’, ‘волна’ – *Вода уходила в землю, лилась потоками обратно в Неву* (Ю. Герман). *Вода текла по этому рубцу, не размывая его* (В. Токарева). *Скалы плыли, двоились, волны набегали на траву* (С. Диковский);

с субъектом ‘ветер’ – *Ветерок тянул с низовьев реки* (Б. Васильев). *Ветер дует автобусу в лоб, сквозь щели в окнах проникает внутрь* (В. Распутин);

с субъектами ‘пот’, ‘слезы’ (локализатор при существительном *пот* ограничен названиями частей тела человека, при существительном *слезы* наименованиями частей лица) – *Она [Антонина – О. М.] плакала долго, слезы текли по лицу и попадали в рот, соленые, теплые и противные* (Ю. Герман). *И снова у матери губы задергались, слезы покатились по щекам, уже не сдерживаясь* (Крестьянка, 1997,

№ 6). *Уже не испарина, холодный пот тек по щекам и спине московского князя* (Д. Балашов);

с субъектами 'звук', 'запах', 'свет' (позиция начального пункта перемещения в предложениях с такими субъектами имеет значение 'источник распространения') – *Голос его* [Васьки Кубика – О. М.], *казалось, исходил откуда-то из самых недр обширной груди* (В. Кожевников). *Запахи вкусного ржаного хлеба заструились из дверей кухни* (И. Падерин). – *Быть может, они* [звезды – О. М.] *были где-то и теперь, потому что стекал же сверху серый сумеречный свет и откуда-то он должен же был браться* (В. Распутин).

Особый интерес представляют высказывания, отражающие позицию 'субъектное перемещение', в которых позицию субъекта замещают существительные из группы *осадки* или существительное *ветер*, эксплицирующие соответствующие ЛС. Для предложений с субъектом 'осадки' более типичен обратный порядок слов: глагол – имя, что говорит о бытийном характере подобных высказываний. П. Адамец писал, что в зависимости от порядка компонентов в предложении появляются семантические различия между глаголами действия и наличия [Адамец 1978]. К тому же эти предложения, что не раз отмечали исследователи [см., например, Арутюнова, Ширяев 1983; Золотова 1982, Кравчик 1989; Крылова 1992; Чаирова 1991], склонны к нерасчлененному употреблению в речи, являются коммуникативно нерасчлененными (в другой терминологии – двусоставными, но одночленными [Попова 1970]), ибо эти «предложения не приписывают предмету признака, а констатируют явление в одной из его фазисных точек» [Золотова 1982]. Этот факт, вероятно, объясняет возможные для данных предложений трансформации. Так, конструкции, созданные по модели предложений бытийного типа, с субъектами из группы 'осадки' семантически эквивалентны номина-

тивным предложениям, ср.: *На улице идет дождь – На улице дождь. За окном порошит снег – За окном снег.* Такая трансформация возможна, но, судя по нашим материалам, номинативные конструкции не являются частотными. Гораздо чаще мы встречаемся с результатом другой трансформации. Ср.:

	Накрапывал мелкий теплый дождь (Б. Васильев).	2.	Ночь была темная, сырая, накрапывало (В. Вересаев).
3.	Моросил теплый летний дождь (Ан. Иванов).	4.	Целый день моросило, мы никуда не выходили (В. Каверин).
5.	Снег порошил все сильнее, начиналась метель (Ан. Иванов).	6.	С утра порошило, к обеду ... разыгралась большая метель (Вс. Иванов).

И в том и в другом случае трансформации предложений мы можем говорить о компрессии [Мурзин, Штерн 1991] – устранении излишних в информативном отношении членов предложения, следствием которой является перестройка всего предложения. Поскольку глагол – организующий центр предложения, он с большим трудом поддается устранению, и поэтому чаще неназванным оказывается субъектный компонент. Трансформы исходных моделей, в которых отсутствует формально представленный субъект, определяются как безличные предложения. Однако особый характер глагола-предиката, содержащего в семеме специализированный субъектный компонент, позволяет говорить о наличии имплицитного субъекта в структуре предложения. «Такие предложения, не дифференцированные в отдельном выражении субъекта, безличны с формальной стороны, но едва ли следует считать их безличными и по содержанию» [Мещанинов 1978]. Итак, формально односоставные предложения, содержащие глагол с «включенным» субъектом, также выражают двучленную мысль. В двусоставных предложениях формально представленный субъект (нечетные примеры) не несет никакой новой информации, оказываясь семантически избыточным, и поэтому может быть уstra-

нен без ущерба для смысла (четные примеры). Тенденция к экономии языковых средств ведет к тому, что компрессированные конструкции становятся более употребительными.

Необходимо отметить, что не все предикаты с лимитирующей субъектной семой 'осадки' могут образовывать семантически эквивалентные конструкции с незамещенной субъектной позицией. Ограничения на это накладывает, во-первых, тип лимитирующей семы: глаголы-предикаты, содержащие альтернативные семы, а также специализированные семы низшего и среднего уровня специализации, не образуют безличных предложений. Ср.: *Медленно, торжественно падал снег* (В. Токарева). *Собственно, вечер только наступал, фонари еще не зажигались, с желтого неба падал редкий дождь* (Д. Гранин). *Мелкая морось неслышно сыпалась на притихший лес* (И. Калашников). *Сверху целыми днями сыпались белые хлопья* (Ф. Абрамов).

Во-вторых, возможность трансформации определяется статусом лексико-семантического варианта глагола – вторичные значения, даже если они включают очень конкретную, уникальную субъектную сему, не могут употребляться в безличных конструкциях, ср.: *У Солдата пылал вечный огонь. Дождь идет, а огонь горит. Снег валит, а огонь не гаснет* (А. Лиханов). *Плавал первый редкий туманец, воздух был влажным – будто сеял мелкий дождик* (М. Колосов).

Таким образом, коммуникативные варианты с незамещенной позицией субъекта образуют лишь глаголы-предикаты в основном значении с лимитирующей субъектной семой высшего уровня специализации.

Рассмотрим пропозиции, сообщающие о движении ветра. Глаголы-предикаты субъектного перемещения с референтным ограничителем *ветер* также образуют предложения бытийного типа, так как

движение – форма существования ветра. Предложения такого рода тоже могут преобразовываться в синонимичные конструкции, традиционно определяемые как безличные предложения.

1. В поле дует ветер – холодный, промозглый (М. Колосов).	2. С моря дуло сырым ветром (С. Диковский).
3. По вечерам с лугов тянет ветерок (Ф. Абрамов)	3. Тянуло ветром, настоящим весенним ветром (Ю. Герман).
5. С моря веял слабый ветерок (В. Катаев).	6. Из окна веяло теплым ветром (В. Токарева)

Как видно, и в личных, и в безличных конструкциях позиция субъекта действия *ветер* замещена соответственно формами Им. п. и Твор. п., в отличие от безличных конструкций с субъектом *осадки*, где позиция субъекта обычно формально не выражена. Чем можно объяснить такое различие? Вероятно, тем, что безличный вариант предложений, передающих ситуацию выпадения осадков, образуют только однозначные глаголы со специализированной субъектной семой, в то время как глаголы *веять*, *тянуть*, *дуть* являются полисемичными.

У глагола *тянуть* специализированная субъектная сема содержится во вторичных значениях, поэтому позиция субъекта при этом предикате обязательно замещается в любой конструкции.

Глагол *веять*, хотя имеет сему специализированного субъекта ‘ветер’ в основном значении, тем не менее употребляется в предложениях только с замещенной субъектной позицией. Это объясняется, вероятно, тем, что лимитирующая сема в этом ЛСВ глагола–предиката является альтернативной, поэтому при реализации соответствующей пропозиции возникает необходимость в актуализации только одного из вариантов альтернативной семы. Глагол–предикат *веять* образует предложения, безличные с формальной точки зрения,

в которых позицию субъектов замещают существительные *тепло, прохлада, запах* и т. п. в форме творительного падежа, которая подчеркивает их неактивный характер, ср.: [Никита Иванович] *только что вернулся с мороза, и от него веяло холодом* (К. Горбунов). *В открытые окна кабинета веяло прохладой* (И. Падерин). (См. подробнее об этом 4.3.4. настоящей главы). Невыраженность субъекта в предложении может привести к неразличению вариантов, и фраза не будет выполнять коммуникативной функции.

Наши предположения подкрепляются картиной функционирования глагола *дуть*. Он содержит сему специализированного субъекта ‘ветер’ в основном значении, вторичные значения связаны с действиями лица и, естественно, предложения, образованные глаголом-предикатом *дуть* в неосновном значении, не способны к трансформации подобного типа. Отсутствие омонимичных форм открывает для основного ЛСВ глагола *дуть* возможность создания предложений как с замещенной (*С моря дуло сырым ветром*), так и с незамещенной (*Из окна дует*) позицией субъекта.

Пропозиция ‘субъектного перемещения’ имеет еще один вариант, отражающий фрейм ‘бытийное существование предмета’. Она представлена предикатами субъектного перемещения и субъектом *время*. Например: *Прошли годы – они теперь несутся быстро* (Е. Долматовский). *Срок, назначенный дедом Егором для отъезда, подступил так скоро, что и правда не успели оглянуться* (В. Распутин). *Потянулись дни тревожного ожидания* (В. Быков). *Надо было, вернее, не столько надо, сколько пришло время, жеваться* (Ю. Герман). *Какой все-таки длинный день в деревне! В городе ... и не заметишь, как он промелькнет* (Ф. Абрамов). *Более трети века прошло, пронеслось, промчалось мне навстречу* (А. Твардовский). *С тех пор утекла вечность, хотя и прошло меньше*

года (С. Дангулов). С тех пор, как он [Дробышев – О. М.] добился создания лаборатории, ... день за днем, неделя за неделей проскакивали, и все они были ненастоящие, все они были преддверием (Д. Гранин).

Так как *время* – это существительное процессуальной семантики, такие предложения сообщают о протекании процесса. Особенность таких конструкций заключается в том, что их семантическим центром является субъектный компонент, а глагол-предикат, освободившись от наименования процесса, заложенного в семантике имени, берет на себя выражение значений фазисности или способа протекания процесса. Часто такие предложения являются нераспространенными: *Время мчится. Невозможно остановить его бег* (И. Калашников). *Время пролетело. Не успели поест, поговорить, как послышалась команда: «Выходи строиться!»* (М. Колосов). *Проходили месяцы и месяцы. Люди, которые облюбовали Петрухину избу, не давали о себе знать* (В. Распутин). *А за пятнадцать лет, которые ушли неизвестно на что, он мог бы побелить много потолков и научить этому других. А время ушло* (В. Токарева).

Как говорилось выше, специализированная субъектная сема в некоторых глаголах может быть эксплицирована в корневой морфеме. Среди глаголов субъектного перемещения встретились такие случаи: *дождить* (о дожде), *снежить* (о снеге), *буранить* (о буране). Все эти глаголы однозначные, и лимитирующая сема имеет высшую степень специализации. Высокая степень специализации субъектных сем, подкрепленная экспликацией их в корневых морфемах глаголов, приводит к невозможности в глагольном окружении позиции субъекта, например: *Буранит, зги не видать, мы бьемся с эти снегом днем и ночью* (В. Чивилихин.). *Снежило и таяло, а в промежутках удара-*

ло азиатским морозцем (Л. Леонов). На дворе все также – дождит, ветер треплет мокрое белье, развешенное на веревке (Ф. Абрамов).

Как справедливо заметил И. И. Мещанинов, «субъект и предикат должны наличествовать в предложении, но формально ... могут быть выражены в одном его члене». И далее: например, глагол *дождит* «содержит в себе субъект, скрытый в семантике самого глагола: дождь дождит» [Мещанинов 1978]. В этом случае мы должны говорить о существовании имплицитного субъекта. Эту же мысль высказывает Г. А. Золотова: «будет логичным признать двусоставными и модели «собственно безличных» предложений» [Золотова 1984].

Аналогично должны быть рассмотрены предложения типа: *Рас-светло. Вечереет. Стемнело*. Глаголы-предикаты, образующие эти предложения, входят в пропозицию 'возникновения', также представляющую фрейм 'бытийное существование предмета'. В семантике этих глаголов присутствует уникальная по своему характеру специализированная субъектная сема, эксплицированная в корневой морфеме глагола. Поэтому указанные предложения также являются двучленными, с семантической точки зрения, с «включенным субъектом».

Т. П. Ломтев считает, что «субъектно-предикатное членение свойственно каждому предложению, в том числе и безличному», а субъектом в безличном предложении «является формальный предмет», не обладающий «никакими свойствами отдельных предметов» [Ломтев 1972]. Опираясь на семную структуру глаголов-предикатов и выделив в ней специализированную субъектную сему, мы можем говорить не просто о формальном предмете, но о конкретном для каждого случая субъекте бытия. Речь должна идти именно о бытующем предмете (в широком смысле), так как предложения, передающие ситуацию состояния среды, относятся к бытийным, по-

скольку в них лишь сообщается о наличии (появлении или исчезновении) какого-либо явления. Ср. возможную трансформацию таких предложений: *Рассвело – Наступил рассвет; Снежило и таяло. – То снег шел, то он таял...; Дождит. – Идет дождь; Буранит. – На улице буран.* В первом случае в трансформе употреблен фазисный глагол *наступил*, во втором и третьем – делексикализированный глагол *идти*, в четвертом предложении – нулевая форма глагола *быть*. Трансформации такого рода свидетельствуют о бытийном характере исходных предложений.

На наш взгляд, подобные конструкции подтверждают наличие в семантической структуре безличных предложений позиции субъекта. Тот факт, что в безличных предложениях используется только форма 3 лица единственного числа (или форма среднего рода), не противоречит нашему стремлению рассмотреть эти конструкции в одном ряду с личными предложениями, поскольку все глаголы с лимитирующей семой субъекта характеризуются неполнотой личной парадигмы [Дружинина 1964; Золотова 1982; Тарланов 1979]. В. В. Виноградов квалифицирует глаголы с неполной личной парадигмой как переходную ступень от личных к безличным глаголам [Виноградов 1972]. Е. А. Седельников также не относит к личным предложениям те, где подлежащее выражено неодушевленным существительным [Седельников 1970].

Таким образом, все личные глаголы с семой специализированного неодушевленного субъекта можно рассматривать как находящиеся за пределами категории лица. Говоря о личных и безличных вариантах предложений, образуемых такими глаголами–предикатами, мы под лицом подразумеваем «не отношение к грамматическому лицу, а определенность подлежащего и под безличностью – неопределенность подлежащего» [Потебня 1958]. Такой подход позволяет объяс-

нить употребление в прошедшем времени формы среднего рода глагола, который, как отмечает В. В. Виноградов, «в современном языке всегда остается за пределами категории лица» [Виноградов 1972].

Резюмируем сказанное. Функцию субъекта при глаголах–предикатах со значением субъектного перемещения могут выполнять как имена лиц и животных, так и существительные со значением неодушевленного предмета. Круг неодушевленных субъектов очерчен содержанием лимитирующих сем, входящих в семантику глаголов–предикатов. Влияние субъектного компонента на содержание пропозиции настолько велико, что характер субъекта оказывается решающим для определения общей пропозициональной семантики и репрезентируемого фрейма. Предложения с глаголами–предикатами ‘субъектного перемещения’, но с разными семантическими типами субъекта, хотя и образуются по одной модели, но представляют различные денотативные варианты и отражают разные фреймы. Предложения с одушевленным активным субъектом репрезентируют фрейм ‘движение субстанции’, а предложения с неодушевленным субъектом, совпадающим с референтным ограничителем, – фрейм ‘бытийное состояние предмета’. Такое сущностное различие находит подтверждение, во-первых, в том, что предложения с одушевленным субъектом относятся к логико-синтаксическому типу характеристики, а предложения с неодушевленным субъектом – к бытийному типу. Во-вторых, они различаются возможностями трансформации. Предложения с субъектом *транспорт* образуют синонимические конструкции, в которых функцию субъекта выполняет реально управляющее транспортными средствами лицо. Эти трансформы прямо соответствуют отражаемой ситуации, тогда как анализируемые предложения являются неизосемичной моделью. Предложения с субъектами–натурфактами могут трансформироваться в безличные варианты, ко-

торые, однако, с семантической точки зрения являются двухкомпонентными с имплицитным субъектом, включенным в семантику предиката. Предложения с субъектом – живым существом не способны к подобным трансформациям..

4.3.4. Пропозиция с предикатами перемещения объекта и референтным ограничителем – неодушевленным субъектом

Пропозиция ‘перемещение объекта’ образует типовую семантическую модель, которую можно представить следующим образом:

субъект	+	предикат	+	объект	+	место
перемещающий		перемещения		перемещения		перемещения

Компоненты пропозициональной модели предсказаны валентностными свойствами глаголов–предикатов. Поскольку у всех объектных глаголов (глаголов, которые открывают позицию объекта действия) наблюдается отчетливо выраженная антропоцентрическая ориентация в заполнении субъектной позиции, в исходном варианте модели позиция субъекта замещается обычно существительным со значением лица. Позицию объекта перемещения замещает, как правило, неодушевленное существительное, реже – одушевленное. В позиции локатива находится неодушевленное существительное с пространственными предлогами либо местоименное наречие. Ср.: *Мы завели лошадей в конюшню и начали их расседлывать* (Н. Тихонов). Такого рода предложения отражают ситуацию целенаправленного перемещения какого-либо предмета (пациенса) активным субъектом.

Как и в предложениях с глаголами–предикатами субъектного перемещения, в рассматриваемых высказываниях позицию субъекта может замещать неодушевленное существительное, предписанное со-

держанием референтного ограничителя. Ср.: *Длинная волна выбросила на песчаный берег большое дерево* (В. Катаев). *Выра после снежных зим бурно разливалась и, бывало, уносила какое-нибудь немудрящее ... строеньице* (П. Проскурин). *Великая река несет князя владимирского в Орду на поклон хану Узбеку* (Д. Балашов). И сразу исчезли синие обои, занавески, которые ветер выносил на середину комнаты (Ю. Герман). *Будто, как в старых сказках, пустили наугад стрелу и, куда ветер ее занес, туда и пошли* (В. Распутин). *А солнце светит все также, неощутимое дуновение ветра несет полынную горечь* (И. Калашников).

Как показали наши материалы, позицию субъекта при предикатах указанного типа могут замещать лишь существительное *ветер* и его синонимы, а также существительные, объединенные семой 'текущая вода', то есть такие имена, в семантике которых есть сема движения. Движение для ветра и текущей воды есть форма существования, поэтому все глаголы с категориальным значением 'перемещения', имеющие в семемах аналогичные ЛС, отражают бытийное состояние этих субстанций. Человеческое сознание приписывает этим динамическим явлениям способность выполнять роль активного субъекта даже с элементами направленности действия (в этом проявляется антропоцентричность языкового отражения действительности). Поэтому ЛС 'ветер' и 'текущая вода' появляются в объектных глаголах 'перемещения'. И отраженная в них пропозиция 'бытийного существования предмета' совмещается с пропозицией 'перемещения объекта', утратившей, однако, признак 'целенаправленности действия', свойственный исходному варианту.

О том, что предложения с одушевленным и с неодушевленным субъектом представляют разные варианты модели, свидетельствуют различные возможности трансформации предложений. Предикаты пе-

ремещения объекта при неодушевленном субъекте могут образовывать в речи параллельные синонимические конструкции:

1. <i>Длинная волна выбросила на песчаный берег большое дерево</i> (В. Катаев).	2. <i>Но едва шлопка подошла к берегу, как ее водою подняло вверх и выбросило</i> (И. Гончаров).
3. <i>Бранные слова уносит ветер, а пролитая кровь уходит в землю</i> (Д. Балашов).	4. <i>Ему бы попридержать ее, помешкать, оглядеться вокруг себя, чего шло осталось, а чего уж ветром унесло</i> (В. Распутин).
5. <i>Ветер разносил листья по улам и закоулкам</i> (И. Калашников.).	6. <i>Маленькие поселки в пять-шесть домиков вдоль дороги отстоят друг от друга недалеко, будто это ветром разнесло какую-то большую станцию</i> (В. Распутин).
7. <i>Ветер тотчас резво подхватывал дым и рваными клочьями относил его в сторону</i> (П. Проскурин.).	8. <i>Пыль относило ветром</i> (Д. Балашов).

В традиционной грамматике трансформы с глаголом-предикатом в безличной форме рассматриваются как безличные предложения, в которых отсутствует субъект. Однако многие ученые—синтаксисты признают в предложениях такого типа наличие субъекта, осложненного элементами орудийности [Бондарко 1978; Золотова 1982; Ломов 1994; Ломтев 1972]. Н. П. Распопов [см.: Распопов, Ломов 1984] называет такие предложения «субъектно-агентивными безличными предложениями». Т. П. Ломтев, рассматривая соотношение номинативной и инструментальной конструкций, говорит об активности/демиактивности субъекта. В номинативных предложениях предмет активен, его роль в действии закономерна; в инструментальных моделях предмет выполняет случайную роль, его активное значение ослаблено [Ломтев 1972; см. также: Кубик 1977]. Кроме того форма

именительного падежа подчеркивает направленный характер действия субъекта, отсутствующий в форме творительного падежа.

Для нас несомненно наличие субъекта в предложениях обоих структурных типов, о чем свидетельствует лексико-семантическое сходство имен в формах именительного и творительного падежей и их совпадение с референтным ограничителем субъекта в семантике предиката. Исходным вариантом, изосемичной моделью мы считаем предложение с субъектом в форме творительного падежа, так как «в составе его компонентов в наиболее «чистом», однозначном виде отображен стихийный характер события» [Золотова 1982]. Предложения с субъектом в именительном падеже представляют вторичный вариант, так как неодушевленным субстанциям признак активности с элементами направленности действия лишь приписывается человеком.

Предложения, содержащие в позиции субъекта одушевленное существительное, не поддаются демиактивной трансформации, так как компоненты со значением «стихийного действия и одушевленного деятеля синтагматически несовместимы» [Золотова 1982].

Позиция объекта перемещения в предложениях с неодушевленным субъектом замещается всегда и только неодушевленным существительным. Тем не менее и здесь мы находим особые случаи. Глаголы–предикаты *мести* и *кружить* имеют, помимо семы специализированного субъекта действия, лимитирующую сему объекта ‘снег’, которая не получает позиционной реализации в поверхностной структуре высказывания. Ср.: *На улице было холодно, северо, мела поземка* (Ф. Абрамов). *Ей* [Тамаре Иннокентьевне – О. М.] *представлялось, что по всей земле метет вьюга* (П. Проскурин). *А на полях кружит метель, змеится поземка* (И. Падерин). *На улице кружила метель. Кира провожала его до моста* (Д. Гранин).

В этих предложениях присутствует имплицитный объект ‘снег’, включенный в семантику глагола–предиката, а кроме того, по закону семантического согласования компонент ‘снег’ входит и в семему существительных, способных замещать субъектную позицию, ср.: *вьюга* ‘сильная метель, снежная буря’; *метель* ‘сильный ветер со снегом’; *поземка* ‘низовой ветер, а также снег, переносимый ветром при отсутствии снегопада’.

Особое место в представлении рассматриваемых пропозиций занимают глаголы–предикаты *веять* – ‘обдавать дуновением (прохлады, тепла, запаха и т. п.)’; *тянуть* – ‘приносить с собой (какой-л. запах)’. Отражаемая ими ситуация предполагает, что субъектом при этих предикатах может выступать только существительное *ветер*. Такие глаголы образуют следующие конструкции:

1. <i>Мягкий ласковый ветерок тянул вдоль бульвара свежий сладкий запах цветущих лип</i> (Б. Полевой.).	2. <i>Из кухни тянуло запахом жареного кофе</i> (Д. Гранин). <i>Тянуло хмельным запахом сурепки</i> (Ф. Гладков).
3. <i>Утренний ветерок веял мягкой прохладой</i> (И. Гончаров).	4. <i>Никита Иванович только что вернулся с мороза, и от него веяло холодом</i> (К. Горбатов).

Предложения с личным глаголом (нечетные примеры) соотносятся с предложениями с безличными глаголами (четные примеры), но данные трансформы отличаются от ранее рассмотренных. В безличных предложениях позицию субъекта (существительное в Твор. п.) замещает существительное, которое в личных вариантах занимало позицию объекта. Реальный перемещающий субъект *ветер* в безличных вариантах модели не эксплицируется, а субстанции перемещаемые мыслятся как неактивный субъект действия. Косвенный падеж и безличная форма глагола-предиката подчеркивают такой демиактивный характер субъекта.

Подобные трансформации объясняются, на наш взгляд, существованием омонимичных предложений типа *Тянуло ветром. Веяло слабым ветерком*, которые сообщают о перемещении субъекта *ветер* (см. 4.3.3. настоящей главы).

Предложения, репрезентирующие анализируемую пропозицию, совмещают признаки двух логико-синтаксических типов: экзистенции и характеристики. Тесная семантическая связь предиката и референтного ограничителя субъекта обуславливает значение бытийности, а лексико-грамматические признаки глагола вносят характеризующее значение типа, так как транзитивные глаголы не могут употребляться в бытийных предложениях.

4.3.5. Пропозиция с предикатами воздействия на объект и референтным ограничителем – неодушевленным субъектом

Пропозиция, отражающая ситуацию воздействия на объект, включает несколько компонентов и может быть представлена в виде такой модели:

субъект	предикат	объект	орудие/средство
воздействующий +	воздействия	+ подвергаемый +	воздействия
	на объект	воздействию	

Предикаты, объединенные категориальной семантикой ‘воздействие на объект’, своими валентностными свойствами предопределяют места-позиции в предложениях. В связи с общей направленностью объектных транзитивных глаголов, о чем говорилось выше, позицию воздействующего субъекта в исходной семантической модели замещает одушевленное существительное, чаще всего со значением лица. Позиция объекта в семантическом плане менее определена. Здесь могут находиться как одушевленные, так и неодушевленные существительные [Розина 2003]. Позиция орудия (инструмента) или сред-

ства воздействия замещается только неодушевленными существительными [Филлмор 1981a].

Последняя из названных позиций является обязательной для рассматриваемой пропозиции, хотя вообще, по мнению У. Чейфа, глаголы, обозначающие действие-процесс, только факультативно могут сопровождаться существительным, которое относится к ним как инструмент [Чейф 1975]. Особенность позиции 'орудие/средство воздействия' заключается в том, что она очень во многих случаях остается незамещенной (чем, возможно, и объясняется точка зрения У. Чейфа). В этом проявляется общая тенденция реализации референтных ограничителей непрямого объекта. Многие глаголы-предикаты, формирующие пропозицию воздействия субъекта на объект имеют в значении специализированные семы 'средство действия' или 'инструмент действия'. Интересно замечание Ю. Д. Апресяна о различии между инструментом и средством, которое, по его мнению, заключается в том, что «использование средства приводит к его расходованию, «связыванию» (его все меньше остается в свободном состоянии), в то время как применение инструмента оставляет его в несвязанном состоянии» [Апресян 1995]. Это свидетельствует о том, что в позиции средства действия употребляются вещественные существительные, а в позиции инструмента – конкретные.

Актанты, соответствующие этим семам, оказываются «включенными» в семантику глагола, не получая экспликации в контексте. Ср.: *кусать* 'ранить, вонзая зубы, сдавливая зубами' – *Козловский слушал молча и кусал ручку пера* (А. Куприн); *щипать* 'защемлять пальцами кожу тела' – *В мастерской ее {Настеньку} мучили все: и хозяйка, и мастерицы. Рвали за волосы, до синяков щипали тело* (Ф. Гладков); *исклевать* 'ударами клюва изранить во многих местах' – *Видом своим он {Мошка} напоминал припущенного к выводку*

цыпленка, которого наседка-мачеха исклевала насквозь (М. Салтыков-Щедрин); *прессовать* ‘подвергать давлению, сжатию, обработке прессом’ – *Директор повел их в цех, где прессовали древесину* (Лит. газ., 2005, № 8) и т. п.

При других глаголах–предикатах (без специализированных сем) позиция орудия/средства воздействия обычно замещена: *Солдаты изрешетили пулями рабочих-боевиков* (А. Югов; *Егора они [белые – О. М.] сначала шомполами мучили* (М. Горький). *Большаков накрыл лампу куском материи* (Ан. Иванов).

Как и в пропозиции, рассмотренной в предыдущем разделе, в исследуемой пропозиции субъект может быть представлен неодушевленным существительным, заданным лимитирующей семой глагола–предиката. Реальное содержание референтных ограничителей субъекта в глаголах–предикатах с категориальным значением ‘воздействие на объект’ ограничено небольшим числом семантических групп. Это существительные вещественной семантики из групп ‘явления природы’, ‘жидкость’, ‘запах’, ‘огонь’, а также конкретного значения из групп ‘растения’, ‘небесные светила’, одежда, обувь’. Выше мы говорили (вслед за многими исследователями), что в языке с большей регулярностью и частотностью находят отражение ненормативные явления, часто нежелательные или представляющие опасность для человека. Этот факт со всей очевидностью наблюдается при реализации пропозиции ‘воздействия на объект’. Ср.: *В тот же миг раздался взрыв, в нос ударил противный запах пороха, на спину полетели комья мерзлой земли* (Ю. Бондарев); ... *шею ему [Лазареву – О. М.] жал воротничок сорочки* (В. Кожевников); *Мелкий, холодный дождь сечет лицо, ноги разъезжаются по грязи* (В. Богомолов); *А Родич, напарник его, стоит, дрожит весь: сырой ветер пронизывает его насквозь* (М. Колосов); *Горячее солнце палит лицо и тело*

(В. Гаршин); *Фрол шел сквозь заросли, не разбирая дороги, сухие сучья цеплялись за штаны, крапива жалила босые ноги* (Ан. Иванов).

Субъекты–натурфакты: *дождь, ветер, огонь, резкий запах, жгучие растения* и под.–самим своим существованием могут оказывать неприятное или опасное воздействие на человека. Эта их особенность и нашла отражение в глаголах, содержащих лимитирующие субъектные семы аналогичного содержания. Несмотря на переходный характер значения таких глаголов, нельзя говорить об активности вышеназванных субъектов. Поэтому вновь, как и в предыдущем разделе, мы можем говорить о денотативном варианте исходной модели, поскольку эти предложения отражают совершенно иные ситуации, чем предложения, в которых позицию субъекта замещают одушевленные существительные.

Особенность предложений этого варианта заключается в том, что неодушевленный специализированный субъект, представленный существительными вещественного значения, является одновременно субъектом действия и средством воздействия. Такая двойственность семантики обусловила синонимичных коммуникативных вариантов предложений с глаголами–предикатами воздействия на объект и референтным ограничителем указанного типа. В одном из вариантов замещена позиция субъекта (нечетные примеры), а в другом – позиция средства действия (четные примеры), ср.:

1.	Холод <i>прохватывал</i> шаха <i>насквозь</i> (И. Калашников).	2.	Андрея Григорьевича <i>изрядно прохватило</i> мартовским утренним холодом (Седых).
3.	<i>Кажется, что</i> ветер, который <i>обдувает</i> наш старый дом, все еще <i>вздывает</i> Машины волосы (С. Дангулов).	4.	Юрту, стоящую на возвышенности, со всех сторон <i>обдувало</i> ветрами (И. Калашников).
5.	<i>Больно вспомнить, как он плакал над</i>	6.	<i>И там, где прошли всадники, остава-</i>

	<i>просом, которое побил град</i> (Г. Троепольский).		<i>лась полоса помятой, спутанной травы, будто ее градом побил</i> (В. Ян).
9.	<i>Воздух был густой, пахнувший пылью, небо наполовину заволокли низкие чер- ные тучи</i> (И. Калашников).	10.	<i>К вечеру небо заволокло серыми об- лаками</i> (В. Белов).
11.	<i>Затихли взрывы, дым, едкий, пахну- щий чесноком, окутал все, дышать невозможно</i> (В. Быков).	12.	<i>Уже весь передний край немцев оку- тало дымом, а артиллерия все была и была</i> (Б. Васильев).
13.	<i>Стрела вонзилась перед самым носом тарбагана, взбитая пыль запорошила ему глаза</i> (И. Калашников).	14.	<i>Коричневый лак фисгармонии запо- рошило седой пылью</i> (К. Горбатов).

Невыраженность в формальной структуре предложения одного из компонентов семантической модели обусловлена совмещенностью в одном имени, называющем специализированный субъект, значения субъекта и средства действия. В предложениях с замещенной позицией субъекта на первое место выдвигается способность данной субстанции к действию (субъект-средство), в предложениях с замещенной позицией средства действия подчеркивается вещественный характер субъекта (средство-субъект). Как справедливо замечает Е. С. Кубрякова, принципы членения ситуации, о которой хочет рассказать человек, связаны «не только с предыдущим опытом человека, но и с его языковыми знаниями. Они пускаются в ход не только тогда, когда сложившаяся синтаксическая структура подлежит за-полнению, но и тогда, когда выбирается сама синтаксическая структура и/или номинативные блоки будущего высказывания» [Человеческий фактор 1991: 14].

Как и в рассмотренных выше случаях (см. 4.3.4. настоящей главы), мы признаем двусоставным предложением и вариант с безличной формой глагола, так как существительное, замещающее позицию

средства действия, имплицитно сему специализированного субъекта в значении глагола-предиката. Формы глаголов – личная при Им. п., при компоненте ‘субъект-средство’, и безличная при Твор. п., при компоненте ‘средство-субъект’, – подчеркивают восприятия субъекта либо как активного либо как демиактивного. Несмотря на все формальные отличия, такие пары предложений отражают одну ситуацию и соотносятся друг с другом как основной и вторичный варианты. Основным вариантом, изосемичной моделью следует считать предложение с безличной формой глагола и субъектом в Твор. п., поскольку для субстанций анализируемого типа первичной является функция средства воздействия.

Глаголы-предикаты воздействия на объект, в толкованиях которых специализированная субъектная сема отражена именем существительным конкретно-предметного значения, обычно образуют предложения с замещенной позицией субъекта действия, например: *Кожаная шведская куртка плотно охватила грудь* (Сергеев-Ценский); *А тут еще проклятые гутулы жмут ноги* (И. Калашников); *Сапоги так ловко обтянули ноги, шинелька на теплой подкладке так приятно сдавила грудь, будто хороший друг обнял* (М. Колосов).

В наших материалах встретилось только два случая, когда существительное, соответствующее семе специализированного субъекта в семантике глагола, замещает позицию орудия действия: *Пока женщины косили, лицо им опалило солнцем* (Крестьянка 1997, № 5). *Голову Марвику напекло солнцем* (Е. Пермяк). В обоих случаях это существительное *солнце*, которое выступает здесь в своем вторичном значении ‘свет, тепло’, то есть имеет уже неконкретно-предметную семантику.

Некоторые из глаголов-предикатов этой группы – *жечь, печь, палить, припекать* – могут употребляться в абсолютном значении,

и при них позиция объекта остается незамещенной, что не нарушает коммуникативной функции предложения. Ср.: *Днем солнце хорошо пригревало, но не жгло* (В. Токарева); *Солнце почти пекло, снег оседал, орали птицы* (В. Шукшин); *Солнце палило немилосердно* (К. Воробьев); *Когда уже поднялось и припекло солнце, он присел у речки* (С. Злобин).

В семантике этих глаголов имеется лимитирующая субъектная сема 'солнце' – высшей степени специализации, поэтому они могут образовывать также и безличные варианты рассматриваемой модели с имплицитным субъектом, например: *На другой день опять нещадно палило* (И. Калашников); *В тени пекло невыносимо* (Л. Толстой). Возможность таких трансформов объясняется уникальным характером специализированной субъектной семы в значении глагола.

Не поддаются трансформации предложения с глаголом *жечь*, что связано, возможно, со стремлением языка избежать омонимичности с уже имеющимися предложениями с этим же глаголом-предикатом, но отражающими иную ситуацию, ср.: *Внутри у меня жжет... вроде изжоги* (М. Горький).

Предложения с глаголами-предикатами 'воздействия на объект', и неодушевленным существительным в позиции субъекта, манифестирующим ЛС, можно отнести к переходному логико-синтаксическому типу, так как отношения характеристики переплетаются в них с экзистенциональными отношениями. Такие предложения, как нам кажется, репрезентируют сложный фрейм 'бытийное состояние предмета и воздействие этого предмета', в чем существенную роль играют референтные ограничители неодушевленного субъекта.

4.3.6. Пропозиции ‘интеллектуальная деятельность субъекта’ и ‘эмоциональное состояние субъекта’ с референтным ограничителем – неодушевленным субъектом

Объектом анализа в настоящем параграфе являются глаголы–предикаты с лимитирующими семами ‘чувства’ и ‘мысли’ (мы рассматриваем их вместе, так как они аналогичны практически по всем признакам). Эти семы занимают особое место в системе лимитирующих сем. Особенности состоят в следующем: во-первых, это единственная группа, представленная абстрактными существительными, во-вторых, подавляющее большинство ЛС ‘мысли’, ‘чувства’ входит в семантику субъектно–ориентированных глаголов, в отличие от других сем, отражающих неживую часть мира *действительность* и преимущественно присутствующих в объектных глаголах. Такие особенности не могут не найти проявления в проекции названных сем на синтаксический уровень. ЛС ‘мысли’, ‘чувства’ соответствуют референтным ограничителям субъекта, которые обязательно входят в ‘перспективу’ и вместе с семантическим связанным с ним предикатом образуют ‘двухуровневые’ пропозиции. Поверхностный уровень занимает пропозиция ‘существование предмета’ – предметом в данном случае является *мысль* или *чувство*, глаголы–предикаты различной семантики передают информацию о наличии мысли или какого-либо чувства. Глубинный уровень занимает пропозиция ‘субъект и его интеллектуальная деятельность’ или ‘субъект и его эмоциональное состояние’. Так, например, предложение *Страх охватил его* репрезентирует, во-первых, пропозицию ‘страх существует’, которая, по нашему мнению, лежит на поверхности, так грамматическая форма предложения ей соответствует, а во-вторых, пропозицию ‘некто испытывает чувство страха’, которая имеет косвенное выражение в грамматической структуре и потому находится на глубинном

уровне. Часто такие предложения оформляются по типу структур, обозначающих каузацию состояния лица.

Можно считать, что предложения, образуемые глаголами-предикатами с интересующими нас ЛС, представляют собой трансформированные варианты пропозиций, представленных моделями *Он думает; Она горевала*. Ср.: «Я, очевидно, в самом деле простудилась и больна», – мелькнула у нее [Тамары Иннокентьевны – О. М.] туманная, как бы посторонняя мысль (П. Проскурин) – Подумала Тамара Ивановна; Тут мысли Семеновны перескочили на себя, на свою молодость и учебу (В. Чивилихин.) – *Семеновна начала вспоминать; Все эти мысли, набегая одна на другую, разом пронеслись в голове Володьки (Ф. Абрамов) – *Володька размышлял; Он [Чичерин – О. М.] задумался, сощурившись, как мне привиделось, скептически – его посетило сомнение (С. Дангулов) – Чичерин засомневался; В это время Костю охватило то давнее забытое ощущение, которое он испытал в младенчестве, когда болел (В. Кожевников) – *Костя ощутил что-то давнее, забытое; Внезапная злоба овладела им [Скворцовым – О. М.] (Ю. Герман) – Скворцов разозлился; Нет, теперь не легкое беспокойство, а нечто похожее на тревогу обуяло меня (С. Дангулов) – Я стал тревожиться; Задор, лихая удаль вдруг накатили на Альку (Ф. Абрамов) – *Алька вошла в задор и удаль.

Безусловно, коррелятивные высказывания сходны лишь в самом общем смысле, на уровне пропозиции, тогда как конкретное содержание каждого высказывания в паре во множестве случаев весьма отдаленно одно от другого, и кроме того, не всегда возможен исходный вариант (см. примеры со звездочкой).

Какие факторы позволяют нам считать предложения такого типа вариантами моделей, в которых позицию субъекта замещает существительное со значением лица?

В высказываниях рассматриваемого типа позиция субъекта интеллектуальной деятельности или носителя эмоционального состояния обязательно наличествует (*мелькнула у нее [Тамары Иннокентьевны]; мысли Семеновны перескочили; пронеслись в голове Володьки; его посетило; Костю охватило; овладела им; обуяло меня; накатили на Альку*). Этот компонент предложения замещен именами лиц или местоимениями–существительными и выражен формами косвенных падежей, что, вероятно, подчеркивает его двойственное значение: с одной стороны, субъекта действия или состояния, а с другой стороны, объекта каузативного воздействия.

Существительные в форме Им. п., замещающие позицию субъекта в анализируемых предложениях, также обладают двойственным функциональным значением: а) имеют значение субъекта – каузатора действия или состояния; б) обозначают предикативный признак субъекта–лица, называя его состояние или деятельность. Такое совмещение значений возможно в силу семантической специфики существительных, замещающих позицию этого компонента. Выраженный отвлеченным именем существительным, субъектный компонент в такого рода предложениях представляет собой свернутую предикативную единицу – предикатный актант [Типология конструкций 1985]; в другой терминологии – «включенный предикат» (В. В. Богданов), «номинализованная пропозиция» (Н. Д. Арутюнова), «пропозиционный субъект» (Г. А. Золотова). Одним из доказательств этого утверждения может служить тот факт, что многие из имен существительных, называющих преходящие психические состояния, а также мыслительные процессы, соотносительны с глаголами: *гнев – гневаться, чув-*

ство – чувствовать, любовь – любить, жалость – жалеть, мысль – мыслить, дума – думать и т. п.

В предложениях анализируемого типа в позиции предиката употребляется «физическая» [Арутюнова 1976] лексика, то есть глаголы конкретного действия и воздействия на объект, но в своих вторичных, метафорических значениях. Такие глаголы-предикаты, соединяясь с именами психической сферы, образуют, согласно «закону повышения ранга пропозиции» [Шмелева 1983], высказывание, в котором отражается ситуация психической или умственной сфер.

Итак, предложения, образованные глаголами-предикатами с лимитирующими семами специализированных субъектов ‘мысли’ и ‘чувства’, являются усложненным вариантом пропозиций, «неизо-семической моделью» полипредикативного и полисубъектного типа [Золотова 1982]. Эту сложную пропозицию можно представить следующим образом, сохраняя двухуровневую структуру и учитывая двойственность позиции аргументов:

субъект-каузатор/	+	предикат каузации	+	объект каузации/
предикат состояния		+		субъект состояния

Например: *Отчаяние охватило Ивана* (Д. Балашов).

Существительное *отчаяние* замещает позицию субъекта-каузатора и одновременно является выразителем предикативного признака состояния. Глагол-предикат *охватило* выражает значение каузации определенного состояния. Имя лица *Иван* замещает позицию объекта каузации и одновременно выполняет функцию субъекта – носителя эмоционального состояния (ср. *Иван был в отчаянии*).

Всякий вариант имеет некоторые отличия от своего инварианта. В частности, в рассматриваемых предложениях выдвижение

в позицию субъекта–каузатора имен *мысли* и *чувств*, расширяет их смысл, поглощающий значение реального субъекта.

Внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего материального мира, и поэтому в предложениях, включающих в качестве субъекта–каузатора имена чувства или мысли, обычно характеризуются свойства– «действия» последних [Арутюнова 1976]. Для этого используются глаголы конкретного действия.

Так, в функции предиката при субъекте *мысли* употребляются обычно глаголы движения: *Мысли Тэмуджина текли ровно и спокойно* (И. Калашников); *Мысль столь же неожиданная, сколь смелая, вторглась в его* [Чичерина – О. М.] *сознание* (С. Дангулов); *И опять мысли его* [Карташева – О. М.] *унеслись вперед* (Н. Емельянова).

Существительное *мысли*, а также имена *чувств* соединяются с глаголами горения, свечения, ср.: *В сонном еще мозгу Воскобойникова, вспыхнуло воспоминание о вчерашнем разрыве с Анной* (Д. Бедный); *В его* [Александра Евгеньевича – О. М.] *напряженном сознании сверкнула спасительная мысль* (П. Проскурин); *В душе Анны тлепа надежда на встречу* (В. Белов); *Приходит час, когда угасают острые радости молодых лет* (Д. Балашов); *Тоска от случайного столкновения с парнями из артели Боброва волновала, томила и жгла, где-то у самого сердца давила болью* (В. Кожевников).

Имена *чувств* сочетаются с «жидкостными» предикатами [Шмелева 1983]: *У Чурина все еще кипела на него* [напарника – О. М.] *злость* (М. Колосов); *В нем* [Феогносте – О. М.] *закипало раздражение противу палатина и синклита* (Д. Балашов); *Темное, мстительное чувство захлестнуло ее* (Ф. Абрамов); *Это им* [дипломатам – О. М.] *удалось вполне: гнев клочкотал в них* (С. Дангулов); *Но*

чистосердечная ребячья радость так и брызжет из его [Митяя – О. М.] глаз (Б. Горбатов).

Больше всего глаголов характеризуют чувства как «существо», способное

– «жить»: *Внутри заныло, ожила* какая-то сосущая пакость (Д. Гранин);

– «двигаться»: *Горечь сдавила* Гурина горло, *подступила* непродыхаемым комком (М. Колосов); *Неожиданное появление* Семеновны *сделало свое* – *тотчас у Тимошки зашевелилось* непонятное беспокойство (П. Проскурин); *Тяжелые воспоминания теснились и подступали* к самому сердцу Мозжухина (Е. Воробьев); *Большая тревожная забота о товарище, с которой Карташев шел к нему* [Макарову – О. М.], *немного улеглась* (Н. Емельянова);

– «действовать»: *А в следующие дни навалилась на Лену тоска* (Г. Марков); *Прошел час, а может, и больше, он* [Чижегов – О. М.] *таскал и таскал {ящики}, злость медленно отпускала его* (Д. Гранин); *Глухая тоска сдавила сердце Красавки* (Ф. Абрамов);

– «причинять боль»: *Тоска стала грызть* Гурина с неимоверной силой, у него *пропал аппетит, он исхудал, щеки ввалились, глазницы потемнели* (М. Колосов); *Майор был разъярен. Гнев душил его* (В. Богомолов); *Он* [Джамуха – О. М.] *понял наконец, почему его точит тоска* (И. Калашников).

В целом можно отметить, что глаголы-предикаты, сочетающиеся с именами чувств, чрезвычайно разнообразны. Как справедливо заметила Н. Д. Арутюнова, «область предикатов, обслуживающих названия элементов психической жизни», формируется из слов, «заимствованных из принципиально разных семантических сфер: области предикатов имен предметов и веществ, атрибутов, раскрывающих свойства стихий и сил природы, области предикатов абстрактных (со-

бытийных) имен, и, наконец, слов, предидируемых к именам лиц» [Арутюнова 1976]. Н. Д. Арутюнова описывает образ чувства-ветра, чувства-стихии, чувства-недруга, страсти-лавы [там же]. Ср. примеры из наших материалов: *В душе поднимаются смятение и любовь, и жажда еще большей любви, какие выпадают нечасто* (В. Распутин); *Когда в нем [Федоре – О. М.] бушевали страсти, он остывал в этом кресле* (С. Дангулов).

Характерной чертой предложений, отражающих внутренний мир человека, является разнообразие средств реализации позиции субъекта. Помимо имени носителя чувства (лица), употребляющегося в инварианте модели, имен чувств в рассмотренных вариантах, позицию субъекта при реализации исследуемых пропозиций могут замещать существительные, традиционно определяемые как «органы духовных чувств»: *сердце, душа, лицо, глаза* и под. Например: *Сердце у нее [Красавки – О. М.] сжалось от страха* (Ф. Абрамов); *Отважное Дашино сердце бешено стучало от собственной решимости* (П. Проскурин); *Ей [Антонине – О. М.] было стыдно, горело лицо, и в ушах до сих пор стоял шум* (Ю. Герман); *Лицо его [Митрофана – О. М.] то каменеет, то оживает, и зрачки суживаются* (И. Падерин); *Лена ласково смотрела на Антона, смуглое лицо ее пылало от счастья* (Г. Марков); *Глаза Гали заблестели гордыми самолюбивыми слезами, лицо было вдохновенным от ненависти* (В. Токарева); *Глаза [Должикова – О. М.] сверкали от гнева, хотя голос звучал спокойно* (В. Кожевников); *И тут я вспомнил свою покойную мать, у которой, бывало, вот также довольно светились и сияли глаза, когда она ... поздно вечером возвращалась домой* (Ф. Абрамов); *По бледным губам старца скользнула и пропала снисходительно-печальная улыбка* (В. Ян); *Робкая улыбка ожидания и надежды застыла на ее приоткрытых губах* (Н. Берберова).

Высказывания такого рода сообщают о внешнем проявлении душевного состояния человека, поэтому имена чувств, как правило, присутствуют и в этих предложениях, замещая позицию причины (в широком смысле тоже каузатора): *от страха; от счастья; от гнева; от собственной решимости* и т. п. – либо позицию квалификатора: *снисходительно-печальная; ожидания и надежды*. И такие предложения можно тоже рассматривать как реализацию сложной пропозиции, включающей также два уровня, но, тем не менее, отличающейся от рассмотренного варианта с ограничителями *мысли, чувства*. Если глубинный уровень отражает также ситуацию ‘некто испытывает какое-либо чувство’, то на поверхностно-семантическом уровне реализуется более сложная, чем в предыдущем случае, пропозиция – ‘чувство существует, локализуясь где-то (в сердце, улыбке, лице, глазах)’.

Таким образом, для передачи состояния внутреннего мира и интеллектуальной деятельности лица используются чрезвычайно разнообразные по семантике и синтаксическому оформлению структуры, но всегда, когда позицию грамматического субъекта занимает существительное, эксплицирующее ЛС в семеме глагола, пропозиция осложняется другой пропозицией, репрезентирующей фрейм ‘существование предмета’.

Итак, опыт анализа предложений, содержащих предикаты с разными значениями, но объединенными типом включенных в них ЛС – неодушевленносубъектным референтным ограничителем, подтвердил, что одной из самых существенных универсалий является присущая процессуальному значению глагола соотнесенность с семантическим субъектом.

Человек – создатель и носитель языка. Существовая в природе и обществе, человек движется, действует, познает, воспринимает явления природы, воздействует на окружающие предметы. Центральная

роль человека находит отражение в языке, в частности в том, что существительные со значением лица чаще всего замещают позицию субъекта.

В противоположность этому, явления и предмета не действуют, они осуществляются или существуют, обладают признаками и качествами, могут быть предметом мысли. Неодушевленные существительные обычно занимают позицию объекта, орудия или средства действия и т. п. Однако человек, наблюдая и познавая конкретные предметы, наделяет их способностью действовать, приписывает им различные свойства одушевленных существ. И тогда неодушевленные существительные начинают выполнять функцию субъекта.

Моделируя мир неодушевленных субстанций по образцу собственного мира, человек, тем не менее, не всякий неодушевленный предмет наделяет аналогичными своим характеристиками. Существует достаточно определенный и ограниченный круг подобных субстанций, в который входят натурфакты – динамические или стихийные явления, объекты внутреннего мира человека и ряд предметов–артефактов, способных изменять свое функциональное состояние.

Лимитирующие семы неодушевленного субъекта входят в семемы глаголов, именующих в абсолютном большинстве типовое для данной субстанции состояние, являющееся формой ее существования. В ряде случаев значение существования предмета осложняется какими-либо дополнительными признаками, тем не менее все глаголы–предикаты, содержащие ЛС, и соответствующие референтные ограничители неодушевленного субъекта образуют пропозиции, отражающие фрейм ‘бытийное состояние предмета’. Поэтому все предложения с реализованным в позиции неодушевленного субъекта референтным ограничителем, независимо от значения предиката, имеют признаки экзистенциальных предложений.

Предикаты, объединенные одинаковым категориальным значением, но связанные с разными типами субъектов – одушевленным или неодушевленным, совпадающим с референтным ограничителем, – образуют разные варианты моделей пропозиции. Различие вариантов подтверждается особенностями трансформации предложений, неполной личной парадигмой глаголов–предикатов с ЛС неодушевленного субъекта.

ВЫВОДЫ

1. Лимитирующие семы являются предметными и признаковыми составляющими, выделяемыми когнитивным мышлением из целостности события. Природа ЛС (их связь с мыслительной операцией представления) и отражение в них типового представления об обозначаемом являются основанием того, что они входят в структуру знания как элементы некоторой национально-культурной формы. Эти особенности ЛС позволили спроецировать их на терминалы фреймов, репрезентированных как пропозициональной структурой, так и гештальт–структурой.

2. Содержательные разновидности ЛС, их присутствие в значениях разных функциональных типов обуславливают проекцию ЛС на различные семантико-синтаксические позиции, образующие иерархическую структуру. Данная структура включает 4 уровня: высший уровень образуют референтные ограничители, ниже располагаются ситуативные ограничители, затем идут логические ограничители, а на низшем уровне находятся атрибутивные ограничители. Местооположение ограничителя в структуре иерархии предопределяет тенденции реализации связанной с ним позиции в поверхностной структуре предложения.

3. Лимитирующие семы задают содержательную определенность компонентов пропозиции, представляя собой «семантическую аксиоматику» [Караулов 1976]. Содержательная конкретность позиций, связанных с ограничителями, и местоположение компонентов пропозиции в структуре иерархии обуславливают возможность (большую или меньшую) оставаться указанным позициям незамещенными, так как реальный текст (высказывание) допускает пропуски того, что образует «имплицитные смысловые аксиомы» [Петренко 1988: 18].

4. Особая роль субъекта в ряду других актантов проявляется в том, что референтный ограничитель, выполняющий эту функцию, в большинстве случаев находит выражение в высказывании. В то же время позиции, соотнесенные с другими типам ограничителей, чаще не эксплицируются, и информация о них присутствует в высказывании в виде включенных актантов.

Субъект остается имплицитным только при условии, когда соответствующая ему лимитирующая сема является специализированной (высшая степень специализации) и входит в основное значение глагола. Включение субъекта сопровождается существенной трансформацией исходной модели.

Исследование проблемы включенного субъекта, связанного с лимитирующими семами, позволяет примирить концепции сторонников логического подхода, признающих наличие субъекта и предиката в любом высказывании, и сторонников традиционной классификации простого предложения, которые противопоставляют всем типам предложения безличные предложения, сообщающие о состоянии окружающей среды, как бессубъектные – субъектным. Опираясь на семную структуру так называемых безличных глаголов

(*светать, смеркаться, дождить, рассвети*) и выделяя в них лимитирующую сему неодушевленного субъекта, мы можем говорить о наличии имплицитного субъекта в высказываниях с такими глаголами-предикатами. Невыраженность (более того – невозможность) позиции субъекта в этих предложениях объясняется экспликацией лимитирующей семы в морфемной структуре глаголов: *светать* – о свете; *смеркаться* – о сумерках; *дождить* – о дожде; *рассвети* – о рассвете. Глаголы-предикаты с лимитирующей семой, не эксплицированной в корневой морфеме, образуют параллельные конструкции: *Моросит – Дождь моросит*, что подтверждает наш вывод.

Заключение

Лексическое значение слова принадлежит к числу самых загадочных категорий, исследуемых лингвистикой. Принцип антропоцентризма, фундаментальный для современной науки, позволяет считать, что семантика лексической единицы не приравнивается к одной только мыслительной форме – понятию, но особой своей частью соотносится с другой формой мысли – представлением. Эта часть семемы расширяет структурное значение слова и совпадает с его непонятными семантическими долями (лексическим фоном). Совпадение это частично, так как названный компонент одновременно выполняет ограничительную функцию, регламентируя отбор из бесконечного числа фоновых признаков лишь признаков прототипических, свойственных идеальному денотату (образцу класса объектов или стереотипной ситуации), отражающих наивное языковое сознание этнического коллектива и сформированных культурно-историческими условиями. Это позволяет назвать данный компонент значения денотативно-ограничительным.

Денотативно-ограничительный компонент входит в семемы слов всех грамматических классов, и его элементарные составляющие – лимитирующие семы – различаются в зависимости от функционального типа лексического значения. Для изучения лимитирующих сем адекватным является системно-интегральный подход. С точки зрения системно-интегрального подхода каждое лексическое значение имеет лимитирующие семы (хотя это не всегда зафиксировано в словаре), так как любому понятию сопутствуют стандартные представления об объекте. На этом основании можно, вероятно, говорить о денотативно-ограничительном компоненте как о семантической универсалии, которая должна отражаться при лексикографической

семантизации каждой лексической единицы. Составители нового академического толкового словаря поставили перед собой именно такую задачу, и в этом мы видим практическое подтверждение нашего исследования. Выделенные в результате анализа вещественные разновидности лимитирующих сем и закономерности их взаимодействия с типами значений помогут определить необходимые для толкования слов ограничительные фрагменты, отсутствующие в прежних словарях.

Мир имеет континуальный характер, однако в языке континуум объективного мира членится на значимые фрагменты. В разных культурах это членение получает различное понятийное и языковое выражение, ему соответствуют разные наборы имен и значений. Вместе с тем непрерывность мира непременно должна находить «отголоски» в языке. Идея Б. М. Гаспарова о «языковом существовании» заключается в том, что язык есть целостное и при этом живое динамическое явление, в котором невозможно выделить отдельные значения [Гаспаров 1996]. Не принимая теорию целиком, в ее столь категоричном виде, мы поддерживаем ее главную мысль – о целостности языка, который представляет собой не просто концептуальную сетку, но развивающийся континуум. Целостность и континуальность мира и языка, как доказывалось выше, отражается в словаре. Лимитирующие семы в значениях слов призваны устранить представленную в языке раздробленность мира и восстановить действительный континуум. Лимитирующие семы являются связующими нитями, «сцепками», протянутыми от одной семемы к другой. С их помощью глагол «тянет» за собой существительное, оно, в свою очередь, прилагательное, и отдельные единицы словаря образуют сплошной поток лексикона. Действительность при этом предстает в языке мозаично сложенным целым.

Лимитирующие семы служат выразителями когнитивного принципа организации информации, базирующегося на перцептуальном различии «фигур» и «фона». ЛС отражают элементы структуры знания и проецируются на терминалы фреймов, которые выступают как более заметные, выделенные и значимые в языковом сознании. Репрезентируясь в поверхностной структуре предложения или оставаясь имплицитными, семантико-синтаксические позиции, обусловленные лимитирующими семами, замыкают рамки констатируемой ситуации. В итоге объективность фрагмента мира, запечатленного предложением, получает отсвет национально обусловленного мировосприятия.

Список литературы

- Авилова 1976** – Авилова Н. С. Вид и семантика глагольного слова. М., 1976.
- Агафонова 1996** – Агафонова Л. Л. К проблеме лексического значения слова («дней связующая нить») // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Агибалов 1995** – Агибалов А. К. Вероятностная организация внутреннего лексикона человека: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 1995.
- Адамец 1978** – Адамец П. Образование предложений из пропозиции в современном русском языке. Praha, 1978.
- Азнаурова 1973** – Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова. Ташкент, 1973.
- Айдынов 1970** – Айдынов И. М. О сочетаемости имен прилагательных в современном русском языке // Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970.
- Айрапетян 1992** – Айрапетян В. Герменевтические подступы к русскому слову. М., 1992.
- Алексеева 1987** – Алексеева Н. В. Универсальное и идиотническое как объективное и субъективное в языковой семантике: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987.
- Алекторова 1983** – Алекторова Л. П. Отражение некоторых особенностей сочетаемости в толкованиях значений глаголов // Современная русская лексикография 1981. М., 1983.
- Апресян 1967** – Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян 1980** – Апресян Ю. Д. Принципы семантического описания единиц языка // Семантика и представление знаний. Труды по искусственному интеллекту. П. Тарту, 1980. Вып. 519.
- Апресян 1986** – Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28.

- Апресян 1986а** – Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания, 1986, № 2.
- Апресян 1988** – Апресян Ю. Д. Синтаксическая информация для толкового словаря // Советская лексикография. М., 1988.
- Апресян 1994** – Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1994. № 4.
- Апресян 1995** – Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М., 1995.
- Апресян 1995а** – Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка ка системного описания // Вопросы языкознания, 1995. № 1.
- Апресян 1995б** – Апресян Ю. Д. *Хотеть* и его синонимы: заметки о словах // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). М., 1995.
- Апресян 1996** – Апресян Ю. Д. О толковом словаре управления и сочетаемости русского глагола // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Арбатский 1977** – Арбатский Д. И. Толкование значений слов. Ижевск, 1977.
- Аристотель 1936** – Аристотель. Об истолковании // Античные теории языка и стиля. М. -Л., 1936.
- Арнольд 1966** – Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966.
- Арнольд 1970** – Арнольд И. В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения // XXII Герценовские чтения. Иностранные языки. Л., 1970.
- Арнольд 1973** – Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973.
- Арнольд 1979** – Арнольд И. В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте // Иностр. яз. в школе, 1979. № 6.
- Арнольдов 1993** – Арнольдов А. М. Введение в культурологию. М., 1993.

- Арутюнова 1973** – Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. Т. 32. 1973. № 1.
- Арутюнова 1976** – Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- Арутюнова 1980** – Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Арутюнова 1987** – Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3-19.
- Арутюнова 1988** – Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Арутюнова 1991** – Арутюнова Н. Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
- Арутюнова 1995** – Арутюнова Н. Д. Истина и этика // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
- Арутюнова 1995а** – Арутюнова Н. Д. Человек и «фигура» (анализ понятий) // Филологический сборник (К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). М., 1995.
- Арутюнова, Ширяев 1983** – Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение: бытийный тип. М., 1983.
- Аспекты 1980** – Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Ахманова 1957** – Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
- Ахманова 1966** – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Бабаева 1996** – Бабаева Е. В. Лексическое значение слова как способ выражения культурно-языкового концепта // Языковая личность: Культурные концепты. Волгоград-Архангельск, 1996.
- Бабенко 1989** – Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.

- Бабкин 1981** – Бабкин А. М. Устарелые слова в современном языке и словаре // Современная русская лексикография, 1981. М., 1983.
- Бабушкин 1984** – Бабушкин А. П. Социальные аспекты лексической системы языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1984.
- Базиев 1973** – Базиев А. Т., Исаев М. И. Язык и нация. М., 1973.
- Балли 1961** – Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
- Балли 1995** – Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1995.
- Баранникова 1974** – Баранникова Л. И. Просторечие как особый социальный компонент языка // Язык и общество. Саратов, 1974. Вып. 3.
- Баранов 1987** – Баранов А. Н. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. М., 1987.
- Бархударов 1975** – Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории переводов. М., 1975.
- Басовская 1995** – Басовская Е. Н. Лексико-семантический аспект языка эволюции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Бацевич 1993** – Бацевич Ф. С. Функционально-отражательное изучение лексики: теоретические и практические аспекты (на материале русского глагола). Львов, 1993.
- Бацевич, Космеда 1997** – Бацевич Ф. С., Космеда Т. А. Очерки по функциональной лексикологии. Львов, 1997.
- Башиева 1995** – Башиева С. К. Стилистический компонент фразеологического значения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1995.
- Бибчук 1991** – Бибчук Е. М. Образный компонент в лексическом значении русского существительного: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1991.
- Белоусова 1986** – Белоусова А. С. Русские имена существительные со значением лица (лексический класс и его словарное описание): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986.

- Белоусова 1988** – Белоусова А. С. Унификация словарных толкований: ее реальные возможности (класс лиц) // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
- Белоусова 1989** – Белоусова А. С. Имена лиц и их синтаксические свойства // Слово и грамматические законы языка: Имя. М., 1989.
- Белошапкова, Шмелева 1981** – Белошапкова В. А., Шмелева Т. В. Деривационная парадигма предложения // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10. Филология. 1981. № 2.
- Беляевская 1994** – Беляевская Е. Г. Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке. М., 1994.
- Бенвенист 1974** – Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бережан 1988а** – Бережан С. Г. Отражение семантических системных связей лексических единиц в одноязычном (толковом) словаре // Словарные категории. М., 1988.
- Бережан 1988б** – Бережан С. Г. Разбиение лексических единиц на лингвистически значимые классы как способ унификации их подачи в толковом словаре // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
- Бертельс 1982** – Бертельс А. Е. Разделы словаря, семантические поля и тематические группы слов // Вопросы языкознания. 1982. № 4.
- Бирвиш 1981** – Бирвиш М. Семантика // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. X.
- Биржакова, Войнова, Кутина 1972** – Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
- Благова 1980** – Благова А. Р. Лексикографические толкования русского глагола со значением изменения качества объекта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- Блинова 1984** – Блинова О. И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект). Томск, 1984.

- Богданов 1977** – Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.
- Богданов 1982** – Богданов В. В. О перспективе изучения семантики предложения // Синтаксическая семантика и прагматика. Калинин, 1982.
- Богданова 1995** – Богданова Л. И. Идеографическое описание языка: тенденции и перспективы (на материале глагольной сочетаемости) // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Т. 1. М., 1995.
- Богуславский 1957** – Богуславский В. М. Слово и понятие // Мышление и язык. М., 1957.
- Богуславский 1994** – Богуславский В. М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. М., 1994.
- Болдырев 2000** – Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
- Болдырев 2003** – Болдырев Н. Н. Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб., 2003.
- Болинджер 1981** – Болинджер Д. Атомизация значения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. X.
- Бондарко 1978** – Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Бондарко 1984** – Бондарко А. В. Функциональная грамматика. М., 1984.
- Брагина 1986** – Брагина А. А. Лексика языка и культура страны. М., 1986.
- Брагина 1991** – Брагина Н. Г. Метаязыковая функция сочетаемости русского слова в общелингвистическом и прикладном рассмотрении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- Бромлей 1991** – Бромлей Ю. В. Этнические функции культуры и этнография // Этнознаковые функции культуры. М., 1991.
- Брудный 1972** – Брудный А. А. Семантика языка и психология человека. Фрунзе, 1972.
- Булаховский 1954** – Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. II. М., 1954.

- Булыгина 1980** – Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Булыгина, Шмелев 1988** – Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Механизмы квантификации в русском языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
- Булыгина, Шмелев 1997** – Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Булынина 1995** – Булынина М. М. Семантические и словообразовательные факторы лексической сочетаемости русского глагола: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995.
- Буслаев 1959** – Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Бывалина 1991** – Бывалина Г. В. Русские глаголы с отвлеченным значением соединения: их словарная характеристика, синтаксическая парадигма и субъектные связи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- Ван Валин, Фоли 1982** – Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 11.
- Ван Дейк 1989** – Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Ван Дейк, Кинч 1988** – Ван Дейк Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.
- Варина 1967** – Варина В. Г. К проблеме семантики слова (денотативный и коннотативный аспекты в слове): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1967.
- Васильев 1971** – Васильев Л. М. Семантические классы русского глагола (глаголы чувства, мысли, речи и поведения): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1971.
- Васильев 1981** – Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М., 1981.
- Васильев 1981a** – Васильев Л. М. Современные способы формального описания языковых единиц // Теория содержательной формы. Тамбов, 1981.

- Васильев 1985** – Васильев Л. М. Значение в его отношении к системе языка. Уфа, 1985.
- Васильев 1990** – Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990.
- Васильев 1996** – Васильев Л. М. Форма и содержание языка как знаковой системы // Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. Уфа, 1996. № 3.
- Вежбицка 1983** – Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы» // Семиотика. М., 1983.
- Вежбицкая 1996** – Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Вейнрейх 1981** – Вейнрейх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. X.
- Вепрева 1982** – Вепрева И. Т. Об отношении семантики возвратных глаголов к лексико-семантической группе мотивирующих глаголов // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982.
- Вепрева 1984** – Вепрева И. Т. Комплементарный тип организации глагольных ЛСГ // Актуальные проблемы современной и исторической лексикологии. Свердловск, 1984.
- Верещагин, Костомаров 1980** – Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
- Верещагин, Костомаров 1983** – Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1983.
- Виноградов 1935** – Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М. -Л., 1935.
- Виноградов 1972** – Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
- Виноградов 1977** – Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слов // В. В. Виноградов. Избр. труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Виноградов 1977a** – Виноградов В. В. Толковые словари русского языка // Лексикология и лексикография. М., 1977.

- Власова 1995** – Власова А. Е. Критерии тождества адресатных актантов // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Т. 1. М., 1995.
- Войшвилло 1967** – Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967.
- Вольф 1978** – Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978.
- Вольф 1979** – Вольф Е. М. Прилагательное в тексте («система языка» и «картина мира») // Лингвистика текста и поэтика. М., 1979.
- Вольф 1985** – Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Воробьев 1996** – Воробьев В. В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996.
- Воробьев 1997** – Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). М., 1997.
- Воробьев 1993** – Воробьев Ю. А. Культурно-специфические элементы компетенции говорящего и возможность их лексикографической экспликации // Прагматика. Семантика. Грамматика. М., 1993.
- Воробьев 1994** – Воробьев Ю. А. Лексика немецкого языка в культурологическом аспекте (Опыт лексикографического описания на материале тематической группы «пища»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Воскресенская 1985** – Воскресенская Л. Б. Лингвострановедческая паспортизация лексики. М., 1985.
- Вучкова 1984** – Вучкова В. Культурно-коннотированная лексика в словаре и в переводе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
- Гадамер 1988** – Гадамер Х. -Г. Истина и метод. М., 1988.
- Гайсина 1979** – Гайсина Р. М. Семная структура значений и типология глаголов отношения // Исследования по семантике. Уфа, 1979.
- Гайсина 1981** – Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов, 1981.
- Гак 1971** – Гак В. Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1971.

- Гак 1971а** – Гак В. Г. От толкового словаря к энциклопедии языка (Из опыта современной французской лексикографии) // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1971. № 6.
- Гак 1972** – Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.
- Гак 1973** – Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики, 1972. М., 1973.
- Гак 1977** – Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.
- Гак 1987** – Гак В. Г. Лингвистические словари и энциклопедическая информация // Вопросы языкознания. 1987. № 2.
- Гак 1988а** – Гак В. Г. Фразеология, образность и культура // Советская лексикография. М., 1988.
- Гак 1988б** – Гак В. Г. Проблема создания универсального словаря // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
- Галкина-Федорук 1954** – Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Лексика. М., 1954.
- Ганжа 1970** – Ганжа Р. С. Изучение глагольной семантики // Русский язык в школе. 1970. № 4.
- Гарипова 1982** – Гарипова Н. Д. К семантической характеристике имен качества // Исследования по семантике. Уфа, 1982.
- Гаспаров 1996** – Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Гачев 1988** – Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Общие вопросы. М., 1988.
- Гачев 1992** – Гачев Г. Д. Наука и национальные культуры (гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов-на-Дону. 1992.
- Гачев 1995** – Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995.
- Гегель 1975** – Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Энциклопедия философских наук. М., 1975.

- Герасимов, Петров 1988** – Герасимов В. И., Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.
- Герд 1995** – Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995.
- Герд 1995а** – Герд А. С. К концепции Нового академического словаря. Отбор слов в словарь // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб., 1995.
- Гетман 1991** – Гетман И. М. Тезаурус как инструмент современного языкознания: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1991.
- Гинзбург 1978** – Гинзбург Р. С. Значение слова и методика комплексного анализа // Иностр. яз. в школе. 1978. № 5.
- Гловинская 1990** – Гловинская М. Я. Русские речевые акты *поздравлять и желать* // Язык: система и подсистемы. М., 1990.
- Гловинская 1992** – Гловинская М. Я. Русские речевые акты и вид глагола // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
- Гловинская 1993** – Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Глобина 1995** – Глобина Л. В. Лексико-семантическое поле партитивной лексики в современном русском языке. Воронеж, 1995.
- Говердовский 1977** – Говердовский В. И. Опыт функционально-типологического описания коннотации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
- Говердовский 1979** – Говердовский В. И. История понятия коннотации // Филологические науки. 1979. № 2.
- Говердовский 1989** – Говердовский В. И. Коннотемная структура слова. Харьков, 1989.
- Голев 1989** – Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.

- Гольдин, Сиротинина 1993** – Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Саратов, 1993.
- Горский 1957** – Горский Д. П. Роль языка в познании // Мышление и язык. М., 1957.
- Горячева 1986** – Горячева Т. В. К изучению славянской метеорологической терминологии // Этимология, 1984. М., 1986.
- Григоренко 1994** – Григоренко О. В. Лексическая сочетаемость разнокатегориальных слов, обозначающих звучание: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1994.
- Григорян 1996** – Григорян В. М. Слово и его подчиняющие свойства // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Гройс 1992** – Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. 1992. № 1.
- Грот 1876** – Грот Я. К. Филологические разыскания. Т. I. СПб, 1876.
- Грубер 1995** – Грубер Дж. С. Ролевые конфигурации и синтаксическая структура // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Т. 1. М., 1995.
- Грудева 1996** – Грудева Е. В. Хронологически отмеченная лексика в современном русском языке и ее лексикографическая интерпретация: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 1996.
- Грузберг 1984** – Грузберг Л. А. К социолингвистическому описанию семантики слова // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984.
- Гудавичюс 1989** – Гудавичюс А. Й. Принципы построения и содержание сопоставительной семасиологии (на материале русского и литовского языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989.
- Гумбольдт 1984** – Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Гумбольдт 1985** – Гумбольдт В. фон. Характер языка и характер народа // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.

- Гумилев 1989** – Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
- Гуревич 1972** – Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Гуревич 1989** – Гуревич А. Я. Менталитет // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989.
- Гюльмагомедов 1995** – Гюльмагомедов Г. А. Дагестанские регионализмы в русскоязычной художественной литературе и их лексикографическая практика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1995.
- Демьянков 1983** – Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. М., 1983. № 6.
- Демьянков 1989** – Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М., 1989.
- Демьянков 1992** – Демьянков В. З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. М., 1992.
- Демьянков 1994** – Демьянков В. З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке. М., 1994.
- Денисов 1974** – Денисов П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М., 1974.
- Денисов 1980** – Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980.
- Денисов 1988** – Денисов П. Н. Полисемия и классификация лексики // Словарные категории. М., 1988.
- Денисов 1988а** – Денисов П. Н. Словарь языка В. И. Ленина с точки зрения теории лексикографии // Советская лексикография. М., 1988.
- Денисов 1988б** – Денисов П. Н. Единицы словаря // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
- Денисов 1996** – Денисов П. Н. О переходе словесного субъективизма в историческую необходимость // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.

- Денисова 1987** – Денисова М. А. Россияведческий аспект учебной лексикографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
- Дивина 1996** – Дивина Е. А. Синтагматика семантического поля цвета в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1996.
- Дмитровская 1994** – Дмитровская М. А. Природа: язык и молчание (О мирозерцании А. Платонова) // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
- Долотова 1989** – Долотова Г. В. Фразеологические кальки с французского в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
- Домашнев, Аруева 1986** – Домашнев А. И., Аруева Е. Л. Из наблюдений над лексикографической практикой (На материале современного немецкого языка ГДР и ФРГ) // Вопросы языкознания. 1986. № 2.
- Дружинина 1964** – Дружинина А. Ф. Глаголы с неполной парадигмой в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.
- Елисеева 1991** – Елисеева М. Б. Семантический объем слова *сад* в культурно-историческом контексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 1991.
- Ельмслев 1960** – Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
- Ермакова 1984** – Ермакова О. П. Номинация в просторечии // Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1984.
- Ермакова 1995** – Ермакова О. П. О синтаксической обусловленности и синтаксической подвижности метафор // Филологический сборник (К 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова). М., 1995.
- Ермакова 1996** – Ермакова О. П. Вербализованная ирония в естественном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
- Ермакова 1996а** – Ермакова О. П. Семантические процессы в современном молодежном жаргоне // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996.

- Ермакова 1997** – Ермакова О. П. Об иронии и метафоре // Облик слова. М., 1997.
- Жданова 1997** – Жданова О. П. Семантика глаголов поведения в культурологическом освещении // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.
- Жолковский, Мельчук 1967** – Жолковский А. К., Мельчук И. А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. 1967. Вып. 19.
- Журавлев 1996** – Журавлев А. Ф. Функциональные регистры // Русский язык в его функционировании: Уровни языка. М., 1996.
- Залевская 1985** – Залевская А. А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.
- Звегинцев 1957** – Звегинцев В. А. Семасиология. М., 1957.
- Звегинцев 1962** – Звегинцев В. А. Проблема значения в современном зарубежном языкознании // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2.
- Звегинцев 1968** – Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.
- Звегинцев 1973** – Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973.
- Звегинцев 1981** – Звегинцев В. А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.
- Земская 1995** – Земская Е. А. Еще раз о языке русского зарубежья // Язык–система, язык–текст, язык–способность. М., 1995.
- Земская 1996** – Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания, 1996, № 3.
- Зимин 1994** – Зимин В. И. Лексическое значение как объект комплексного описания в словарях: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1994.
- Золотова 1982** – Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

- Золотова 1984** – Золотова Г. А. О принципах классификации простого предложения // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984.
- Ибрагимова 1978** – Ибрагимова В. Л. К семантической характеристике глаголов движения в современном русском языке // Семантика и структура предложения: Лексическая и синтаксическая семантика. Уфа, 1978.
- Иванов, Топоров 1965** – Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие системы. М., 1965.
- Иорданская 1972** – Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1972. Вып. 16.
- История лексики 1981** – История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века. М., 1981.
- История слова 1988** – История слова в текстах и словарях. Ставрополь, 1988.
- Кант 1965** – Кант И. Критика чистого разума // Соч. Т. 4. М., 1965.
- Карасик 1996** – Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск, 1996.
- Караулов 1976** – Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
- Караулов 1981** – Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
- Караулов 1987** – Караулов Ю. А. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Караулов 1988** – Караулов Ю. Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии. М., 1988.
- Караулов 1988а** – Караулов Ю. Н. Словарь и человек // Теория языка и словари. Кишинев, 1988.
- Каримова 1974** – Каримова И. А. Экспериментальное изучение прагматического значения в языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
- Катц 1981** – Катц Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.

- Кацнельсон 1965** – Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М. -Л., 1965.
- Кацнельсон 1972** – Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Кацнельсон 1987** – Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. № 3.
- Качаева 1978** – Качаева Л. А. Об основных типах лексических значений слова // Филологические науки. 1978. № 6.
- Кибрик 1987** – Кибрик А. .Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
- Кильдибекова 1985** – Кильдибекова Т. А. Глаголы действия в современном русском языке. Саратов, 1985.
- Киселевский 1979** – Киселевский А. И. Об определениях в энциклопедиях и толковых словарях // Вопросы языкознания. 1979. № 2.
- Кифер 1978** – Кифер Ф. О пресуппозициях. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8.
- Классы слов 1979** – Классы слов и их взаимодействие. Свердловск, 1979.
- Классы слов 1988** – Классы слов с синтагматическим аспекте. Свердловск, 1988.
- Клишин, Фонякова 1996** – Клишин А. И., Фонякова О. И. Опыт описания универсальных семантических моделей пространственной метафоры (конкретное – абстрактное) // Семантика и коммуникация. СПб., 1996.
- Кнорина 1988** – Кнорина Л. В. Классификация лексики и словарные дефиниции // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
- Ковалев 1993** – Ковалев Е. Ю. Национальная специфика лексической группировки. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1993.
- Козельская 1984** – Козельская Н. А. Лексико-семантическая группа глаголов изменения функционального состояния в современном русском языке:

- (К проблеме формирования). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1984.
- Колесов 1995** – Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995.
- Колшанский 1975** – Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
- Колшанский 1980** – Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М., 1980.
- Колшанский 1990** – Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
- Комлев 1966** – Комлев Н. Г. О культурном компоненте лексического значения // Вестник МГУ. Серия Х. Филология. 1966. № 5.
- Комлев 1969** – Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
- Комлев 1988** – Комлев Н. Г. Семантика слова в речевой реализации (К основаниям денотативной грамматики). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Москва, 1988.
- Комлев 1992** – Комлев Н. Г. Слово в речи: денотативные аспекты значения. М., 1992.
- Комри 1995** – Комри Б. Типология падежного маркирования предикатных имен // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Т. 1. М., 1995.
- Кондаков 1975** – Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
- Копнин 1966** – Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966.
- Копыленко, Попова 1978** – Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты. Воронеж, 1978.
- Корнилов 2003** – Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.

- Корованенко 1995** – Корованенко Т. А. Проблемы семантики в новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб, 1995.
- Косовский 1974** – Косовский Б. И. Общее языкознание. Учение о слове и словарном составе языка. Минск, 1974.
- Косовский 1975** – Косовский Б. И. Типы значений слова // Методы изучения лексики. Минск, 1975.
- Костомаров 1994** – Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.
- Костомаров 1993** – Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа: Утварь, одежда, пища и питье, здоровье и болезни, нравы, обряды, прием гостей. М., 1993.
- Котелова 1977** – Котелова Н. З. Лексическая сочетаемость слова в словаре // Современная русская лексикография, 1976. Л., 1977.
- Котелова 1982** – Котелова Н. З. Семантика языка и внеязыковые значения (в аспекте обратных связей) // Теоретические проблемы семантики и ее описания в одноязычных словарях. Кишинев, 1982.
- Котелова 1988** – Котелова Н. З. Теоретические аспекты лексикографического описания новых слов // Советская лексикография. М., 1988.
- Котелова 1995** – Котелова Н. З. Лексическая сочетаемость в Новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб, 1995.
- Котелова 1995а** – Котелова Н. З. Синтаксическая сочетаемость слова в словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб, 1995.
- Кошель 1980** – Кошель Г. Г. Оценочные предикативные номинации в современном английском языке: (на материале дерогативных наименований лиц). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- Кравченко 2001** – Кравченко А. В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001.
- Кравчик 1989** – Кравчик А. Б. Тематический компонент актуального членения в современном русском языке (функционально-семантический

анализ).

Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989.

Крейдлин 1992 – Крейдлин Г. Е. К проблеме языкового анализа концептов «цель» vs «предназначение // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.

Кругликова 1988 – Кругликова Л. Е. Структура лексического и фразеологического значения. М., 1988.

Крылова 1992 – Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992.

Крысин 1986 – Крысин Л. П. Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц. // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып 28.

Крысин 1988 – Крысин Л. П. Социальный компонент в семантике языковых единиц // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988.

Крысин 1988а – Крысин Л. П. О новом типе словаря иностранных слов // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. М., 1988.

Крысин 1989 – Крысин Л. П. Лексикографическое описание иноязычного слова // Анализ текста. Лексика и лексикография. М., 1989.

Крысин 1990 – Крысин Л. П. Из истории употребления слов «особый» и «специальный». Социолингвистический анализ // Русистика. Берлин, 1990, № 2.

Крысин 1995 – Крысин Л. П. Иноязычный термин в русском просторечии // Филологический сборник (К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). М., 1995.

Крысин 1997 – Крысин Л. П. Лексикографическое представление иноязычного слова: типы грамматической информации // Облик слова. М., 1997.

Крысин 2004 – Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.

- Крюков 1988** – Крюков А. Н. Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихолингвистика. М., 1988.
- Крючкова 1989** – Крючкова Т. Б. О методах описания и исследования идеологизированной лексики // Изв. АН СССР. Серия лит. и языка. Т. 48. 1989. № 1.
- Куайн 1986** – Куайн У. В. О. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18.
- Кубик 1977** – Кубик М. Модели двусоставных глагольных предложений русского языка в сопоставлении с чешским. Praha, 1977.
- Кубрякова 1986** – Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
- Кубрякова 1992** – Кубрякова Е. С. проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М., 1992.
- Кубрякова 1994** – Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в языке // Структуры представления знаний в языке. М., 1994.
- Кубрякова 1993** – Кубрякова Е. С. Возвращаясь к определению знака // Вопросы языкознания. 1993. № 4.
- Кубрякова, Панкрац 1985** – Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г. Падежная грамматика // Современные зарубежные грамматические теории. М., 1985.
- Кузнецов 1980** – Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. М., 1980.
- Кузнецова 1996** – Кузнецова Н. Н. Расширение семантической структуры прилагательных, определяющих внешность человека, в русских народных сказках // Семантика языковых единиц: Доклады V Международной конференции. М., 1996.
- Кузнецова 1969** – Кузнецова Э. В. Метод ступенчатой идентификации в описании лексико-семантической группы слов // Учен. зап. Тартуск. ун-та, 1969. Вып. 228.

- Кузнецова 1974** – Кузнецова Э. В. Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов (К вопросу о природе лексико-семантических групп). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974.
- Кузнецова 1980** – Кузнецова Э. В. Русская лексика как система. Свердловск, 1980.
- Кузнецова 1989** – Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989.
- Купина 1995** – Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь, 1995.
- Купина 1995а** – Купина Н. А. Категории тоталитарного мышления в зеркале языка // Ежегодник научно-исследовательского института русской культуры Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1995.
- Купина 1996** – Купина Н. А. Лингвоидеологические аспекты разговорного текста // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
- Купина 1998** – Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык в его функционировании: Тезисы докладов международной конференции. М., 1998.
- Курицына 1977** – Курицына Л. А. Семасиологическое исследование глаголов с узкой семантикой. Дисс. ... канд. филол. наук. Кострома, 1977.
- Лакофф 1981** – Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.
- Лакофф 1988** – Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.
- Лакофф 2004** – Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Латышева 1996** – Латышева А. Н. Квазипричинное значение в сфере причинных предложений // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1996.
- Лексико-семантические группы 1989** – Лексико-семантические группы русских глаголов. Иркутск, 1989.

- Лейбниц 1983** – Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4-х т. Т. 2. М., 1983.
- Леонтьев 1965** – Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. М., 1965.
- Леонтьев 1971** – Леонтьев А. А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. М., 1971.
- Лихачев 1979** – Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Ломов 1994** – Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994.
- Ломтев 1972** – Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
- Ломтев 1976** – Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. М., 1976.
- Лотман 1987** – Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
- Лукин 1990** – Лукин В. А. Семантические примитивы русского языка. М., 1990.
- Лукинова 1986** – Лукинова Т. Б. Лексика славянского язычества // Этимология, 1984. М., 1986.
- Лукьянова 1976** – Лукьянова Н. А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1976. Вып. 5.
- Лукьянова 1979** – Лукьянова Н. А. Некоторые вопросы диалектной лексикологии. Новосибирск, 1979.
- Лукьянова 1986** – Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск, 1986.
- Лукьянова, Черемисина 1986** – Лукьянова Н. А., Черемисина М. И. Образность как характеристика значения слова // Синтаксическая и лексическая семантика. Новосибирск, 1986.
- Ляпон 1988** – Ляпон М. В. Семантика реляционных единиц и их словарное толкование // Словарные категории. М., 1988.

- МакКоли 1981** – МакКоли Дж. Д. О месте семантики в грамматике языка // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981.
- Мандельштам 1987** – Мандельштам О. Э. Слово и культура. М., 1987.
- Маркарян 1987** – Маркарян Э. Б. Философско-методологические проблемы анализа языка науки. Ереван, 1987.
- Матвеев 1986а** – Матвеев А. К. Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986.
- Матвеев 1986б** – Матвеев А. К. К интерпретации одной условной топонимической системы // Этимология, 1984. М., 1986.
- Матвеева 1986** – Матвеева Т. В. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск, 1986.
- Медведев 1972** – Медведев А. А. Методы построения словарных определений для слов конкретной лексики. Киев, 1972.
- Мейе 1954** – Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.
- Мелерович 1982** – Мелерович А. М. Семантическая структура фразеологических единиц в современном русском языке как лингвистическая проблема: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982.
- Мельчук 1995** – Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл $\boxtimes$ Текст». М. -Вена, 1995.
- Мещанинов 1978** – Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л., 1978.
- Микулина 1981** – Микулина Л. Т. Отражение национальной культуры в толковом словаре // Современная русская лексикография 1980. Л., 1981.
- Минский 1979** – Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.
- Михайлова 1972** – Михайлова И. Б. Чувственное отражение в современном сознании. М., 1972.

- Михайлова 1984** – Михайлова О. А. К вопросу об изучении глаголов с предметными семами // Проблемы глагольной семантики. Свердловск, 1984.
- Михайлова 1985** – Михайлова О. А. Глаголы со специализированными предметно-субъектными семами в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.
- Михайлова 1987** – Михайлова О. А. Предикатные компоненты семантики глагола // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987.
- Михеев 1983** – Михеев А. В. Психолингвистическое исследование семантических отношений (на материале слов-цветообозначений). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- Михеев, Рюмина, Фрумкина 1985** – Михеев А. В., Рюмина Н. А., Фрумкина Р. М. Основные результаты анализа трех тематических групп слов «конкретной» лексики // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. М., 1985.
- Моран 1989** – Моран Л. Лексико-семантическое поле в системе его денотативных и оценочных значений. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1989.
- Морковкин 1987** – Морковкин В. В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // Вопросы языкознания. 1987. № 6.
- Морковкин 1988** – Морковкин В. В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
- Морковкин 1990** – Морковкин В. В. Основы теории учебной лексикографии. М., 1990.
- Морковкин, Морковкина 1997** – Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
- Моррис 1983** – Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983.

- Мостовая, Фрумкина 1987** – Мостовая А. Д., Фрумкина Р. М. Семантические отношения на именах конкретной лексики: опыт описания // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987.
- Мостовая 1990** – Мостовая А. Д. Гипо-гиперонимия и другие семантические отношения на конкретных существительных // Язык и структура знания. М., 1990.
- Муравьев 1991** – Муравьев В. Рев времени // Из глубины. М., 1991.
- Мурзин 1994** – Мурзин Л. Н. Язык, текст и культура // Человек — Текст — Культура. Екатеринбург, 1994.
- Мурзин 1996** – Мурзин Л. Н. О лингвокультурологии, ее содержании и методах // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
- Мурзин 1997** – Мурзин Л. Н. О степенях свободы языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.
- Мурзин, Штерн 1991** – Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
- Мухин 1987** – Мухин А. М. Валентность и сочетаемость глаголов // Вопросы языкознания. 1987. № 6.
- Найда 1962** – Найда Е. Л. Анализ значения и составление словарей // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. II.
- Найда 1970** – Найда Ю. А. Наука перевода // Вопросы языкознания. 1970. № 4.
- Найссер 1981** – Найссер У. Познание и реальность (смысл и принципы когнитивной психологии). М., 1981.
- Налимов 1979** – Налимов Р. В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1979.
- Национально-культурная специфика 1977** – Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
- Национально-культурная специфика 1982** – Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982.

- Недашковская 1990** – Недашковская Т. Е. Семантическая характеристика слова в толковых словарях русского языка советского периода (семантическая неопределенность лексического значения). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1990.
- Никитин 1991** – Никитин Е. П. Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? // Вопросы философии. 1991. № 8.
- Никитин 1974** – Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.
- Никитин 1983** – Никитин М. В. Лексическое значение слова. М., 1983.
- Никитина 1979** – Никитина С. Е. Семантика термина *подлежащее* в отечественных и европейских словарях лингвистических терминов // Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз. 1979. № 4.
- Никитина 1989** – Никитина С. Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. М., 1989.
- Никитина 1993** – Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
- Николаева 1987** – Николаева М. А. О логико-семантических работах современных французских лингвистов // Вопросы языкознания. 1987. № 6.
- Николаева 1983** – Николаева Т. М. Качественные прилагательные и отражение «картины мира» // Славянское и балканское языкознание. М., 1983.
- Новиков 1982** – Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.
- Новое 1980** – Новое в русской лексике. Словарные материалы–77. М., 1980.
- Новое 1981** – Новое в русской лексике. Словарные материалы–78. М., 1981.
- Новое 1982** – Новое в русской лексике. Словарные материалы–79. М., 1982.
- Новое 1986** – Новое в русской лексике. Словарные материалы–82. М., 1986.

- Ономасиологические аспекты 1993** – Ономасиологические аспекты семантики. Волгоград, 1993.
- Осильбекова 1986** – Осильбекова Д. А. Семантическая структура отглагольных локативных существительных и принципы их семантизации в толковых словарях русского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1986.
- Очередные задачи** – Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб, 1995.
- Павел 1983** – Павел В. К. Лексическая номинация: На материале молдавских народных говоров. Кишинев, 1983.
- Падучева 1989** – Падучева Е. В. Наречие как кванторное слово // Изв. АН СССР. Т. 48. 1989. № 1.
- Падучева 1991** – Падучева Е. В. Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1991. № 5.
- Падучева, Розина 1993** – Падучева Е. В., Розина Р. И. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // Вопросы языкознания. 1993. № 6.
- Панкрац 1992** – Панкрац Ю. Г. Пропозициональная форма представления знаний // Язык и структуры представления. М., 1992.
- Панфилов 1977** – Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания (Гносеологические аспекты). М., 1977.
- Пауль 1960** – Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
- Пацева 1991** – Пацева М. А. К проблеме национально-культурной специфики значения слова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- Пеньковский 1988** – Пеньковский А. Б. Семантика наречия и ее отражение в словаре // Словарные категории. М., 1988.
- Пеньковский 1988** – Пеньковский А. Б. *Радость и удовольствие* в представлении русского языка // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

- Пестова 1988** – Пестова О. Г. Символическое значение слова как особый объект лингвистической семантики (на материале русского и английского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1988.
- Петренко 1988** – Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.
- Петрищева 1984** – Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984.
- Петрухина 2003** – Петрухина Е. В. Семантические доминанты русской языковой картины мира: представление динамических явлений // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб., 2003. С. 37-53.
- Пешковский 1956** – Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Плотников 1981** – Плотников Б. А. Исследование лексического значения путем квантированного анализа дистрибутивных свойств слова: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1981.
- Плотников 1984** – Плотников Б. А. Основы семасиологии. Минск, 1984.
- Плунгян 1991** – Плунгян В. А. К описанию африканской наивной картины мира (локализация ощущений и понимание в языке догон) // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Полевые структуры 1989** – Полевые структуры в системе языка. Воронеж, 1989.
- Поливанов 1968** – Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Попова, Стернин 1984** – Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка, Воронеж, 1984.
- Попова, Стернин 2003** – Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2003.
- Попова 1970** – Попова И. А. О «двусоставности» номинативных предложений // Исследования по современному русскому языку. М., 1970.

- Постовалова 1988** – Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека. // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
- Потебня 1958** – Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
- Проблемы русской лексикологии 1991** – Проблемы русской лексикологии. Самара, 1991.
- Прохвачева 1996** – Прохвачева О. Г. Образ «приватного» пространства в языковой картине мира (на материале русской и английской фразеологии) // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Астрахань, 1996.
- Процессы формирования 1966** – Процессы формирования лексики русского литературного языка от Кантемира до Карамзина. М., 1966.
- Путягин 1975** – Путягин Г. А. О принципах организации групп слов в лексической системе: (на материале имен существительных, называющих человека по возрасту, росту, степени физической силы и степени физической красоты). Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1975.
- Разлогова 1985** – Разлогова Е. Э. Логико-семантический анализ лексики естественного языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Распопов, Ломов 1984** – Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики: Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984.
- Рассел 1957** – Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957.
- Рахилина 1990** – Рахилина Е. В. Семантика или синтаксис? München, 1990.
- Рахилина 2000** – Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Резанова 1982** – Резанова З. И. Словообразующие возможности существительных со значением артефакта // Вопросы языка и его говоров. Томск, 1982.
- Резанова 1984** – Резанова З. И. Имя биофакта как мотиватор субстантива // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984.

- Рей, Делесаль 1983** – Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14.
- Рейхенбах 1962** – Рейхенбах Г. Направление времени. М., 1962.
- Реформатский 1967** – Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967.
- Розен 1991** – Розен Е. В. Немецкая лексика: история и современность. М., 1991.
- Розеншток-Хюсси 1994** – Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994.
- Розина 1988** – Розина Р. И. Таксономические отношения в лексике и их отражение в словаре // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
- Розина 2003** – Розина Р. И. Глагольная метафора в языке и сленге: таксономические замены в позиции объекта // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1. С. 3–16.
- Розина 1991** – Розина Р. И. Человек и личность в языке. // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Роль человеческого фактора 1988** – Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
- Руднев 1996** – Руднев В. Морфология реальности: Исследование по «филологии текста». М., 1996.
- Рудяков 1989** – Рудяков А. Н. Понятийный аппарат семантики лексических групп // Исследования по семантике. Уфа, 1989.
- Русская грамматика 1979** – Русская грамматика. Т. 2. Academia, Praha, 1979.
- Русская грамматика 1980** – Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., 1980.
- Русское слово 1987** – Русское слово в лингвострановедческом аспекте. Воронеж, 1987.

- Рюмина 1987** – Рюмина Н. А. Изучение семантики «конкретной» лексики психолингвистическими методами. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
- Рябцева 1991** – Рябцева Н. К. «Вопрос»: прототипическое значение концепта. // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Саевич 1986** – Саевич С. Т. Локативно-валентные глаголы в системе средств выражения пространственных отношений в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.
- Седельников 1970** – Седельников Е. А. О грамматических категориях простого предложения в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку. М., 1970.
- Селиверстова 1968** – Селиверстова О. Н. Значение слова и информация // Теория речевой деятельности. М., 1968.
- Селиверстова 1975** – Селиверстова О. Н. Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
- Селиверстова 1976** – Селиверстова О. Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Селиверстова 1980** – Селиверстова О. Н. Некоторые типы семантических гипотез и их верификация // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.
- Семантика и категоризация 1991** – Семантика и категоризация. М., 1991.
- Семантическая общность 1986** – Семантическая общность научных языковых единиц. Воронеж, 1986.
- Семантические типы 1982** – Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Семиотика и информатика 1978** – Семиотика и информатика. 1978. Вып. 8.
- Сентенберг 1984** – Сентенберг И. В. Лексическая семантика английского глагола. М., 1984.
- Сепир 1993** – Сепир Э. Язык и среда // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

- Сергеев 1983** – Сергеев В. Н. Зооморфизмы в языке и в словаре // Современная русская лексикография. 1981. Л., 1983.
- Сергеева 1989** – Сергеева Л. А. Функциональная типология качественных прилагательных в современном русском языке // Исследования по семантике. Уфа, 1989.
- Серебренников 1983** – Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
- Сильницкий 1973** – Сильницкий Г. Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.
- Скиданенко 1984** – Скиданенко Ю. Д. Типы семантических отношений в русской лексике и их отражение в идеографических словарях. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
- Скляревская 1978** – Скляревская Г. Н. Заметки о лексикографической стилистике // Современность и словари. Л., 1978.
- Скляревская 1983** – Скляревская Г. Н. К вопросу о метафоре как объекте лексикографии // Современная русская лексикография. 1981. М., 1983.
- Скляревская 1988** – Скляревская Г. Н. Категория образности и толковый словарь литературного языка // Советская лексикография. М., 1988.
- Скляревская 1995** – Скляревская Г. Н. Новый академический словарь: объект, типологические признаки, место в системе русской лексикографии // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб, 1995.
- Скляревская 1995а** – Скляревская Г. Н. Функционально-стилистическая характеристика лексики в Новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб, 1995.
- Скляревская 1995б** – Скляревская Г. Н. Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.
- Скляревская 1996** – Скляревская Г. Н. Реальный и ирреальный мир в толковом словаре (К вопросу о прагматическом компоненте слова) // Семантика и коммуникация. СПб, 1996. Вып. 4.

- Скляревская 1996а** – Скляревская Г. Н. Русский язык конца XX века: версия лексикографического описания // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Сковородников 1993** – Сковородников А. П. Вопросы экологии русского языка. Красноярск, 1993.
- Славе 1976** – Славе Е. Коннотация // Проблемы общего языкознания: Общественные науки за рубежом. Сер. 6. Языкознание. 1976. № 3.
- Славин 1971** – Славин А. В. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971.
- Слюсарева 1979** – Слюсарева Н. А. Методологический аспект понятия функций языка // Изв. АН СССР. Серия лит. и языка. 1979. Т. 38. № 2.
- Слюсарева 1981** – Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981.
- Смирницкий 1956** – Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.
- Советская лексикография 1988** – Советская лексикография. М., 1988.
- Современная русская лексикография 1980** – Современная русская лексикография. 1980. Л., 1981.
- Современная русская лексикография 1981**. Современная русская лексикография, 1981. Л., 1983.
- Современность и словари 1978** – Современность и словари. М., 1978.
- Соколов 1972** – Соколов Э. В. Культура и личность. Л., 1972.
- Соколовская 1979** – Соколовская Ж. П. Система в лексической семантике. Киев, 1979.
- Соколовская 1980** – Соколовская Ж. П. Семантемы-прилагательные современного русского языка // Исследования по семантике. Уфа, 1980.
- Соколовская 1988** – Соколовская Ж. П. Лексическая сочетаемость как результат взаимодействия семем // Исследования по семантике. Уфа, 1988.
- Солганик 1987** – Солганик Г. Я. Значение слова и представление // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987.

- Солнцев 1977** – Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
- Соловьева 1989** – Соловьева Н. В. Место предметного компонента в психологической структуре значения глагола. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1989.
- Солодуб 1988** – Солодуб Ю. П. Типология значений языковых единиц докоммуникативного уровня (функциональный аспект анализа) // Филологические науки. 1988. № 5.
- Сорокин, Марковина 1988** – Сорокин Ю. А. , Марковина И. Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. М., 1988.
- Сорокин 1965** – Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX века. М. -Л., 1965.
- Сороколетов 1988** – Сороколетов Ф. П. О словаре современного русского литературного языка // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
- Сороколетов 1995** – Сороколетов Ф. П. К проблеме создания словаря собственно современного русского литературного языка // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб., 1995.
- Соссюр 1977** – Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов 1964** – Степанов Ю. С. О предпосылках лингвистической теории значения // Вопросы языкознания. 1964. № 5.
- Степанов 1974** – Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступ. ст. // Бенвенист Э. Общая лингвистика, М., 1974.
- Степанов 1975** – Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.
- Степанов 1977** – Степанов Ю. С. Номинация, семантика, семиотика // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.
- Степанов 1981** – Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М., 1981.

- Степанов 2001** – Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
- Степанова 1985** – Степанова В. В. Границы слова в тексте // Проблемы лексико-синтаксической координации. Л., 1985.
- Стернин 1979** – Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.
- Стернин 1980** – Стернин И. А. Из наблюдений над вероятностными семами в значении слова // Сопоставительно-семантические исследования русского языка. Воронеж, 1980.
- Стернин 1985** – Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
- Стернин 1987** – Стернин И. А. Коммуникативная модель значения и ее объяснительные возможности // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987.
- Сулименко 1966** – Сулименко Н. Е. Качественные прилагательные в их отношении к типам лексических значений. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966.
- Супрун, Клименко 1988** – Супрун А. Е., Клименко А. П. Ассоциативная лексикография и изучение лексической системности // Теория языка и словари. Кишинев, 1988.
- Сусов 1973** – Сусов И. П. Семантическая структура предложения. Тула, 1973.
- Тарланов 1979** – Тарланов З. К. Глаголы с неполной личной парадигмой в современном языке // Вопросы языкознания, 1979, № 1.
- Тарланов 1993** – Тарланов З. К. Язык. Этнос. Время. Петрозаводск, 1993.
- Тарланов 1995** – Тарланов З. К. Этнический язык и этническое видение мира // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995.
- Тарский 1943** – Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1943.

- Творонович 1992** – Творонович О. Е. Социальное и индивидуальное в семантике производного слова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1992.
- Телия 1977** – Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименований). М., 1977.
- Телия 1980** – Телия В. Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемость // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Телия 1981** – Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981.
- Телия 1986** – Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- Телия 1995** – Телия В. Н. К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.
- Телия 1996** – Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Типология конструкций 1985** – Типология конструкций с предикатными актантами. Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1985.
- Токарев 1973** – Токарев С. А. Андре Леруа-Гуран и его труды по этнографии и археологии // Этимологические исследования за рубежом: Критические очерки. М., 1973.
- Толикина 1976** – Толикина Е. Н. О некоторых правилах толкового словаря // Современная русская лексикография. 1976. Л., 1977.
- Толстая 1991** – Толстая С. М. Аксиология времени в славянской народной культуре // История и культура. М., 1991.
- Толстой 1968** – Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. М., 1968.
- Толстой 1982** – Толстой Н. И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 5.

- Толстой 1993** – Толстой Н. И., Толстая С. М. Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. *vesel-). // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1993.
- Томахин 1988** – Томахин Г. Д. Прагматический аспект лексического фона слова // Филологические науки. 1988. № 5.
- Топоров 1983** – Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- Топоров 1988** – Топоров В. Н. Модель мира // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988.
- Топорова 1992** – Топорова В. М. Диалектика абстрактного и конкретного в лексической семантике. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1992.
- Торопцев 1975** – Торопцев И. С. Исходные моменты лексической объективации // Проблемы ономастологии. Т. 46 (139). Курск, 1975.
- Трипольская 1984** – Трипольская Т. А. Семантическая структура экспрессивного слова и ее лексикографическое описание. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1984.
- Трипольская 1985** – Трипольская Т. А. Семантическая структура слова и ее лексикографическое описание (на материале эмоционально-оценочных существительных со значением лица). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985.
- Трубачев 1980** – Трубачев О. Н. Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. 1980. № 3.
- Убийко 1988** – Убийко В. И. Система и функционирование прилагательных, обозначающих черты характера // Исследования по семантике. Уфа, 1988.
- Ульман 1962** – Ульман Ст. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2.
- Уорф 1960** – Уорф Б. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.

- Урысон 1995** – Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. 1995. № 3.
- Урысон 1996** – Урысон Е. В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4.
- Успенский 1989** – Успенский Б. А. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема): Статья 2-я. // Труды по знаковым системам. Тарту, 1989. Вып. 23.
- Успенский 1995** – Успенский Б. А. Поэтика композиции // Семиотика искусства. М., 1995.
- Уфимцева 1974** – Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974.
- Уфимцева 1980** – Уфимцева А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований М., 1980.
- Уфимцева 1986** – Уфимцева А. А. Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики). М., 1986.
- Уфимцева 1988** – Уфимцева А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
- Федосюк 1992** – Федосюк М. Ю. Средства отрицательного эмоционального воздействия на адресата в русской речи // Russian Language Journal. East Lansing, Michigan. Vol. 46. 1992.
- Федосюк 1996** – Федосюк М. Ю. Потери и искажения информации в современных толковых словарях // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск-Ачинск, 1996. Вып. 1.
- Филатова 1978** – Филатова Л. А. Глагольные средства выражения пространственного дейксиса в английском и немецком языках. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1978.
- Филлмор 1981a** – Филлмор Ч. Дж. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.
- Филлмор 1981b** – Филлмор Ч. Дж. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.

- Филлмор 1983** – Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14.
- Филлмор 1988** – Филлмор Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.
- Философия 1987** – Философия, логика, язык. М., 1987.
- Флоренский 1993** – Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993.
- Фреге 1977** – Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М., 1977. Вып. 8.
- Фриз 1982** – Фриз Ч. Значение и лингвистический анализ // Новое в лингвистике. М., 1982. Вып. 2.
- Фрумкина 1984** – Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. М., 1984.
- Фрумкина 1988** – Фрумкина Р. М. Еще раз об особенностях классификационного поведения // Речь, восприятие и семантика. М., 1988.
- Фрумкина 1992** – Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. Сер.2. 1992, № 3.
- Фрумкина 1995** – Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
- Хайдеггер 1993** – Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.
- Харитончик 1992** – Харитончик З. А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний. М., 1992.
- Хмелевский 1989** – Хмелевский А. П. Национально-культурный компонент газетной лексики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1989.
- Хроленко 1991** – Хроленко А. Т. Своеобразие фольклорного слова // Русский фольклор. Л., 1991. Вып. 26.
- Худяков 1996** – Худяков А. А. Концепт и значение // Языковая личность: Культурные концепты. Волгоград-Архангельск, 1996.

- Цветков 1984** – Цветков Н. В. Методология компонентного анализа, его сферы и границы (на материале лексики русского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
- Цивьян 1973** – Цивьян Т. В. О некоторых способах отражения в языке оппозиций «внутренний/внешний» // Структурно-типологические исследования в области славянских языков. М., 1973.
- Цивьян 1990** – Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Чаирова 1991** – Чаирова В. Т. Русские бытийные предложения и их эквиваленты в сфере характеристики. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- Чарняк 1983** – Чарняк Ю. Умозаключения и знания. Часть 1 // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12.
- Человеческий фактор 1991** – Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.
- Черемисина 1976** – Черемисина М. И. Образные значения зоонимов в словарях // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1976. Вып. 5.
- Черемисина 1979** – Черемисина М. И. Экспрессивный фонд и пути его изучения // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8.
- Чикобава 1967** – Чикобава А. С. К вопросу о взаимоотношении мышления и речи в связи с ролью коммуникативной функции // Язык и мышление. М., 1967.
- Чудинов 1988** – Чудинов А. П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.
- Чулкина 1987** – Чулкина Н. Л. Модель лексикона носителя русского языка как способ представления лексической системы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
- Шайкевич 1996** – Шайкевич А. Я. Оковы слова (или поиски дискретности в семантике) // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.

- Шапиро 1941** – Шапиро А. Б. О залогах в современном русском языке // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. 1941. Вып. 1.
- Шатуновский 1983** – Шатуновский И. Б. Синтаксически обусловленная многозначность (имя номинального класса → имя естественного класса) // Вопросы языкознания. 1983. № 2.
- Шатуновский 1993** – Шатуновский И. Б. Семантика предложения и периферийные слова. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993.
- Шатуновский 1996** – Шатуновский И. Б. Семантика предложения и периферийные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М., 1996.
- Шахматов 1927** – Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1927.
- Шахова 1980** – Шахова Л. И. Структурно-функциональная характеристика ЛСГ существительных «чувственные переживания» в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1980.
- Шаховский 1982** – Шаховский В. И. К типологии коннотаций // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982.
- Шаховский 1983** – Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983.
- Шаховский 1987** – Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
- Шаховский 1996** – Шаховский В. И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск, 1996.
- Шведова 1981** – Шведова Н. Ю. Однотомный толковый словарь (специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы) // Русский язык: Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М., 1981.
- Шведова 1983** – Шведова Н. Ю. Лексическая классификация русского глагола // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. М., 1983.

- Шведова 1988** – Шведова Н. Ю. Парадоксы словарной статьи. // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
- Шестак 1996** – Шестак Л. А. Славянские картины мира: рефлекс истории судебных и художественная интерпретация концептосфер // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск, 1996.
- Шипицына 1975** – Шипицына Г. М. Сущность категории «лексико-семантическая группа» и методика выделения лексико-семантических групп имен прилагательных // Проблемы изучения слова. Свердловск, 1975.
- Шипицына 1979** – Шипицына Г. М. О структуре лексико-семантических групп прилагательных, характеризующих человека, в русском языке // Классы слов и их взаимодействие. Свердловск, 1979.
- Шмелев 1988** – Шмелев А. Д. Лексическое значение существительного и словарное отражение его референциальных возможностей // Словарные категории. М., 1988.
- Шмелев 2002** – Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Шмелев 1964** – Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- Шмелев 1973** – Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Шмелева 1983** – Шмелева Т. Н. Предложение и ситуация в синтаксической концепции Т. П. Ломтева // Филологические науки. 1983. № 3.
- Шрамм 1979** – Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Л., 1979.
- Шрамм 1983** – Шрамм А. Н. О типах семантической структуры многозначных качественных прилагательных // Исследования по семантике. Уфа, 1983.

- Шрамм 1989** – Шрамм А. Н. Семантическое развитие прилагательных в современном русском языке // Вопросы исторической семантики русского языка. Калининград, 1989.
- Щерба 1958** – Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. М., 1958.
- Щерба 1974** – Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Эволюция 1994** – Эволюция лексико-фразеологического и грамматического строя русского языка. Магнитогорск, 1994.
- Язык и интеллект 1996** – Язык и интеллект. М., 1996.
- Язык...1992** – Язык и структуры представления знаний. М., 1992.
- Языковая деятельность 1984** – Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1984.
- Языковая номинация 1977** – Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.
- Языковая номинация 1977a** – Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977.
- Яковлева 1994** – Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- Янко-Триницкая 1962** – Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
- Янценецкая 1979** – Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979.
- Bendix 1966** – Bendix E.H. Componential analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese. The Hague, 1966.
- Coleman L., Kay P.** – Coleman L., Kay P. Prototype semantics: The English word LIE // Language. 1981. Vol. 57. № 1.
- Hallig, Wartburg 1952** – Hallig R. und Wartburg W. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Berlin, 1952.
- Jackendoff 1983** – Jackendoff R. Semantics and cognition. Cambridge. 1983.

- Katz and Fodor 1963** – Katz J.J. and Fodor J.A. The structure of a semantic theory // *Language*. 1963. Vol. 39. № 1.
- Katz and Postal 1964** – Katz J.J. and Postal P.M. An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge, 1964.
- Lakoff 1975** – Lakoff G. Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Contemporary research in philosophical logic and linguistic semantics*. Dordrecht – Holland / Boston – USA. 1975.
- Langacker 1987** – Langacker R.W. *Foundation of cognitive grammar*. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford, 1987.
- Langacker 1991** – Langacker R.W. *Foundation of cognitive grammar*. Vol. 2: Descriptive application. Stanford, 1991.
- Lewis 1972** – Lewis D. *General Semantics*. // *Semantics of Natural Language*. Urbana, 1972.
- Martin 1983** – Martin R. *Pour une logique du sens*. P., 1983.
- Mathiot 1968** – Mathiot M. An approach to the cognitive study of language. «*International journal of American Linguistics*». Vol. 34. 1968. № 1 (Special issue).
- McCawby 1968** – McCawby J.D. Concerning the base component of a transformational grammar // *Foundations of language*. 1968. V. 4. № 3.
- Ogden, Richards** – Ogden C.K., Richards I.A. *The Meaning of Meaning*. L., 1960.
- Rosch 1975** – Rosch Heider, Eleanor. Cognitive representation of semantic categories. *Toward an Experimental Psychology*. General, 1975. Vol. 104.
- Tesnière 1959** – Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*. P., 1959.
- Zadeh 1972** – Zadeh L. Fuzzy Set-Theoretic Interpretation of Hedges // *Dept. of Electrical Engineering*. U. of California. Berkeley, 1972.
- Wierzbicka 1972** – Wierzbicka A. *Semantic primitives*. Frankfurt, 1972.
- Wierzbicka 1985** – Wierzbicka A. *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor: Karoma, 1985.

Wierzbicka 1992 – Wierzbicka A. Semantics, culture, and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations. N.Y. Oxford University Press. 1992.

